

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА.

К. Н. ВЕНТЦЕЛЬ.

ЭТИКА И ПЕДАГОГИКА
ТВОРЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ.

Томъ II.

ПЕДАГОГИКА ТВОРЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

Книгоиздательство К. И. Тихомирова.

МОСКВА, Кузнецкій Мостъ.

1912.

К. Н. ВЕНЦЕЛЬ.

ЭТИКА И ПЕДАГОГИКА ТВОРЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ.

(Проблемы нравственности и воспитанія въ свѣтъ теоріи
свободнаго гармоническаго развитія жизни и сознанія).

Томъ II.

ПЕДАГОГИКА ТВОРЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ.

Содержаніе: — Основныя задачи нравственнаго воспитанія. — Нужно ли обучать дѣтей нравственности? — Среда, какъ факторъ нравственнаго воспитанія. — Къ вопросу о нравственномъ самовоспитаніи. — Нравственное воспитаніе и свобода. — Принципъ авторитета и его значеніе въ жизни и воспитаніи. — Въ чемъ основа воспитанія и образованія (по поводу статьи Л. Н. Толстого „О воспитаніи“). — Этика, педагогика и политика.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

Книгоиздательство К. И. Тихомирова.

МОСКВА, Кузнецкій Мостъ.

1912.

————— **МОСКВА.** —————

Типографія Русскаго Товарищества. Чистые пруды, Мыльниковъ пер., соб. домъ.
Телефонъ 18-35.

Основные задачи нравственного воспитанія ¹⁾).

(Посвящается свѣтлой памяти дорогого друга—Н. Я. Вентцель).

Faisant tomber enfin cet obstacle éternel,
Le moi, — réfléchissons en nous toute
lumière
Qui monte de la terre ou qui descend
du ciel:
Soyons l'oeil transparent de la nature
entière ²⁾).

G u y a u. Vers d'un philosophe.

I.

Краткое опредѣленіе понятія нравственности. Вытекающая изъ этого опредѣленія общая задача нравственного воспитанія.

Воспитать въ человѣкѣ нравственныя стремленія, сдѣлать его неутомимымъ борцомъ за нравственный идеалъ, такъ чтобы вся жизнь его служила живымъ воплощеніемъ этого идеала — самое трудное и вмѣстѣ съ тѣмъ, быть можетъ, самое важное дѣло въ области воспитанія. Воспитаніе физическое и умственное играютъ по отношенію къ нравственному, можно сказать, только чисто служебную роль. И между тѣмъ, нигдѣ не сдѣлано такъ мало и въ смыслѣ теоретическаго изученія, и въ смыслѣ практическаго примѣненія, какъ въ области нравственнаго воспитанія. Это и понятно,—задачи нравствен-

1) Статья эта была напечатана въ № 2 „Вѣстника Воспитанія“ за 1896 годъ; здѣсь она печатается въ дополненномъ видѣ.

2) „Преодолѣвъ, наконецъ, это вѣчное препятствіе, наше „я“, отразимъ въ самихъ себѣ весь свѣтъ, исходящій отъ земли или нисходящій съ неба: станемъ ясновидящимъ окомъ всей природы!“

наго воспитанія, захватывая всю жизнь человѣка, съ его какъ животными фізіологическими потребностями, такъ и высшими духовными интересами, несравненно обширнѣе и сложнѣе тѣхъ задачъ, разрѣшеніе которыхъ составляетъ главное содержаніе трактатовъ о фізическомъ или умственномъ воспитаніи. Но эта обширность и сложность тѣмъ болѣе должны бы были побуждать сосредоточить на нихъ какъ можно больше силъ, чтобы такимъ путемъ скорѣе притти къ практическому разрѣшенію этихъ важныхъ жизненныхъ вопросовъ. Настоящая статья имѣетъ своею цѣлью уяснить хотя бы въ слабой степени существенныя задачи нравственнаго воспитанія или, по крайней мѣрѣ, хотя бы намѣтить ихъ.

Но, прежде чѣмъ говорить о задачахъ нравственнаго воспитанія, слѣдуетъ выяснить, что именно надо понимать подъ нравственностью. Это тѣмъ болѣе необходимо, что самое слово допускаетъ разностороннее толкованіе. Читатель можетъ согласиться съ нашимъ опредѣленіемъ нравственности или нѣтъ, — во всякомъ случаѣ, онъ будетъ знать, о чемъ именно идетъ дѣло, когда мы говоримъ ему о нравственномъ развитіи. Этимъ путемъ будутъ избѣгнуты всякія неясности и недоразумѣнія. Но, такъ какъ цѣль настоящей статьи не теоретическое выясненіе принциповъ нравственности, а практическое разрѣшеніе вопроса о нравственномъ воспитаніи, то мы должны при опредѣленіи понятія нравственности ограничиться только существенно необходимымъ. Намъ придется лишь сжато и кратко формулировать свой взглядъ на нравственность, не пытаясь его обосновывать болѣе подробно, иначе это завело бы насъ слишкомъ далеко отъ предмета нашей непосредственной задачи ¹⁾.

Итакъ, что же такое есть нравственность? Самый естественный отвѣтъ, представляющійся при этомъ, былъ бы, по видимому, таковъ: нравственность есть стремленіе къ осуществленію того, что является для человѣка самымъ высокимъ, самымъ святымъ, самымъ лучшимъ, какими бы именами онъ не называлъ это высокое, святое и лучшее, — правдой, долгомъ,

¹⁾ Подробное обоснованіе нашего взгляда на нравственность дано нами въ предыдущихъ статьяхъ.

благомъ или еще какъ-нибудь иначе. Но, что такое правда, долгъ, благо? Имѣютъ ли всѣ эти вещи какое-либо значеніе и цѣну сами по себѣ? Не представляютъ ли они только того или другого нашего отношенія къ жизни? Не существуетъ ли какой-либо высшій критерій, съ которымъ должны сообразоваться и отъ котораго получаютъ свое значеніе всѣ эти великія слова? Да, этотъ критерій существуетъ и этимъ критеріемъ является „жизнь“. Самое высшее, самое драгоценное благо и сокровище для человѣка составляетъ „жизнь“, какъ та жизнь, носителемъ которой онъ самъ является, такъ и та, которая широкимъ потокомъ разлита кругомъ него въ природѣ и человѣчествѣ. Въ „жизни“, понимаемой въ самомъ широкомъ значеніи этого слова, нѣтъ ничего ни святого, ни благороднаго, ничего такого, что стоило бы желать—отъ нея одной все получаетъ и смыслъ, и разумность, и оправданіе своего существованія. Только то мы называемъ хорошимъ, святымъ, нравственнымъ, разумнымъ, справедливымъ, что ведетъ къ сохраненію этого блага или къ накопленію его какъ въ насъ, такъ и кругомъ насъ. И, наоборотъ, все то, что мѣшаетъ прогрессивному развитію и росту жизни,—все это мы награждаемъ противоположными эпитетами.

Нравственность поэтому есть не что иное, какъ сознательное стремленіе и дѣятельность, направленные на увеличеніе общей суммы и напряженности жизни въ мірѣ. И такъ какъ человѣкъ, въ предѣлахъ нашего опыта, является выраженіемъ наибольшей концентрации жизни въ мірѣ, то отсюда становится понятнымъ, почему нравственное поведеніе имѣетъ своимъ главнымъ предметомъ человѣческія существа. Но человѣкъ можетъ развить наибольшую сумму жизни какъ въ себѣ, такъ и кругомъ себя только въ общежитіи, т.-е., соединяясь съ своими братьями-людьми въ одно цѣлое, называемое обществомъ. Общественныя отношенія, какъ мы находимъ ихъ въ настоящее время, построены въ значительной мѣрѣ на началахъ антагонизма и борьбы и потому только въ слабой степени даютъ возможность для каждой отдѣльной личности достигнуть полной и широкой жизни. Только гармоническое общество, построенное на началахъ любви и солидарности, можетъ создать условія для этой полной и ши-

рокой жизни, можетъ дать каждой индивидуальности возможность развернуть всѣ свои силы и способности и достигнуть того наиболѣе высокаго и могучаго „чувства жизни“, которое только въ состояніи дать наиболѣе развитая форма общественныхъ отношеній. Вотъ почему достиженіе такой гармонической общественной жизни является конечною цѣлью нравственной дѣятельности какъ отдѣльной индивидуальной личности, такъ и большей или меньшей совокупности такихъ личностей, — такъ какъ наибольшая гармонія, достигнутая людьми въ своихъ общественныхъ отношеніяхъ, равнозначительна съ наибольшею суммою наиболѣе интенсивной жизни.

Взглянемъ теперь на дѣло нравственнаго развитія съ нѣсколько иной стороны, имѣющей особенно важное значеніе для всего послѣдующаго нашего изложенія. Жизнь каждой отдѣльной личности, насколько она является предметомъ ея сознательныхъ стремленій, можетъ быть сведена къ совокупности тѣхъ или иныхъ цѣлей. Чѣмъ въ болѣе мѣрѣ тѣ частныя цѣли, которыхъ достигаетъ въ теченіе своего существованія отдѣльная личность, ведутъ къ увеличенію общей суммы и напряженности жизни въ мірѣ, составляющему высшую задачу нравственности, тѣмъ въ болѣе мѣрѣ жизнь этой личности пріобрѣтаетъ нравственный характеръ. Эта высшая цѣль служитъ какъ бы для объединенія всѣхъ отдѣльныхъ частныхъ цѣлей, которыя личность, сознательно или безсознательно, преслѣдуетъ въ теченіе своего существованія. Въ самомъ дѣлѣ, если существуетъ высшая нравственная цѣль, съ которой мы должны сообразовать всѣ свои частныя цѣли, какія бы намъ не приходилось преслѣдовать, то, какъ прямой выводъ изъ этого, необходимо вытекаетъ, что, чѣмъ болѣе согласованы различныя частныя цѣли нашей жизни между собою, тѣмъ болѣе нравственный характеръ получаетъ и наша жизнь. Нравственность немислима безъ установленія гармоніи между многоразличными цѣлями чело-вѣческой жизни. Такъ какъ всѣ цѣли могутъ быть разбиты на двѣ крупныя категоріи, — на цѣли индивидуальнаго характера, предметомъ которыхъ является само лицо, ставящее цѣль, и на цѣли соціальнаго характера, предметомъ которыхъ служитъ совокупность индивидуумовъ, внѣ насъ находящихся

ся, — то можно сказать, что установление гармоніи между этими двумя категориями цѣлей или объединеніе себя съ остальнымъ человѣчествомъ въ одно цѣлое составляетъ высшую задачу нравственности. Итакъ, выраженный въ другой формѣ, идеаль нравственности сводится къ установленію гармоніи между всѣми цѣлями человѣческой жизни. Къ этому надо только прибавить, что самая система человѣческихъ цѣлей не остается неизмѣнной, но постоянно видоизмѣняется и расширяется по мѣрѣ развитія отдѣльной личности и всего человѣчества. На этой формулѣ мы и остановимся, такъ какъ она особенно для насъ важна въ практическомъ отношеніи.

Такимъ образомъ, вопросъ о нравственномъ воспитаніи сводится къ выясненію того, что именно нужно дѣлать, чтобы воспитать въ ребенкѣ стремленіе къ установленію гармоніи вездѣ и всюду, гдѣ только представится къ этому случай,—стремленіе, которое, начавшись со стремленія къ установленію гармоніи между двумя какими-нибудь мыслями или даже съ еще болѣе элементарныхъ формъ, получило бы свое конечное завершеніе въ стремленіи установить гармонію между собою и всѣмъ остальнымъ человѣчествомъ и міромъ, при чемъ міръ и человѣчество берутся въ такой широтѣ, въ какой только возможно. Создать такое стремленіе къ гармоніи вообще, стремленіе, которое искало бы все болѣе и болѣе широкаго поля для своего приложенія,—значитъ подготовить почву для нравственнаго поведенія человѣка и сдѣлать его наиболѣе пригоднымъ для осуществленія нравственныхъ задачъ и цѣлей. Если вы хотите воспитать въ ребенкѣ нравственныя стремленія и выработать въ немъ нравственный характеръ, то, не толкуя ему много объ отвѣченныхъ принципахъ нравственности, старайтесь только воспитать въ немъ стремленіе отдавать себѣ ясный отчетъ въ тѣхъ цѣляхъ, которыя онъ себѣ ставитъ, и на ряду съ этимъ никогда не ослабѣвающую потребность внести гармонію въ этотъ міръ цѣлей,—и вы этимъ сдѣлаете въ тысячу разъ больше для выработки изъ него нравственнаго человѣка, чѣмъ, внѣдряя въ него какой-нибудь кодексъ моральныхъ предписаній, имѣющій будто бы таинственное, сверхъестественное происхожденіе. Расширять количество ставимыхъ

себѣ цѣлей, такъ чтобы эти цѣли, имѣя въ виду первоначально почти исключительно только нашу особу, распространились бы и охватили постепенно возможно большее количество людей, и въ то же время постоянно прилагать всѣ усилія къ тому, чтобы между всѣми нашими цѣлями была наибольшая возможная гармонія, чтобы всѣ онѣ составляли одну стройную систему цѣлей, исключаящую всякія противорѣчія между отдѣльными цѣлями, входящими въ нее въ качествѣ составныхъ элементовъ,—таковъ, какъ упоминалось, высшій нравственный идеаль челоуѣка. Выраженный въ другихъ словахъ, онъ сводится къ тому требованію, чтобы челоуѣческая жизнь, жизнь отдѣльной личности, была бы наиболѣе плодотворна по количеству и разнообразію полученныхъ въ результатъ отъ нея послѣдствій для всего челоуѣчества, считая однимъ изъ составныхъ элементовъ этого челоуѣчества и самаго нравственнаго дѣятеля. А каждая жизнь и каждая дѣятельность тѣмъ болѣе плодотворны, чѣмъ болѣе достигается при посредствѣ нихъ цѣлей и чѣмъ менѣе эти цѣли взаимно исключаютъ другъ друга,—потому что стремиться къ двумъ противорѣчивымъ цѣлямъ значить одною рукою уничтожать то, что было сдѣлано другой, значить напрасно растрачивать свою жизненную энергію. Вотъ почему только итогъ жизненной дѣятельности такой личности, которой въ наибольшей степени удавалось устанавливать гармонію между цѣлями, преслѣдовавшимися ею въ теченіе своей жизни, можетъ быть наиболѣе великъ по своимъ размѣрамъ.

II.

Развитіе творческой воли въ ребенкѣ.

Посмотримъ же теперь, какимъ образомъ, понимая въ подобномъ смыслѣ нравственность, могутъ и должны быть воспитываемы въ ребенкѣ нравственные стремленія.

Развитіе нравственныхъ стремленій связано съ развитіемъ воли, и потому прежде всего слѣдуетъ отвѣтить на вопросъ, какъ должна быть развиваема въ ребенкѣ воля.

Воля въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы здѣсь употребляемъ это слово, есть такая способность дѣйствовать, при которой рядъ совершаемыхъ человекомъ дѣйствій, прежде его реального осуществленія въ дѣйствительности, имѣетъ идеальное существованіе внутри его сознанія въ формѣ представленія себѣ всѣхъ этихъ дѣйствій въ той послѣдовательности, въ какой онъ затѣмъ осуществляетъ ихъ на самомъ дѣлѣ. Изъ этого опредѣленія, собственно говоря, уже становится яснымъ, что именно нужно дѣлать для развитія воли. Воля, какъ и всякая дѣятельность, развивается тѣмъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ больше бываетъ поводовъ для ея обнаруженія, чѣмъ больше случаевъ, въ которыхъ она можетъ упражняться. Вотъ почему, чтобы развить въ ребенкѣ волю, надо пользоваться всякою возможностью, чтобы заставить его дѣйствовать согласно поставленной имъ самимъ себѣ цѣли и, пользуясь для этого выбранными имъ самимъ средствами. Чѣмъ болѣе будетъ случаевъ для подобнаго рода дѣятельности, тѣмъ большее развитіе получить и воля. Надо только при этомъ не упускать изъ виду слѣдующее практическое соображеніе. Цѣль, которую себѣ ставитъ ребенокъ, всегда должна быть практически для него достижима. Достигнутая цѣль порождаетъ пріятное чувство удовольствія, сводящееся отчасти къ чувству побѣды и торжества надъ препятствіями. Это удовольствіе побуждаетъ насъ и въ слѣдующій разъ прибѣгать къ подобному же способу сознательной волевой дѣятельности и отдавать ему предпочтеніе передъ всякими другими формами дѣятельности, напр., передъ дѣятельностью импульсивной, или въ силу привычки, инстинкта и т. д. Если же постоянно случается такъ, что цѣль практически недостижима, то послѣдствіемъ волевой дѣятельности будетъ не пріятное чувство пораженія, которое, повторяясь слишкомъ часто, можетъ лишить ребенка всякой охоты затрачивать свои усилія (такъ какъ волевая дѣятельность требуетъ усилій), никогда ничѣмъ не вознаграждающіяся, и у него не будетъ тогда никакого стимула, который побуждалъ бы его отдавать предпочтеніе этому способу дѣятельности передъ всѣми другими.

Развитіе воли, въ смыслѣ дѣятельности согласно умственно представляемымъ себѣ цѣлямъ, находится въ тѣсной зависи-

мости отъ нашей способности представленія, и потому всякій шагъ въ развитіи послѣдней даетъ возможность сдѣлать лишній шагъ впередъ и въ направленіи развитія воли. Чѣмъ шире способность представленія, тѣмъ шире можетъ быть и воля, такъ какъ тѣмъ шире разрастается и объемъ тѣхъ цѣлей, которыя мы можемъ ставить себѣ одновременно, и тѣмъ болѣе отдаленными становятся эти цѣли въ порядкѣ своего достиженія. Если первоначально, при слабо развитой способности представленія, могутъ ставиться лишь тѣ цѣли, которыя непосредственно сейчасъ же и достигаются, то съ ростомъ способности представленія становятся возможными цѣли, которыя достигаются только на слѣдующій день, слѣдующій мѣсяць, слѣдующій годъ или даже черезъ нѣсколько лѣтъ. Такимъ образомъ, съ развитіемъ способности представленія дѣлаются возможными цѣли все болѣе далекія и достиженіе которыхъ требуетъ все больше и больше времени.

Но развитіе способности представленія обуславливаетъ также и то, что цѣли, которыя мы себѣ ставимъ, становятся все болѣе и болѣе сложными, до такой степени сложными, что каждая такая цѣль не можетъ быть осуществлена нами сразу, но по частямъ. И чѣмъ сложнѣе становится цѣль, тѣмъ на большее число составныхъ частей она принуждена бываеть дробиться, при чемъ каждая часть принимаетъ отчасти характеръ какъ бы отдѣльной, самостоятельной цѣли. Цѣли болѣе сложныя представляютъ, очевидно, также и цѣли болѣе высокаго порядка. Установленіе гармоніи между своею жизнью и жизнью остальнаго человѣчества, — цѣль, составляющая высшую задачу нравственности, есть также и цѣль самая сложная и вмѣстѣ съ тѣмъ цѣль самаго высокаго порядка, на достиженіе которой нравственный человѣкъ посвящаетъ всю свою жизнь. Всѣ частныя цѣли, которыя онъ ставитъ въ своей жизни, являются для него, какъ составные элементы этой широкой и всеохватывающей цѣли.

Изъ всего предыдущаго становится яснымъ, что для того, чтобы развить въ ребенкѣ волю и способствовать ея подъему на все болѣе и болѣе высокія ступени развитія, необходимо параллельно съ этимъ заботиться и о развитіи въ немъ способности представленія. Необходимость культивиро-

ванія способности представленія становится еще болѣе осязательной, если имѣть въ виду не только развитіе воли вообще, но и развитіе нравственной воли въ частности, т.-е. воли, ставящей своей задачей—установленіе все болѣе расширяющейся гармоніи между цѣлями. Безъ богатаго запаса систематизированныхъ представленій и безъ развитой способности связывать синтетически эти представленія между собою — немислимо установленіе гармоніи между цѣлями нашей жизни, такъ какъ каждая цѣль сводится къ совокупности тѣхъ или другихъ представленій. Надо располагать обильнымъ умственнымъ матеріаломъ, который доставляетъ человѣку научный и жизненный опытъ и наблюденіе, надо также располагать высоко развитою способностью къ анализу и критикѣ, въ особенности къ синтетической, строительной, творческой дѣятельности мышленія, чтобы быть въ состояніи въ самой широкой возможной степени установить гармонію цѣлей. Забота объ интеллектуальномъ развитіи, о культурѣ ума и притомъ всесторонней, а не односторонне направленной, является существенно важной и необходимой не только въ интересахъ самаго этого развитія, но и еще болѣе въ интересахъ развитія въ насъ воли и нравственныхъ стремленій. Жизнь отдѣльной личности, при прочихъ равныхъ условіяхъ, будетъ тѣмъ болѣе воплощать въ себѣ все возрастающую по своимъ размѣрамъ гармонію и тѣмъ болѣе будетъ плодотворна для человѣчества, чѣмъ выше интеллектуальное развитіе этой личности. Правильная гармоническая культура ума не только не ведетъ къ умаленію въ насъ нравственныхъ задатковъ, но, напротивъ того, составляетъ необходимое предварительное условіе для того, чтобы эти задатки развернулись въ насъ пышнымъ цвѣтомъ и дали все, что они только могутъ дать.

Но, чтобы вести къ этой цѣли, интеллектуальное воспитаніе должно быть именно гармоническимъ. Всѣ процессы интеллектуальнаго развитія могутъ быть разбиты нами на слѣдующія группы: на процессы воспріятія, памяти и творчества. И здѣсь слѣдуетъ стремиться къ тому, чтобы каждый изъ отмѣченныхъ процессовъ былъ развиваемъ въ надлежащей степени и наибольшей гармоніи со всѣми остальными.

Воспитаніе должно поставить себѣ цѣлью—выработку чело-
вѣка, который обладалъ бы способностью съ наибольшею
полнотою, точною и ясною воспринимать явленія окру-
жающей его жизни, который могъ бы наиболѣе легко, сво-
бодно и на продолжительное время удерживать въ своей
памяти все то, что ему приходится переживать и восприни-
мать, и который, наконецъ, въ наивысшей степени распола-
галъ бы даромъ творчески перерабатывать имѣющійся въ
его распоряженіи психическій матеріалъ, чтобы создавать
изъ него болѣе совершенныя возможныя комбинаціи дѣй-
ствительной жизни. Творчество есть высшая духовная спо-
собность, для которой память и воспріятіе доставляютъ
только матеріалы, но было бы большою ошибкой культиви-
ровать ее чрезмѣрно въ ущербъ этимъ послѣднимъ. Если
способность воспріятія и память будутъ слабо развиты, то
психическое творчество найдетъ себѣ исходъ въ построеніи
вымысловъ, лишенныхъ всякаго реального значенія и не
могущихъ играть въ жизни никакой дѣятельной роли. Только
тогда творчество можетъ имѣть наиболѣе плодотворное зна-
ченіе, когда оно связано съ нормально развитою способно-
стью воспріятія и съ наиболѣе богатою памятью. Такой че-
ловѣкъ только дастъ обществу живые идеалы, которые явятся
образцами для дѣятельности другимъ людямъ.

Чтобы развить въ ребенкѣ способность къ правильному
восприниманію окружающихъ его явленій, къ точному на-
блюденію ихъ, воспитать въ немъ умѣнье разумно пользо-
ваться своимъ жизненнымъ опытомъ и развить привычку
критическаго отношенія къ своей прошлой жизни и созна-
тельнаго руководства своею будущею жизнью, намъ
кажется, было бы полезно добиваться того, чтобы онъ, сначала
при содѣйствіи взрослого, а потомъ, когда научится свободно
и легко писать и формулировать свои мысли, то и самъ, за-
писывалъ бы свои жизненные наблюденія, въ особенности, если
они принадлежатъ къ числу выходящихъ изъ ряда вонъ, и
отдавалъ себѣ отчетъ о томъ, что было сдѣлано въ теченіе
дня. Каждодневное записываніе взрослымъ подъ диктовку
ребенка всего, такъ или иначе оставившаго слѣдъ въ его
сознаніи, приучаетъ ребенка къ точному наблюденію и къ

ясному формулированію наиболее характерныхъ чертъ наблюдаемыхъ имъ жизненныхъ явленій. Конечно, взрослому придется отчасти наталкивать его, чтобы онъ обратилъ вниманіе на тѣ именно черты, которыя дѣйствительно являются характерными. Жизненный фактъ, въ которомъ ребенокъ отдалъ себѣ, такимъ образомъ, вполне ясный отчетъ, дѣйствительно станетъ его прочнымъ духовнымъ достояніемъ и навсегда запечатлѣтся въ его памяти. Подобныя записи можно будетъ отъ времени до времени перечитывать и онѣ облегчатъ ребенку воспоминаніе о томъ, что съ нимъ прежде было. Это перечитываніе будетъ служить для него даже величайшимъ источникомъ наслажденія. Если же при этомъ позаботиться о томъ, чтобы жизнь ребенка была содержательна, чтобы ему дѣйствительно представлялась возможность дѣлать разностороннія наблюденія, то результатъ отъ подобной системы можетъ получиться только наилучшій.

Скажутъ, пожалуй,—такимъ путемъ вы разовьете изъ ребенка резонѣра и вообще какое-то разсудочное существо. Однако, ничего подобнаго здѣсь не можетъ имѣть мѣсто. Рѣчь вовсе не идетъ о томъ, чтобы ребенокъ пересталъ думать и поступать по-дѣтски, жить чисто дѣтскою жизнью, свойственною его возрасту, и напялилъ бы на себя шкуру взрослого. Нѣтъ, пускай ребенокъ живетъ этою дѣтскою жизнью во всей ея полнотѣ, пусть дѣтскіе годы дадутъ ему все, что они только могутъ дать свѣтлаго и хорошаго. Прочь резонѣрство и узкая разсудочность—они противны бывають даже и во взрослыхъ... Но записываніе своихъ наблюденій, правдивый отчетъ о фактахъ дѣйствительной жизни, о томъ, какъ проведенъ былъ день, что удалось въ теченіе дня сдѣлать, услышать или увидѣть,—рѣшительно не имѣетъ ничего общаго съ резонѣрствомъ. Здѣсь не нужно никакихъ разсужденій и разглагольствованій, здѣсь требуется только сжатое, краткое и ясное изложеніе фактовъ, изъ котораго исключено все лишнее и несущественное. Я пойду даже дальше и скажу, что подобное записываніе наблюденій гораздо скорѣе можетъ отучить человѣка отъ резонѣрства и разглагольствованій, приучить его къ точному наблюденію и дать ему возможность впоследствии всегда легко и свободно ориенти-

роваться въ своей жизни и потому быть во всякую данную минуту способнымъ разумно и сознательно вмѣшаться въ жизнь и стать однимъ изъ дѣятельныхъ элементовъ ея преобразованія къ лучшему.— Затѣмъ, если вы, записывая проведенный ребенкомъ день, обращаете его вниманіе на то, какъ мало было сдѣлано въ теченіе дня, какъ онъ пусть по своему содержанію по сравненію съ такими-то прошедшими днями, запись о которыхъ у васъ сохранилась и о которыхъ вы ему напоминаете, то и въ этомъ нѣтъ ничего, что воспитывало бы стремленіе къ резонерству. Наоборотъ, это можетъ только вызвать въ ребенкѣ стремленіе, чтобы слѣдующіе дни были болѣе полны и содержательны такъ, чтобы ему не пришлось жалѣть о нихъ. Если бы вамъ удалось воспитать въ ребенкѣ привычку чувствовать страданіе при мысли о безплодно проведенномъ времени, то вы оказали бы этимъ ему огромную пользу, вы предотвратили бы его отъ безплодной и непроизводительной растраты времени, которая составляетъ громадное зло въ наши дни.

Но, отмѣчая содержательность или безсодержательность дня, проведеннаго ребенкомъ, надо остерегаться мѣрять эту содержательность на аршинъ взрослога и становиться на точку зрѣнія тѣхъ требованій, которыя взрослый можетъ ставить къ жизни и человѣку. Тотъ день, который съ точки зрѣнія взрослога можетъ являться пустымъ и безсодержательнымъ, для ребенка можетъ быть полонъ и богатъ, и ребенокъ въ этомъ отношеніи будетъ правъ. Тѣ стороны жизни, которыя имѣютъ для ребенка развивающее значеніе и вліяютъ на развитіе его ума, чувства и воли, могутъ быть лишены для взрослога всякаго значенія. Вотъ почему, если вы при оцѣнкѣ проведеннаго дня упускаете изъ виду эту разницу точекъ зрѣнія и пытаетесь навязать ребенку вашу точку зрѣнія, до которой онъ еще не доросъ и на которую ему становится поэтому и не обязательно, то вы совершаете большую ошибку. Важно не то, чтобы ребенокъ научился стремиться къ болѣе содержательному дню съ вашей точки зрѣнія, но чтобы онъ стремился къ болѣе содержательному дню, какъ этотъ послѣдній представляется ему съ его точки зрѣнія. Когда онъ вырастетъ, то будетъ стремиться

сдѣлать день болѣе содержательнымъ, имѣя въ виду ваши требованія отъ жизни, а пока предоставьте ему судить о содержательности дня со своей чисто дѣтской точки зрѣнія, на которую каждому изъ насъ приходилось становиться въ свое время. Если вы будете поступать иначе, то рискуете добиться того, что ребенокъ перестанетъ и вовсе стремиться сдѣлать свой день содержательнымъ, съ какой бы точки зрѣнія эта содержательность не оцѣнивалась, или, если хотите, будетъ стремиться, но по принужденію, а не свободно. Всякій разъ поэтому, когда онъ почувствуетъ, что бдительность съ вашей стороны ослабѣла, когда ему тѣмъ или другимъ путемъ удастся освободиться отъ внѣшняго гнета, онъ будетъ стараться употребить свое время самымъ безсодержательнымъ и непроизводительнымъ образомъ. Подобныя стремленія рождаются всегда, когда чья-либо рука навязываетъ намъ планъ жизни, который мы не понимаемъ и которому не сочувствуемъ. При продолжительномъ порабощеніи въ этомъ отношеніи, какъ реакція, явится стремленіе жить безъ всякаго плана.

Каждый изъ насъ можетъ констатировать, какое слабое руководящее значеніе планъ наиболѣе содержательной и разумной жизни имѣетъ въ нашемъ существованіи и какъ, собственно говоря, трудно направлять свою жизнь согласно извѣстному плану. Мнѣ кажется, здѣсь могло бы быть очень полезно передъ началомъ дня намѣчать совмѣстно съ ребенкомъ предположительную программу этого дня, т.-е. что именно должно быть и можетъ быть въ теченіе его сдѣлано. Если намѣченная такимъ образомъ программа не задается невозможными цѣлями и получаетъ каждый разъ свое практическое осуществленіе, то ребенокъ приучится располагать свой день сообразно извѣстному плану и находить въ этомъ большое удовольствіе, такъ какъ нѣтъ большаго удовольствія, какъ сознавать, что удалось выполнить ту задачу, которую самъ себѣ задалъ. Подобный планъ необходимо дѣлать вмѣстѣ съ ребенкомъ даже при каждой исполняемой имъ въ теченіе дня работѣ, такъ чтобы сама работа явилась, какъ заранѣе задуманное осуществленіе послѣдовательныхъ цѣлей, которыхъ послѣдовательность была предварительно имъ сознана.

Конечно, все здѣсь будетъ зависѣть отъ того, насколько широко развитъ кругозоръ ребенка. Будучи первоначально способенъ составить планъ только для времени, ограниченнаго нѣсколькими минутами или часами, онъ понемногу сдѣлается способнымъ составить планъ для цѣлаго дня, недѣли, мѣсяца, года, пока, наконецъ, ставши взрослымъ человѣкомъ, съ установившимся міросозерцаніемъ и нравственнымъ характеромъ, онъ будетъ въ состояніи выработать себѣ планъ всей своей будущей жизни, сообразно съ которымъ онъ будетъ оцѣнивать и располагать отдѣльныя задачи, которыя онъ ставитъ себѣ каждый день.

Въ этомъ отношеніи надо съ малыхъ лѣтъ воспитывать въ человѣкѣ творческое отношеніе къ практической жизни, надо приучить человѣка смотрѣть на каждый проведенный имъ день въ жизни, канувшій въ вѣчность, какъ на продуктъ его творчества, какъ на созданіе, выходящее изъ его рукъ или которое могло бы въ значительной степени выходить изъ его рукъ. Пусть человѣкъ на каждый день своей жизни смотритъ, какъ на художественное произведеніе, и научится находить свое высшее удовольствіе въ томъ, чтобы эта творческая работа рукъ его воплощала въ себѣ истину и красоту и являлась бы высокимъ выраженіемъ нравственнаго идеала. Если не всякій бываетъ художникомъ въ области такъ называемаго искусства, въ узкомъ смыслѣ этого слова, то всякій, наоборотъ, можетъ и долженъ быть художникомъ въ сферѣ практической жизни. Всякій является до известной степени творцомъ своей собственной жизни и надо заботиться о томъ, чтобы произведеніе этого высшаго изъ всѣхъ искусствъ, искусства сознательной и разумной жизни, дѣйствительно было таково, чтобы имъ можно было гордиться. Каждый день нашей жизни есть только часть того громаднаго художественнаго созданія, которое мы творимъ день за днемъ въ теченіе всей своей жизни, и которое во всей полнотѣ открывается намъ только въ моментъ разставанія съ земнымъ существованіемъ.

Нѣтъ ничего выше идеи человѣка, ставшаго творцомъ своей собственной жизни, но кто изъ насъ можетъ сказать, что онъ былъ истиннымъ художникомъ въ этой области и

употребилъ во благо заложенные въ немъ творческія способности! Легче, тысячу разъ легче написать умную книгу, сочинить великолѣпную симфонію, нарисовать превосходную картину, чѣмъ оставить людямъ образецъ жизни, служащей воплощеніемъ идеальной красоты и нравственнаго совершенства. И вотъ тѣ творческія способности, которыя надо культивировать въ людяхъ! Нужны прежде всего не столько хорошіе музыканты, не столько хорошіе ученые, сколько хорошіе люди. Нужна прежде всего не столько способность сочинять книги или оперы, сколько способность творить и создавать новыя теченія жизни. Если бы эта способность развивалась въ насъ съ малыхъ лѣтъ, то мы давно бы уже имѣли въ этой области много художественныхъ созданій, которыя могли бы вызывать нашъ неподдѣльный восторгъ и передъ которыми всѣ произведенія такъ называемаго искусства явились бы пустою и ничтожною забавой. Научимся же смотрѣть на себя и на нашу жизнь съ этой точки зрѣнія и тогда, право, она пріобрѣтетъ для насъ больше смысла, разумности и значенія!.. Если человѣку дѣйствительно удастся стать творцомъ своего собственнаго существованія, то это будетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ только увеличеніе интереса къ самой жизни. У человѣка больше будетъ охоты жить на бѣломъ свѣтѣ, когда онъ будетъ имѣть возможность сознательно направлять жизненный процессъ и регулировать его, а не плыть противъ воли, повинувшись произвольному теченію жизни, въ сторону, противоположную своимъ завѣтнымъ стремленіямъ и надеждамъ.

Все это и объясняетъ, почему съ самыхъ малыхъ лѣтъ, какъ только представится къ этому возможность, надо заботиться о доставленіи дѣтямъ въ возможно болѣе широкихъ размѣрахъ практики сознательнаго вмѣшательства въ жизненные событія и о воспитаніи въ нихъ привычки къ направленію своей жизни сообразно съ извѣстнымъ планомъ. Только надо при этомъ заботиться также и о томъ, чтобы человѣкъ не пріучался разсматривать планъ, какъ нѣчто неизмѣнное и разъ навсегда данное, не допускающее никакихъ поправокъ и измѣненій. Напротивъ, онъ долженъ воспитать въ себѣ привычку отъ времени до времени крити-

чески провѣрять цѣлесообразность своего плана жизни и вносить въ него необходимыя поправки и дополненія, соотвѣтственно съ расширившимся пониманіемъ жизни; и даже болѣе того, готовность отказаться отъ своего плана, если бы послѣ критической провѣрки онъ оказался никуда негоднымъ. Однимъ словомъ, планъ жизни не долженъ быть воздвигаемъ въ непреложный догматъ, но долженъ подлежать прогрессу соотвѣтственно съ развитіемъ нашего ума и обогащеніемъ нашего житейскаго опыта. „Человѣкъ съ планомъ“, надъ созданіемъ котораго работаетъ воспитаніе, отнюдь не долженъ быть доктринеромъ и догматикомъ. Планъ жизни только тогда и можетъ имѣть наиболѣе плодотворное значеніе, когда подвергается постояннымъ исправленіямъ, иначе же онъ станетъ для дѣйствительной жизни Прокрустовымъ ложемъ и поведетъ къ уродованію и искаженію этой жизни. Такая способность критическаго отношенія и готовность къ видоизмѣненію принятыхъ нѣкогда способовъ и приемовъ жизни и дѣятельности и обычнаго порядка въ ежедневномъ теченіи дня тоже должна быть развиваема въ ребенкѣ, какъ только къ этому явится возможность.

Относительно плана жизни слѣдуетъ отмѣтить, что чѣмъ болѣе широкій періодъ времени онъ охватываетъ, тѣмъ болѣе становится неопредѣленнымъ. Планъ всей послѣдующей жизни не можетъ носить такого опредѣленнаго характера, какъ планъ завтрашняго дня моей жизни. Но этотъ болѣе опредѣленный планъ завтрашняго дня всегда долженъ быть вырабатываемъ сообразно съ неопредѣленнымъ планомъ всей жизни. Цѣли, которыя мнѣ хотѣлось бы осуществить въ теченіе всего своего земного существованія, должны служить руководящимъ началомъ въ выборѣ тѣхъ частныхъ цѣлей, достиженіе которыхъ я себѣ намѣчаю въ предѣлахъ одного дня своей жизни. Такимъ образомъ, на ряду съ общимъ планомъ жизни человѣкъ долженъ создавать себѣ также и рядъ плановъ, охватывающихъ его жизнь въ предѣлахъ послѣдовательно все болѣе и болѣе суживающагося промежутка времени и которые становятся тѣмъ опредѣленнѣе и яснѣе, чѣмъ на меньшій промежутокъ времени они простираются, пока такимъ образомъ онъ не дойдетъ до плана, охватывающаго

только одинъ день его существованія и допускающаго поэтому наибольшую ясность и опредѣленность.

Изъ высказанныхъ ранѣе соображеній о развитіи воли вообще и нравственной воли въ частности, мнѣ кажется, можно вывести слѣдующія практическія правила.

1. Полезно упражнять ребенка въ отыскиваніи связи между различными цѣлями, которыя ему приходится себѣ ставить, такъ чтобы онъ приучился смотрѣть на каждую цѣль, какъ на одинъ изъ составныхъ элементовъ одной системы цѣлей; приучился бы спрашивать себя, находится ли эта цѣль въ гармоніи со всѣми остальными его цѣлями или противорѣчить имъ, и если противорѣчить, то въ чемъ именно. Однимъ словомъ, надо приучить его разсматривать каждую цѣль не отдѣльно и изолированно, а въ связи со всею совокупностью цѣлей. Само собой понятно, что это можетъ быть дѣлаемо только въ томъ размѣрѣ, въ какомъ самыя цѣли могутъ быть охвачены ребенкомъ въ одной системѣ, и кромѣ того надо, чтобы ребенокъ сравнивалъ между собою тѣ именно цѣли, которыя онъ самъ ставитъ, а не тѣ, которыя взрослый хотѣлъ бы навязать ему.

2. Отыскиваніе связи между цѣлями и сравненіе цѣлей между собою должны производиться самимъ ребенкомъ, а не взрослымъ за него. Взрослый долженъ только помогать ему, т.-е, только наталкивать и наводить его, а онъ долженъ самъ находить тѣ черты согласія или противорѣчія, которыя существуютъ между отдѣльными цѣлями. Если вы будете анализъ и сопоставленіе цѣлей производить за ребенка, то въ немъ не воспитаются привычка къ подобному анализу и сопоставленію, привычка, составляющая необходимое основаніе въ развитіи нравственнаго характера.

3. Приучайте также ребенка къ сравненію и сопоставленію между собою тѣхъ цѣлей, которыя онъ себѣ ставитъ, и тѣхъ средствъ, которыя выбираетъ для ихъ достиженія. Выбранныя средства могутъ быть разсматриваемы тоже какъ цѣли, но только какъ цѣли ближайшія, ведущія къ достиженію цѣлей болѣе отдаленныхъ. Принципъ гармоніи цѣлей требуетъ поэтому, чтобы между средствомъ и цѣлью существовала наибольшая гармонія и чтобы они не находились

между собою въ антагонизмѣ. Если средства противорѣчатъ цѣли, то, съ нравственной точки зрѣнія, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть сказано, что „цѣль оправдываетъ средства“. Да, если хотите, можно, пожалуй, и допустить, что цѣль оправдываетъ средства, но только въ той мѣрѣ, въ какой эти средства не противорѣчатъ цѣли и не уничтожаютъ ее. Если же средства противорѣчатъ самой цѣли, то никакая цѣль не можетъ ихъ оправдать. Доведенный до крайности принципъ „цѣль оправдываетъ средства“ есть глубоко безнравственный принципъ, такъ какъ идетъ въ разрѣзъ съ основнымъ требованіемъ, которое нравственность ставить человѣку, а именно съ требованіемъ стремиться къ наибольшей гармоніи всѣхъ цѣлей между собою. Вотъ почему съ малыхъ лѣтъ надо поселять въ ребенкѣ отвращеніе къ этому принципу, привычку не считать безразличнымъ характеръ тѣхъ средствъ, которыя выбираются для достиженія цѣли, но выбирать изъ всѣхъ средствъ именно тѣ, которыя въ наименьшей степени противорѣчатъ самой цѣли, если выборъ средствъ, вполне гармонирующихъ съ цѣлью, почему-либо невозможенъ.

III.

Классификація цѣлей человѣческой жизни.

Въ дѣлѣ нравственнаго воспитанія представляется весьма важнымъ вопросъ о классификаціи цѣлей, а также и вопросъ о тѣхъ видоизмѣненіяхъ, которыя система цѣлей претерпѣваетъ въ теченіе индивидуальной жизни, т.-е. какимъ образомъ эта система расширяется или суживается и гармонія цѣлей становится болѣе совершенной или менѣе совершенной. Въ этомъ отношеніи интересно было бы хотя приблизительно начертать такую систему цѣлей для различныхъ періодовъ жизни человѣка.

Всякая классификація предполагаетъ извѣстный принципъ, положенный въ ея основу, принципъ, выражающій ту точку зрѣнія, съ которой данная классификація производится. Съ какой же точки зрѣнія слѣдуетъ производить классификацію цѣлей?

Цѣли можно классифицировать или по степени ихъ широты, т.-е. сообразно съ количествомъ живыхъ существъ, которыя имѣются въ виду при ихъ достиженіи, или по степени ихъ отдаленности во времени, или по качественному ихъ характеру и т. д. Всѣхъ возможныхъ способовъ классификаціи мы не беремся исчерпать, такъ какъ точки зрѣнія, сообразно которымъ группируются цѣли, могутъ быть крайне разнообразны. Важно, конечно, выбрать классификацію наиболее естественную, т.-е. соответствующую дѣйствительному порядку развитія самихъ цѣлей. Что касается развитія цѣлей, то въ этомъ отношеніи можетъ быть отмѣченъ слѣдующій фактъ: чѣмъ болѣе развивается система цѣлей, тѣмъ болѣе цѣли становятся широкими по своимъ размѣрамъ, охватывая все большее и большее количество живыхъ существъ, вмѣстѣ съ тѣмъ они становятся все болѣе отдаленными въ порядкѣ ихъ достиженія и принимаютъ все болѣе отвлеченный и идеальный характеръ.

Послѣ всѣхъ этихъ предварительныхъ замѣчаній попробуемъ намѣтить себѣ примѣрную классификацію всѣхъ цѣлей человѣческой жизни въ порядкѣ ихъ возрастающей сложности и высоты. Намъ придется при этомъ перейти за предѣлы собственно такъ называемаго дѣтскаго возраста и мы можемъ считать себя въ правѣ сдѣлать это съ тѣмъ большимъ основаніемъ, что нравственное воспитаніе не есть дѣло, ограничивающееся только этимъ возрастомъ, но есть и должно быть дѣломъ всей жизни человѣка. Не придавая нашей классификаціи окончательнаго значенія, мы думаемъ, что она можетъ тѣмъ не менѣе послужить прекрасной иллюстраціей для того принципа гармоніи цѣлей, о которомъ мы говорили въ началѣ нашей статьи. Это обстоятельство и побуждаетъ насъ, несмотря на всѣ недостатки, признаваемые нами, изложить ее передъ читателемъ.

По роду и количеству тѣхъ живыхъ существъ, которыя имѣются въ виду при достиженіи цѣлей, всѣ цѣли могутъ быть разбиты на двѣ большія группы: 1) на тѣ цѣли, въ которыхъ центромъ тяжести является наша собственная личность, и 2) на тѣ цѣли, центръ тяжести которыхъ лежитъ внѣ нашей личности, въ большей или меньшей сово-

купности находящихся внѣ насъ живыхъ существъ. Что касается послѣднихъ, то широта ихъ будетъ, конечно, найдется въ зависимости отъ количества охватываемыхъ ими существъ. Онѣ могутъ относиться или къ одному существу, или къ небольшой группѣ живыхъ существъ (напр., къ семьѣ, къ кружку товарищей), или къ болѣе широкой группѣ, въ которую данная группа входитъ, какъ составная часть (напр., къ извѣстному народу, къ которому принадлежитъ данная личность), или къ самой широкой группѣ высшихъ существъ, намъ подобныхъ, которую мы называемъ именемъ человѣчества, пока, въ конечномъ предѣлѣ, онѣ не распространятся на совокупность всѣхъ живыхъ существъ, или на весь міръ. До какой степени широты можетъ достигнуть названная группа цѣлей, будетъ зависѣть отъ той степени развитія, которой достигли въ данную минуту человѣчество и отдѣльная личность.

Обратимся теперь къ болѣе подробному подраздѣленію каждой изъ названныхъ группъ.

Что касается тѣхъ цѣлей, въ которыхъ центромъ тяжести является само лицо, ставящее цѣль, то здѣсь прежде всего можно отмѣтить, въ порядкѣ ихъ возрастающей сложности, слѣдующія три главные подгруппы: 1) цѣли, въ которыхъ имѣется въ виду наше самосохраненіе, 2) цѣли, въ которыхъ имѣется въ виду доставленіе себѣ счастья, и 3) цѣли, предметомъ которыхъ является совершенствованіе или развитіе самого лица, ставящаго цѣль.

Чтобы имѣть возможность дѣлать что бы то ни было для себя ли или для другихъ, прежде всего необходимо существовать и быть въ состояніи оградить свое существованіе отъ всѣхъ враждебныхъ ему вліяній, отъ всего того, что имѣетъ тенденцію прекратить нашу жизнь и наше существованіе. Въ этомъ смыслѣ забота о своемъ самосохраненіи составляетъ одну изъ необходимѣйшихъ цѣлей нашей дѣятельности и эта цѣль не утрачиваетъ своего значенія никогда, какъ бы высоко ни поднялся человѣкъ по лѣстницѣ духовнаго и нравственнаго развитія. Разница только въ томъ, что существо неизменное, знакомое только съ одни-

ми животными потребностями, заботится о сохранении своей жизни для того, чтобы иметь возможность удовлетворять свои животныя побужденія, а существо высоко-развитое въ нравственномъ отношеніи заботится о сохраненіи своей жизни, чтобы сдѣлать ее орудіемъ достиженія нравственныхъ идеаловъ, чтобы сдѣлать ее источникомъ наибольшаго тепла и свѣта для окружающихъ людей. Но необходимость заботиться о своемъ самосохраненіи одинаково тяготѣетъ какъ надъ нимъ, такъ и надъ самымъ ничтожнымъ микроскопическимъ существомъ, одаренномъ жпзнью.

Чтобы существованіе было возможно, необходима наличность извѣстной совокупности жизненныхъ условій. Организмъ долженъ получать отъ времени до времени извѣстное количество опредѣленной пищи, долженъ имѣть возможность сохранять на извѣстной степени свойственную ему животную теплоту, находиться въ средѣ, имѣющей извѣстную степень тепла, влажности и въ надлежащей степени освѣщенной. Опредѣленіе тѣхъ жизненныхъ условій, которыя необходимы для сохраненія организма и для успѣшной борьбы его съ враждебными вліяніями, и вообще всего того, что требуется, чтобы сдѣлать организмъ наиболѣе стойкимъ въ этой борьбѣ, составляетъ главный предметъ гигиены, которая на ряду съ общими отмѣчаетъ и тѣ особенныя условія, которыя необходимы для различныхъ возрастовъ жизни человѣка. Очевидно, напр., что гигиена перваго дѣтства не можетъ быть вполнѣ одинакова съ гигиеной зрѣлаго возраста.

Что касается ребенка, то въ первые годы его существованія почти всѣ заботы о сохраненіи его жизни падаютъ на постороннихъ людей, т.-е. на мать, отца и т. д. и только по мѣрѣ того, какъ онъ становится старше, онъ начинаетъ мало-по-малу принимать все больше и больше участія въ заботахъ о самосохраненіи. И, конечно, взрослый, какъ только представится къ этому возможность, необходимо долженъ приучать его къ подобнымъ заботамъ. Если ребенокъ научится въ достаточной степени самъ заботиться о себѣ, то вы гораздо легче убережете его отъ всего вреднаго, чѣмъ если вамъ придется постоянно за него

бодрствовать. Способность къ самосохраненію должна быть культивируема какъ можно раньше; и, какъ только представится къ этому возможность, надо стремиться къ тому, чтобы забота о самосохраненіи велась разумно и рационально. Въ этомъ отношеніи очень полезно сообщать ребенку въ популярной формѣ различныя свѣдѣнія изъ гигиены, такъ чтобы каждая усвоенная имъ привычка въ видахъ самосохраненія получила для него разумный смыслъ и значеніе. Тогда, быть можетъ, намъ не пришлось бы встрѣчаться съ столь сильно распространеннымъ фактомъ неспособности даже взрослыхъ людей въ надлежащей степени заботиться о своемъ самосохраненіи.

Повторяю еще разъ, въ заботахъ о самосохраненіи рѣшительно нѣтъ ничего предосудительнаго и отталкивающаго и онѣ не имѣютъ ничего общаго съ эгоизмомъ. Дадите ли вы въ себѣ просторъ эгоистическимъ или альтруистическимъ чувствамъ; будете ли вы смотрѣть на себя, какъ на центръ вселенной, какъ на фокусъ, куда долженъ быть собранъ весь свѣтъ со всего міра, или же какъ на источникъ свѣта, который долженъ распространить свой свѣтъ во всѣ стороны,—и въ томъ и другомъ случаѣ предъ вами встанетъ роковая необходимость существованія. Не бойтесь поэтому научить своихъ дѣтей въ достаточной мѣрѣ заботиться о своемъ существованіи. Въ особенности же, если вы при этомъ будите въ нихъ мысль о томъ высокомъ нравственномъ назначеніи, которое имѣетъ человѣческая жизнь, то въ вашихъ стараніяхъ привить имъ въ надлежащей степени науку и искусство самосохраненія рѣшительно ничего не можетъ быть опаснаго.

Слѣдующая подгруппа разсматриваемыхъ нами цѣлей охватываетъ цѣли, въ которыхъ имѣется въ виду доставленіе человѣкомъ самому себѣ счастья. Сюда относятся стремленіе ко всему тому, что намъ приноситъ удовольствіе или избавляетъ отъ страданія, стремленіе къ обладанію какимъ-либо предметомъ или къ совершенію какой-либо дѣятельности исключительно только во имя этого мотива. Этотъ мотивъ играетъ большую роль въ жизни ребенка и сохраняетъ свое значеніе и въ жизни взрослою. Самъ по себѣ, какъ безобидное стремленіе къ счастью, этотъ мотивъ не пред-

ставляетъ ничего преступнаго и опаснаго. Каждое существо имѣетъ право на счастье и никакихъ нѣтъ основаній кому бы то ни было запрещать стремиться къ нему. Опаснымъ дѣлается этотъ мотивъ только тогда, когда онъ становится исключительнымъ, получаетъ господство надъ всѣми другими мотивами и вытѣсняетъ ихъ совершенно. Существенно важнымъ, поэтому, представляется обращать вниманіе ребенка даже съ малыхъ лѣтъ на тѣ ограниченія, которымъ должно подлежать стремленіе къ счастью для того, чтобы впослѣдствіи оно не переходило за предѣлы, за которыми оно начинаетъ становиться грубымъ ненавистнымъ эгоизмомъ.

И здѣсь надо стараться также о томъ, чтобы личное счастье служило для человѣка стимуломъ къ умноженію счастья среди другихъ людей, чтобы на счастье человѣкъ смотрѣлъ какъ на одно изъ средствъ наиболѣе успѣшной и плодотворной работы среди человѣчества и для человѣчества, какъ на одно изъ условій поднятія энергіи жизни и труда. Если надо существовать и жить и, слѣдовательно, заботиться о самосохраненіи для того, чтобы имѣть возможность работать для другихъ, то надо быть счастливымъ и, слѣдовательно, надо до нѣкоторой степени стремиться къ полученію удовольствій и избѣжанію страданій, чтобы имѣть возможность болѣе энергично, болѣе успѣшно и болѣе плодотворно работать для другихъ людей. Вотъ та точка зрѣнія, съ какой надо приучить человѣка смотрѣть на стремленіе къ счастью. Становясь на эту точку зрѣнія, онъ всегда усмотритъ тотъ предѣлъ, за которымъ личное счастье становится недозволеннымъ, и никогда не допуститъ себя перешагнуть за этотъ предѣлъ. Зачѣмъ безъ нужды дѣлать жизнь свою мрачной и обращаться въ аскета. Аскетизмъ и мрачность вовсе не составляютъ лучшаго средства для поднятія энергіи труда. Человѣкъ, жизнь котораго свѣтла и полна радостей, лучше пойметъ значеніе счастья въ жизни другихъ людей и съ большей охотой будетъ работать, чтобы сдѣлать жизнь этихъ людей краше. Когда мы чрезмѣрно счастливы, какъ это бываетъ, напр., тогда, когда мы впервые познакомились съ сладкимъ чувствомъ взаимной любви, то намъ хочется осчастливить весь міръ, всѣ люди намъ кажутся братьями,

каждаго мы готовы прижать отъ избытка чувствъ къ своему сердцу и сдѣлать ему что-нибудь хорошее. Если только вы стараетесь развить въ ребенкѣ нравственныя стремленія, то, повѣрьте, что счастье, если даже оно будетъ составлять одну изъ цѣлей его дѣятельности, не можетъ оказать на него вреднаго вліянія, оно заставитъ его только любовнѣе смотрѣть на міръ и людей. Но, конечно, если вы на развитіе нравственныхъ стремленій не обращаете вниманія, если вы не стараетесь будить въ немъ постоянно ту мысль, что онъ долженъ стремиться къ тому, чтобы составить съ человѣчествомъ и міромъ одно гармоническое цѣлое, чтобы его жизнь стала однимъ изъ условій развивающейся жизни человѣчества,—если вы, наоборотъ, укрѣпляете его въ томъ убѣжденіи, что его интересы противоположны интересамъ человѣчества и что гармоніи между тѣми и другими не можетъ быть по самому существу,—тогда, поддерживая въ немъ стремленіе къ счастью, вы рискуете воспитать изъ него узкаго и черстваго эгоиста.

Перейдемъ теперь къ третьей подгруппѣ разсматриваемыхъ нами цѣлей, охватывающихъ стремленіе къ самосовершенствованію и саморазвитію. Это уже цѣли болѣе высокаго порядка, чѣмъ стремленіе къ счастью. Можно показать, впрочемъ, что стремленіе къ саморазвитію есть только одна изъ болѣе высокихъ формъ, которыя принимаетъ стремленіе къ счастью. Человѣкъ получаетъ удовольствіе не только вслѣдствіе обладанія тѣми или другими предметами, но существеннымъ образомъ отъ тѣхъ или другихъ дѣятельностей, отъ работы тѣхъ или другихъ органовъ своего тѣла. Каждый органъ, если онъ долго находился въ покоѣ, представляетъ какъ бы накопленную активность, которая требуетъ своего обнаруженія и обнаруженіе которой сопровождается высокимъ чувствомъ удовольствія. Но, дѣйствуя, органъ упражняется и становится вслѣдствіе этого болѣе совершеннымъ. Дѣятельность является однимъ изъ основныхъ источниковъ счастья человѣка. Первоначально на долю человѣка выпадаетъ это счастье только вслѣдствіе чисто случайнаго обнаруженія какой-либо дѣятельности, безъ всякой преднамѣренности съ его стороны, благодаря только тому давленію, ко-

торое оказываетъ на него накопленная активность въ той или другой части его организма. Но, когда человекъ начинаетъ подмѣчать получающійся въ силу такой дѣятельности результатъ, состоящій въ совершенствованіи тѣхъ или другихъ органовъ его организма и самаго организма, какъ цѣлаго, дѣятельность его изъ случайной становится все болѣе и болѣе систематической, и совершенствованіе организма, развитіе его выдвигается на передній планъ, какъ одна изъ цѣлей волевой дѣятельности человека. Не надо предполагать, что эта цѣль должна принять только характеръ физиологическаго совершенствованія организма, такъ какъ на ряду съ дѣятельностями чисто физиологическаго характера существуютъ также дѣятельности, которыя, не утрачивая своего физиологическаго характера, имѣютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и психическое значеніе. То, что съ физиологической точки зрѣнія представляетъ совершенствованіе мозгового аппарата, съ психической точки зрѣнія является, какъ развитіе сознанія.

Самосовершенствованіе и саморазвитіе представляютъ опять-таки одну изъ тѣхъ цѣлей, которыя сохраняютъ свое значеніе въ теченіе всей человѣческой жизни, но никогда, быть можетъ, они не получаютъ такого преобладанія, какъ въ юношескомъ возрастѣ. Требуя со стороны человека систематическихъ усилій, эти цѣли представляютъ прекрасную школу для развитія воли, для приученія человека къ обдуманной планомѣрной дѣятельности. Здѣсь человекъ научается быть творцомъ самого себя, лучшаго себя, чѣмъ онъ есть, для того, чтобы впослѣдствіи стать творцомъ новыхъ общественныхъ формъ и новаго человечества. Только научившись создавать новаго человека внутри себя, человекъ можетъ считать себя пригоднымъ для созданія новаго человечества и новаго общества; только научившись систематически работать надъ своимъ саморазвитіемъ, человекъ будетъ въ состояніи примѣнить свои усилія къ плодотворной, цѣлесообразной работѣ надъ развитіемъ соціальной и общечеловѣческой жизни. Саморазвитіе составляетъ необходимую подготовительную школу для широкой общественной дѣятельности. Прошедшій эту школу будетъ лучше и болѣе успѣшно работать, чѣмъ не прошедшій ея.

И здѣсь надо также обращать вниманіе на то, чтобы это стремленіе къ саморазвитію не приняло характера исключительной цѣли и не перешло за тѣ предѣлы, когда оно начинаетъ пріобрѣтать эгоистическій оттѣнокъ и ведетъ къ самолюбованію и къ самоуслажденію. Если жить и существовать надо для того, чтобы работать для другихъ, если счастливымъ надо быть для того, чтобы съ большей энергіей работать для другихъ, то развитымъ и совершеннымъ надо быть для того, чтобы болѣе совершеннымъ образомъ, болѣе производительно работать для этихъ другихъ людей. Эту послѣднюю мысль надо постоянно будить въ челоуѣкѣ, заботящемся о своемъ саморазвитіи. Надо постоянно говорить ему: „Стремись быть болѣе совершеннымъ, развивай самого себя, но дѣлай это все не исключительно только ради самого себя, а для того, чтобы впослѣдствіи стать болѣе совершеннымъ и умѣлымъ служителемъ добра и правды на широкой нивѣ общечеловѣческой жизни. Совершенствуй себя и развивай свои силы, чтобы, достигнувъ высшей возможной степени совершенства и развитія, посвятить себя на великое дѣло установленія гармоніи среди челоуѣчества. Это дѣло требуетъ многихъ работниковъ и чѣмъ искуснѣе работникъ, тѣмъ плодотворнѣе будетъ его работа въ этомъ отношеніи. Заботясь о своемъ саморазвитіи, всегда помни, что ты это дѣлаешь не для того, чтобы когда-нибудь впослѣдствіи поднять гордо голову и сказать окружающимъ тебя людямъ: глядите на меня, любуйтесь мною, поклоняйтесь мнѣ, посмотрите, какъ я поднялся высоко до предѣловъ божественнаго!.. Нѣтъ, а для того, чтобы скромно стать въ ряды труженниковъ на общее дѣло, чтобы свои болѣе совершенныя силы соединить съ силами другихъ на благо челоуѣчества“. Если въ своихъ стремленіяхъ къ саморазвитію челоуѣкъ не упускаетъ изъ виду того общественнаго значенія, которое имѣютъ эти стремленія, то кромѣ благотворныхъ результатовъ не можетъ получиться рѣшительно ничего.

Обратимся теперь къ той группѣ цѣлей, въ которой челоуѣкъ центръ тяжести своихъ стремленій помѣщаетъ внѣ себя. Эти цѣли равнымъ образомъ могутъ быть разбиты на три

подгруппы: 1) на цѣли, въ которыхъ имѣется въ виду содѣйствіе самосохраненію другихъ живыхъ существъ, главнымъ образомъ людей; 2) на цѣли, въ которыхъ имѣется въ виду доставленіе счастья окружающимъ насъ людямъ, и 3) на цѣли, главный предметъ которыхъ составляютъ заботы, направленные на развитіе и совершенствованіе окружающихъ насъ людей или на доставленіе имъ возможности развитія и совершенствованія. Каждая изъ этихъ подгруппъ въ свою очередь допускаетъ подраздѣленіе, въ зависимости отъ количества живыхъ существъ, на которыя данная цѣль распространяется.

Такимъ образомъ, напр., что касается содѣйствія самосохраненію другихъ живыхъ существъ, то оно можетъ распространяться на небольшую группу живыхъ существъ, какъ-то: семью, кружокъ друзей или товарищей и т. д., можетъ касаться такой большой группы, какъ, напр., извѣстнаго народа, и можетъ, наконецъ, относиться ко всему человечеству.

Цѣли, въ которыхъ имѣется въ виду содѣйствовать самосохраненію членовъ, составляющихъ данный семейный союзъ, сводятся приблизительно къ слѣдующимъ категоріямъ: 1) заботы о доставленіи семьѣ матеріальныхъ средствъ къ существованію, 2) заботы о гигиенической обстановкѣ и гигиеническихъ условіяхъ домашней жизни (сюда включается веденіе домашняго хозяйства, заботы о гигиенической квартирѣ, о снабженіи всѣхъ членовъ семьи гигиеническою одеждою, о доставленіи имъ гигиенической пищи, о приобрѣтеніи ими тѣхъ или другихъ привычекъ, сообразныхъ съ требованіями гигиены и т. д.), и 3) заботы о томъ, чтобы члены семьи были какъ можно тѣснѣе сплочены другъ съ другомъ. Послѣднее составляетъ необходимое условіе для самосохраненія семьи, какъ цѣлаго, и для болѣе успѣшнаго самосохраненія каждаго изъ ея членовъ.

Если содѣйствіе самосохраненію распространяется на болѣе широкій кругъ, напр., на извѣстный народъ, то оно сводится въ общихъ чертахъ къ слѣдующему: 1) къ заботѣ о томъ, чтобы народъ, какъ цѣлое, располагалъ наибольшою

суммою матеріальныхъ средствъ, наибольшимъ количествомъ сырыхъ матеріаловъ и наибольшимъ количествомъ орудій труда для обезпеченія своего экономическаго существованія; 2) къ заботѣ о томъ, чтобы производимыя народомъ богатства были распредѣлены равномерно,—такъ, чтобы каждый имѣлъ возможность устроить свою жизнь сообразно съ требованіями гигиены, чтобы у каждаго была хорошая квартира, хорошая одежда и хорошая пища и чтобы каждый могъ усвоить себѣ навыки, соотвѣтствующіе гигиеническому образу жизни. И, наконецъ, 3) къ заботѣ о томъ, чтобы народъ дѣйствительно представлялъ изъ себя одно тѣсно сплоченное политическое цѣлое, которое съ наибольшою солидарностью всѣхъ своихъ членовъ соединяло бы наибольшую самостоятельность каждаго изъ нихъ, потому что только подобный политическій союзъ можетъ быть въ наибольшей степени способенъ какъ къ сохраненію самого себя, такъ и къ сохраненію каждаго изъ своихъ членовъ среди окружающихъ неблагопріятныхъ условій.

Если теперь мы предположимъ, что содѣйствіе самосохраненію распространилось на все человѣчество, то эта общая цѣль сведется приблизительно къ слѣдующимъ задачамъ: 1) къ заботѣ о наибольшемъ развитіи матеріальныхъ средствъ производства, о наибольшемъ подъемѣ производительности физическаго труда и связанномъ съ нимъ наибольшемъ производствѣ матеріальныхъ богатствъ; 2) къ заботѣ о равномерномъ распредѣленіи матеріальныхъ благъ между отдѣльными народами и отдѣльными лицами, ихъ составляющими, распредѣленіи, которое давало бы каждому возможность обезпечить свое матеріальное существованіе и предохранить себя отъ гибели среди неблагопріятныхъ жизненныхъ условій. И, наконецъ, 3) къ заботѣ о томъ, чтобы сплотить все человѣчество въ одинъ широкій союзъ гармонически между собою связанныхъ людей, въ которомъ сила ни одного человѣка не пропадала бы напрасно, будучи парализована прямою или косвенною борьбою съ силою другого человѣка, но въ которомъ бы силы всѣхъ людей соединились вмѣстѣ для послѣдней и окончательной борьбы и побѣды человѣка надъ природою. Результатомъ такой планомѣрной и сознательной борь-

бы всего человѣчества съ природою будетъ достиженіе такихъ условій, которыя въ наибольшей мѣрѣ способны обезпечить какъ самосохраненіе отдѣльнаго человѣка, такъ и всего человѣчества. Но борьба съ природою въ сущности сведется къ отысканію тѣхъ способовъ, при помощи которыхъ между человѣкомъ и природою могла бы быть достигнута наибольшая кооперація и гармонія. Поэтому борьба человѣчества съ природою въ конечномъ итогѣ своемъ будетъ имѣть гармоническій союзъ всего человѣчества съ природою, или, выражаясь иначе, достиженіе всеобщей міровой гармоніи, составляющей самый высшій идеаль, до котораго только можетъ подняться религіозное или метафизическое творчество. Если это воплощеніе всеобщей міровой гармоніи мы назовемъ Богомъ, то можно будетъ сказать, что человѣчество въ концѣ концовъ создастъ Бога, являющагося идеаломъ самаго совершеннаго въ мірѣ, и растворится въ немъ, какъ его необходимая составная часть. Совершенное, гармоничное, божественное находится не въ началѣ вещей, а въ концѣ ихъ, если только вещи имѣютъ конецъ, оно не дано намъ, а должно быть создано, оно можетъ быть только плодомъ нашихъ трудовъ и усилій. Вотъ та плодотворная религія, побуждающая насъ къ творческой работѣ, которая должна стать на мѣсто старыхъ, отжившихъ религіозныхъ вѣрованій. Если стать на почву этой религіи, то самое маленькое дѣло на пользу общества, которое способствуетъ хотя бы въ ничтожной степени установленію гармоніи среди людей, пріобрѣтаетъ религіозное значеніе. Религія при этомъ становится дѣломъ, не отвлекающимъ насъ отъ мірской жизни, но, напротивъ того, побуждающимъ ринуться въ эту жизнь и стараться оставить въ ней наиболѣе яркій слѣдъ. Религія, становясь „религіей жизни и творческаго труда“, побуждаетъ насъ серьезнѣе и глубже смотрѣть на каждый актъ жизни, какимъ бы ничтожнымъ и мелочнымъ онъ ни казался съ перваго взгляда.

Слѣдующая подгруппа разбираемыхъ нами цѣлей охватываетъ всѣ цѣли, предметомъ которыхъ является доставленіе счастья окружающимъ насъ людямъ. Она также дробится въ зависимости отъ количества и характера людей, которые имѣ-

ются въ виду при преслѣдованіи означенныхъ цѣлей. Если дѣло идетъ о той небольшой группѣ людей, которая называется семьей, то цѣли, предметъ которыхъ составляетъ доставленіе счастья, могутъ быть разбиты на слѣдующія категоріи: 1) заботу о томъ, чтобы каждый членъ семьи имѣлъ возможность удовлетворять всѣмъ своимъ потребностямъ, склонностямъ и вкусамъ, потому что въ подобномъ удовлетвореніи существеннымъ образомъ и заключается счастье человека; 2) стремленіе устроить семейную жизнь такимъ образомъ, чтобы она влекла за собою какъ можно менѣе ограниченій для каждаго изъ членовъ семьи, потому что, чѣмъ менѣе ограниченій налагается на жизнь каждаго, чѣмъ она свободнѣе, тѣмъ болѣе она полна радостей и счастья; 3) заботу о томъ, чтобы семья являлась настолько сплоченнымъ и солидарнымъ цѣлымъ, чтобы всякое событіе, случающееся съ однимъ изъ членовъ семьи, находило свой откликъ во всѣхъ остальныхъ. Тогда радость каждаго переживается всѣми, а это ведетъ къ еще большому умноженію счастья въ семьѣ.

Если мы возьмемъ ту болѣе широкую группу людей, которая называется народомъ, то въ отношеніи нея для отдѣльной личности могутъ быть намѣчены слѣдующія цѣли: 1) стремленіе создать такой общественный порядокъ, который давалъ бы каждому члену общества возможность въ наибольшей степени удовлетворять всѣ свои потребности, а также слѣдовать всѣмъ своимъ склонностямъ и вкусамъ, насколько, конечно, эти послѣдніе совмѣстимы съ нормальнымъ, здоровымъ развитіемъ человѣческой природы; 2) стремленіе, чтобы этотъ общественный порядокъ въ наименьшей степени ограничивалъ свободу каждаго; 3) стремленіе настолько сплотить общество, чтобы оно являлось чуткимъ къ страданіямъ и радостямъ каждаго изъ своихъ членовъ. Широкая симпатія между членами общества есть условіе для наибольшей суммы счастья въ немъ.

Если, наконецъ, стремленіе доставить людямъ счастье распространится на все человѣчество, то мы получимъ слѣдующія задачи: 1) стремленіе объединить все человѣчество въ одинъ широкій союзъ людей, ставящій своей главной цѣлью удовлетвореніе всѣхъ потребностей каждаго изъ своихъ

членовъ; 2) стремленіе, чтобы подобный союзъ на ряду съ наибольшею солидарностью и съ наибольшимъ развитіемъ взаимной симпатіи соединялъ наименьшее ограниченіе свободы каждаго человѣка и доставлялъ бы каждому изъ своихъ членовъ наибольшую возможную сумму счастья. Когда человечество достигнетъ этой цѣли, то, быть можетъ, оно поставитъ своей задачей—достиженіе такого мірового порядка, при которомъ бы каждое живое существо имѣло возможность достигнуть наибольшей полноты счастья.

Намъ остается теперь только рассмотретьъ тѣ цѣли, главный предметъ которыхъ составляетъ содѣйствіе развитію и совершенствованію другихъ людей. Начнемъ съ семьи. Общая цѣль — содѣйствіе развитію — разбивается здѣсь на слѣдующія частныя задачи: 1) содѣйствіе развитію своихъ дѣтей, воспитаніе и образованіе ихъ; 2) содѣйствіе взрослымъ членамъ семьи въ ихъ стремленіяхъ къ дальнѣйшему совершенствованію себя, къ пополненію и продолженію своего образованія и т. д.; 3) содѣйствіе къ созданію такого взаимодѣйствія между отдѣльными членами семьи, которое давало бы возможность каждому изъ нихъ достигнуть наибольшей возможной степени развитія и совершенства и которое обратило бы семью въ солидарный союзъ лицъ, взаимно помогающихъ другъ другу въ дѣлѣ совершенствованія и развитія.

Если содѣйствіе развитію распространяется на большую группу, напр., на народъ, то возникаютъ слѣдующія задачи: 1) содѣйствіе развитію и совершенствованію молодого поколѣнія даннаго народа, правильному его воспитанію и образованію; 2) доставленіе взрослому поколѣнію этого народа возможности и средствъ продолжать свое развитіе и совершенствованіе, приобрѣтать новыя научныя знанія, расширять свой умственный кругозоръ и т. д. Наконецъ, 3) созданіе такихъ общественныхъ условій, такая реорганизація общественной жизни, которая дала бы возможность каждому достигнуть наибольшей возможной степени развитія. Не только, напр., низшее образованіе должно стать всеобщимъ и для всѣхъ доступнымъ, но таковымъ должно стать также и среднее образованіе и высшее. При этомъ здѣсь предполагается также стремленіе такъ видоизмѣнить существующія воспи-

тательныя и образовательныя высшія, среднія и низшія учебныя заведенія, чтобы они дѣйствительно способствовали развитію своихъ питомцевъ и ихъ совершенствованію, а не порождали бы часто совершенно противоположныхъ результатовъ.

Предположимъ теперь, что предметомъ заботъ отдѣльной личности становится все человѣчество, тогда она будетъ имѣть передъ собою слѣдующія задачи: 1) объединеніе всего человѣчества въ широкій солидарный союзъ свободныхъ людей, соединенныя усилія которыхъ были бы направлены самымъ цѣлесообразнымъ и успѣшнымъ образомъ на воспитаніе и развитіе молодого поколѣнія, такъ чтобы каждый членъ этого молодого поколѣнія могъ достигнуть наибольшей полноты развитія и совершенства, допускаемой его природными задатками, чтобы ни одна способность, ни одно дарованіе не заглохло, а получили бы возможность развернуться пышнымъ цвѣтомъ; 2) созданіе такихъ формъ общенія и взаимодѣйствія среди объединеннаго человѣчества, которыя давали бы возможность и каждой взрослой личности продолжать непрерывно свое развитіе и совершенствованіе, давали бы возможность каждому достигать и быть идеальнымъ образцомъ человѣческаго типа, чтобы человѣчество стало союзомъ развитыхъ и совершенныхъ людей, продолжающихъ подниматься на все болѣе высокія ступени развитія и совершенства, благодаря той широкой гармоніи и коопераціи, которая существуетъ между ними. Когда человѣчество станетъ такой совершенной коопераціей людей для всеобщаго взаимнаго развитія и совершенствованія, тогда, быть можетъ, передъ нимъ возникнетъ новая задача: содѣйствовать развитію и совершенствованію cadaго живого существа и цѣлый міръ пересоздать по образу и подобию того, что человѣчеству удалось устроить внутри самого себя. Тогда, быть можетъ, человѣчество будетъ стремиться сдѣлать всю вселенную всеобщимъ гармоническимъ союзомъ всѣхъ живыхъ существъ для взаимнаго ихъ совершенствованія и развитія. Борьба за существованіе и антагонизмъ интересовъ уступятъ мѣсто всеобщей коопераціи и гармоніи, и прогрессъ, всеобщій, непрерывный, сознательный и систематическій прогрессъ всѣхъ живыхъ существъ и ихъ соціальныхъ сочетаній другъ съ

другомъ—составить высшій незыблемый законъ этого обновленнаго міра, этой новой Вселенной. Дальше этого не можетъ подниматься мечта современнаго человѣка. Многіе назовутъ, пожалуй, это бреднями и посмѣются надъ подобными фантазіями, но, по нашему мнѣнію, эти фантазіи имѣютъ тѣмъ не менѣе большое значеніе. Онѣ составляютъ остаточную форму того, что метафизика заключаетъ въ себѣ прочнаго, хорошаго, здороваго. Метафизическая потребность, какъ попытка отдать себѣ отчетъ въ томъ, какой смыслъ имѣетъ наша жизнь въ безпредѣльной жизни всего міра, никогда не умретъ, да было бы и печально, если бы она умерла. Никто не говоритъ, чтобы вы отвлекались отъ практическихъ жизненныхъ интересовъ, чтобы вы игнорировали текущія „злобы дня“, которыя каждый шагъ вашего существованія приносятъ вамъ. Это — неоспоримая истина, что мы живемъ на землѣ и что каждому дню „довлѣетъ злоба его“, но развѣ надъ нами не раскинулось также безпредѣльное небо, развѣ наша мысль не способна охватить въ своемъ смѣломъ полетѣ не только кратковременное поприще нашей мимолетной и недолгой жизни, но и жизнь человѣчества въ его безпредѣльномъ развитіи. Жизнь будетъ не полна, если мы будемъ исключительно только глядѣть на землю, на то, что находится подъ нашими ногами, и откажемся взглянуть на свѣтлое небо, на тѣ широкія безпредѣльныя перспективы, которыя мысль человѣка открываетъ передъ нимъ. Зачѣмъ суживать свой горизонтъ и произвольно ограничивать поле своего зрѣнія, зачѣмъ воздерживаться отъ попытки болѣе широко взглянуть на свою жизнь? Не бойтесь, подобная попытка не повредитъ вашей практической дѣятельности, не отвлечетъ васъ отъ вашихъ земныхъ дѣлъ и нуждъ, но, быть можетъ, дастъ вамъ возможность легче переносить бремя жизни и бодрѣе двигаться впередъ къ лучшему будущему среди разныхъ житейскихъ неудачъ.

На этомъ мы и заключимъ свой обзоръ цѣлей, который, конечно, далеко не полонъ и неисчерпываетъ всѣхъ возможныхъ цѣлей. Но, какъ мы указывали уже это ранѣе, наша классификація имѣетъ только примѣрное значеніе и мы нисколько не претендуемъ на ея полноту.

IV.

Развитіе чувства нравственной любви.

Заканчивая эту статью, мы коснемся здѣсь только еще одной стороны нравственнаго развитія, относительно которой до сихъ поръ нами ничего не было сказано. Мы отмѣтили ту важность, какую имѣетъ для выработки нравственной воли развитіе способности представленія. Но наряду съ интеллектуальнымъ моментомъ не менѣе важную роль въ нравственности играетъ и моментъ эмоціональный. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи фундаментомъ этического развитія должна служить нравственная любовь.

Какъ описать и охарактеризовать это чувство? Мы бы опредѣлили его такъ: этическая любовь есть такое чувство гармоніи человѣка съ человѣкомъ, при которомъ одинъ человѣкъ сливается духовно съ другимъ человѣкомъ въ одно цѣлое настолько, что становится способнымъ желать блага, счастья и развитія этого другого человѣка ради него самого, а не ради себя, безъ всякихъ даже соображеній о томъ, что воспослѣдуетъ отъ этого лично для себя. Развить такое чувство какъ въ себѣ, такъ и въ дѣтяхъ очень трудно, а еще труднѣе достигнуть того, чтобы это чувство сдѣлалось руководящимъ нашимъ стимуломъ во всѣ моменты нашей жизни, а не вспыхивало бы въ насъ только, какъ яркій огонекъ, при исключительныхъ условіяхъ. Какъ часто бываетъ, что вспыхнетъ на минуту въ душѣ огонь этой свѣтлой страсти и потухнетъ, и въ душѣ воцаряется страшная тьма, подъ покровомъ которой выползаютъ изъ разныхъ закоулковъ души всевозможные гады въ образѣ низменныхъ желаній и начинаютъ безконтрольно и безшабашно въ ней хозяйничать до тѣхъ поръ, пока внезапно опять не вспыхнетъ свѣтлый огонекъ и всѣ отвратительныя чудовища, терзавшія нашу душу, не разбѣгутся въ страхъ и трепетъ въ разныя стороны. Вотъ и надо, чтобы этотъ огонекъ, который загорается въ насъ только временами, могъ бы всегда въ насъ горѣть ровнымъ, никогда не ослабѣвающимъ пламенемъ, такъ чтобы тѣ чудовища, о которыхъ мы говорили, не находя пищи и про-

сторы для своей дѣятельности, мало-по-малу и незамѣтно умерли, не оставивъ въ душѣ никакого слѣда.

Первое необходимое условіе для развитія нравственной любви заключается въ томъ, чтобы научить человѣка разсматривать себя не какъ нѣчто изолированное отъ всего окружающаго міра и противостоящее ему, но какъ составляющее съ этимъ міромъ одно цѣлое. Надо, чтобы человѣкъ научился во всѣхъ актахъ своей жизни становиться на точку зрѣнія болѣе или менѣе широкаго цѣлаго, чтобы мѣстоименіе „мы“ („для насъ“) играло въ его сознаниі болѣе значительную роль, чѣмъ мѣстоименіе „я“ („для меня“), во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда онъ преслѣдуетъ тѣ или другія цѣли. Но здѣсь мы должны отвѣтить на одно весьма важное возраженіе, которое можетъ быть намъ сдѣлано.

Намъ скажутъ: „развитіе нравственныхъ стремленій въ человѣкѣ связано съ развитіемъ въ немъ самосознанія, съ высшею выработкою въ немъ того, что называется личностью. Стараясь приучить его разсматривать себя составляющимъ съ міромъ одно цѣлое, вы подрываете въ немъ развитіе личности и самосознанія и тѣмъ самымъ уничтожаете въ немъ одно изъ необходимыхъ условій для развитія нравственныхъ стремленій“. Вотъ то противорѣчіе, на которое могутъ обратить наше вниманіе: одно необходимое условіе для развитія въ человѣкѣ нравственности, повидимому, совершенно устраняетъ и дѣлаетъ невозможнымъ другое такое же необходимое условіе. Но именно только повидимому, и указанное противорѣчіе есть не болѣе какъ мнимое: развитіе въ человѣкѣ самосознанія и личности нисколько не уничтожаетъ необходимости развивать въ немъ привычку разсматривать себя съ человѣчествомъ, какъ одно цѣлое. Самосознаніе вовсе не обозначаетъ противоположенія индивидуума всему остальному міру или человечеству; можно было бы даже опредѣлить его просто, какъ сознаніе того мѣста, которое индивидуумъ, какъ часть, занимаетъ въ обширномъ цѣломъ, называемомъ нами человечествомъ или міромъ. Стараться приобрести себѣ наибольшее сознаніе о мірѣ, стараться понять, какъ это „Великое Цѣлое“ дробится на отдѣльныя взаимно-связанныя части и стараться изъ этихъ отдѣльныхъ частей

понять прежде всего именно тѣ, которыя намъ наиболѣе всего доступны, т. е. самихъ себя, не значить ли это работать въ то же время на пути выработки въ себѣ наибольшей возможной степени самосознанія и личности. Личность я бы опредѣлилъ, какъ часть этого цѣлаго, сознавшую свою роль, мѣсто и назначеніе въ немъ и стремящуюся все это сознательно осуществить на дѣлѣ.

Такимъ образомъ, для развитія самосознанія и выработки личности необходимо, болѣе чѣмъ это обыкновенно предполагаютъ, развитіе способности становиться на точку зрѣнія болѣе или менѣе широкой группы существъ. Личность, достигшая высшей степени самобытности, самосознанія и свободы, будетъ въ то же время и личностью, которая въ наибольшей степени чувствуетъ свое глубокое родство съ безпредѣльной жизнью всего человѣчества и міра, которая связана съ этою жизнью самыми тѣсными и неразрывными нитями, которая живетъ съ человѣчествомъ и міромъ одною общею жизнью, которая въ работѣ надъ улучшеніемъ, возвышеніемъ и облагороженіемъ міровой и общечеловѣческой жизни находитъ для себя высшую цѣль и для которой маленькое мѣстоименіе „я“ утратило свое прежнее значеніе, ставъ въ ея глазахъ выраженіемъ человѣческой гордости, заносчивости и эгоизма. Каждый человѣкъ нашего поколѣнія долженъ прилагать всѣ усилія къ тому, чтобы разрушить тѣ заставы, перегородки и каменные стѣны, которыя ложное воспитаніе и унаслѣдованныя предразсудки воздвигли между нимъ и его ближними, между нимъ и міромъ. Какъ много стѣнъ ему придется сломать, сколько упорной работы, и среди этихъ стѣнъ какъ много—изукрашенныхъ цвѣтами его чувства и фантазіи и разрушить которыя онъ можетъ только съ болью сердца! Сколько милыхъ, дорогихъ сердцу предразсудковъ, съ которыми ему, быть можетъ, придется разстаться, обливъ ихъ слезами! Послѣ, оглядываясь на пройденный путь, онъ будетъ удивляться этимъ слезамъ, но въ свое время онѣ были выраженіемъ живого реального горя, такъ какъ душѣ приходилось переживать страшную ломку всѣхъ прежнихъ коренныхъ устоевъ.

¶ Чтобы воспитать въ человѣкѣ привычку разсматривать

себя, какъ составляющаго съ міромъ и человѣчествомъ одно цѣлое, надо пользоваться для этого всякимъ представляющимся случаемъ. Чтобы родилось сознательное и глубокое чувство подобной связи съ міромъ и человѣчествомъ, надо, чтобы самая мысль и идея этой связи пустили глубокіе корни въ нашемъ мышленіи, надо такъ приучить работать нашу мысль, чтобы, думая о частномъ, индивидуальномъ и особенномъ, она прежде всего старалась бы понять то мѣсто, которое данный индивидуальный фактъ занимаетъ въ общемъ строѣ міровой жизни. Въ насъ, напротивъ того, преобладаетъ другая черта: задумываясь надъ извѣстными частными явленіями, мы рассматриваемъ ихъ обыкновенно изолированно и рѣдко стараемся понять ихъ мѣсто въ общемъ потокѣ явленій и оцѣнить ихъ значеніе въ эволюціи міровой жизни. Пока не измѣнятся привычки нашего мышленія въ этомъ отношеніи, трудно рассчитывать на то, чтобы измѣнились существенно и способы нашей практической дѣятельности. Теоретическій способъ отношенія къ міру и жизни, проявляется ли онъ въ методическомъ-научномъ или въ наивномъ обыденномъ мышленіи, играетъ большое значеніе въ отношеніи человѣческаго поведенія. Высказывая эту мысль, я подразумѣваю не тотъ фактъ, что извѣстное міросозерцаніе имѣетъ опредѣленное вліяніе на наши поступки, а тотъ, что еще большее вліяніе имѣютъ самыя пріемы мысли, и если вы хотите достигнуть дѣйствительно глубокихъ переворотовъ въ области человѣческаго поведенія, то направьте свои удары не на то или другое міросозерцаніе, а на тѣ или другіе пріемы и способы мышленія. Если человѣкъ научится всегда, когда бы ему ни приходилось примѣнять свою мысль, становиться на точку зрѣнія всего міра, какъ цѣлаго, то повѣрьте, что и практически, въ своей дѣятельности, въ своемъ поведеніи, онъ перестанетъ себя раздѣлять отъ человѣчества и міра и будетъ дѣйствовать такъ, какъ если бы онъ составлялъ съ человѣчествомъ и міромъ одно неразрывное цѣлое. Но, чтобы измѣнить способы и пріемы мышленія—въ этомъ отношеніи еще очень много придется сдѣлать. Міросозерцанія легче мѣняются, чѣмъ пріемы мышленія, но оттого менѣе значи-

тельно и ихъ вліяніе на поведеніе человѣка. Привить людямъ тѣ или другія идеи гораздо легче, чѣмъ воспитать въ нихъ правильный способъ теоретическаго отношенія къ явленіямъ жизни.

При воспитаніи въ ребенкѣ привычки и способности становятся на точку зрѣнія болѣе или менѣе широкаго цѣлаго, часть котораго онъ составляетъ въ данную минуту, надо слѣдовать слѣдующему правилу. Понятіе о томъ цѣломъ, на точку зрѣнія котораго ребенокъ становится, должно быть расширяемо только постепенно въ связи съ ростомъ умственныхъ способностей ребенка. Съ развитіемъ этихъ способностей ребенокъ дѣлается въ состояніи становится на точку зрѣнія все болѣе и болѣе широкаго цѣлаго, но каждый разъ надо заботиться о томъ, чтобы онъ становился на точку зрѣнія того цѣлаго, о которомъ онъ имѣетъ ясное представленіе и которое имѣетъ для него то или другое конкретное реальное значеніе. Иначе понятіе о цѣломъ, часть котораго онъ составляетъ, сведется для него на звукъ пустой и не будетъ имѣть никакого благотворнаго воспитательнаго вліянія. Напр., въ первое время ему можетъ быть ясно и понятно только, что онъ составляетъ одно цѣлое со своею матерью, потомъ онъ научится включать сюда отца, братьевъ, сестеръ и т. д. Только уже въ самомъ зрѣломъ возрастѣ на извѣстной высотѣ научнаго и философскаго развитія, вооруженный богатымъ запасомъ знаній о природѣ и историческомъ развитіи человѣчества, человекъ научается становится на точку зрѣнія всего міра и всего человѣчества. Но это—вершина, подниматься до которой приходится черезъ множество промежуточныхъ ступеней. Главный вопросъ въ томъ и заключается, чтобы опредѣлить эти послѣдовательныя ступени такъ, какъ онѣ намѣчаются соотвѣтственно съ естественнымъ развитіемъ умственныхъ способностей ребенка.

Для того, чтобы еще болѣе ярко отънѣить, чѣмъ тотъ способъ мышленія, о которомъ мы выше говорили и который составляетъ необходимый фундаментъ для развитія въ насъ нравственной любви, разнится отъ обычнаго обыденнаго, возьмемъ конкретный примѣръ. Представьте себѣ, что передъ вами находится какое-нибудь другое живое существо, напр.,

человѣкъ, и что вы думаете о немъ. Какимъ образомъ можетъ направиться при этомъ ваша мысль? Вы можете обратить вниманіе на его наружность, носъ, глаза, очертаніе лица, походку, на его костюмъ, способъ разговора и т. д. и, составивъ такимъ образомъ себѣ понятіе о немъ, какъ опредѣленномъ индивидуумѣ, этимъ ограничиться. Но можно пойти и дальше, можно не ограничиться мыслью о данномъ человѣкѣ, какъ индивидуально-изолированномъ фактѣ, но спросить себя, какое значеніе этотъ человѣкъ имѣетъ для остального міра людей и не могла ли бы жизнь его быть болѣе плодотворна въ этомъ отношеніи. Въ первомъ случаѣ мысль о другомъ человѣкѣ не вызоветъ съ вашей стороны никакого практическаго дѣйствія, во второмъ случаѣ она повлечетъ за собою цѣлый рядъ дѣйствій, направленныхъ къ тому, чтобы сдѣлать жизнь этого другого человѣка болѣе плодотворной для человѣчества, чтобы сдѣлать жизнь его болѣе богатой, цѣнной и содержательной. Конечно, передъ вами проходятъ ежедневно тысячи людей и нѣтъ возможности такимъ образомъ задуматься о каждомъ, но съ нѣкоторыми изъ этихъ людей вы встрѣчаетесь болѣе часто и вступаете въ болѣе близкія отношенія и, вотъ, думая объ этихъ-то людяхъ, ваша мысль должна работать въ указанномъ направленіи.

Однимъ словомъ, думая объ извѣстномъ человѣкѣ, какомъ бы то ни было, надо, насколько это допускаютъ наши свѣдѣнія о немъ, стараться понять его значеніе въ жизни всего человѣчества, надо разсматривать его не какъ изолированнаго индивидуума, а какъ члена общества, какъ часть большого цѣлага, называемаго человѣчествомъ. Если бы мы были искренними, — то должны были бы откровенно сознаться, что очень рѣдко и очень мало думаемъ объ общечеловѣческой цѣнности каждой человѣческой жизни и о тѣхъ средствахъ, какими эту цѣнность можно было бы возвысить. Вся бѣда въ томъ, что люди насъ или вовсе не интересуютъ, или интересуютъ исключительно только взятые въ своей индивидуальной оболочкѣ. О людяхъ же, какъ возможныхъ плодотворныхъ работникахъ на пользу человѣчества мы рѣдко когда думаемъ. Но если вы хотите воспитать въ себѣ не безразличное отношеніе къ людямъ и если вы хотите, чтобы ваше чувство къ нѣкото-

рымъ членамъ челоѡчества не носило исключительно только чисто личнаго и субъективнаго характера и не имѣло бы видѣ лишь пристрастія, старайтесь о каждомъ челоѡкѣ вообще, а о близкихъ и дорогихъ вамъ въ особенности, думать, какъ о возможныхъ служителяхъ добра и правды, какъ о свободныхъ дѣятеляхъ на поприщѣ увеличенія среди челоѡчества солидарности и свободы. Если вы научитесь подобнымъ образомъ смотрѣть на каждого челоѡка, то вы тогда дѣйствительно воспитаете въ себѣ способность любить челоѡка тою высшею нравственною любовью, выше которой ничего быть не можетъ; вы научитесь любить его ради него самого и ради челоѡчества. Въ каждомъ отдѣльномъ челоѡкѣ вы будете любить все челоѡчество и отъ этого ваша любовь къ данному лицу пріобрѣтетъ болѣе свѣтлый, широкій и благородный характеръ.

Да не подумаютъ, что мы хотѣли бы уничтожить личныя чувства и личныя привязанности и интересъ ко всякому челоѡку именно какъ къ особенному индивидууму, со своей индивидуальной фізіономіей и со своимъ особеннымъ складомъ жизни. Мы далеки отъ всякой подобной мысли; напротивъ того, мы признаемъ большое значеніе за личнымъ, субъективнымъ, индивидуальнымъ. Все, на чемъ мы настаиваемъ, это—чтобы челоѡкъ научился не застывать и не останавливаться исключительно только на индивидуальномъ, но постоянно стремился бы свои мысли, чувства и дѣйствія, имѣющія субъективный, личный характеръ, связывать съ мыслями, чувствами и дѣйствіями, предметомъ которыхъ является все челоѡчество. Наши личныя чувства отъ этого не потерпятъ никакого ущерба, но станутъ только шире, свѣтлѣе и чище. Мечтать же объ уничтоженіи всего личнаго, всего, носящаго индивидуальный оттѣнокъ, стремиться индивидуума цѣликомъ безъ остатка растворить въ общемъ,—значить работать противъ началъ самой жизни, значить вмѣсто жизни сѣять всюду смерть и разложеніе. Главная задача наша въ томъ именно и заключается, чтобы наибольшее развитіе всего личнаго и индивидуальнаго, умѣть гармонически соединить съ наибольшимъ развитіемъ безличнаго и всеобщаго. Индивидуумъ даже какъ индивидуумъ имѣетъ неизмѣримую цѣну и не допускаетъ никакой для

себя замѣны, но эта цѣна безконечно, безмѣрно возрастаетъ, если индивидуумъ получаетъ значеніе въ общемъ ходѣ жизни человѣчества и міра. Только о томъ, чтобы увеличить его цѣну, а не о томъ, чтобы его обезличить и лишить той цѣны, которую онъ уже имѣетъ, какъ индивидуумъ, идетъ здѣсь дѣло. И то же самое имѣетъ значеніе въ отношеніи каждаго субъективнаго, личнаго чувства или мысли. Чтобы повысить значеніе этого чувства или мысли надо связать ихъ съ чувствами и мыслями, имѣющими болѣе широкій характеръ, предметъ которыхъ простирается на болѣе широкое цѣлое. Въ конечномъ предѣлѣ это цѣлое становится равнымъ всему человѣчеству и міру. Чѣмъ болѣе идеи, чувства и поступки человека, не утрачивая своего индивидуальнаго характера, приобрѣтаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и общечеловѣческое значеніе, чѣмъ въ большей мѣрѣ отдѣльный человекъ является представителемъ и выразителемъ всего человѣчества, его завѣтныхъ надеждъ и стремленій, его борьбы за лучшее, свѣтлое будущее, тѣмъ болѣе нравственный характеръ получаетъ жизнь и дѣятельность данной личности. Способствовать этому всѣми возможными средствами и составляетъ одну изъ самыхъ основныхъ задачъ нравственнаго воспитанія.

V.

Значеніе эмоціональной и волевой стороны нашей психической жизни въ развитіи чувства нравственной любви.

Наше изложеніе тѣхъ условій, которыя необходимы для развитія въ дѣтяхъ чувства нравственной любви было бы не полнымъ, если бы мы ограничились вышесказаннымъ. Въ самомъ дѣлѣ изъ предыдущаго изложенія у читателя могло получиться такое впечатлѣніе, какъ будто бы это развитіе обуславливается исключительно развитіемъ нашего интеллекта, какъ будто бы только элементамъ интеллектуальнаго порядка принадлежит опредѣляющая роль въ немъ. Поводъ къ этому можетъ подать устанавливаемое нами положеніе, что для развитія чувства нравственной любви надо приучить ребенка становиться на точку зрѣнія болѣе или менѣе широкаго цѣлаго. Намъ слѣдуетъ поэтому еще нѣсколько под-

робнѣ остановиться на этомъ положеніи, чтобы предупредить возможное ложное пониманіе его.

Отдадимъ себѣ ясный отчетъ, въ томъ психологическомъ фактѣ, который характеризуется словами „становиться на точку зрѣнія болѣе или менѣе широкаго цѣлаго“. Какія предпосылки заключаетъ въ себѣ этотъ фактъ, что дѣлаетъ его вообще возможнымъ? Всякая „точка зрѣнія“ предполагаетъ опредѣленнымъ образомъ направленное вниманіе, и въ этомъ смыслѣ всякая „точка зрѣнія“ дѣлается возможной только благодаря акту воли. Только актомъ воли, какъ ребенокъ, такъ и взрослый человекъ можетъ стать на точку зрѣнія болѣе или менѣе широкаго цѣлаго. Но что же дѣлаетъ возможнымъ этотъ актъ воли, это сознательное направленіе вниманія въ опредѣленную сторону? Сознательное направленіе вниманія въ ту или другую сторону становится возможнымъ только благодаря тому, что вниманіе уже было до нѣкоторой степени произвольно направлено въ эту сторону. Это же произвольно направленное вниманіе связано съ наличностью въ нашей душѣ извѣстныхъ чувствованій, опредѣленныхъ эмоцій, естественнымъ образомъ направляющихъ въ ту или другую сторону нашъ интересъ. Такимъ образомъ, какъ мы видимъ отсюда, тѣ интеллектуальные процессы, которымъ мы придаемъ такое значеніе въ дѣлѣ развитія въ человекѣ нравственной любви, предполагаютъ уже съ своей стороны волевые акты и эмоціи. Это и понятно, потому что, строго говоря, каждая сторона нашей душевной жизни тѣсно и неразрывно связана со всѣми другими и развитіе каждой изъ нихъ обусловлено развитіемъ всѣхъ остальныхъ. Какъ развитіе интеллекта обусловливаетъ развитіе психической жизни въ эмоціоанальномъ и волевомъ отношеніи, такъ и развитіе волевое и эмоціоанальное, не остается безъ вліянія на интеллектъ. Въ данномъ случаѣ существуетъ вѣчный, никогда не останавливающийся круговоротъ. Въ виду факта такой тѣсной зависимости всѣхъ трехъ сторонъ душевной жизни человека, остановимся на тѣхъ явленіяхъ въ области эмоціоанальной и волевой жизни, которыя дѣлаютъ возможнымъ возникновеніе и дальнѣйшее развитіе того высокаго сознательнаго чувства нравственной любви, которое было описано нами выше.

Естественною исходною точкою въ эмоціональномъ отношеніи въ развитіи чувства нравственной любви является симпатія, насколько послѣдняя имѣетъ активный характеръ. Активная симпатія есть природное влеченіе человѣка, которому въ нѣкоторыхъ случаяхъ такъ же трудно противостоятъ, какъ трудно бываетъ противостоятъ и другимъ влеченіямъ нашей природы. Это есть та природная основа, на которой впослѣдствіи развивается болѣе сложное чувство сознательной нравственной любви къ человѣчеству, болѣе широкія и богатая содержаніемъ формы нравственности. Нравственность на этой первой своей ступени есть нравственность непосредственнаго чувства, непосредственнаго стремленія или влеченія. Она получается личностью въ готовомъ видѣ, какъ даръ природы. Это — цвѣтокъ, который благоухаетъ потому, что онъ отъ природы пропитанъ тонкимъ ароматомъ, распространяющимся повсюду кругомъ. Здѣсь мы имѣемъ естественную, природную нравственность, которую можно назвать органическою нравственностью, инстинктивной, или какими еще угодно именами. Разные люди обладаютъ этой нравственностью въ различной степени. Она—исходная точка въ развитіи сознательнаго чувства нравственной любви, принимающаго вмѣстѣ съ ростомъ личности все болѣе и болѣе широкіе размѣры. Изъ нея должна при благопріятныхъ условіяхъ родиться та высшая нравственность, которая въ истинномъ смыслѣ этого слова можетъ быть названа нравственностью и въ возникновеніи которой играетъ большую роль сознательная воля человѣка. Цвѣтокъ любви, который мы при своемъ рожденіи приносимъ на свѣтъ, разрастется тогда въ могучее дерево, на которомъ будутъ расти тысячи такихъ цвѣтковъ. Но этотъ цвѣтокъ безъ участія сознательной воли человѣка можетъ завянуть и перестать цвѣсти и струить свой ароматъ.

Какимъ образомъ изъ этой природной естественной нравственности возникаетъ нравственность, служащая выраженіемъ сознательной воли человѣка? Какимъ образомъ цвѣтокъ обращается въ плодъ, приноситъ сѣмя и изъ этого сѣмени вырастаетъ пышное дерево? Нельзя ли намѣтить хотя въ общихъ чертахъ послѣдовательныя стадіи въ этомъ процессѣ?

Условіемъ для развитія высшей нравственности, сознательнаго чувства нравственной любви, обстоятельствомъ, которое съ необходимостью требуетъ этого развитія, является то, что никакой инстинктъ, никакое влеченіе, никакое чувство не могутъ дѣйствовать всегда и при всѣхъ условіяхъ безошибочно. Наоборотъ, предоставленные самимъ себѣ, они направляются часто по ложному пути, на которомъ вмѣсто удовлетворенія имъ приходится терпѣть разочарованія. Всякое влеченіе можетъ дѣйствовать самопроизвольно только въ томъ случаѣ, если остается неизмѣнной окружающая среда, окружающія условія жизни, тогда можно положиться на самопроизвольное разряженіе влеченія въ дѣйствиіи и быть увѣреннымъ въ томъ, что оно пойдетъ по правильному пути, связанному съ его удовлетвореніемъ. Но если среда и условія жизни или обстоятельства рѣзко измѣняются или уклоняются отъ обычнаго и влеченіе не имѣло или не имѣетъ возможности само по себѣ непосредственно приспособиться къ этой измѣненной совокупности обстоятельствъ, тогда должны быть пущены въ ходъ другія психическія силы. Влеченіе, которое нѣсколько разъ, устремляясь по обычной дорогѣ, осталось неудовлетвореннымъ, приведетъ въ дѣйствиіе нашъ интеллектъ и нашу волю и вмѣшательство этихъ силъ поведетъ къ измѣненію и самого характера влеченія. Въ самомъ дѣлѣ, возьмемъ въ частности то влеченіе, которое мы назвали активной симпатіей. Это чувство въ его непосредственной формѣ побуждаетъ насъ прямо и немедленно выполнять то, что приноситъ облегченіе страданіямъ другого или что доставляетъ ему удовольствіе. Но очень скоро приходится убѣдиться, что такое непосредственное обнаруженіе чувства симпатіи во многихъ случаяхъ можетъ оказываться ошибочнымъ. Иногда, стремясь къ облегченію страданій другого и къ доставленію ему тѣхъ или другихъ удовольствій, мы вмѣсто пользы приносимъ ему вредъ. Во имя болѣе разумно понятой симпатіи приходится иногда сдерживать проявленія своей естественной симпатіи. Непосредственная доброта, напр., можетъ насъ побуждать къ тому, что мы будемъ давать какому-нибудь пьяницѣ деньги на выпивку, видя, какъ онъ мучается жа-

ждуо выпить, но, представивъ себѣ всѣ тѣ послѣдствія, которыя будетъ имѣть подобный образъ дѣйствій, мы воздержимся отъ проявленія подобной доброты и постараемся найти для нея другой болѣе цѣлесообразный выходъ.

Вмѣшательство интеллекта и воли является необходимымъ не только въ виду того, что наши влеченія могутъ получить неправильныя формы удовлетворенія, что поведетъ къ разочарованію, но также еще и потому, что между самими влеченіями можетъ идти борьба. Такъ нашему влеченію къ активной симпатіи приходится отстаивать себя отъ другихъ нашихъ эгоистическихъ влеченій, идущихъ съ нимъ въ разрѣзъ, а для этого опять-таки необходимо участіе интеллекта и сознательной воли.

Такимъ образомъ, только при участіи интеллекта и сознательной воли и благодаря развитію этихъ силъ въ насъ природная нравственность, свойственная намъ, можетъ принять высшія формы. Каковы будутъ первыя измѣненія, которымъ подвергнется вслѣдствіе этого природная нравственность? Вмѣсто того, чтобы слѣдовать прямо и непосредственно первому побужденію чувства симпатіи, личность будетъ контролировать это чувство размышленіемъ. Во имя высшей и болѣе широкой симпатіи личность будетъ сдерживать въ себѣ порывы болѣе узкой и низшей симпатіи. Размышленіе, если оно вызывается самимъ чувствомъ симпатіи, не ведетъ къ уничтоженію и ослабленію послѣдняго, а напротивъ того только къ расширенію и углубленію этого чувства. Конечно, слѣдуетъ только заботиться о томъ, чтобы размышленіе имѣло мѣсто заблаговременно и чтобы тогда, когда нужно немедленно дѣйствовать, у насъ былъ бы уже готовый отвѣтъ, какъ именно мы должны поступить въ данномъ случаѣ. Когда приходится дѣйствовать, то поздно уже размышлять, надо пользоваться тѣми результатами работы нашей мысли, которые уже были получены нами предварительно.

Такимъ образомъ, для того, чтобы изъ того непосредственнаго чувства симпатіи, которое намъ дано отъ природы, могла развиваться высшая нравственность, сознательное чувство нравственной любви къ человѣчеству, требуется,

чтобы это чувство было постепенно расширяемо и углубляемо въ возможно большихъ предѣлахъ. Условія для этого расширенія доставляетъ растущая въ насъ способность представленія, предвидѣнія, однимъ словомъ, развитіе интеллекта. На первой ступени человѣкъ представляетъ ясно только то непосредственное состояніе даннаго лица, которое у него передъ глазами и это непосредственное состояніе служитъ и импульсомъ къ его дѣятельности. Онъ видитъ страданіе и это видимое имъ страданіе побуждаетъ его къ тому или другому образу дѣйствій для облегченія его. Въ дальнѣйшемъ развитіи чувства симпатіи мотивомъ является не только то, что человѣкъ видитъ непосредственно, что находится, такъ сказать, передъ его глазами, но и то, что онъ представляетъ себѣ. Не только извѣстный эпизодъ изъ жизни данной личности, случайно подмѣченный нами, опредѣляетъ нашъ поступокъ, но и представленіе о дальнѣйшей жизни этой личности, а также, быть можетъ, и представленіе о жизни тѣхъ личностей, съ которыми жизнь данной личности связана. Наконецъ, симпатія достигаетъ такой формы, когда опредѣляющимъ моментомъ въ ней является, кромѣ всѣхъ вышеперечисленныхъ, идея о нравственномъ развитіи всего человѣчества. И тогда она становится тѣмъ, что мы охарактеризовали выше, какъ чувство нравственной любви.

Если въ эмоціоноальномъ отношеніи развитіе чувства нравственной любви въ человѣкѣ имѣетъ своею исходною точкою симпатію, то въ волевомъ отношеніи оно связано тѣсно и неразрывно съ дѣятельностью человѣка. Нравственная любовь, активный альтруизмъ не могутъ развиваться въ сколько-нибудь значительной степени безъ дѣятельности соотвѣтствующаго рода. Только дѣятельность, въ результатѣ которой получается улучшеніе жизни и существованія другихъ людей, можетъ развить теплое, любовное отношеніе къ этимъ людямъ, которое заставитъ насъ забывать о своихъ матеріальныхъ интересахъ и безкорыстно трудиться на пользу ближняго. Надо прежде всего поставить ребенка въ необходимость дѣйствовать для другихъ. Такимъ образомъ у него разовьются активныя нравственныя чувства и активная нравственная воля. Ребенокъ, какъ и всякій живой организмъ, стремится

жить, расходовать свою энергію, расширять поле своей дѣятельности. Воспользуйтесь этою живою потребностью къ дѣятельности, направьте ее такимъ образомъ, чтобы въ результатѣ дѣятельности ребенка получались какія-нибудь благотворныя послѣдствія для другихъ людей, которыя онъ даже не имѣлъ въ виду, но которыя онъ случайно открываетъ въ качествѣ слѣдствій, вытекающихъ изъ его дѣятельности, и вотъ вамъ дана почва для развитія въ немъ чувства любви къ ближнему. Какъ это прекрасно показываетъ Рибо въ своей „Психологіи чувствованій“, доброжелательное чувство можетъ очень легко быть результатомъ случайности и совершенно не имѣть въ началѣ характера преднамѣренности. Какимъ образомъ это происходитъ, лучше всего можетъ объяснить приводимый имъ же примѣръ. „Человѣкъ“,—говоритъ онъ, нечаянно выливаетъ воду на растеніе, засыхавшее около его дома; на другой день онъ случайно замѣчаетъ, что оно начинаетъ зеленѣть, и уже намѣренно продѣлываетъ то же самое; это занимаетъ его чѣмъ дальше, тѣмъ больше, онъ начинаетъ любить это растеніе, и ему уже было бы неприятно его лишиться. Вотъ явленіе очень обыкновенное, и съ каждымъ человѣкомъ случалось что-нибудь подобное; это придаетъ ему въ нашихъ глазахъ еще большую цѣну, такъ какъ даетъ намъ возможность видѣть генезисъ занимающаго насъ чувства во всей его простотѣ. А если это можетъ случиться съ нимъ по отношенію къ растенію, то насколько легче предположить такое же явленіе по отношенію къ человѣку!“¹⁾

Итакъ то, что было сначала непреднамеренно и вытекало изъ потребности дѣйствовать вообще, можетъ стать въ послѣдствіи сознательной потребностью дѣйствовать и работать для блага другихъ. Начавшее такимъ образомъ развиваться доброжелательное чувство къ другимъ людямъ приведетъ въ дѣйствіе и интеллектуальныя силы ребенка, направитъ его умственный интересъ на жизнь людей, ихъ нужды, горести и стремленія, побудитъ его приобрѣтать обо всемъ этомъ подробное и конкретное знаніе, что въ свою очередь поведетъ къ еще большому расширенію и углубле-

1) Т. Р и б о. Психологія чувствованій, стр. 318.

нію его альтруистическихъ чувствованій и его дѣятельности направленной на благо другихъ людей. И такимъ образомъ, мало-по-малу путемъ собственной, самостоятельной, свободной дѣятельности ребенка, все болѣе расширяющейся вмѣстѣ съ ростомъ силъ въ немъ, создастся тотъ стойкій нравственный характеръ, который останется всегда твердымъ и непоколебимымъ, въ какую бы порочную среду ни пришлось попасть ребенку впоследствии, когда онъ станетъ взрослымъ человекомъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ этимъ же путемъ естественная симпатія къ людямъ разгорится въ его душѣ въ свѣтлое, яркое пламя нравственной любви къ человѣчеству, которое ровнымъ свѣтомъ будетъ горѣть въ теченіе всей его жизни и которое безсильны будутъ загасить злыя метели и свирѣпыя вьюги метущейся и неустроенной жизни человѣчества.

Нужно ли обучать дѣтей нравственности?

Въ предыдущей статьѣ нами былъ сдѣланъ очеркъ тѣхъ основныхъ задачъ, которыя слѣдуетъ ставить въ области нравственнаго воспитанія. Но мы оставили въ ней не освѣщеннымъ одинъ вопросъ, который въ настоящее время приобретаетъ особенное значеніе, это—вопросъ объ обученіи дѣтей нравственности. Нужно ли обучать дѣтей нравственности? Нужно ли преподавать имъ ту или другую опредѣленную систему морали? Составляетъ ли обученіе нравственности въ этомъ смыслѣ одну изъ неотложныхъ задачъ нравственнаго воспитанія? — вотъ вопросы, настоятельно требующіе своего разрѣшенія. За послѣднее время обнаруживается стремленіе отвѣтить на эти вопросы въ положительномъ смыслѣ. На Западѣ, напр., во Франціи, въ народныхъ школахъ даже проходится цѣлый курсъ морали, въ Германіи составляются цѣлыя настольныя руководства для родителей и воспитателей въ видахъ обученія дѣтей нравственности, обученія, которое было бы независимо отъ тѣхъ или другихъ религіозныхъ догмъ или метафизическихъ предположеній. Какъ на одно изъ такихъ руководствъ я могу, напр., указать на книгу Дёринга „Handbuch der menschlich-natürlichen Sittenlehre für Eltern und Erzieher“, подробное изложеніе которой въ свое время было дано мною въ „Педагогическомъ Листкѣ“ (1901 г., №№ 5, 6, 7, 8).

Вѣра въ мистику и сверхъестественное съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе слабѣетъ, и скептицизмъ, который у большинства людей съ теченіемъ времени уноситъ эту вѣру, въ большинствѣ случаевъ грозитъ поколебать въ нихъ и нравственныя убѣжденія, тѣсно связанныя въ обычной ходячей программѣ воспитанія съ вѣрой въ сверхъестественное. Этотъ

фактъ, который констатируется при наблюдении современной общественной жизни, внушает опасение за судьбу самой нравственности. Отсюда получают свое начало попытки гарантировать молодое поколѣние отъ нравственной гибели путемъ такого обученія его нравственности, которое не опиралось бы ни на какія мистическія и сверхъестественныя предположенія, а было бы поставлено на свои собственные ноги.

Но при этомъ совершаются двѣ крупныя ошибки. Во первыхъ, преувеличивается значеніе обученія нравственности молодого поколѣнія въ дѣлѣ нравственнаго возрожденія человѣчества. Совершенно упускается изъ виду, что при отсутствіи другихъ мѣръ, болѣе существенныхъ и важныхъ, одинъ только путь обученія нравственности едва ли приведетъ къ наибольшему подъему человѣчества въ нравственномъ отношеніи. А во-вторыхъ, при обученіи нравственности не столько имѣется въ виду содѣйствовать развитію въ дѣтяхъ того, что можетъ быть названо нравственностью въ истинномъ смыслѣ этого слова, сколько догматическимъ путемъ внушить имъ извѣстныя правила ходячей нравственности, господствующей въ данномъ обществѣ. Такъ, что касается послѣдняго, то несостоятельность въ дѣлѣ нравственнаго воспитанія метода обученія дѣтей нравственности въ смыслѣ сообщенія имъ тѣхъ или другихъ ортодоксальныхъ взглядовъ ярче всего обнаруживается на примѣрѣ французской начальной школы. Л. Шейнисъ въ своей статьѣ „Буржуазная мораль для дѣтскаго обихода“, помѣщенной въ № 1 „Русскаго Богатства“ за 1900 годъ, находитъ на основаніи внимательнаго изученія официальныхъ программъ и инструкцій, касающихся преподаванія морали во французскихъ начальныхъ школахъ, близкаго знакомства со всѣми сколько-нибудь употребительными во французскихъ школахъ учебниками по нравственности и личныхъ впечатлѣній, вынесенныхъ имъ изъ посѣщенія этихъ школъ, „что преподаваніе этики, какъ оно поставлено во французскихъ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ, не только не соотвѣтствуетъ здравымъ воспитательнымъ цѣлямъ, но часто идетъ прямо въ разрѣзъ съ ними (стр. 3). По мнѣнію Шейниса, юридическія нормы и этическія формулы относительны, но представители

современной буржуазіи считаютъ такой взглядъ ересью и склонны разрѣшать вопросы о добрѣ и злѣ съ прямолинейностью, рѣзко разграничивая оба эти понятія китайскою стѣною предразсудковъ. Подобную-то буржуазно-прямолинейную мораль преподносятъ своимъ воспитанникамъ французская начальная школа. Утрировка, представляющая отличительную черту этой „морали“ безжалостно искажаетъ все содержаніе этики. Такъ эта утрировка разумную любовь къ родинѣ превращаетъ въ кичливое національное самохвальство, въ драчливый націонализмъ и пошлый шовинизмъ. Въ одеомъ изъ учебниковъ, напр., доказывается, „что книжка сберегательной кассы есть свидѣтельство о нравственности и трудолюбіи“ (стр. 13). Но главнымъ зломъ этой морали является проводимый ею повсюду въ самой грубой формѣ принципъ утилитаризма. „Преміи и награды за хорошее поведение съ одной стороны, боязнь жандарма и диспепсiи—съ другой— вотъ краеугольные камни, на которыхъ зиждется все зданіе буржуазной морали для дѣтей, преподносимой имъ во французскихъ начальныхъ школахъ“. „Этический элементъ здѣсь въ сущности играетъ третьестепенную роль, а на первомъ планѣ стоитъ житейская мудрость, пресловутое *savoir-faire* и *savoir-vivre*“ (стр. 15).

Такимъ образомъ, французская школа даетъ намъ наглядный примѣръ, во что вырождается на практикѣ обученіе дѣтей нравственности и какъ въ дѣйствительности это обученіе стоитъ далеко отъ истинной и настоящей нравственности. При подобномъ обученіи нравственности достигаются результаты, прямо противоположные тѣмъ цѣлямъ, которыя имѣлись или могутъ имѣться при этомъ въ виду. Но не только при подобномъ, а и при всякомъ обученіи дѣтей морали, задающемся цѣлью внѣдрить въ ихъ сознаніе тотъ или другой опредѣленный кодексъ моральныхъ предписаній, получается то же самое, потому что по самой своей природѣ нравственность есть нѣчто такое, чему нельзя обучать, но что можетъ быть добыто и достигнуто только путемъ собственной самостоятельной творческой работы личности.

Никакой догматическій курсъ морали, какъ бы хорошо онъ ни былъ составленъ и какъ бы убѣжденно онъ ни до-

казывалъ ребенку необходимость поступать нравственно, не можетъ еще самъ по себѣ направить волю ребенка на путь нравственной творческой дѣятельности, не можетъ, вообще говоря, создать въ немъ нравственную волю. Нравственная воля вырабатывается главнымъ образомъ не благодаря тому, что ребенокъ прослушаетъ курсъ морали, доказывающій ему необходимость рѣшиться сдѣлаться нравственнымъ человекомъ, она вырабатывается путемъ дѣятельности. Надо помѣстить ребенка въ такія условія, чтобы ему приходилось дѣйствовать нравственно, и это его скорѣе поставитъ на путь нравственности, чѣмъ какой бы то ни былъ курсъ морали, прослушанный имъ. Подобный курсъ морали можетъ имѣть только дополнительное значеніе въ системѣ тѣхъ мѣръ, которыя мы предпринимаемъ, чтобы вызвать и сдѣлать необходимымъ нравственное дѣйствіе со стороны ребенка. Самый важный вопросъ въ дѣлѣ нравственнаго воспитанія это создать такую обстановку, такую среду вокругъ ребенка, въ которой его естественная потребность въ дѣятельности могла бы быть затрачена на нравственныя цѣли цѣликомъ и безъ остатка, которая совершенно исключала бы возможность направить ее въ какую-либо другую сторону. Надо, чтобы окружающая ребенка среда была такого рода, чтобы она постоянно и систематически доставляла дѣтямъ матеріаль и открывала просторъ для ихъ нравственной дѣятельности. Въ этомъ смыслѣ долженъ быть преобразованъ какъ строй семейной жизни, такъ и строй школы. А строй семейной и школьной жизни можетъ быть преобразованъ въ сколько-нибудь значительной степени только тогда, когда преобразуется и строй общественной жизни. И этими путями мы наиболѣе дѣйствительнымъ образомъ спасемъ въ молодомъ поколѣніи нравственность, чѣмъ путемъ обученія дѣтей въ семьѣ или школѣ той или другой ортодоксальной системѣ нравственныхъ воззрѣній.

Причины ненормальной постановки нравственнаго воспитанія въ настоящее время и тѣ плачевные результаты, къ которымъ оно приводитъ, коренятся въ самомъ складѣ современнаго общества, современныхъ общественныхъ формъ и учреждений. Современному обществу не нужны люди, пол-

ные энтузіазма и глубокой безграничной вѣры въ нравственный идеаль, люди твердыхъ и стойкихъ самостоятельныхъ нравственныхъ убѣжденій; такіе люди не находятъ въ немъ себѣ поддержки, ихъ гонять, преслѣдуютъ, они часто истощаютъ свои силы въ бесплодной борьбѣ съ общественными предрасудками и несправедливостями и прежде времени гибнуть. Современное общество не поддерживаетъ этихъ великихъ творцовъ будущаго, въ которыхъ находятъ свое выраженіе высшія творческія силы, свойственныя человѣку. Ему нужны не столько люди, сколько автоматы, которые каждый на своемъ мѣстѣ исполняли бы съ неуклонною точностью машины наложенныя на нихъ извнѣ обязанности. Вотъ почему и нравственное воспитаніе въ настоящее время основано на выработкѣ тѣхъ или иныхъ привычекъ и навыковъ, на привитіи дѣтямъ путемъ наставленій и обученія ихъ нравственности тѣхъ или другихъ привычныхъ взглядовъ, соответствующихъ кодексу морали, господствующему въ современномъ обществѣ, а не на развитіи въ нихъ творческихъ силъ и способностей, вдохновляемыхъ безграничною вѣрою въ нравственный идеаль, созданный собственной самостоятельною творческою мыслью.

Родители и воспитатели, стремящіеся путемъ наставленія и уроковъ морали развитъ въ своихъ дѣтяхъ или воспитанникахъ безпредѣльную любовь къ нравственному идеалу, хотя бы и понимаемому въ ихъ смыслѣ, часто не сознавая того, впадаютъ въ самое поразительное и чудовищное лицемеріе и противорѣчіе. Какую же любовь къ нравственному идеалу могутъ развивать воспитатели и родители въ своихъ дѣтяхъ, если они сами охвачены глубокимъ равнолушіемъ къ нему, если они въ своей жизни и дѣятельности являются не созидателями лучшаго, болѣе совершеннаго порядка вещей, а тѣми колесиками громаднаго механизма, которыя, пущенныя въ ходъ чужою рукою, имѣютъ своей задачей поддерживать дѣятельность этого механизма въ неизмѣненномъ видѣ. Такая любовь къ нравственному идеалу разовьется въ будущемъ поколѣніи при томъ только условіи, если повысится общій тонъ соціальной жизни, если измѣнится ея колоритъ и содержаніе. Надо поэтому особенно

настаивать на необходимости для родителей и воспитателей способствовать осуществленію этой послѣдней задачи, потому что только этимъ путемъ сдѣлается возможной и осуществимой и постановка иныхъ болѣе высокихъ цѣлей для нравственнаго воспитанія, а не путемъ лицемерныхъ нравственныхъ наставленій въ семьѣ и не менѣе лицемерныхъ уроковъ морали въ школѣ, причемъ почти никакихъ усилій не прилагается къ тому, чтобы поднять строй и той, и другой хоть сколько-нибудь въ нравственномъ отношеніи.

Но допустимъ, что и въ семьѣ, и въ школѣ, и въ общественной жизни будетъ дѣлаться все, что только необходимо, для поднятія какъ можно выше ихъ нравственного уровня, спрашивается, допустимо ли и при этомъ предположеніи обученіе дѣтей нравственности въ томъ смыслѣ, въ какомъ берется это слово обычно, т.-е. въ смыслѣ привитія дѣтямъ тѣхъ или другихъ опредѣленныхъ нравственныхъ воззрѣній. Едва ли,—даже и при этомъ предположеніи, роль воспитателей должна заключаться не столько въ сообщеніи дѣтямъ тѣхъ или другихъ нравственныхъ воззрѣній и въ стремленіи внѣдрить въ ихъ сознаніе тотъ или другой нравственный идеаль, сколько въ стремленіи доставить имъ возможно болѣе полный и широкій матеріаль, пользуясь которымъ они могли бы путемъ самостоятельнаго творчества выработать свой собственный нравственный идеаль.

Въ области морали надо стать на болѣе широкую объективную точку зрѣнія, независимую отъ тѣхъ или другихъ субъективныхъ взглядовъ воспитателя на нравственность. Такую широкую объективную точку зрѣнія даетъ намъ принципъ гармоніи цѣлей, въ качествѣ высшаго принципа нравственности. Этотъ высшій принципъ, какъ это показано было въ предыдущихъ статьяхъ, сводится не къ чему иному, какъ къ требованію, вытекающему изъ самой природы нашей воли, стремиться къ установленію гармоніи между всѣми цѣлями нашей жизни; при чемъ самая система цѣлей постепенно все болѣе и болѣе расширяется. Каждая цѣль, взятая изолированно отъ другихъ цѣлей нашей жизни, не имѣетъ нравственнаго значенія и пріобрѣтаетъ его только тогда, когда при ея постановкѣ принята во вниманіе вся сово-

купность жизненных цѣлей. Выхваченная изъ цѣлаго и внѣ гармонической связи съ нимъ, она лишена всякаго нравственнаго характера: каждая цѣль пріобрѣтаетъ нравственный или безнравственный характеръ въ зависимости отъ того мѣста, которое она занимаетъ въ общей системѣ цѣлей. Это объясняетъ намъ одновременно и измѣнчивый и постоянный характеръ нравственности: нравственность измѣняется съ теченіемъ времени, она различна у различныхъ народовъ, даже болѣе того — у различныхъ людей. Да иначе и быть не можетъ: совокупность цѣлей, которыя преслѣдуются въ данное время и данными людьми, различна отъ той совокупности, которая преслѣдуется въ другое время и другими людьми, и эта совокупность непрерывно и постоянно измѣняется.

Правда, среди этихъ цѣлей есть нѣкоторыя, которыя не утрачиваютъ своего значенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ къ нимъ присоединяются и новыя, а другія отпадаютъ совершенно. Совокупность цѣлей подлежитъ непрестанному измѣненію и различна отъ одной личности къ другой, — и въ этомъ заключается то, что нравственность содержитъ въ себѣ непостояннаго и измѣнчиваго. Но наряду съ этимъ остается и никогда не прекращается основная задача нравственности: внести, насколько возможно, гармонію въ этотъ постоянно колеблющійся и волнующійся міръ цѣлей. Каждый разъ эта задача рѣшается по-разному, то въ болѣе узкихъ, то въ болѣе широкихъ размѣрахъ, и эта задача остается вѣчной задачей какъ для отдѣльной личности, такъ и для всего человѣчества. Въ вѣчности и постоянствѣ ея лежитъ абсолютный характеръ нравственности и ея непреходящее значеніе.

Вотъ та точка зрѣнія, съ которой должно бы было производиться доставленіе дѣтямъ необходимыхъ свѣдѣній въ области нравственности. При этой точкѣ зрѣнія, ставящей дѣло нравственности на такую широкую и объективную почву, возможно было бы избѣгнуть вліянія всякой иной предвзятой точки зрѣнія, всякаго догматизма и субъективизма; при этой только точкѣ зрѣнія является полная возможность построить си-

стему нравственнаго воспитанія, опираясь на самодѣятельность ребенка, на самостоятельную творческую работу его въ области мысли и практической дѣятельности.

Принципъ гармоніи цѣлей ставитъ насъ въ области нравственности прямо на объективную почву: онъ требуетъ, чтобы мы брали тѣ цѣли, которыя преслѣдуются людьми, въ ихъ фактически данномъ разнообразіи. Онъ требуетъ прежде всего подробнаго и детальнаго описанія этихъ цѣлей, ихъ классификаціи, сравненія ихъ между собою, изслѣдованія ихъ взаимной зависимости и относительной цѣнности. Здѣсь мы исходимъ изъ области фактовъ, а не тѣхъ или другихъ произвольныхъ умозрительныхъ теорій объ этихъ фактахъ. А изслѣдованіе историческаго развитія системы цѣлей, какъ личной жизни, такъ и общественной, даетъ намъ возможность намѣтить себѣ то направленіе, въ которомъ расширяется или можетъ расширяться эта система цѣлей. Такимъ образомъ, исходя изъ фактовъ, мы получаемъ возможность построить идеаль. Идеаль здѣсь явится не оторваннымъ отъ дѣйствительности, а прямо и непосредственно выросшимъ изъ нея, не утопическимъ построеніемъ, созданнымъ произвольно фантазією мыслителя, а необходимымъ выводомъ изъ реальной природы человѣка и человѣческаго общества и необходимыхъ законовъ ихъ развитія.

Дать ясное пониманіе этой природы человѣческой личности, а также природы общественной жизни, пониманіе законовъ развитія какъ индивидуальной жизни, такъ и общественной, значитъ дать дѣтямъ тотъ существенный матеріаль, изъ котораго они будутъ въ состояніи путемъ творческой работы мысли построить свой нравственный идеаль. Это будетъ важнѣе, чѣмъ дать имъ для изученія моральный катехизисъ и прочесть соотвѣтствующій этому катехизису курсъ такъ называемой морали. Въ области нравственности нѣтъ мѣста катехизисамъ. Нравственность должна быть творческимъ дѣломъ cadaго или продуктомъ совмѣстной, но творческой работы,

иначе она утрачиваетъ характеръ нравственности, а нравственное воспитаніе становится дрессировкой, какія бы благородныя и привлекательныя формы эта дрессировка ни принимала. Дайте дѣтямъ въ руки моральный катехизисъ, и неизбежно получится нѣкоторый родъ нравственной дрессировки, хотя и въ смягченной формѣ. Моральный катехизисъ долженъ быть каждымъ ребенкомъ написанъ самимъ для себя, а не составленъ воспитателемъ по одному шаблону для всѣхъ дѣтей вообще, онъ долженъ быть плодомъ творческой мысли самого ребенка. Катехизировать нравственность для всѣхъ значитъ ее разрушать; можно катехизировать право, общественные обычаи, вообще все то, что налагается извнѣ на человѣка, но нельзя катехизировать нравственности, этого самаго интимнѣйшаго дѣла нашей души, въ которомъ должны быть вызваны къ дѣйствию всѣ высшія творческія способности человѣка.

Только самостоятельная творческая мысль подымаетъ насъ на высоту нравственности, и высшая задача воспитателя — будить ее въ ребенкѣ, а не давать ему шаблонныхъ готовыхъ формъ, — только такимъ путемъ онъ и достигнетъ выработки изъ ребенка истинно-нравственнаго существа. Въ основу обученія дѣтей нравственности должно быть положено систематическое критическое изслѣдованіе цѣлей человѣческой жизни, производимое самими дѣтьми, а не воспитателемъ за нихъ. Воспитатель здѣсь долженъ дать дѣтямъ только возможно большій фактическій матеріалъ для этой работы и направлять незамѣтнымъ образомъ для ребенка творческую работу его мысли на правильный путь, при чемъ наиболѣе важный и существенный матеріалъ долженъ быть черпаемъ изъ жизни самихъ дѣтей, такъ чтобы теоретическое разрѣшеніе тѣхъ или другихъ вопросовъ нравственности было всегда тѣсно связано съ ихъ практическимъ примѣненіемъ въ жизни: та-

кимъ путемъ наряду съ расширеніемъ горизонта знанія въ области нравственности у ребенка будетъ также развиваться и крѣпнуть нравственная воля и нравственный характеръ.

Такимъ образомъ на поставленный нами въ началѣ этой статьи вопросъ о томъ, должно ли обучать дѣтей нравственности и составляетъ ли подобное обученіе одну изъ задачъ нравственнаго воспитанія, мы отвѣтимъ: обучать дѣтей нравственности въ смыслѣ преподаванія имъ той или другой определенной системы нравственности, того или другого кодекса морали ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ.

Обученіе нравственности должно состоять только въ доставленіи дѣтямъ возможно болѣе богатаго и изобильнаго матеріала для свободной творческой ихъ работы надъ этимъ матеріаломъ въ цѣляхъ выработки самаго высокаго нравственнаго идеала, до котораго только можетъ подняться человеческое творчество, если будетъ данъ полный просторъ для его свободного обнаруженія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ нами было указано на важное значеніе, которое имѣетъ въ дѣлѣ нравственнаго воспитанія окружающая ребенка среда, и на то, что всякое какое бы то ни было преподаваніе дѣтямъ нравственности можетъ быть плодотворно только въ томъ случаѣ, если окружающая ребенка среда такова, что она побуждаетъ ребенка дѣйствовать нравственно въ возможно болѣе широкихъ размѣрахъ и даетъ неисчерпаемый матеріалъ и просторъ для его нравственной дѣятельности. Обсужденію вопроса о значеніи среды, какъ фактора нравственнаго воспитанія и посвящена слѣдующая статья.

Среда какъ факторъ нравственнаго воспитанія ¹⁾).

„Вышелъ сѣятель сѣять сѣмя свое; и когда онъ сѣялъ, иное упало при дорогѣ, и было потоптано, и птицы небесныя поклевали его. А иное упало на камень и взошедши засохло, потому что не имѣло влаги. А иное упало между терніемъ, и выросло терніе, и заглушило его. А иное упало на добрую землю и взошедши принесло плодъ сторичный“.

Евангеліе отъ Луки. Глава VIII, 5—8.

Какъ часто приходится слышать о дурныхъ въ нравственномъ отношеніи дѣтяхъ у идеально хорошихъ и образцовыхъ родителей, которые всю душу свою положили на воспитаніе ихъ, не жалѣя для этого ни времени, ни труда, строго обдуманно и систематически примѣняя къ нимъ разные цѣлесообразные приемы и методы, рекомендуемые современной педагогикой. Враги всякаго систематическаго воспитанія обыкновенно съ торжествомъ указываютъ на подобнаго рода факты и говорятъ: „Стоитъ ли тратить столько усилій для того, чтобы получить такіе отрицательные результаты. Предоставьте все самопроизвольному теченію жизни и, повѣрьте, что въ итогѣ получится несравненно лучшее, чѣмъ если вы будете вторгаться въ дѣло воспитанія съ самыми совершенными и великолѣпными педагогическими планами. Чѣмъ меньше мудрить, тѣмъ лучше, тѣмъ больше шансовъ раз-

¹⁾ Статья эта была напечатана въ № № 1, 2, 3, 4 и 5 — 6 журнала „Образованіе“ за 1900 годъ.

считывать на то, что изъ вашего воспитанника выйдет что-нибудь путное“...

Враги всякихъ системъ воспитанія улускаютъ при этомъ изъ виду только одно, что никто еще до сихъ поръ не производилъ сравнительной статистики результатовъ того или другого образа дѣйствій въ области воспитанія, и если бы такое сравненіе и было произведено, то, быть можетъ, оно оказалось бы не въ пользу теоріи самопроизвольнаго воспитанія. Тогда бы и обнаружилось, какъ много нравственно-испорченныхъ дѣтей создается именно этимъ путемъ абсолютнаго невмѣшательства въ дѣло воспитанія, когда родители и воспитатели предоставляютъ дѣйствовать на ребенка всякой случайной совокупности обстоятельствъ.

Фактъ, что у хорошихъ людей, озабоченныхъ участіемъ своихъ дѣтей, несмотря на рядъ примѣняемыхъ ими систематическихъ мѣръ, рекомендуемыхъ современной педагогіей, получаются подчасъ очень плачевные результаты, долженъ бы наводить насъ на совершенно другія мысли. Быть можетъ, тутъ виновато то обстоятельство, что плохо примѣняется самая система. А можетъ быть, что еще болѣе вѣроятно, и система воспитанія не совсѣмъ правильна, не считается со всѣми факторами, имѣющими значеніе въ этомъ дѣлѣ, или, во всякомъ случаѣ, не отводитъ имъ должнаго мѣста и, быть можетъ, она почти совсѣмъ оставляетъ въ тѣни одинъ могущественный факторъ, непринятіе въ расчетъ котораго грозитъ разрушить все тщательно воздвигаемое педагогомъ зданіе.

Да, такой могущественный факторъ дѣйствительно существуетъ, это — социальная среда, окружающая ребенка. Съ этимъ факторомъ необходимо считаться; непринятіе его въ расчетъ часто и дѣлаетъ столь сомнительными всѣ усилія самыхъ лучшихъ и образцовыхъ воспитателей. Педагогіку ставятъ въ самую тѣсную связь съ психологіей. И это справедливо. Психологія составляетъ самую главную науку, лежащую въ основѣ педагогики, такъ какъ послѣдняя существеннымъ образомъ представляетъ не что иное, какъ практическое примѣненіе тѣхъ законовъ душевнаго развитія, которые намъ открываетъ первая. Но одной ногой педагогика соприкасается съ біологіей — ей приходится, напр., считаться

съ законами наслѣдственности и физиологическаго развитія, которыя намъ формулируетъ біологія, а другой—она соприкасается съ соціологіей, имѣющей дѣло съ общественной средой и взаимодействіемъ, которое существуетъ между этой средой и индивидуумомъ. Педагогика, будучи существеннымъ образомъ построена на психологіи, имѣетъ свою біологическую и соціологическую основу.

Только за послѣднее сравнительно недавнее время выдвигается вопросъ о вліяніи среды, какъ факторъ нравственнаго воспитанія. Мы не хотимъ, впрочемъ, этимъ сказать, чтобы и раньше упомянутый вопросъ не подвергался обсужденію. Давно уже раздаются рѣчи о томъ, какъ среда заѣдаетъ людей, какъ она губитъ и калѣчитъ молодыя созрѣвающія силы, какъ вмѣсто того, чтобы направлять ихъ къ добру, къ свѣту знанія, къ плодотворной работѣ на пользу своего народа и человѣчества,—она дѣлаетъ изъ нихъ человѣконенавистниковъ, самыхъ твердыхъ столповъ и устоевъ „темнаго царства“ произвола, невѣжества и беззастѣнчивой эксплуатаціи одного человѣка другимъ. Но все это ограничивалось только констатированіемъ фактовъ и анализомъ ихъ,—самый же вопросъ о вліяніи среды на отдѣльную личность далеко еще не былъ поставленъ на научную почву. Научная постановка его только еще намѣчается; она становится съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе возможной, благодаря тѣмъ успѣхамъ, которые сдѣлали и продолжаютъ дѣлать психологія, этика и соціальныя науки.

Этотъ вопросъ представляетъ особенно важное значеніе для педагога, озабоченнаго тѣмъ, чтобы воспитать здоровое въ нравственномъ отношеніи поколѣніе. Ему болѣе чѣмъ кому бы то ни было необходимо разобраться здѣсь и уяснить себѣ тотъ процессъ, какимъ среда, дѣйствующая на ребенка непрерывно съ момента его рожденія и до зрѣлаго возраста, вліяетъ на сформированіе послѣдняго въ нравственномъ отношеніи. Быть можетъ, когда онъ въ достаточной мѣрѣ углубится въ затрагиваемый нами вопросъ, онъ увидитъ и пойметъ, какъ много важныхъ обязанностей онъ упустилъ изъ виду, обязанностей, которыя ложатся на него, какъ на воспитателя будущихъ поколѣній, и которыя необходимо вытека-

ють изъ упомянутого нами факта вліянія среды на нравственное развитіе человѣка.

Мы хотимъ здѣсь высказать нѣсколько соображеній по этому поводу, но отнюдь не претендуемъ на исчерпывающее освѣщеніе такого сложнаго вопроса,—для полного разрѣшенія котораго понадобится соединенный трудъ многихъ лицъ, располагающихъ въ общей суммѣ громаднымъ запасомъ самыхъ разностороннихъ знаній. Если наша работа послужитъ толчкомъ къ подобной коллективной работѣ, если она побудитъ высказаться тѣхъ, кто обладаетъ болѣе полнымъ и совершеннымъ знаніемъ, то лучше этого намъ не останется ничего и желать.

I.

Важное значеніе внѣшнихъ впечатлѣній въ виду вліянія оказываемаго ими на волю.

Каждое впечатлѣніе, оказываемое на насъ окружающей средой, такъ или иначе, но необходимо отражается въ концѣ концовъ и на нашей волѣ. Оно является не только тѣмъ матеріаломъ, который ложится въ основу умственнаго развитія, но и тѣмъ, который одновременно съ этимъ закладываетъ фундаментъ для всего послѣдующаго развитія нравственнаго. Такъ впечатлѣніе отъ предмета, обладающаго способностью удовлетворять ту или другую нашу потребность, даетъ толчокъ нашей волѣ въ направленіи къ обладанію этимъ предметомъ. Этотъ толчокъ, конечно, можетъ быть парализованъ другими одновременными впечатлѣніями и чувствами и самъ по себѣ, какъ единичный, весьма возможно что будетъ слабымъ. Но какъ бы слабъ онъ ни былъ, онъ существуетъ, и волѣ такъ или иначе былъ данъ импульсъ къ дѣйствию въ извѣстномъ направленіи. Предположите теперь, что здѣсь получается не одно, а много однородныхъ впечатлѣній, дѣйствующихъ въ одномъ и томъ же направленіи. Толчки, которые получаютъ отъ cadaго изъ нихъ для воли, суммируются вмѣстѣ въ большую силу, и въ результатъ можетъ явиться поступокъ, въ которомъ человѣкъ, совершившій его, самъ потомъ будетъ раскаиваться. Часто и взрослый

бываетъ не въ состояніи предохранить себя отъ подобныхъ поступковъ, а что же можно требовать въ этихъ случаяхъ отъ ребенка. Но взрослый имѣетъ то преимущество передъ ребенкомъ, что воля его сложилась и приняла извѣстныя устойчивыя направленія, которыя внѣшнимъ впечатлѣніямъ часто очень трудно бываетъ опрокинуть, — воля же ребенка, напротивъ того, очень легко поддается вліянію этихъ внѣшнихъ впечатлѣній. Вотъ почему то, что для взрослого сходить почти безъ всякихъ послѣдствій, для ребенка является безусловно гибельнымъ. „Если сильно вліяніе внѣшнихъ впечатлѣній на взрослыхъ, говоритъ Эскиросъ, то какъ несравненно оно сильнѣе въ отношеніи дѣтей... Наши пороки и наши добродѣтели вполне реальны, и тѣ и другіе развиваются подъ вліяніемъ тѣхъ предметовъ, которые непосредственно дѣйствуютъ на нихъ. Напр., жадность до извѣстной степени раздражается видомъ и запахомъ вкусныхъ кушаньевъ, ревность пробуждается звукомъ сладкихъ рѣчей и видомъ ласкъ, расточаемыхъ другимъ. Прежде всего слѣдуетъ изучить ребенка, а потомъ изгнать духа-соблазнителя, т.-е. матеріальныхъ агентовъ, которые, вліяя на его чувства, вызываютъ дурныя желанія. „Не вводите насъ во искушеніе!“ сколько людей имѣютъ это право сказать своимъ воспитателямъ“¹⁾.

Устраненіе дѣтской души отъ вреднаго вліянія тѣхъ или другихъ впечатлѣній является безусловно необходимымъ, пока она еще не сформировалась, пока не приобрѣла твердыхъ и хорошихъ навыковъ, пока не выработалась сознательная разумная воля. Это устраненіе отъ извѣстныхъ впечатлѣній играетъ роль и въ послѣдующую жизнь ребенка, когда характеръ его получить болѣе или менѣе опредѣленную физиономію, и даже въ теченіе всей жизни каждаго человѣка, но никогда оно не имѣетъ такого значенія, какъ именно для перваго дѣтства.

Подобное устраненіе себя или другого отъ извѣстныхъ впечатлѣній, скажутъ намъ, представляетъ искусственный пріемъ; но вѣдь воспитаніе и есть не что иное, какъ искус-

1) Эскиросъ. Эмиль XIX столѣтія, стр. 67, 68.

ство. Воспитывая ребенка, мы не хотимъ, чтобы онъ подвергался вліянію всѣхъ сторонъ данной среды, въ которой ему приходится жить. Мы знаемъ, что эта среда, съ заключающимися въ ней внушеніями, имѣемъ въ себѣ и дурныя и хорошія стороны, толкаетъ нашу волю въ направленіи нравственныхъ побужденій и въ направленіи, совершенно противоположномъ имъ. Мы стараемся путемъ критическаго анализа опредѣлить тѣ элементы среды, которые имѣютъ хорошее вліяніе на волю, и затѣмъ насколько это возможно, ставимъ ребенка подъ вліяніе этихъ элементовъ. Отдѣлить эти элементы фактически отъ дурныхъ сторонъ среды часто является совершенно невозможнымъ, и слѣдовательно, часто бываетъ невозможно избѣжать и вліянія этихъ послѣднихъ на дѣтскую душу. Но во всякомъ случаѣ воспитатель долженъ дѣлать все возможное, чтобы создать условія для наиболѣе плодотворнаго и прочнаго вліянія хорошихъ сторонъ среды. Болѣе того, онъ долженъ дѣлать все возможное, чтобы оздоровить самую среду, чтобы свести ея дурныя стороны къ минимуму, а если можно, то и совсѣмъ ихъ уничтожить.

Всѣ эти соображенія достаточно ясно показываютъ то важное значеніе, какое имѣетъ вопросъ о средѣ, какъ факторъ нравственнаго воспитанія. Разсмотримъ же теперь болѣе подробно, въ чемъ выражается нравственно-воспитывающее вліяніе среды и что можетъ и должно быть сдѣлано въ смыслѣ болѣе благотворнаго значенія ея для подрастающихъ поколѣній.

II.

Что слѣдуетъ понимать подъ средою.

Мы собираемся говорить съ читателемъ о средѣ, какъ факторъ нравственнаго воспитанія, и вотъ перъвый вопросъ, который въ насъ рождается, это — что мы должны подразумѣвать подъ средою. Естественный отвѣтъ, самъ собою представляющійся при этомъ, будетъ, повидимому, заключаться въ слѣдующемъ: среда это—все то, что находится внѣ даннаго индивидуума, что его окружаетъ, среди чего онъ живетъ. Въ

этомъ смыслѣ пришлось бы назвать средою весь внѣшній міръ, всю вселенную. И это въ извѣстной мѣрѣ будетъ справедливо. Но мы хотимъ здѣсь взять понятіе среды не въ этомъ широкомъ, а въ болѣе узкомъ смыслѣ.

Въ этомъ смыслѣ подъ средою слѣдуетъ понимать не все то, что находится внѣ даннаго индивидуума, а только то, что такъ или иначе, прямо или косвенно, на него воздѣйствуетъ. Для каждаго существуетъ своя среда, которая оказываетъ на него вліяніе, и тамъ, гдѣ кончается внѣшнее воздѣйствіе, тамъ даны и предѣлы среды, окружающей индивидуума. Возьмите двухъ людей, совершенно одинаковыхъ во всѣхъ отношеніяхъ и живущихъ въ одномъ и томъ же мѣстѣ, слѣдовательно, окруженныхъ одними и тѣми же предметами, но одинъ изъ нихъ слѣпой, а другой обладаетъ нормальнымъ зрѣніемъ,—очевидно, что для каждаго изъ нихъ будетъ существовать и совершенно различная среда. Такимъ образомъ, въ этомъ значеніи среда есть совокупность всѣхъ тѣхъ матеріальныхъ или психическихъ факторовъ, которые вліяютъ на жизнь данной личности. Все, что на нее не оказываетъ никакого вліянія, — все это и не является составнымъ элементомъ среды, ее окружающей. Описать среду, въ которой живетъ данная личность, значитъ перечислить въ систематическомъ порядкѣ всѣ тѣ внѣшніе факторы, которые опредѣляютъ ея жизнь, ея существованіе и физическое и духовное развитіе. Но, приступая къ подобному описанію, мы скоро убѣждаемся, что далеко не всѣ факторы являются равноцѣнными по своему вліянію—одни имѣютъ для жизни данной личности большее значеніе, другіе—меньшее, а третьи играютъ и совсѣмъ ничтожную роль. И переходъ отъ факторовъ перваго порядка къ послѣднимъ является совершенно неуловимымъ. Кромѣ того, одинъ и тотъ же факторъ можетъ имѣть совершенно различное значеніе, смотря по тому, въ связи съ какою стороною существованія личности мы его разсматриваемъ. Такъ, на примѣръ, онъ можетъ являться очень важнымъ для физическаго развитія личности и не имѣть почти никакого значенія въ смыслѣ ея нравственнаго совершенствованія.

Въ настоящей статьѣ насъ занимаетъ вопросъ не о влі-

яніи среды вообще, но о вліяніи среды, насколько ею обусловливается прогрессъ личности въ нравственномъ отноше- нии. Мы не будемъ поэтому здѣсь касаться и того вліянія, какое среда оказываетъ на физическое, умственное или эмо- циональное развитіе человѣка, а сосредоточимъ свое вниманіе исключительно только на тѣхъ составныхъ элементахъ среды, которые стоятъ въ той или другой причинной зависимости съ выработкой въ человѣкѣ нравственныхъ стремленій. Всѣ остальные стороны развитія личности и среда въ своемъ воз- дѣйствіи на послѣднія могутъ быть приняты нами въ ра- счетъ только въ той мѣрѣ, въ какой они стоятъ въ связи съ развитіемъ нравственнымъ.

Но прежде, чѣмъ идти дальше въ своемъ изслѣдованіи, мы должны постараться по возможности точно и ясно опре- дѣлить сущность и характеръ нравственнаго развитія. Вы- ясненіе этого вопроса дастъ намъ возможность вмѣстѣ съ тѣмъ уяснить себѣ и тѣ составные элементы среды, которые имѣютъ особенно важное значеніе въ дѣлѣ нравственнаго воспитанія.

III.

Характеристика процесса нравственнаго развитія личности.

Нравственное развитіе отдѣльной личности есть фактъ очень сложный, потому что онъ охватываетъ собою не одну только какую-нибудь сторону душевной жизни личности, а всѣ стороны ея. Хотя нравственность и является главнымъ обра- зомъ выраженіемъ того или иного направленія воли, тѣмъ не менѣе она самымъ тѣснымъ образомъ связана и съ интел- лектуальными процессами и съ душевными волненіями или чувствами. Воспитаніе въ ребенкѣ или вообще въ человѣкѣ нравственной воли предполагаетъ въ немъ съ одной стороны выработку и усвоеніе извѣстнаго круга нравственныхъ идей, съ другой—культивировку нравственныхъ чувствъ или эмоцій.

Совокупность всѣхъ нравственныхъ понятій данной лич- ности образуетъ то, что можетъ быть названо ея нравствен- нымъ идеаломъ. Этотъ нравственный идеаль или идею о

преображенной, улучшенной жизни личность противопоставляет действительной, реальной жизни и стремится видоизменить последнюю сообразно съ первымъ. Нравственный идеалъ всегда есть идеалъ жизни, только жизни болѣе полной, жизни лучшей, болѣе свѣтлой, находящейся на болѣе высокой ступени развитія. Являясь однимъ изъ факторовъ преобразованія жизни, онъ подобно остальнымъ элементамъ ея, тоже подлежитъ безпрестанному и непрерывному развитію, соотвѣтственно съ ростомъ и расширеніемъ жизненнаго опыта человѣка и пониманія имъ законовъ развитія общечеловѣческой и общемировой жизни.

Жизнь развивается независимо отъ воли и желанія человѣка—таковъ естественный законъ, который намъ формулируетъ современная наука. А человѣкъ, какъ нравственное существо, стремится продолжить эту работу природы, онъ вноситъ въ нее мысль и свѣтъ, изъ бессознательнаго творчества стихійныхъ силъ онъ стремится сдѣлать ее сознательнымъ творческимъ дѣломъ отдѣльной личности или болѣе или менѣе широкой группы гармонически соединенныхъ между собою людей. Онъ начинаетъ только систематически и сознательно, а потому съ большимъ успѣхомъ, преслѣдовать то, что природа достигала до сихъ поръ бессознательно и стихійно и, слѣдовательно, съ громадной и непроизводительной растратой силъ, которыя при другихъ условіяхъ могли бы быть утилизированы для прогресса жизни. Развитіе жизни какъ оно до сихъ поръ идетъ въ природѣ, прерывается часто шагами назадъ и покупается слишкомъ дорогою цѣною гибели многихъ живыхъ существъ въ борьбѣ за существованіе, въ которой выживаютъ только наиболѣе сильные, наиболѣе приспособленные къ той средѣ, гдѣ имъ приходится жить и развиваться. Человѣкъ, какъ нравственное существо, стремится сдѣлать это развитіе жизни всеобщимъ, распространяющимся на всѣ существа и прежде всего на всѣхъ людей, не терпящимъ никакихъ исключеній, касающимся всѣхъ сторонъ жизни и покупаемымъ не цѣною борьбы за существованіе и выживанія наиболѣе приспособленныхъ, а цѣною сознательной солидарной коллективной дѣятельности и поддержки всего слабого и менѣе одареннаго въ борьбѣ за жизнь.

„Чтобъ одного возвеличить, борьба
Тысячи слабыхъ уносить—
Даромъ ничто не дается:—судьба
Жертвъ искупительныхъ просить“... 1)

Такъ рисуется намъ поэтъ слѣпой естественный законъ природы, законъ безумной расточительности, растраты силъ. Человѣкъ стремится замѣнить этотъ законъ болѣе высокимъ, сознательнымъ, нравственнымъ закономъ разумной экономіи силъ, недопускающимъ, чтобы хотя одна жизнь, какъ бы слаба и ничтожна она ни была, пропадала бесплодно для всеобщаго прогресса.

Такимъ образомъ, сознательное, разумное содѣйствіе всеобщему и систематическому развитію жизни въ мірѣ, увеличенію ея общей суммы, напряженности, полноты и совершенства—составляетъ сущность и содержаніе нравственнаго идеала. Нравственный идеаль прежде всего требуетъ, чтобы личность перестала противопоставлять себя міру, перестала смотрѣть на міръ, какъ на нѣчто ей враждебное, находящееся съ ней въ антагонизмѣ, чтобы, напротивъ того, она научилась разсматривать міръ, какъ одно изъ условій своего существованія и полнаго развитія, и научилась бы равнымъ образомъ смотрѣть на себя, какъ на одно изъ условій существованія и развитія самого міра. Только въ той мѣрѣ, въ какой индивидуальная личность признаетъ и сознательно воплощаетъ въ своихъ поступкахъ эту идею цѣльности и гармоніи между собою и міромъ, только въ той мѣрѣ она и является истинно-нравственнымъ существомъ. Безнравственнымъ съ этой точки зрѣнія будетъ тотъ, кто сознательно, и теоретически и практически, противопоставляетъ міръ своей личности и смотритъ на него, какъ на нѣчто себѣ чуждое, какъ на нѣчто, съ чѣмъ надо бороться и враждовать. Чѣмъ больше гармонія, которая существуетъ между личностью и міромъ, тѣмъ больше личность приближается къ типу нравственныхъ существъ.

Но степень достигнутой гармоніи зависитъ отъ той ступени развитія, на которой находится данная индивидуальная

1) Н. Некрасовъ. Стихотворенія.

личность, а также и отъ общихъ условій развитія міра, какъ цѣлаго, вообще. Развитие міровой жизни, какъ намъ приходится наблюдать его въ настоящее время, далеко еще не достигло той ступени, когда можно было бы надѣяться хотя въ отдаленной степени на установленіе полной гармоніи между индивидуумомъ и всѣмъ міромъ: все, о чемъ позволительно мечтать въ предѣлахъ нашего опыта, это—объ установленіи гармоніи между индивидуальной личностью и той частью міра, которая называется человѣчествомъ. Слѣдовательно, становясь на чисто практическую точку зрѣнія, т.-е. имѣя въ виду ближайшую достижимую цѣль, мы можемъ сказать, что задача истинно нравственнаго существа въ настоящее время заключается въ установленіи возможно полной гармоніи между нимъ и человѣчествомъ, въ болѣе или менѣе совершенномъ объединеніи себя съ человѣчествомъ въ одно цѣлое. Если работа мысли индивидуальной личности, если переживаемыя ею чувства, если совершаемые ею поступки, вообще вся ея жизнь находится въ наиболѣе полной гармоніи съ развивающейся жизнью всего человѣчества, то эта личность тѣмъ самымъ достигаетъ высшей возможной для даннаго времени ступени нравственности. Но гармонія между личностью и человѣчествомъ будетъ только въ томъ случаѣ, если личность своимъ существованіемъ и всею своею жизнью будетъ способствовать подъему жизни въ суммѣ, интенсивности и цѣнности во всемъ человѣчествѣ, если, однимъ словомъ, она станетъ однимъ изъ условій прогрессивнаго и всесторонняго развитія всего человѣческаго рода.

Итакъ, если въ настоящее время индивидуальная личность и не можетъ сказать, что она съ міромъ составляетъ одно гармоническое цѣлое, то она можетъ и должна во всякомъ случаѣ стремиться къ тому, чтобы составить подобное гармоническое цѣлое со всѣмъ человѣчествомъ, должна проникнуться этой великой идеей и стараться осуществить ее въ той мѣрѣ, въ какой возможно. Свѣтлый образъ объединеннаго и гармонически связаннаго внутри себя человѣчества, нераздѣльной частью котораго каждая личность является, долженъ быть для нея путеводной звѣздой; въ об-

щей работѣ со всѣмъ человѣчествомъ и для всего человѣчества личность, насколько она дѣйствительно стремится стать нравственной личностью, должна видѣть высшій смыслъ и значеніе своей жизни.

Такимъ образомъ мы пришли къ идеѣ работы личности для всего человѣчества, къ идеѣ, являющейся практически въ данное время высшимъ нравственнымъ идеаломъ. Идеаль содѣйствія личности развитію всеобщей міровой жизни, или работы личности для всего міра, можетъ быть осуществленъ только тогда, когда все человѣчество дѣйствительно станетъ солидарнымъ цѣлымъ, когда внутри его прекратится всякая борьба человѣка съ человѣкомъ, какія бы утонченныя и скрытыя формы она ни принимала—когда человѣчество образуетъ одну всеобщую кооперацию всѣхъ людей для всеобщаго взаимнаго развитія. Тогда объединенное человѣчество, достигнувъ гармоніи внутри себя, можетъ поставить своей задачей—установленіе гармоніи въ мірѣ, а пока міровая гармонія есть не болѣе какъ только свѣтлая поэтическая греза, продуктъ религіознаго или метафизическаго творчества. Мы оставимъ ее поэтому въ сторонѣ и обратимся къ анализу идеи работы личности для всего человѣчества. Посмотримъ, какія частныя производныя идеи могутъ быть выведены изъ этой общей и основной.

Прежде всего мы должны отмѣтить слѣдующее: работа личности для всего человѣчества только тогда дѣйствительно имѣетъ нравственный характеръ, когда она совершается сознательно и свободно, по естественному побужденію личности, а не въ силу какого бы то ни было явнаго или скрытаго принужденія. Только сознательная и свободная, но отнюдь не механическая и принудительная работа личности для человѣчества можетъ быть высшимъ нравственнымъ идеаломъ. Въ самомъ дѣлѣ, не трудно показать, что только въ этомъ случаѣ жизнь и дѣятельность отдѣльной личности могутъ имѣть наиболѣе плодотворное значеніе для всего человѣчества, могутъ въ наибольшей степени способствовать приближенію того времени, когда все человѣчество станетъ дѣйствительно однимъ гармоническимъ цѣлымъ, однимъ со-

лидарнымъ союзомъ всѣхъ людей между собою. Вѣдь высшая солидарность и высшая гармонія, къ которой стремится въ конечномъ предѣлѣ все человѣчество, заключается въ сознательномъ соединеніи свободныхъ и независимыхъ личностей, но отнюдь не есть солидарность рабовъ, какія бы утонченныя формы это рабство ни принимало. Только подобнаго рода солидарность, т.-е. солидарность, основанная на сознательномъ и свободномъ стремленіи къ соединенію другъ съ другомъ связанныхъ между собою существъ, отличается прочностью и устойчивостью. Солидарность же и гармонія, въ основѣ которыхъ лежитъ та или другая форма явнаго или скрытаго принужденія, представляютъ только внѣшнюю гармонію, обусловленную тѣмъ или инымъ счастливымъ стеченіемъ обстоятельствъ, и потому имѣютъ только временный и случайный характеръ. Прекращается это случайное сдѣлленіе обстоятельствъ, и цѣлое, связанное только чисто внѣшнимъ, принудительнымъ и механическимъ образомъ, естественно, само собою распадается на свои составныя части.

Такимъ образомъ мы неизбежно приходимъ къ идеѣ свободной и независимой личности, развитіе жизни которой ничѣмъ не стѣсняется, которая можетъ безпрепятственно развивать всѣ свои силы и способности, можетъ расширять свою активность во всѣ стороны и во всѣхъ направленіяхъ и безъ конца увеличивать сферу ея приложенія. Чѣмъ личность свободнѣе отъ какихъ бы то ни было цѣпей, тѣмъ большее она значеніе получаетъ для развитія и подъема жизни во всемъ человѣчествѣ, для укрѣпленія и расширенія среди него солидарности и гармоніи. „Какъ біологически, такъ и соціологически“, говоритъ Гефдингъ, „свобода является имѣющимъ большое значеніе средствомъ прогресса“¹⁾.

Но чѣмъ личность свободнѣе, чѣмъ болѣе она имѣетъ возможности сознательно и цѣлесообразно развивать всѣ свои силы, дарованія и способности, тѣмъ болѣе она вмѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ и возможности становиться совершенной лич-

¹⁾ Г. Гефдингъ. Ученіе о принципахъ нравственности (публичныя лекціи, читанныя въ дюринскомъ университетѣ), стр. 45.

ностью. Отъ идеи о свободной личности мы неизбежно приходимъ къ идеѣ о совершенной личности. Только совершенный человекъ, всѣ силы и способности котораго достигли максимума возможнаго развитія, можетъ стать и наиболее совершеннымъ работникомъ въ дѣлѣ развитія солидарности среди человечества, можетъ въ наибольшей степени способствовать совершенствованію всего человечества, обращенію его въ одну всеобщую кооперацію всѣхъ людей для всеобщаго взаимнаго развитія, въ одно гармоническое, совершенное общество.

Совершенное общество и совершенный человекъ въ неразрывной, органической связи другъ съ другомъ—составляютъ нравственный идеаль, выраженный въ его наиболее развитой формѣ, а высшее этическое предписаніе сводится въ концѣ концовъ къ слѣдующему: стремись стать наиболее совершенною во всѣхъ отношеніяхъ личностью, чтобы имѣть возможность въ наибольшей степени содѣйствовать осуществленію идеи совершеннаго человечества, совершеннаго общества. „Ты—часть великаго цѣлаго, называемаго человечествомъ“, какъ бы говоритъ этической идеаль отдельной личности, „и высшій смыслъ твоей жизни, твоего развитія, твоего совершенствованія — въ наиболее плодотворной и успѣшной дѣятельности для этого цѣлаго, въ работѣ надъ тѣмъ, чтобы оно становилось лучше, выше и совершеннѣе, какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи, чтобы оно воплощало въ своихъ общественныхъ учрежденіяхъ и въ формахъ своихъ общественныхъ отношеній больше правды и справедливости. Развивай себя, свои силы и способности для этой работы и при помощи этой работы; пусть ни одно твое дарованіе, какъ бы ничтожно оно ни было, не останется для нея неиспользованнымъ!.. въ ней высшій цвѣтъ и благоуханіе твоей жизни, безъ нея она засохнетъ, завянетъ, умалится и будетъ лишена всякаго смысла и значенія. Только сливъ себя съ человечествомъ, только сдѣлавъ его дѣло своимъ дѣломъ, дѣломъ всей своей жизни, ты и самъ, какъ личность, можешь достигнуть наибольшей возможной для тебя полноты развитія и совершенства; внѣ же человечества, отдѣльно отъ него, ты такъ же лишенъ

смысла и значенія, какъ растеніе—безъ земли, воды и воздуха. Человѣчество — это почва, на которой ты выросъ; благодаря которой ты развился и можешь продолжать развиваться все далѣе и далѣе; человѣчество—это тотъ воздухъ, которымъ ты дышишь и безъ котораго духовно ты застылъ бы и замеръ навѣки... Твой безкорыстный, самоотверженный трудъ для человѣчества можетъ только въ слабой ничтожной степени отплатить человѣчеству за то, чѣмъ ты ему обязанъ, и только при помощи этого труда твоя жизнь и твоя личность могутъ пріобрѣсти нравственную цѣнность и стать совершенными“...

Таковы въ общихъ чертахъ основныя нравственныя идеи, до выработки которыхъ лучшая часть человѣчества достигла въ настоящее время.

Но нравственныхъ идей однѣхъ еще недостаточно для того, чтобы поставить человѣка на путь нравственной дѣятельности. Это доказывается существующими случаями „нравственной безчувственности“, извѣстной подъ именами нравственнаго сумасшествія, импульсивнаго сумасшествія, инстинктивной монomanіи и др. Въ большинствѣ случаевъ подобнаго рода субъекты, пораженные этимъ недостаткомъ, „очень хорошо знаютъ правила морали, имѣютъ отвлеченное понятіе о добрѣ, злѣ и долгѣ, привитое имъ воспитаніемъ“, но „все это не имѣетъ на ихъ поведеніе никакого вліянія. У нихъ есть нравственныя понятія, но нѣтъ нравственныхъ чувствованій, т.-е. предрасположенія къ извѣстному образу дѣйствія и чувствованія“¹⁾. Нравственный идеаль для того, чтобы быть двигательной силой въ жизни человѣка, долженъ быть не только продуманъ, но и прочувствованъ, долженъ сводиться не только къ совокупности тѣхъ или другихъ идей, но долженъ опираться также на тѣ или другія нравственныя чувства или эмоціи. Нравственный идеаль, не одушевленный и не поддерживаемый нравственными чувствами, есть мертвая сила и не можетъ имѣть плодотворнаго значенія.

Каковы же тѣ нравственныя чувствованія, которыя должны быть культивируемы для того, чтобы нравственныя идеи

¹⁾ Т. Р и б о. Психологія чувствованій, стр. 324.

могли дѣйствительно стать руководящими началами въ нашей жизни. Мы говоримъ нравственныя чувствованія, а не нравственное чувство, потому что, какъ это совершенно вѣрно замѣчаетъ Рибо, „нравственная эмоція очень сложна“, это— не простой актъ, а сумма стремленій, и подобно всѣмъ другимъ элементамъ психической жизни она подлежитъ развитію и совершенствованію или разложенію и упадку. Какъ всякое сложное чувство, нравственная эмоція не можетъ быть одинаковой у всѣхъ людей и на всѣхъ ступеняхъ развитія общестственности ¹⁾. Въ нашу задачу не входитъ здѣсь подробное изложеніе генезиса нравственной эмоціи и всѣхъ постоянныхъ и преходящихъ элементовъ, которые она могла или можетъ заключать въ себѣ. Мы остановимся только на тѣхъ нравственныхъ чувствованіяхъ, какія предполагаетъ обрисованный нами высшій этической идеаль, до выработки котораго достигла наиболѣе развитая часть человѣчества въ настоящее время.

Ставя своею высшею задачею содѣйствіе развитію жизни и подъему ея въ своей цѣнности у всѣхъ живыхъ существъ, способныхъ къ подобному развитію, взятыхъ ли каждое въ отдѣльности или въ своихъ соціальныхъ сочетаніяхъ другъ съ другомъ, — высшій нравственный идеаль предполагаетъ прежде всего безграничную любовь къ жизни, гдѣ бы и какъ бы она ни проявлялась, или, вѣрнѣе, къ развитію жизни къ ея подъему въ своей интенсивности, широтѣ и цѣльности. Любить жизнь во всѣхъ ея обнаруженіяхъ, гдѣ она намъ является, какъ развитіе, какъ поднятіе съ низшей ступени на высшую, какъ свободная активность, какъ неутомимая дѣятельность, ведущая личность все впередъ и впередъ, какъ все возрастающая въ своей широтѣ гармонія, какъ объединеніе и солидарность, захватывающія все болѣе широкій кругъ существъ и сливающимія ихъ со все большаго числа сторонъ,—вотъ общее основное чувство, которое составляетъ подкладку этического идеала.

Въ своей самой высшей формѣ, которую мы только можемъ себѣ представить, это чувство охватываетъ собою раз-

¹⁾ Т. Р и б о. Психологія чувствованій, стр. 324, 325.

вивающуюся жизнь всего міра, взятого, какъ цѣлое, и такимъ образомъ въ конечномъ своемъ предѣлѣ является не чѣмъ инымъ, какъ „любовью къ міру“, другими словами, тѣмъ чувствомъ, въ которомъ личность духовно сливается со всѣмъ міромъ въ одно гармоническое цѣлое. Но достигнетъ ли когда-нибудь любовь къ жизни этой предѣльной своей формы, наступитъ ли когда-нибудь такое время, когда личность дѣйствительно будетъ въ состояніи составить со всѣмъ міромъ одно гармоническое цѣлое,—этого мы сказать не можемъ. Быть можетъ, это—тотъ предѣлъ, къ которому развитіе будетъ бесконечно приближаться все болѣе и болѣе, никогда однако его не достигая вполне. Во всякомъ случаѣ можно сказать только одно, что до тѣхъ поръ, пока закономъ міровой жизни будетъ являться антагонизмъ силъ и интересовъ и борьба за существованіе во всѣхъ ея видахъ, до тѣхъ поръ и любовь къ жизни не будетъ въ состояніи принять такого широкаго характера. Чтобы она могла охватить собою весь міръ, для этого надо, чтобы этотъ нестройный и хаотическій міръ отъ антагонизма и борьбы силъ перешелъ къ ихъ коопераціи и гармоніи, чтобы все, что мы только находимъ въ мірѣ, способствовало великой цѣли всеобщаго развитія жизни. Но міровую гармонію отдѣльный, изолированный человекъ безсиленъ осуществить; если она когда-нибудь и станетъ дѣйствительнымъ фактомъ, то это можетъ быть во всякомъ случаѣ только дѣломъ всего объединеннаго человечества, планомѣрныя, систематическія усилія котораго только и въ состояніи создать что-нибудь дѣйствительно великое. На пути къ осуществленію міровой гармоніи, составляющей скорѣе метафизическую грезу, предстоитъ пройти еще одни ворота: прежде всего должна быть достигнута и осуществлена гармонія среди человечества, прежде всего изъ его жизни должны быть устранены всякіе слѣды конкуренціи и борьбы за существованіе и человечество объединено въ одну всеобщую кооперацію сознательныхъ, самобытныхъ и свободныхъ личностей. Раньше, слѣдовательно, чѣмъ любовь къ жизни приметъ такой широкой и всеобъемлющей характеръ, что станетъ любовью къ міру, она должна въ своемъ развитіи принять еще другую менѣе широкую, ча-

стную и переходную форму, она должна стать любовью къ челоѣчеству, къ всестороннему и полному развитію обще-челоѣческой жизни. Любовь къ челоѣчеству—вотъ та форма любви къ жизни, которую надо культивировать въ настоящее время, вотъ то чувство, которое должно составить опорную точку для реализаціи высшаго нравственнаго идеала въ томъ видѣ, какъ онъ очерченъ былъ нами выше.

Но тутъ передъ нами возникаетъ слѣдующій важный вопросъ, на который мы уже натолкнулись, говоря о любви къ міру. Мы видѣли тамъ, что любовь къ міру не можетъ возникнуть и развиться до тѣхъ поръ, пока міръ представляетъ нѣчто нестройное, хаотическое, пока закономъ его жизни является антагонизмъ силъ и борьба за существованіе во всѣхъ ея видахъ. Подобно этому можно было бы спросить: какъ можно любить все челоѣчество, когда челоѣчество распадается на рядъ отдѣльныхъ личностей, далеко еще не связанныхъ между собою въ одно стройное солидарное цѣлое? Вѣдь только тогда, когда челоѣчество дѣйствительно будетъ представлять одинъ всеобщій союзъ всѣхъ людей, одно гармоническое цѣлое, только тогда оно и можетъ стать реальнымъ объектомъ челоѣческой любви. А пока предметомъ этой любви могутъ быть только отдѣльныя личности или небольшія группы людей. Все это вѣрно и тѣмъ не менѣе уже и въ настоящее время можетъ и должна быть культивируема любовь къ челоѣчеству, ибо она составляетъ истинную основу этического идеала. Допустимъ, что въ настоящее время, при современныхъ условіяхъ жизни, наша любовь можетъ имѣть своимъ предметомъ только отдѣльныхъ людей или только небольшія группы ихъ, но вѣдь ничто же намъ не мѣшаетъ любить и отдѣльную личность и группу такихъ личностей прежде всего и главнымъ образомъ какъ представителей будущаго солидарнаго челоѣчества, какъ защитниковъ его интересовъ, какъ работниковъ, подготовляющихъ почву и создающихъ условія для осуществленія великой идеи всеобщаго братства всѣхъ людей и всѣхъ народовъ. Въ этомъ смыслѣ въ каждомъ отдѣльномъ челоѣкѣ можно и должно любить все челоѣчество. Любовь къ отдѣльной личности, приобретающая такой широкій характеръ, есть то, что можетъ быть названо

нравственною любовью. Такимъ образомъ, нравственная любовь есть та конкретная форма, которую принимаетъ общая, неопредѣленная любовь къ человѣчеству.

Спрашивается теперь, какимъ же образомъ должна относиться личность къ самой себѣ? должна ли она любить себя или нѣтъ? Не должны ли мы вовсе отвергнуть всякое чувство любви къ себѣ, какъ служащее выраженіемъ самаго низкаго и отвратительнаго эгоизма? На этотъ вопросъ, повидимому, можно было бы отвѣтить слѣдующее: личность должна относиться къ самой себѣ такъ же, какъ и къ другимъ окружающимъ ее людямъ, должна и на себя одинаковымъ образомъ смотрѣть, какъ на часть человѣчества, должна любить въ лицѣ своемъ будущее солидарное, объединенное человѣчество, должна видѣть въ себѣ работника, таскающаго кирпичи для фундамента, на которомъ воздвигнется величественный храмъ будущаго, храмъ свободнаго коллективнаго труда всѣхъ людей надъ поднятіемъ въ цѣнности и облагороженіемъ какъ индивидуальной, такъ и общественной жизни. Ея любовь къ самой себѣ должна принять характеръ той нравственной любви, о которой мы говорили выше.

Чувство любви къ себѣ или къ лучшей части своего „я“, благодаря которой мы духовно сливаемся, въ болѣе или менѣе широкой степени, со всѣмъ человѣчествомъ и которая въ концѣ концовъ побѣждаетъ всѣ низшія стороны нашей природы, можетъ быть названо еще иначе чувствомъ нравственнаго достоинства, сознаниемъ своей цѣны, какъ нравственной личности, и сводится къ дѣятельному стремленію дать своей личности эту нравственную цѣнность. Эта любовь къ себѣ, какъ возможной нравственной личности, необходимо должна быть вырабатываема, такъ какъ она является той побудительной причиной, которая заставляетъ отдѣльнаго человѣка неутомимо работать надъ своимъ нравственнымъ самоусовершенствованіемъ.

Но человѣкъ можетъ приобрѣсти нравственную цѣнность только въ томъ случаѣ, если онъ будетъ чувствовать и сознавать себя, какъ часть великаго цѣлаго, называемаго человѣчествомъ, и если онъ будетъ развивать свою личность для того, чтобы эта послѣдняя послужила источникомъ раз-

вита жизни среди человечества. Чувство нравственного достоинства въ его наиболее развитой формѣ тѣсно связано съ сознаниемъ, что развитіе индивидуальной жизни можетъ быть достигнуто только путемъ работы надъ развитіемъ жизни общечеловѣческой и что главная и высшая цѣль саморазвитія и заключается въ томъ, чтобы сдѣлать индивидуума совершеннымъ орудіемъ прогрессивнаго развитія жизни во всемъ человечествѣ. Нравственное самосовершенствованіе отдѣльной личности достигается только путемъ дѣятельности этой личности надъ тѣмъ, чтобы все человечество, частью котораго эта личность является, стало совершеннымъ въ нравственномъ отношеніи, а если это возможно, то чтобы и весь міръ, какъ цѣлое, приобрѣлъ нравственную цѣнность. Въ работѣ надъ нравственнымъ развитіемъ человечества заключается высшій смыслъ работы личности и надъ собственнымъ нравственнымъ самосовершенствованіемъ.

Такимъ образомъ, чувство любви къ себѣ, какъ возможной нравственной личности, или чувство нравственного достоинства, самымъ тѣснымъ образомъ связано съ чувствомъ любви къ другимъ, какъ къ существамъ, способнымъ стать нравственными существами, способнымъ приобрести нравственную цѣнность.

Чувство, побуждающее насъ содѣйствовать развитію другихъ людей, заставляющее насъ прилагать всѣ свои старанія къ тому, чтобы „сдѣлать изъ существъ, живущихъ зоологической жизнью, — нравственныхъ личностей“¹⁾ — есть справедливость.

Справедливость можетъ быть опредѣлена нами, какъ такое чувство, въ силу котораго мы признаемъ цѣнность и значеніе за каждою индивидуальною жизнью и стараемся о томъ, чтобы эта цѣнность получила свое признаніе въ совершенной организаціи общественныхъ отношеній. Чувство справедливости въ его высшей формѣ побуждаетъ насъ стремиться къ организаціи всего человечества въ одно совершенное гармоническое общество, которое дастъ возможность

¹⁾ Современныя ученія о нравственности и ея исторія. „Отеч. Зап.“ 1870 г. № 4, стр. 464.

каждой индивидуальной личности, входящей въ его составъ, развиться до той полноты развитія, до которой только она можетъ развиться по природѣ заложенныхъ въ ней силъ, способностей и дарованій.

Такимъ образомъ, резюмируя все предшествующее, мы можемъ сказать, что если чувство нравственнаго достоинства есть та форма, которую нравственная любовь принимаетъ, поскольку предметомъ ея является сама индивидуальная личность, то чувство справедливости есть та форма, которую принимаетъ нравственная любовь, насколько предметомъ ея служатъ другіе люди, насколько она опирается на признаніе нравственной цѣнности за каждою индивидуальною жизнью. Основнымъ чувствомъ, служащимъ точкою опоры для нравственнаго идеала, въ томъ видѣ, какъ онъ былъ опредѣленъ выше, во всякомъ случаѣ является нравственная любовь.

Если нравственные идеи и нравственные чувства достаточно сильны въ человѣкѣ, чтобы устоять въ борьбѣ съ эгоистическими и низшими влеченіями его природы и противоположенными стремленіями и инстинктами, которые могли быть унаслѣдованы имъ отъ предковъ или внушены окружающею средою, то они властно двигаютъ человѣческую волю и приводятъ къ тому, что можетъ быть названо нравственною дѣятельностью или нравственнымъ поведеніемъ. Воля, двигательной пружиной которой являются нравственные идеи и нравственные чувства, становится нравственной волей. Чѣмъ болѣе такая воля обнаруживается въ дѣйствіи, тѣмъ болѣе она упражняется, тѣмъ болѣе нравственное дѣйствіе дѣлается для нея легкимъ и возможнымъ. Каждое хорошее дѣйствіе имѣетъ не только одинъ внѣшній результатъ, но и результатъ внутренній, выражающійся въ томъ, что человѣкъ все болѣе дѣлается предрасположеннымъ къ добру. Дѣйствуя нравственно, обнаруживая свою нравственную волю, совершая хорошіе поступки, — индивидуальный человѣкъ вмѣстѣ съ тѣмъ вырабатываетъ въ себѣ тотъ нравственный характеръ, который составляетъ необходимое условіе для сколько-нибудь прочной, плодотворной и устойчивой нравственной дѣятельности. Нравственный характеръ—это—сфор-

мировавшаяся путем дѣятельности и закалившаяся въ борьбѣ съ препятствіями воля, которая стала способной противостоять всякимъ искушеніямъ и отнынѣ будетъ двигаться неуклонно впередъ въ направленіи нравственнаго идеала. Весь вопросъ нравственнаго воспитанія и сводится къ сформированію подобнаго нравственнаго характера или организованной, твердой и устойчивой воли.

Какимъ путемъ воля въ человѣкѣ становится нравственной? Какую роль въ этомъ процессѣ играетъ среда? Прежде чѣмъ отвѣтить на эти вопросы, мы должны постараться выяснить себѣ, что слѣдуетъ понимать подъ волею вообще, каковы ея характерныя особенности, какъ психологическаго факта, въ чемъ выражается развитіе и совершенствованіе воли и не является ли нравственная воля вмѣстѣ съ тѣмъ и наиболѣе совершенной волей, т.-е. волей, стоящей на болѣе высокой ступени развитія.

IV.

Характерныя особенности воли, какъ психологическаго факта.

Современная научная психологія, стоящая на почвѣ опыта и строго провѣренныхъ фактовъ, въ лицѣ такихъ выдающихся мыслителей, какъ, напр.: Вундтъ, Гефдингъ и др., понимаетъ волю, какъ своеобразный фактъ сознанія, несводимый ни на представленіе, ни на чувствованіе, хотя тѣмъ не менѣе нераздѣльный отъ нихъ и всегда сопутствуемый ими. Нѣтъ ни одного волевого акта, который не заключалъ бы въ себѣ тѣ или другіе элементы чувствованія и представленія: отдѣлить его отъ этихъ послѣднихъ можно только путемъ отвлеченія, въ дѣйствительности же и воля, и чувствованіе, и элементы познанія (представленія и ощущенія) составляютъ одно нераздѣльное цѣлое.

Какія же качества можно считать характерными для воли, если мы представимъ себѣ исключенными изъ нея всѣ элементы познанія и чувствованія? Въ такомъ случаѣ останутся только два основныя качества—самодѣятельность и единство. И эти качества характеризуютъ какъ отдѣльный актъ воли,

такъ и цѣлый послѣдовательный рядъ такихъ актовъ, поскольку въ нихъ проявляется одна и та же воля.

По мнѣнію Рибо, напр., всѣ болѣзненные случаи воли сводятся „къ независимости, неправильности, изолированности, анархіи дѣйствій“ ¹⁾. Предположить отдѣльные акты воли внѣ всякой связи другъ съ другомъ значитъ предположить и отсутствіе самой воли. Отдѣльные акты воли перестаютъ быть въ собственномъ смыслѣ этого слова волевыми актами, разъ только между ними не существуетъ никакой связи, разъ только они не могутъ составить одно неразрывное, связанное цѣлое. Это бываетъ, напр., въ тѣхъ случаяхъ, когда въ индивидуумѣ дѣйствуютъ внезапные, неудержимые импульсы, которые не вступаютъ въ связь съ другими стремленіями, которые выходятъ, такъ сказать, изъ общаго ряда и начинаютъ повелѣвать вмѣсто того, чтобы подчиняться. Когда эти импульсивныя стремленія перестаютъ быть случайными и дѣлаются привычными, тогда воля становится только исключеніемъ. „Еще немного ниже и воля является уже простою случайностью. Въ ряду непрерывно слѣдующихъ другъ за другомъ и ежеминутно мѣняющихся импульсовъ, случайное хотѣніе едва, и то изрѣдка, находитъ условіе для своего существованія; тутъ уже остаются только причуды“ ²⁾. Образцомъ такой совершенной безсвязности дѣйствій, такого полнаго отсутствія единства между ними является истерическій характеръ. Вотъ какъ Рибо характеризуетъ послѣдній: „Истеричныя волнуются и находятся во власти своихъ страстей. Всѣ почти разновидности ихъ характера и ихъ умственного состоянія могутъ быть выражены въ слѣдующихъ словахъ: онѣ не умѣютъ, не могутъ и не хотятъ хотѣть“ ³⁾.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ между послѣдовательными дѣйствіями исчезаетъ единство и связь, которыя допускали бы считать эти дѣйствія проявленіемъ одной и той же воли,

¹⁾ Т. Р и б о. Болѣзни воли. Пер. со 2-го франц. изд. д-ра Томашевскаго, стр. 153.

²⁾ Тамъ же стр. 176.

³⁾ Тамъ же стр. 118.

исчезаетъ также и то чувство самодѣтельности, которое характеризуетъ всякое истинное хотѣніе. Человѣкъ, который дѣйствуетъ, повинаясь минутнымъ побужденіямъ, сильнымъ страстнымъ порывамъ, стремленіямъ настолько могущественнымъ, что они подавляютъ всѣ другія стремленія его природы, — не чувствуетъ себя самодѣтельнымъ и активнымъ. Это достаточно подтверждается фактами психологическаго самонаблюденія и можетъ быть провѣрено каждымъ человѣкомъ надъ самимъ собою. Чувство самодѣтельности и активности въ наибольшей степени связано только съ тѣми дѣйствіями, которыя представляютъ результатъ сознательнаго, обдуманнаго выбора и рѣшенія. А что такое, въ сущности, подобный сознательный и обдуманный выборъ, какъ не сравненіе новыхъ предполагаемыхъ къ достиженію цѣлей со старыми, которыя уже достигались личностью ранѣе, или съ тѣми позднѣйшими цѣлями, которыя могутъ быть для нея возможны въ болѣе или менѣе ближайшемъ или отдаленномъ будущемъ,—какъ не опредѣленіе гармоніи или соотвѣтствія между ними. Чѣмъ шире это сравненіе, тѣмъ сознательнѣе и обдуманнѣе выборъ, тѣмъ совершеннѣе волевой актъ, являющійся его результатомъ, тѣмъ болѣе личность чувствуетъ себя самодѣтельной и активной. Совершенство волевого акта, какъ таковаго, прямо пропорціонально степени связи и единства, существующей между нимъ и другими волевыми актами, которые совершались ранѣе или могутъ еще совершаться личностью въ будущемъ.

Такимъ образомъ, какъ мы видимъ, воля не исчерпывается въ одномъ дѣйствіи, но предполагаетъ цѣлый непрерывный рядъ дѣйствій, связанныхъ въ одно неразрывное, болѣе или менѣе гармоническое цѣлое. Если послѣдовательныя дѣйствія не объединяются между собою, если связь нарушена, то не существуетъ въ строгомъ смыслѣ и того, что могло бы быть названо волей. Все это даетъ намъ право каждое отдѣльное дѣйствіе воли разсматривать, какъ членъ цѣлой системы дѣйствій, а отдѣльную ставимую волею цѣль, какъ членъ цѣлой системы цѣлей. Чѣмъ въ большей степени отдѣльные акты воли образуютъ одну систему волевыхъ дѣйствій, а отдѣльныя цѣли, достигаемыя этими

дѣйствіями, одну систему цѣлей, тѣмъ въ большей степени воля можетъ быть считаема нами совершенной, тѣмъ на болѣе высокой ступени развитія она находится.

Но волевые акты или цѣли только въ той мѣрѣ соединяются въ одну систему, въ какой они не находятся между собою въ противорѣчій, т.-е. не уничтожаютъ, не исключаютъ взаимно другъ друга, но, напротивъ того, находятся другъ съ другомъ въ соотвѣтствіи. Однимъ словомъ, можно сказать, что воля тѣмъ въ болѣе степени совершенна, чѣмъ болѣе отдѣльные акты воли кооперируютъ другъ съ другомъ, а отдѣльныя цѣли гармонируютъ между собою, и тѣмъ въ болѣе степени несовершенна, чѣмъ болѣе отдѣльные акты воли находятся въ антагонизмѣ другъ съ другомъ а отдѣльныя цѣли—въ дисгармоніи.

Степень совершенства воли измѣряется, такимъ образомъ, степенью коопераціи отдѣльныхъ актовъ воли и степенью гармоніи отдѣльныхъ цѣлей. Но, кромѣ этого показателя совершенства воли, другимъ показателемъ ея совершенства является количество цѣлей. Наиболѣе совершенная и наиболѣе развитая воля преслѣдуетъ и наибольшее количество цѣлей, находитъ свое выраженіе и въ наибольшемъ количествѣ отдѣльныхъ актовъ или дѣйствій. Развитие воли есть одновременно возрастающая связь и кооперація отдѣльныхъ дѣйствій, прогрессирующая гармонія цѣлей, и въ то же время это есть возрастаніе суммы дѣйствій, расширеніе системы цѣлей.

Къ этому надо еще прибавить, что чѣмъ совершеннѣе воля, тѣмъ болѣе сложный и широкій характеръ приобретаетъ каждое отдѣльное дѣйствіе ея. Этотъ фактъ можетъ быть выраженъ еще нѣсколько иначе, если отъ самаго процесса волевой дѣятельности мы обратимъ свое вниманіе на цѣли, достигаемая этою дѣятельностью. Съ развитіемъ, каждымъ отдѣльнымъ дѣйствіемъ достигается все болѣе и болѣе широкая цѣль, охватывающая въ себѣ, какъ въ одной системѣ, все большее количество болѣе узкихъ цѣлей. Но вмѣстѣ съ тѣмъ какъ всѣ дѣйствія, совершаемыя человекомъ, такъ и всѣ цѣли, послѣдовательно ставимыя имъ, стремятся все въ болѣе степени составить одну безпредѣльно расширяю-

щуюся систему человеческих действий и человеческих целей, в которой каждое единичное действие и каждая единичная цель являются нераздельною, органическою составною частью послѣдней. Развитие воли, такимъ образомъ, связано какъ съ возрастаніемъ объединенія ставимыхъ и достигаемыхъ целей—такъ и съ возрастаніемъ самаго количества целей. Если первоначально цели, которыя ставить себѣ человекъ, могутъ имѣть своимъ предметомъ только непосредственно близкое, только существеннымъ образомъ наше личное „я“, то съ развитіемъ воли наши цели распространяются на все болѣе и болѣе отдаленные предметы, приобретаютъ все болѣе безличный и широкій характеръ: мы начинаемъ хотѣть не только для себя, но и для другихъ людей. Конечный предѣлъ развитія воли, если только онъ мыслимъ, будетъ достигнутъ нами тогда, когда мы будемъ хотѣть не только для непосредственно близкихъ намъ людей, но для всего человечества, а если это возможно, то и для всего міра. Такимъ образомъ, воля поднимается на все болѣе высокую ступень по лѣстницѣ развитія по мѣрѣ того, какъ она освобождается отъ узкихъ, своекорыстныхъ, эгоистическихъ целей и становится все болѣе и болѣе широкой, безкорыстной и любящей, по мѣрѣ того, какъ все болѣе обширный кругъ человеческихъ существъ дѣлается идеальнымъ предметомъ ея стремленій.

Намъ необходимо отмѣтить еще одну, очень существенную характеристическую черту процесса развитія воли. Мы видѣли, что развитие воли на пути къ совершенству выражается какъ въ увеличеніи количества и сложности целей человеческой жизни, такъ и въ возрастающемъ объединеніи ихъ между собою, въ стремленіи составить одну систему, одно гармоническое цѣлое. Выраженный другими словами, этотъ фактъ явится намъ какъ возрастаніе и расширеніе творческой дѣятельности. Воля есть дѣятельность творческая по преимуществу, и чѣмъ выше поднимается она въ своемъ развитіи, тѣмъ рельефнѣе становится ея творческій характеръ. Эта сторона развитія воли заслуживаетъ того, чтобы на ней остановиться подробнѣе.

Въ интересной статьѣ Пьера Жанэ, носящей заглавіе

„Etude sur un cas d'aboulie et d'idées fixes“ (Revue philosophique за 1891 г., №№ 3 и 4), мы имѣемъ подробное описаніе наблюденій, произведенныхъ имъ надъ одной молодой дѣвушкой, 22 лѣтъ, въ которой было замѣчено почти полное уничтоженіе способности, называемой волею. Фактъ, наиболѣе бросающійся въ глаза, который прежде всего констатируется у этой больной, и первый симптомъ, на который она жалуется, если ее спрашиваютъ—это необыкновенная трудность движеній всякаго рода. У нея совершенно исчезла воля, какъ способность рѣшиться исполнить какое-нибудь дѣйствіе, совершить какое-нибудь движеніе. Марсель, какъ называетъ ее условно Жанэ, уже съ давняго времени не въ состояніи ни на что рѣшиться, даже на самое пустяшное дѣло. Она не знаетъ, слѣдуетъ ли пойти погулять или остаться сидѣть въ креслѣ и въ присутствіи этого тяжелаго вопроса она остается неподвижной цѣлый день, бормоча: „что дѣлать? Боже мой, что дѣлать?“ Но воля у нея исчезла не только какъ способность рѣшиться, но и вообще какъ способность добровольно, а не автоматически, произвести какое-нибудь опредѣленное движеніе или предупредить, задержать исполненіе какихъ-нибудь движеній. Дѣйствія автоматическія не только у нея сохранились, но даже проявляются въ необыкновенно сильной, преувеличенной степени. Всякій образъ какого-нибудь акта подобнаго рода становится импульсивнымъ и, не встрѣчая никакой задержки со стороны бессильной воли, ведетъ къ совершенію самаго акта.

Но надо замѣтить, что колебаніе и безсиліе, обнаруживаемыя этой больной, въ дѣйствительности очень измѣняются, смотря по степени ея болѣзни въ разное время, и даже въ одно и то же время они крайне различны, смотря по природѣ дѣйствій, которыя слѣдуетъ совершить и которыя не кажутся трудными всѣ въ одинаковой степени. Такъ Марсель, напр., когда ей предлагали брать со стола разные находящіеся тамъ предметы, съ большою легкостью брала предметъ извѣстный и обычный и съ большимъ трудомъ могла взять предметъ новый, который ей не приходилось ранѣе никогда брать въ руки: свой вязальный крючокъ она брала со стола всегда довольно удовлетворительно, съ одной

или двумя минутами колебанія, но ей требовалось десять минут или четверть часа, чтобы взять карандаш чужого человѣка. Вообще трудность движенія здѣсь была въ прямомъ соотношеніи съ его новизною. Это обстоятельство легко можетъ быть провѣрено на всемъ поведеніи Марсель. Она, напр., вполнѣ неспособна разговаривать съ какимъ-нибудь новымъ лицомъ; ей необходимо было два мѣсяца, чтобы привыкнуть говорить съ авторомъ упомянутой нами статьи, затѣмъ она разговаривала съ нимъ вполнѣ свободно. Самымъ тягостнымъ для нея является всегда начало дѣйствія, подъ которымъ отнюдь не слѣдуетъ понимать матеріальный фактъ приведенія въ движеніе мускуловъ, до этого времени находившихся въ покоѣ. Всякому такому движенію мускуловъ всегда предшествуетъ образованіе той сложной совокупности идей и образовъ, которая необходима для того, чтобы представить себѣ долженствующее быть совершеннымъ дѣйствіе. Эта связанная совокупность образовъ и идей, этотъ синтезъ, какъ называетъ ее Жанэ, не бываетъ буквально одинаковъ для двухъ актовъ, какъ бы они ни казались похожими другъ на друга. Образованіе этого синтеза—вотъ что представляется труднымъ для Марсель, тогда какъ повтореніе того же самаго синтеза, разъ онъ уже совершенъ, для нея легко. Все это приводитъ Жанэ къ установленію слѣдующаго важнаго различія между дѣйствіями автоматическими и дѣйствіями волевыми: „дѣйствія автоматическія—это дѣйствія, для которыхъ достаточно повторенія стараго синтеза образовъ, уже связанныхъ вмѣстѣ въ одно цѣлое, однимъ словомъ, дѣйствія, которыя были уже прежде предметомъ воли; воля же... есть образованіе этихъ новыхъ синтезовъ. Дѣйствіе является волевымъ только въ силу своей новизны“¹⁾.

Однако это заключеніе, повидимому, противорѣчитъ многимъ другимъ фактамъ, наблюдавшимся у упомянутой нами

¹⁾ Pierre Janet. Etude sur un cas d'aboulie et d'idées fixes (Revue philosophique 1891, № 3, стр 268, 269).

больной. Такъ, во-1-хъ, если Марсель предлагаютъ пойти поискать какой-нибудь предметъ, который она никогда ранѣе не брала въ руку, то она не остается абсолютно неподвижной: она поднимается съ мѣста, протягиваетъ руку и т. д., однимъ словомъ, ей удается привести въ исполненіе нѣкоторую долю полезныхъ движеній. Это обстоятельство объясняется тѣмъ соображеніемъ, что, въ сущности говоря, дѣйствіе, которое предстоитъ выполнить Марсель, не является абсолютно и вполнѣ новымъ, оно слагается изъ совокупности прежнихъ актовъ, которые она можетъ совершать легко. Другое затрудненіе заключается въ слѣдующемъ. Въ нѣкоторые дни, когда болѣзнь принимаетъ особенно тяжелый характеръ, что случается съ Марсель довольно часто, она становится вполнѣ неподвижной и утрачиваетъ способность выполнять дѣйствія даже наиболѣе обычные. Она не въ состояніи уже болѣе разговаривать даже съ лицомъ, съ которымъ ей приходилось разговаривать сотни разъ, не въ состояніи болѣе одѣваться, подняться съ кресла и т. д. Чѣмъ объяснить подобное явленіе? Тѣмъ, что не существуетъ дѣйствія, которое было бы буквальнымъ повтореніемъ прежняго дѣйствія и не заключало бы въ себѣ хотя ничтожной доли новизны. „Никто не купается дважды въ одной и той же водѣ, сказалъ древній мудрецъ: вселенная измѣняется непрестанно, и какъ бы ни казались наружно тождественными обстоятельства, среди которыхъ мы находимся, всегда существуетъ перемѣна, или внѣ насъ, или внутри насъ самихъ, которая требуетъ новаго приспособленія, новаго усилія. Такъ какъ будущее никогда не бываетъ точнымъ повтореніемъ прошлаго, то актъ сознательный никогда не бываетъ актомъ вполнѣ автоматическимъ. Всегда бываетъ необходимо дѣлать усиліе, изобрѣтать, хотѣть немного, даже для того, чтобы повторить дѣйствіе наиболѣе обычное“¹⁾. Нѣтъ ничего удивительнаго поэтому, что въ тѣ моменты, когда болѣзнь Марсель принимаетъ наиболѣе тяжелый характеръ, когда воля въ ней кажется сведенной почти къ

¹⁾ Тамъ же, стр. 269.

нулю, она теряет способность выполнять дѣйствія даже наиболѣе обычныя.

Такимъ образомъ, какъ мы видимъ отсюда, по существу своему волевой актъ является своего рода творчествомъ; поскольку дѣйствіе утрачиваетъ этотъ творческій характеръ, поскольку оно является только повтореніемъ стараго, постольку оно перестаетъ быть волевымъ и становится автоматическимъ. Но такимъ образомъ волевое дѣйствіе представляется намъ только въ той мѣрѣ, въ какой мы будемъ имѣть въ виду его внутреннюю сторону, безотносительно къ тѣмъ внѣшнимъ результатамъ, которые являются его послѣдствіемъ. Съ точки зрѣнія этихъ внѣшнихъ результатовъ волевая дѣятельность не всегда бываетъ творчествомъ, т.-е. созданиемъ изъ извѣстныхъ данныхъ, находящихся на-лицо, матеріаловъ новыхъ, болѣе сложныхъ сочетаній, новыхъ болѣе высокихъ формъ, она очень часто является разрушеніемъ и уничтоженіемъ или, вообще, имѣетъ отрицательный характеръ. Воля человѣка находитъ себѣ примѣненіе, напр., не только въ формѣ цѣлесообразнаго труда, который заставляетъ поля покрываться питательными злачными растеніями, который изъ различныхъ строительныхъ матеріаловъ, разбросанныхъ тамъ и сямъ, воздвигаетъ человѣческія жилища и т. д. На ряду съ этой положительной, творческой, созидательной дѣятельностью, мы наблюдаемъ, къ сожалѣнію въ очень широкихъ размѣрахъ, и дѣятельность разрушительную, дѣятельность отрицательнаго характера. Человѣкъ не только обрабатываетъ и засѣваетъ поля, онъ ихъ топчетъ и уничтожаетъ взшедшіе на нихъ посѣвы, онъ не только строитъ и воздвигаетъ жилища, онъ ихъ также уничтожаетъ при помощи огня или какими-нибудь другими способами. Такой двойственный характеръ дѣятельность человѣка можетъ носить не только въ отношеніи къ неодушевленной природѣ, но и въ отношеніи къ живымъ существамъ, животнымъ и людямъ—онъ можетъ ихъ убивать, наносить имъ вредъ, оскорблять, дурно обращаться съ ними или же, наоборотъ, онъ можетъ спасать ихъ отъ опасности, помогать имъ, заботиться о нихъ, облегчать ихъ страданія, увеличивать ихъ радости. Какой бы характеръ, положительный или

отрицательный, ни носила волевая дѣятельность человѣка, что касается ея внутренней стороны, она всегда остается творчествомъ, потому что всегда требуетъ синтеза идей и образовъ, при помощи котораго только мы и можемъ себя представить рядъ тѣхъ дѣйствій, каковъ бы онъ ни былъ, который намъ предстоитъ исполнить.

Но хотя дѣятельность воли, рассматриваемая съ внѣшней стороны, въ ея результатахъ, и носить указанный двойственный характеръ, тѣмъ не менѣе уже въ силу присущихъ самой духовной жизни законовъ развитія, отрицательная дѣятельность стремится отступить на задній планъ и дать полный просторъ для положительной, созидательной дѣятельности. „Разрушительная дѣятельность“, говоритъ Рибо, „сопровождается чувствомъ удовольствія, но это удовольствіе патологическое, потому что служить источникомъ зла. Охранительная или созидательная дѣятельность сопровождается удовольствіемъ чистымъ, не оставляющимъ послѣ себя никакого тяжелаго чувства; это удовольствіе имѣетъ поэтому стремленіе повторяться и разрастаться: предметъ или лицо, его доставляющіе, становятся притягательнымъ центромъ, источникомъ пріятныхъ ассоціацій“¹⁾.

Развитіе воли, съ этой точки зрѣнія, намъ представится, какъ расширеніе сферы внѣшней творческой, созидательной дѣятельности, при чемъ размѣръ творческой дѣятельности возрастаетъ не только если имѣть въ виду всю систему волевыхъ дѣйствій, наблюдаемыхъ у данной личности, но и каждое отдѣльное дѣйствіе развивающейся воли захватываетъ все болѣе и болѣе широкія области, какъ матеріаль для своего творчества. Чѣмъ выше ступень развитія, на которой находится человѣческая воля, тѣмъ болѣе интенсивный и широкій характеръ проявляетъ творческая дѣятельность человѣка, принося съ каждымъ своимъ обнаруженіемъ все большее количество и все болѣе глубоко отличающихся отъ прежняго, новыхъ продуктовъ, которые служатъ исходною точкою для новаго, еще болѣе широкаго и интенсивнаго творчества. Конечнымъ предѣломъ здѣсь будетъ служить то, когда все че-

1) Т. Р и б о. Психологія чувствованій, стр. 317.

ловѣчество, а если возможно и весь міръ, составлять матеріаль для этой интенсивной творческой дѣятельности человѣка, для созданія „новаго человѣчества“, а если это возможно, то и „новаго міра“, воплощающихъ въ своей жизни высшій этический идеаль всеобщей коопераціи всѣхъ живыхъ существъ для взаимнаго совершенствованія и развитія.

V.

Значеніе среды въ процессѣ развитія воли. Значеніе природы въ процессѣ расширенія цѣлей, ставимыхъ человѣческой волею.

Мы видѣли выше, что развитіе воли выражается въ прогрессивномъ умноженіи количества цѣлей, преслѣдуемыхъ человекомъ въ его жизни, а также и въ возрастающемъ объединеніи этихъ цѣлей между собою, въ установленіи между ними все большей и большей гармоніи. Какое значеніе въ этомъ процессѣ развитія можетъ имѣть среда? Какимъ образомъ она можетъ явиться факторомъ, или благопріятствующимъ ему, или, наоборотъ стѣсняющимъ его и задерживающимъ?

Нѣсколько простыхъ и несложныхъ соображеній дадутъ намъ возможность очень легко понять ту роль, которую среда играетъ или можетъ играть въ дѣлѣ развитія воли, представляющемъ вмѣстѣ съ тѣмъ и ея совершенствованіе въ нравственномъ отношеніи. Воля есть способность къ дѣятельности извѣстнаго рода. Въ этой дѣятельности, въ рядѣ волевыхъ актовъ она находитъ свое выраженіе. И чѣмъ чаще эта дѣятельность обнаруживается, чѣмъ больше поводовъ въ жизни человека для волевыхъ дѣйствій, тѣмъ болѣе разовьется въ немъ и воля. Съ фізіологической точки зрѣнія воля есть функція, органомъ которой являются извѣстныя доли головного мозга, и какъ всякая функція она развивается только путемъ упражненія. Упражненіе совершенствуетъ органъ и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаетъ болѣе совершенной и самую функцію. И наоборотъ недостатокъ упражненія, отсутствіе дѣятельности имѣетъ своимъ послѣдствіемъ то, что органъ мало-по-

малу атрофируется и дѣлается все менѣе способнымъ къ исполненію своей функціи.

Итакъ, нужно дѣйствовать, нужно совершать волевые акты, нужно достигать тѣхъ или другихъ цѣлей, только тогда и будетъ развиваться въ насъ та способность, которую мы называемъ волею. Глазъ долженъ смотрѣть постоянно: различать свѣтъ отъ темноты, цвѣта другъ отъ друга, формы и очертанія предметовъ—только тогда онъ и разовьется. Предположите глазъ лишеннымъ свѣта, предположите, что онъ постоянно находится въ почти абсолютной темнотѣ, и онъ утратитъ свою способность въ должномъ размѣрѣ исполнять свое назначеніе. Такъ и воля. Представимъ себѣ, что внѣшняя среда такова, что нѣтъ никакой необходимости, никакой побудительной причины для волевыхъ дѣйствій—въ такомъ случаѣ и воля человѣка будетъ лишена всякихъ данныхъ для дальнѣйшаго своего развитія. Постараемся опредѣлить теперь болѣе подробно то качество среды, которое является въ отношеніи воли тѣмъ же, чѣмъ является свѣтъ въ отношеніи глаза.

Мы видѣли выше, что дѣйствіе бываетъ волевымъ только въ силу его новизны, т.-е. когда для совершенія его требуется построеніе въ сознаніи новой объединенной совокупности идей и образовъ, и что, наоборотъ, когда для совершенія дѣйствія бываетъ достаточно того сочетанія образовъ и идей, которое было уже образовано нами ранѣе, дѣйствіе тѣмъ самымъ утрачиваетъ свой волевой характеръ и становится автоматическимъ. Отсюда слѣдуетъ, что при наличности однѣхъ и тѣхъ же потребностей, стремленій и цѣлей, которыя себѣ ставитъ данная личность, необходимо, чтобы эти потребности, стремленія и цѣли каждый разъ ей приходилось удовлетворять и достигать при измѣнившихся условіяхъ. Представимъ себѣ, что среда приняла настолько постоянный, неизмѣнный и устойчивый характеръ, что при достиженіи своихъ цѣлей человѣку всегда приходится имѣть дѣло со старою уже извѣстною ему совокупностью условій и обстоятельствъ, что ему остается только повторять дѣйствія, которыя совершались имъ уже ранѣе—въ такомъ случаѣ исчезнетъ совершенно надобность въ дѣйствіяхъ волевого характера, въ такомъ случаѣ чело-

вѣкъ всецѣло обратится въ автомата, въ машину, у которой на всякую внѣшнюю реакцію со стороны среды есть уже готовые, напередъ составленные отвѣты. Тогда можно будетъ сказать, что человѣкъ вполне приспособился къ своей средѣ, и такое полное приспособленіе знаменуетъ собою и полное исчезновеніе въ немъ сознательной воли, превращеніе его въ машину, которая хотя и отлично отвѣчаетъ на самыя сложныя воздѣйствія среды, но каждый отвѣтъ которой такъ же произволенъ, какъ произвольно, на примѣръ, кукла, дернутая за шнурокъ, выкрикиваетъ слова „папа“ или „мама“. Вся суть здѣсь въ установившихся, благодаря постоянному взаимодействію между индивидуумомъ и средой, которую мы предположили неизмѣнной, извѣстныхъ, болѣе или менѣе сложныхъ формъ реакціи индивидуума на внѣшнія впечатлѣнія среды, состоящихъ изъ ряда дѣйствій, развертывающихся съ роковою, неумолимою неизбѣжностью, разъ только дано извѣстное внѣшнее впечатлѣніе.

Такимъ образомъ, для развитія воли въ человѣкѣ, при прочихъ равныхъ условіяхъ, необходимо, чтобы окружающая его среда не сохраняла неизмѣнный и постоянный характеръ, но чтобы она въ большей или меньшей степени непрерывно измѣнялась, такъ чтобы каждое новое дѣйствіе съ его стороны встрѣчалось бы съ новыми условіями и потому вынуждено было бы имѣть волевой, а не автоматическій характеръ.

Но и этого одного условія еще недостаточно. Среда можетъ быть измѣнчива въ высшей степени, и все-таки въ ней могутъ отсутствовать условія для развитія въ человѣкѣ воли. Представимъ себѣ такой, повидимому, невозможный случай, который однако хотя отчасти находитъ себѣ мѣсто въ дѣйствительной жизни. Предположите, что среда, окружающая человѣка, такого рода, что каждая его потребность, каждое его стремленіе удовлетворяются сами собою, какъ только они въ немъ зародятся, что стоитъ только представить себѣ цѣль, какъ она тотчасъ же и достигается; напр., стоитъ только человѣку захотѣть ѣсть, а передъ нимъ, какъ это часто рассказывается въ сказкахъ, явится немедленно и накрытый столъ со всякими яствами и питіями и т. д. При такихъ условіяхъ, когда

наши желанія какъ бы „по щучьему велѣнью, по человѣчьему хотѣнью“ удовлетворяются сами собою, когда съ нашей стороны для удовлетворенія ихъ не требуется никакой дѣятельности, никакого усилія—не можетъ развиться и воля. Въ этомъ отношеніи, напр., неблагопріятнымъ обстоятельствомъ для развитія въ ребенкѣ воли является, когда предупредительно исполняютъ всѣ его желанія, даже тѣ, удовлетворенія которыхъ онъ могъ бы достигнуть при помощи своихъ слабыхъ и неувѣренныхъ усилій. Мы часто дѣйствуемъ за ребенка тамъ, гдѣ бы надо предоставить ему дѣйствовать самому, и тѣмъ самымъ ослабляемъ въ немъ развитіе той сознательной воли, которая выведетъ его впослѣдствіи на свѣтлую дорогу нравственности.

Каковы бы ни были природныя и общественныя условія, нужно дѣйствовать, дѣйствовать и дѣйствовать, нужно стремиться къ тѣмъ или другимъ цѣлямъ и достигать ихъ собственными усиліями; и все то во внѣшней средѣ оказываетъ пагубное вліяніе на развитіе воли въ человѣкѣ, что, при наличности однѣхъ и тѣхъ же цѣлей, избавляетъ его отъ необходимости дѣйствовать самому ради достиженія ихъ. Единственное спасеніе въ такомъ случаѣ могло бы заключаться только въ томъ, если бы явились у даннаго человѣка новыя цѣли, для которыхъ потребовались бы новыя усилія и новая дѣятельность. При наличности же тѣхъ же самыхъ цѣлей, всякое облегченіе въ ихъ достиженіи, благодаря ли тому, что мы заставляемъ вмѣсто насъ работать въ бѣльшемъ размѣрѣ силы природы, или благодаря тому, что мы въ бѣльшей степени пользуемся трудомъ и дѣятельностью другихъ людей для удовлетворенія своихъ желаній—какъ отдѣльной личности, такъ и цѣлымъ общественнымъ классамъ грозитъ опасность вырожденія въ отношеніи нравственнаго характера. Исторія даетъ много примѣровъ подобнаго рода вырожденія привилегированныхъ сословій: она знакомитъ насъ, какъ въ тѣхъ или другихъ странахъ нравственно погибла та или другая наследственная аристократія, которая, сваливъ съ себя бремя заботъ о матеріальномъ благосостояніи, не сумѣла поставить себѣ болѣе широкихъ задачъ, которыя потребовали бы съ ея стороны какой-нибудь дѣятельности и усилій. А въ

настоящее время, развѣ мы не присутствуемъ при вырожденіи буржуазіи, громадныя скопленія богатствъ у которой, дающія ей возможность располагать въ безпредѣльныхъ размѣрахъ трудомъ другихъ людей, составляютъ вмѣстѣ съ тѣмъ для нея и тотъ смертоубійственный ядъ, который медленно, но неизбежно приводитъ ее къ лишенію того внутренняго богатства—сильной, мужественной, сознательной и разумной воли—безъ котораго всѣ внѣшнія богатства лишены всякаго смысла.

Предположимъ, что значительное развитіе техники и измѣнившіяся общественныя условія сдѣлаютъ когда-нибудь для всѣхъ людей доступнымъ то, что теперь доступно только немногимъ счастливымъ, что всѣмъ людямъ на удовлетвореніе тѣхъ цѣлей, на достиженіе которыхъ они теперь кладутъ столько труда, придется затрачивать самыя незначительныя усилія. Природа, какъ покорный слуга человечества, при самомъ ничтожномъ приложеніи силъ со стороны каждаго отдѣльнаго человѣка, будетъ удовлетворять всѣ тѣ желанія, о которыхъ мы въ настоящее время едва смѣемъ мечтать. Если подобный рай когда-нибудь наступитъ на землѣ и если только человечество не создастъ новыхъ цѣлей для своей дѣятельности, на которыя могла бы быть затрачена та свободная психическая энергія, которая затрачивалась имъ раньше на достиженіе старыхъ цѣлей, если когда-нибудь только это случится, то человечество погибнетъ духовно на вѣки. Но этого и не можетъ никогда случиться, потому что вслѣдствіе непрерывнаго взаимодействія между человекомъ и средой, какъ въ предѣлахъ индивидуальной жизни, такъ и въ предѣлахъ исторической жизни человечества, совершается непрерывный ростъ и расширеніе той системы цѣлей, которыя преслѣдуются человекомъ.

Разсмотримъ болѣе подробно тотъ процессъ, какимъ совершается это расширеніе системы цѣлей и тѣ причины, которыя его обуславливаютъ.

Дѣйствіе, производимое человекомъ ради имъ самимъ себѣ поставленной цѣли, и при помощи имъ же самимъ выбранныхъ средствъ, сводящихся къ выполненію тоже тѣхъ или другихъ дѣятельностей, произвольныхъ или автоматическихъ, есть волевое дѣйствіе. Всякое дѣйствіе, а слѣдовательно и

волевого, ¹заведетъ къ ряду измѣненій, производимыхъ человекомъ или въ окружающей средѣ, или въ самомъ себѣ. Разница волевого дѣйствія отъ дѣйствія всякаго другого рода заключается только въ томъ, что въ волевои дѣйствіи измѣненія, совершаемыя человекомъ въ окружающей ли средѣ или въ самомъ себѣ, предусматриваются имъ, имѣютъ такъ сказать, идеальное существованіе внутри его сознанія въ формѣ цѣли, прежде чѣмъ они наступятъ реально, въ дѣйствительности, въ формѣ достигнутаго результата.

Предположимъ, что цѣль нами вполне достигнута, что наступили тѣ измѣненія и внѣ насъ и внутри насъ, которыя нами имѣлись въ виду — можно ли будетъ все-таки сказать, что достигнутой нами реальный результатъ вполне равнозначителенъ, вполне совпадаетъ съ тою цѣлью, которая въ формѣ группы связанныхъ между собою представлений витала передъ нашимъ сознаніемъ? Можно ли будетъ сказать, что между ними существуетъ только то различіе, какое существуетъ между идеей о какомъ-нибудь фактѣ и самимъ этимъ фактомъ, напр., между идеей даннаго стоящаго передо мной дуба и самимъ дубомъ, но не болѣе? Нѣтъ, этого сказать нельзя ни въ какомъ случаѣ. Измѣненія, производимыя человекомъ какъ въ окружающей средѣ, такъ и въ самомъ себѣ, даже при полномъ достиженіи имъ своей цѣли, значительно шире тѣхъ измѣненій, которыя онъ предполагалъ достигнуть. Каждое волевое дѣйствіе производитъ результаты, которые первоначально вовсе не имѣлись въ виду лицомъ, его совершившимъ. Если эти побочные, непредвидѣнные результаты будутъ восприняты даннымъ лицомъ въ качествѣ результатовъ его собственной дѣятельности и если они получаютъ для него какой-либо интересъ почему-нибудь, то они могутъ стать предметомъ совершенно самостоятельной и независимой цѣли. Оно будетъ совершать рядъ волевыхъ дѣйствій, имѣя въ виду достиженіе ихъ, не въ качествѣ побочныхъ и случайныхъ результатовъ, а въ качествѣ главнаго и необходимаго слѣдствія, рядъ дѣйствій, специально приспособленныхъ для достиженія именно этихъ цѣлей и потому достигающихъ ихъ въ болѣе успѣшной и полной формѣ. Но достиженіе каждой изъ этихъ цѣлей опять-таки въ свою очередь будетъ связано съ

цѣлымъ рядомъ другихъ побочныхъ и непредвидѣнныхъ результатовъ, каждый изъ которыхъ, при условіи привлеченія на свою сторону интереса, можетъ сдѣлаться одною изъ цѣлей человѣческой дѣятельности.

Здѣсь намъ, такимъ образомъ, дана возможность для безпредѣльнаго расширенія системы цѣлей, ставимыхъ человекомъ въ своей жизни. Законъ, обуславливающий указаннымъ путемъ непрерывный ростъ, измѣненіе и расширеніе человѣческихъ цѣлей, былъ впервые установленъ Вундтомъ и называется имъ закономъ гетерогоніи цѣлей. Вотъ та сжатая, краткая и ясная формулировка, которую Вундтъ даетъ этому закону въ своемъ „Очеркѣ психологіи“: „Отношеніе результатовъ къ представляемымъ цѣлямъ носить такой характеръ, что въ первыхъ всегда даны еще побочные эффе́кты, не имѣвшіеся въ виду при предшествующихъ представленіяхъ цѣли, но входящіе въ составъ новыхъ рядовъ мотивовъ и такимъ образомъ видоизмѣняющіе прежнія цѣли или присоединяющіе къ нимъ новыя“ (стр. 219).

Прежде чѣмъ мы перейдемъ къ болѣе подробному разсмотрѣнію процесса роста и расширенія системы цѣлей, основную причину котораго мы только что въ общихъ чертахъ указали, остановимся на одной еще не отмѣченной нами сторонѣ этого процесса расширенія.

Не трудно замѣтить, что расширеніе системы цѣлей есть въ сущности вмѣстѣ съ тѣмъ не что иное, какъ расширеніе той среды, въ которой индивидууму приходится дѣйствовать, въ которой его сознательной волѣ приходится обнаруживаться. Среда, какъ мы отмѣтили это еще во 2-й главѣ, не является одинаковой для различныхъ индивидуумовъ даже живущихъ въ одномъ и томъ же мѣстѣ и окруженныхъ, по видимому, одними и тѣми же предметами—потому что, въ зависимости отъ природы и характера личностей, не всѣ эти предметы и не въ одинаковомъ смыслѣ вліяютъ на каждую изъ нихъ. Теперь мы можемъ видѣть также, что среда не остается одинаковой даже для одного и того же лица въ различные моменты его жизни. Она непрерывно измѣняется, а насколько совершается отмѣченный выше процессъ расширенія системы цѣлей, процессъ развитія и совершенство-

ванія воли въ человѣкѣ, она вмѣстѣ съ тѣмъ столь же непрерывно и расширяется. Каждое волевое дѣйствіе, открывая новое поле для своего приложенія, тѣмъ самымъ расширяетъ и ту среду, которая является опредѣляющимъ факторомъ въ дальнѣйшемъ развитіи воли. Индивидуумъ до нѣкоторой степени самъ создаетъ среду, въ которой ему приходится дѣйствовать. Чѣмъ шире его способность къ дѣйствію, тѣмъ шире и та среда, на которую онъ дѣйствуетъ и которая обратно воздѣйствуетъ на него.

Ростъ и измѣненіе личности и измѣненіе среды, ее окружающей, идутъ параллельно, взаимно обуславливая другъ друга. Средой новорожденного младенца является только колыбель, въ которой онъ проводитъ, и притомъ большею частью во снѣ, почти все свое время, да теплая грудь кормящей его матери. Но по мѣрѣ того, какъ развиваются его чувства, этой средой становится цѣлая комната со всѣми наполняющими ее вещами и живыми существами, которыя являются для него источникомъ зрительныхъ, слуховыхъ и всякаго рода другихъ ощущеній. Ребенокъ растетъ, поле его дѣятельности расширяется и вмѣстѣ съ тѣмъ постепенно раздвигается и окружающая его среда: за предѣлы дѣтской комнаты она переходитъ на улицу, въ школу. А когда онъ сдѣлается взрослымъ человѣкомъ, когда станетъ принимать живое участіе въ судьбахъ своего народа, когда на служеніе народу онъ отдастъ всѣ свои лучшія силы, всѣ знанія, которыя онъ приобрѣлъ въ школѣ, развѣ средой для него не станетъ вся его безпредѣльная родина! И даже больше того, если мы имѣемъ дѣло съ исключительною, даровитою, гениальною личностью, то когда геній въ ней развернетъ свои крылья, развѣ нельзя будетъ сказать, что средою для нея является все человѣчество! Шекспиръ, Бетховенъ, Гете—развѣ они не работали для всего человѣчества, и развѣ вся широкая общечеловѣческая жизнь не служила для нихъ той школой, въ которой они научились создавать свои чудныя творенія, служащія источникомъ наслажденія и духовнаго развитія для многихъ поколѣній, ихъ пережившихъ, и сохраняющія все ту же неувядаемую свѣжесть, которую они имѣли при первомъ своемъ появленіи.

Постараемся теперь выяснить себѣ болѣе подробно, на конкретныхъ примѣрахъ значеніе среды, какъ фактора въ отмѣченномъ выше процессѣ расширенія цѣлей.

Среда, окружающая человѣка, представляетъ явленіе очень сложное. Чтобы понять ея значеніе въ цѣломъ, слѣдуетъ понять предварительно то значеніе, которое имѣютъ въ отдѣльности главные составляющіе ее элементы. Среда, въ которой приходится жить человѣку, это—во-1-хъ, окружающая его естественная обстановка или природа, во-2-хъ, общество людей, ему подобныхъ, съ каждымъ изъ которыхъ у него существуютъ самыя многоразличныя отношенія, въ 3-хъ, наконецъ, это—продукты дѣятельности какъ его личной, индивидуальной, такъ и коллективной, общественной.

Значеніе природы въ общемъ сводится къ слѣдующему. Она служитъ для человѣка, съ одной стороны, орудіемъ самосохраненія, средствомъ, которое даетъ ему возможность продолжать жить и существовать, съ другой она является для него также и неисчерпаемымъ источникомъ опасностей, угрожающихъ его жизни и существованію. Она служитъ для него затѣмъ непрестаннымъ источникомъ какъ одновременныхъ, такъ и послѣдовательныхъ ощущеній и воспріятій. Нѣкоторыя изъ этихъ ощущеній пріятны ему, другія непріятны. Тѣ ощущенія, которыя ему пріятны, онъ стремится продолжить или повторить впослѣдствіи, тѣ, которыя ему непріятны, онъ стремится прекратить и впослѣдствіи будетъ избѣгать ихъ повторенія. Какъ самосохраненіе человѣка, такъ и эти пріятныя или непріятныя ощущенія зависятъ отъ тѣхъ или другихъ внѣшнихъ предметовъ. Человѣкъ, какъ и всякое живое существо будетъ стремиться къ предметамъ, которые являются для него условіемъ самосохраненія и источникомъ радостныхъ и пріятныхъ ощущеній, и будетъ отвращаться отъ предметовъ, являющихся въ какомъ нибудь отношеніи опасными для его существованія или служащими источникомъ ощущеній тягостныхъ и непріятныхъ. Первые онъ будетъ стремиться приблизить къ себѣ, вторые—отдалить отъ себя. Слѣдовательно, дѣятельность человѣка въ данномъ отношеніи будетъ сводиться къ тому, чтобы окружить себя предметами, служащими средствомъ для его самосохраненія

и источникомъ пріятныхъ ощущеній и чтобы удалиться какъ можно болѣе отъ всѣхъ тѣхъ предметовъ, которые наносятъ ущербъ его существованію и служатъ источникомъ ощущеній тягостныхъ.

Измѣняя въ этомъ смыслѣ свои отношенія къ окружающей его естественной обстановкѣ, человѣкъ производитъ въ ней совершенно непредназначенно такія перемѣны, которыя дѣлаютъ доступными для него новые предметы или обнаруживаютъ въ старыхъ извѣстныхъ ему предметахъ новыя качества и свойства, при чемъ можетъ оказаться, что и тѣ и другія, или въ болѣе совершенной степени обезпечиваютъ его самосохраненіе, или вызываютъ въ немъ пріятныя ощущенія новаго рода, еще неиспытанныя имъ, и становятся поэтому самостоятельною цѣлью его дѣятельности.

Вообще въ отношеніи природы человѣку необходимо дѣйствовать для того, чтобы оградить свое существованіе отъ враждебныхъ вліяній или улучшить его, для того, чтобы удовлетворять всѣ тѣ органическія и другія потребности, которыя въ немъ періодически, отъ времени до времени просыпаются. Въ этой своей дѣятельности ему приходится видѣть и наблюдать себя, какъ причину тѣхъ или другихъ измѣненій, происходящихъ въ природѣ. Чѣмъ больше онъ дѣйствуетъ, тѣмъ болѣе разрастается его знаніе о себѣ, какъ о причинѣ такихъ измѣненій, тѣмъ больше онъ научается понимать, какія дѣйствія надо произвести, чтобы достигнуть тѣхъ или другихъ цѣлей. Каждый организмъ стремится жить и расходовать свою энергію, стремится расширять поле своей дѣятельности. Дѣйствуя и всегда въ своей дѣятельности открывая какіе-либо непредвидѣнные результаты этой дѣятельности, онъ тѣмъ самымъ открываетъ для нея и новое поле для приложенія, новые горизонты. Дѣйствіе, такимъ образомъ, само постепенно расширяетъ сферу своего приложенія, дѣйствіе расширяетъ власть и могущество человѣка надъ природой.

Дѣйствіе человѣка надъ измѣненіемъ природы для своихъ цѣлей мы называемъ цѣлесообразнымъ трудомъ. Трудъ человѣка, развиваясь и совершенствуясь, самъ открываетъ для себя новыя области. Чѣмъ больше человѣкъ трудится надъ

измѣненіемъ природы, тѣмъ болѣе онъ ее узнаетъ, тѣмъ болѣе онъ узнаетъ много такого, чего не зналъ ранѣе и что является средствомъ для расширенія сферы приложенія труда и увеличенія могущества человѣка.

Между природой и человѣкомъ происходитъ, такимъ образомъ, взаимодействіе такого рода. Природа является для него постоянно источникомъ все новыхъ и новыхъ ощущеній, связанныхъ съ тѣми или другими чувствованіями, пріятными или непріятными, возбуждающими или успокаивающими (подавляющими), приводящими въ состояніе напряженія или расслабленія. Душевное богатство человѣка, благодаря памяти, которой онъ располагаетъ, растетъ какъ со стороны ощущеній, такъ и со стороны чувствованій. Каждое изъ ощущеній, взятое въ отдѣльности или въ соединеніи съ другими ощущеніями и связанное нераздѣльно съ тѣмъ или другимъ чувствованіемъ, переживаемое нами реально во всей силѣ и яркости или только представляемое въ блѣдныхъ чертахъ, можетъ послужить толчкомъ для дѣятельности человѣка, для обратнаго его вліянія на природу.

Какой характеръ будетъ носить эта дѣятельность? Она будетъ носить или характеръ автоматизма, если человѣкъ реагируетъ на какія-либо постоянныя, часто повторяющіяся ощущенія и совокупности ихъ, или же характеръ сознательнаго волевого дѣйствія, если реакція происходитъ на новыя ощущенія или новыя сочетанія ихъ. Въ той мѣрѣ, въ какой природа продолжаетъ дѣйствовать на человѣка тѣмъ же способомъ, какимъ дѣйствовала раньше, и онъ продолжаетъ ей давать отвѣты въ формѣ дѣйствій, уже выполнявшихся имъ прежде. Автоматическое дѣйствіе является здѣсь вполне достаточнымъ. Только новый способъ воздѣйствія природы приводитъ въ движеніе и сознательную волю человѣка. На новые вопросы, которые задаетъ природа, надо давать и новые отвѣты: автоматизма идей, образовъ и актовъ здѣсь оказывается недостаточно, нуженъ актъ сознательной, разумной воли, который есть вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ мы видѣли, и актъ творчества. Но сама сознательная воля, вызывая къ жизни много новаго и непредвидѣннаго, измѣняя постоянно и непрывно окружающую природу и оставляя, такимъ обра-

зомъ, всегда въ наличности матеріалъ для творческой дѣятельности, тѣмъ самымъ обезпечиваетъ и условія для дальнѣйшаго своего существованія. Измѣняясь, однако, среда продолжаетъ всегда сохранять въ извѣстной степени и прежній характеръ, и такимъ образомъ наряду съ сознательной волевой реакціей всегда существуетъ и реакція автоматическая, дѣйствія, которыя мы называемъ рефлексивными, инстинктивными, привычными, и т. д., т. е. дѣйствія, являющіяся повтореніемъ прежнихъ, уже выполнявшихся дѣйствій.

Мы разсматривали до сихъ поръ дѣятельность человѣка среди природы, поскольку она является источникомъ измѣненій въ самой природѣ, игнорируя то обстоятельство, что человѣкъ живетъ въ обществѣ, что его окружаютъ другіе подобные ему люди и что всѣ тѣ измѣненія, которыя онъ производитъ въ своей естественной обстановкѣ, связаны съ тѣми или другими непредвидѣнными результатами для этихъ людей, вызываютъ въ нихъ тѣ или другія наблюдаемыя имъ измѣненія, или въ ихъ физической, или въ ихъ душевной природѣ. Этотъ родъ побочныхъ результатовъ, достигаемыхъ человѣкомъ въ своей дѣятельности, становится для него неисчерпаемымъ и еще болѣе богатымъ источникомъ для расширенія системы цѣлей, чѣмъ какимъ является природа, разсматриваемая изолированно. Такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ источникъ расширенія системы цѣлей человѣческой жизни имѣетъ особенно важное значеніе въ дѣлѣ нравственнаго совершенствованія человѣка, то мы и остановимся на немъ болѣе подробно.

Достиженіе какой бы то ни было цѣли, которое происходитъ въ присутствіи другихъ человѣческихъ существъ, всегда бываетъ связано съ какими-нибудь послѣдствіями для этихъ существъ, даже въ томъ случаѣ, когда цѣль имѣетъ исключительно индивидуалистическій характеръ, когда предметомъ ея является само дѣйствующее лицо, самосохраненіе, достиженіе той или другой формы личнаго счастья или саморазвитіе, т. е. достиженіе совершенства въ томъ или другомъ отношеніи. Каковы же эти послѣдствія для другихъ? Это будетъ, конечно, зависѣть отъ характера и качества самой цѣли. Есть цѣли, достиженіе которыхъ по самому ихъ су-

ществу выходить за предѣлы данной личности, которыя могутъ становиться источникомъ счастья и развитія не только для самого дѣйствующаго лица, но и для лицъ, его окружающихъ. Такова всякая художественная, творческая дѣятельность, результатомъ которой является тотъ или другой продуктъ искусства. Пѣвецъ, обладающій прекраснымъ голосомъ и поющій свои чудныя пѣсни, которыми невольно заслушивается всякій присутствующій при его пѣніи; художникъ, нарисовавшій картину, гармонія красокъ и образовъ которой вызываетъ восторгъ и т. д. — всѣ они создаютъ нѣчто такое, достигаютъ такой цѣли, которая, являясь источникомъ счастья для нихъ, служитъ въ то же время или можетъ служить неисчерпаемымъ источникомъ счастья и для безпредѣльнаго множества другихъ людей. Но есть цѣли, которыя по самой своей природѣ какъ бы ограничены рамками самого дѣйствующаго лица. Если я ѣмъ и пью, то этимъ достигается удовлетвореніе только моего личнаго голода и жажды, а мой сосѣдъ отъ этого не сдѣлается болѣе сытымъ и удовлетвореннымъ; если я для развитія своего тѣла въ физическомъ отношеніи произвожу рядъ опредѣленныхъ движеній, то отъ этого опять-таки разовьются только мои мускулы, а не мускулы моего ближняго. И въ томъ и въ другомъ случаѣ моя дѣятельность не будетъ имѣть своимъ непосредственнымъ и видимымъ результатомъ, ни сохраненіе жизни другого лица, ни доставленіе ему счастья, ни содѣйствіе его развитію въ физическомъ или духовномъ отношеніи.

Однако, даже и цѣли послѣдняго описаннаго нами рода, носящія такой, повидимому, личный и индивидуалистическій характеръ, не остаются безъ послѣдствій для людей, окружающихъ данную личность, послѣдствій, которыхъ она первоначально не предвидѣла, но которыя могутъ дать начало для новыхъ цѣлей въ ея жизни. Разъ дѣятельность человека совершается въ обществѣ подобныхъ ему людей, то она такъ или иначе становится предметомъ ихъ наблюденія и вызываетъ съ ихъ стороны тѣ или другія сужденія, ту или другую оцѣнку, пробуждаетъ она въ нихъ также тѣ или другія чувствованія и эмоціи, затрогивая хотя въ какой-нибудь степени ихъ интересы, и наконецъ, побуждаетъ ихъ къ тѣмъ

или другимъ дѣйствіямъ и поступкамъ въ отношеніи данной личности. Такимъ образомъ, въ качествѣ побочныхъ результатовъ своей дѣятельности личности приходится имѣть передъ собою мнѣнія и сужденія другихъ людей, волнующія ихъ разнаго рода чувствованія низшаго или высшаго порядка и, наконецъ, обусловленные этими сужденіями и чувствованіями поступки людей. Все это, взятое вмѣстѣ, можетъ стать для личности источникомъ самостоятельныхъ и независимыхъ цѣлей, разъ только мнѣнія, чувствованія и поступки другихъ людей получаютъ для нея какой-нибудь интересъ, а не получить такого интереса они не могутъ, хотя бы даже въ силу того соображенія, что человѣкъ чувствуетъ интересъ ко всему, что даетъ ему возможность расширить сферу приложенія своей активности, и потому всякое новое поприще, которое открывается для нея, какъ дозволяющее ему путемъ расширения своей дѣятельности расширить свою личность, несомнѣнно привлекаетъ его вниманіе. А затѣмъ, конечно, могутъ явиться и другіе добавочные источники интереса—симпатія и любовь—которые нашу дѣятельность въ смыслѣ вліянія на другихъ людей могутъ сдѣлать еще болѣе широкой и интенсивной.

VI.

Психическое взаимодействіе и тѣ результаты, къ которымъ оно приводитъ.

Когда сужденія, чувствованія и поступки другихъ людей становятся способными оказывать на отдѣльнаго человѣка свое вліяніе и когда отдѣльный человѣкъ становится способнымъ вліять на сужденія, чувствованія и поступки другихъ людей, и это вліяніе въ той или другой формѣ стремится оказывать на нихъ и на самомъ дѣлѣ, тогда устанавливается между людьми тотъ родъ взаимодействія, который можетъ быть названъ психическимъ и который имѣетъ особенно важное значеніе въ дѣлѣ нравственнаго развитія человѣка. Установленіе психическаго взаимодействія предполагаетъ выработку языка и способности понимать выразительныя движенія другихъ намъ подобнымъ существъ. Общество су-

ществуетъ благодаря психическому взаимодействию и вмѣстѣ съ тѣмъ сама общественная жизнь ведетъ къ все большому расширенію и развитію психическаго взаимодействия между личностями.

Мы видѣли раньше, говоря о взаимодействіи между человекомъ и природой, что человекъ можетъ являться въ отношеніи къ ней или какъ автоматъ, или какъ сознательная, творческая воля,—подобно этому и психическое взаимодействие можетъ вызывать къ дѣятельности въ человекѣ творческія способности, сознательную волю, или можетъ покоиться всецѣло или отчасти на автоматизмѣ идей, образовъ, чувствованій и дѣйствій. Очевидно, что въ томъ и другомъ случаѣ психическое взаимодействие будетъ носить совершенно различный характеръ. Хотя въ дѣйствительной жизни обѣ эти формы психическаго взаимодействия тѣсно переплетены и смѣшаны между собою и рѣдко встрѣчаются во вполне изолированномъ видѣ, но для удобства изслѣдованія мы рассмотримъ ихъ отдѣльно. Посмотримъ сначала, къ какимъ результатамъ приводитъ психическое взаимодействие, поскольку въ основѣ его лежитъ автоматизмъ образовъ, чувствованій и дѣйствій, а затѣмъ подобнымъ же образомъ подвергнемъ изслѣдованію результаты той формы психическаго взаимодействия, въ которой главнымъ дѣйствующимъ факторомъ является творческій, волевой элементъ въ области мысли, чувствованія и дѣйствія.

Основною формою психическаго взаимодействия въ первомъ случаѣ является подражаніе. Это подражаніе составляетъ отличительную господствующую черту во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда психологическій автоматизмъ господствуетъ въ жизни личности безраздѣльно, и въ той или другой формѣ оно играетъ роль, поскольку и въ жизни нормальной личности имѣютъ мѣсто процессы психологическаго автоматизма. Въ той мѣрѣ, въ какой личность является психологическимъ автоматомъ, она, вступая въ психическое взаимодействие съ другими личностями, имѣетъ тенденцію подражать имъ во всемъ.

„Составляетъ общеизвѣстный фактъ, — говоритъ П. Жанэ, — что нѣкоторые лица не могутъ работать, когда они — одни, когда за ними постоянно и самымъ непосредственнымъ обра-

зомъ не наблюдаютъ и не руководятъ ими“. И они остаются бездѣтельными не по причинѣ лѣности или физической слабости, но потому, что они не могутъ сдѣлать выбора, они не знаютъ, что дѣлать, съ чего начинать, какъ взяться за дѣло. „Это качество замѣчается даже въ наиболѣе выдающихся произведеніяхъ искусства и науки; нѣкоторые умы являются подражателями въ самомъ прямомъ смыслѣ этого слова, нѣкоторыя личности не могутъ ничего сдѣлать, не опираясь на какой-нибудь уже сдѣланный трудъ, — онѣ всегда являются или сотрудиниками или плагиаторами“.

„Безъ сомнѣнія, — прибавляетъ Жанэ, — могутъ сказать, что подражаніе и повиновеніе существуютъ повсюду, но я могу однако замѣтить на это, что степень подражанія не одинакова у всѣхъ и что существуютъ умы, которые болѣе чѣмъ другіе имѣютъ потребность въ вѣчномъ и постоянномъ подражаніи. Тѣ же самыя лица, которыхъ мы видѣли неспособными работать самостоятельно, равнымъ образомъ неспособны также сами себѣ доставлять развлеченіе. Имъ необходимы товарищи въ игрѣ... не по причинѣ того удовольствія, которое доставляетъ общество, но чтобы научить ихъ, во что играть, чѣмъ интересоваться, чѣмъ занять себя. Для меня представляетъ признакъ силы духа, какъ у взрослога человѣка, такъ и у ребенка, если они умѣютъ сами находить для себя развлеченіе, и скука, которая столь часто бываетъ удѣломъ изолированныхъ личностей, является нерѣдко только симптомомъ слабости воли. Про всѣхъ подобныхъ лицъ говорятъ, что они общительны, что они имѣютъ потребность въ привязанностяхъ, страдаютъ оттого, что не поняты, „требуютъ симпатической среды“ и т. д. Эта общительность является у нихъ въ различныхъ степеняхъ не чѣмъ инымъ, какъ потребностью повиноваться. Они ищутъ друзей, которые направляли бы ихъ безъ ихъ вѣдома, они ищутъ сотрудиниковъ, которыхъ они копируютъ, думая, что остаются оригинальными, однимъ словомъ, они ищутъ такихъ людей, которые думаютъ и хотятъ за нихъ и вмѣсто нихъ“ ¹⁾.

¹⁾ Pierre Janet. L'influence somnambulique et le besoin de direction (Revue philosophique 1897, № 2, стр. 142).

Разсмотримъ въ отдѣльности тѣ результаты, которые получаются для личности при психическомъ взаимодействіи на почвѣ психологическаго автоматизма въ области мысли, чувства и дѣйствія.

Если это взаимодействие происходитъ въ сферѣ мысли или идей, то личность начинаетъ думать чужими мыслями, повторять чужія идеи, не перерабатывая ихъ и не сравнивая съ результатами своего собственнаго прошлаго личнаго опыта и личнаго мышленія и не пытаясь примирить тѣ противорѣчія, которыя въ данномъ случаѣ могутъ существовать. Какъ автоматъ, она является эхомъ господствующихъ кругомъ нея идей. Если эти идеи хороши; если въ нихъ содержится хотя крупица правды и истины, то и мысли, которыя высказываетъ данная личность, будутъ хорошими, но это — не собственные продуманныя мысли, не продуктъ личной долгой и упорной работы, неутомимаго исканія истины, не результатъ интенсивнаго умственнаго творчества, это — не настоящая монета, не слитокъ золота, а только однѣ блески и мишура, за которыми не скрывается ничего сколько-нибудь цѣннаго. Подобный автоматъ, живя среди людей, исповѣдующихъ ложныя идеи, лелѣющихъ тѣ или другіе предразсудки, съ такою же легкостью сдѣлаетъ свою душу складочнымъ мѣстомъ самыхъ нелѣпныхъ идей, самыхъ дикихъ предразсудковъ, которыя могутъ явиться тормазомъ для всякаго сколько-нибудь прогрессивнаго движенія. Не бросить въ міръ онъ „мысли плодовой“, но можетъ помѣшать тому, чтобы у этой мысли выросли крылья и она принесла всѣ тѣ благотворныя послѣдствія, которыя въ ней сокрыты. Всякую свѣтлую идею такіе автоматы способны только опошлить, обратить въ мелкую ходячую монету, лишить ее того благоуханія свѣжести, новизны и оригинальности, которое дѣлаетъ ее такой сильной, яркой и привлекательной.

Подобнымъ же образомъ, если психическое взаимодействие между такимъ автоматомъ и окружающими его людьми происходитъ въ области чувствованій или эмоцій, то онъ является отраженіемъ, зеркаломъ тѣхъ чувствованій, которыя переживаютъ окружающіе его люди. Его настроеніе измѣняется съ настроеніемъ окружающихъ лицъ. Его чув-

ства, поэтому, крайне изменчивы, не глубоки и поверхностны, нисколько не затрагивая самой интимной стороны его души. Они сильны и непосредственны въ своемъ выраженіи, потому что не встрѣчаютъ противовѣса со стороны сознательной и разумной воли и не сдерживаются другими чувствованіями, но являются не столько отраженіемъ личности, сколько окружающей среды. Они имѣютъ, если можно такъ выразиться, внѣшній характеръ,— въ нихъ недостаетъ сердечности и задушевности, характеризующихъ всякое истинное чувство, насколько въ немъ принимаетъ участіе та творческая психическая сила, которая составляетъ интимное ядро личности. Подобный автоматъ можетъ обнаружить, повидимому, и самыя героическія, возвышенныя чувства, но наряду съ этимъ онъ можетъ проявить и такія дикія, отвратительныя эмоціи, которыя граничатъ съ преступленіемъ. Это можно наблюдать, напр., на дѣйствіяхъ толпы, въ которой каждый отдѣльный человѣкъ, какъ это утверждаетъ Густавъ Лебонъ въ своемъ сочиненіи „Психологія народовъ и массъ“, обращается въ автомата. Толпа часто совершаетъ, какъ показываетъ исторія, изумительныя подвиги самоотверженія, но вмѣстѣ съ тѣмъ проявляетъ часто возмутительную жестокость и бываетъ необузданна въ своемъ гнѣвѣ. Нерѣдко бываетъ достаточно самаго ничтожнаго толчка, чтобы настроеніе толпы перемѣнилось прямо въ противоположное.

Симпатія, которой даетъ начало психическое взаимодействие на почвѣ психологическаго автоматизма, не идетъ дальше той стадіи, на которой она „вызываетъ у-двухъ или нѣсколькихъ индивидовъ аналогичныя аффективныя настроенія“ ¹⁾. Примѣромъ могутъ служить тѣ случаи, о которыхъ говорятъ, что страхъ, негодованіе, радость или горе передаются отъ одного лица къ другому. Сущность этой симпатіи заключается въ томъ, что мы сами испытываемъ аффективное состояніе, существующее у другого—состояніе, о которомъ мы узнаемъ по его фізіологическому проявленію, по тому или другому, напр., выраженію лица

¹⁾ Т. Р и б о. Психологія чувствованій, стр. 250.

или положенію тѣла, „Это состояніе симпатіи“, какъ замѣчаетъ Рибо, „еще не устанавливаетъ само по себѣ отношеній любви или нѣжности между тѣми, кто ее испытываетъ: оно служитъ только подготовкой къ нимъ. Оно можетъ послужить основой нѣкоторой общественной солидарности вслѣдствіе того, что одни и тѣ же внутреннія состоянія вызываютъ одни и тѣ же акты, но это будетъ солидарность чисто внѣшняя, механическая, а не нравственная“. ¹⁾ Симпатіи въ этой ея формѣ недостаетъ еще того творческаго, волевого элемента, благодаря которому она можетъ развиваться до степени дѣятельнаго сочувствія, активнаго альтруизма, который одинъ только можетъ составить прочную основу для нравственной солидарности людей между собою, послужить внутреннимъ связующимъ звеномъ между ними. Здѣсь она пока имѣетъ еще только пассивный характеръ и сохраняетъ его въ той мѣрѣ, въ какой духовная жизнь личности не выходитъ за предѣлы психологическаго автоматизма.

Теперь уже не трудно видѣть также, что психическое взаимодействіе въ области практической дѣятельности или поступковъ, поскольку оно совершается на почвѣ психологическаго автоматизма, будетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ подчиненіе личности чужой волѣ. Какъ психологическій автоматъ, вступая во взаимодействіе съ другими, она дѣлается орудіемъ ихъ воли, она хочетъ того, чего хотятъ другіе, и слѣпо повинуется имъ. Воля чуждаго и остающагося чуждымъ ей существа дѣлается для личности закономъ ея поведенія, насколько между ней и этимъ существомъ устанавливается психическое взаимодействіе. Психологическій автоматъ, въ зависимости отъ окружающихъ его людей, можетъ намъ представить образецъ самаго добродѣтельнаго поведенія, но всѣ его добродѣтельные поступки не что иное, какъ нарядное платье, надѣтое лакеемъ съ плечъ своего барина и подъ которымъ трепещетъ все та же неизмѣнная лакейская душа. Въ другой порочной средѣ подобный автоматъ можетъ стать преступникомъ и дѣятельность его

¹⁾ Тамъ же, стр. 251.

можетъ выразиться въ рядѣ поступковъ, угрожающихъ жизни счастью и спокойствію тѣхъ лицъ, съ которыми его судьба случайно столкнетъ.

Встрѣчаются ли въ дѣйствительной жизни хотя въ приблизительной степени подобнаго рода автоматы? Къ сожалѣнію, приходится отвѣтить на этотъ вопросъ утвердительно. Такой автоматъ можетъ быть подведенъ подъ категорію тѣхъ характеровъ, которые Рибо называетъ аморфными, и вотъ какъ онъ характеризуетъ ихъ въ своей „Психологіи чувствованій“. „Имя аморфнымъ легіонъ. Я разумѣю подъ нимъ тѣхъ, которые не имѣютъ своей особой формы, характеры которыхъ цѣликомъ пріобрѣтены. Въ нихъ нѣтъ ничего врожденнаго, ничего похожаго на призваніе, природа создала ихъ податливыми до крайности. Они являются исключительно продуктами обстоятельствъ, среды, воспитанія, вліянія людей и окружающихъ предметовъ. За нихъ желаетъ и дѣйствуетъ кто-нибудь другой, а за неимѣніемъ этого другого, — общественная среда. Они представляютъ собою не голосъ, а эхо, и становятся такими или иными, смотря по обстоятельствамъ. Случай рѣшаетъ вопросъ о ихъ профессіи, о ихъ женитьбѣ и обо всемъ остальномъ; затѣмъ, разъ попавъ въ колею, они живутъ точно такъ же, какъ окружающіе. Это—характеры не индивидуальные, а видовые, профессиональные, это безчисленные копіи съ одного оригинала, существовавшаго когда-то“ (стр. 415, 416).

Копированіе другого въ области мысли, чувства и дѣйствія, подражаніе, пассивная симпатія и рабское повиновеніе, — вотъ къ чему сводится психическое взаимодействіе, поскольку оно происходитъ на почвѣ психологическаго автоматизма. Посмотримъ теперь, къ какимъ результатамъ приводитъ оно, когда устанавливается на почвѣ творческой активности нашего духа, когда его основнымъ факторомъ является сознательная воля человѣка.

Прежде всего мы имѣемъ здѣсь обмѣнъ мыслей, дѣлающій возможнымъ возникновеніе научнаго объективнаго знанія. Если бы не было обмѣна мыслей, если бы человѣкъ въ интеллектуальномъ отношеніи являлся изолированнымъ существомъ, то объективное знаніе или наука никогда бы не

возникла и человекъ никогда бы не вышелъ за предѣлы узкаго міросозерцанія, выработаннаго на основаніи только личнаго опыта и личнаго мышленія. Только при помощи обмѣна мыслей личный опытъ отдѣльной личности и результаты ея умственной обработки этого жизненнаго опыта могутъ становиться общимъ достояніемъ, могутъ сравниваться и сопоставляться съ таковымъ же личнымъ опытомъ и результатами мышленія другихъ людей. Знаніе есть соціальный продуктъ, и только благодаря обмѣну мыслей человекъ можетъ пріобщиться къ той богатой сокровищницѣ умственныхъ благъ, которыя человечество накопило въ продолженіе своего развитія и продолжаетъ накоплять все въ болѣе возрастающемъ размѣрѣ. Чѣмъ шире обмѣнъ мыслей, чѣмъ онъ интенсивнѣе, тѣмъ быстрѣе можетъ итти ростъ научнаго знанія какъ въ отдѣльной личности, такъ и въ цѣломъ человечествѣ. И все, что задерживаетъ этотъ обмѣнъ мыслей, все это является препятствіемъ для умственнаго прогресса, составляющаго необходимое условіе и для развитія человека какъ въ эмоціоанальномъ отношеніи, такъ и въ отношеніи воли.

Вслѣдъ за обмѣномъ мыслей идетъ то, что можетъ быть названо обмѣномъ чувствованій или эмоцій. Человекъ можетъ не только передумывать мысли другихъ людей, сравнивать ихъ со своими собственными, критически провѣрять, приводить во взаимную гармонію и дѣлать, такимъ образомъ, ихъ своимъ собственнымъ умственнымъ достояніемъ, — онъ можетъ также переживать волнующія этихъ послѣднихъ чувства и страсти и испытываемыя ими удовольствія и страданія, и переживать не внѣшнимъ образомъ, не пассивно, а такъ, что при этомъ затрогиваются самыя интимныя, самыя сокровенныя струны его души. Благодаря психическому взаимодействию, не только мысль другихъ, критически провѣренная и приведенная въ гармонію со всѣмъ строемъ нашего міросозерцанія, можетъ стать нашею мыслью, но и чувство, переживаемое другимъ, можетъ стать нашимъ чувствомъ, будучи не просто пассивно воспринято, но переработано до степени активнаго стремленія. Такъ, напр., состраданіе, которое рождается на почвѣ психологическаго автоматизма и которое способно ограничиваться только проли-

тіемъ слезъ и принятіемъ грустнаго вида, принимаетъ форму чувства состраданія, ищущаго себѣ выхода прежде всего и главнымъ образомъ въ дѣятельности, направленной на устраненіе того страданія и горя, которыя приходится видѣть или представлять себѣ.

Такимъ образомъ, наряду съ обмѣномъ мыслей, дѣлающимъ возможнымъ развитіе объективнаго знанія, всегда существуетъ обмѣнъ чувствъ или эмоцій, дѣлающій возможнымъ развитіе дѣятельной симпатіи или активнаго альтруизма. Если бы не было обмѣна чувствъ, человѣкъ никогда бы не вышелъ за предѣлы узкаго односторонняго эгоизма. Активные альтруистическія чувствованія, дѣятельная симпатія рождаются на почвѣ той формы психическаго взаимодействія, въ которой играетъ роль сознательная творческая воля, и представляютъ такой же соціальный продуктъ, какъ и объективное знаніе. вмѣстѣ съ расширеніемъ круга этой формы психическаго взаимодействія растетъ и дѣятельная симпатія, и предѣлы этому развитію указать такъ же трудно, какъ трудно указать предѣлы для развитія объективнаго знанія. Симпатія къ непосредственно близкимъ людямъ, окружающимъ данную личность, стремится постепенно расширяться на все большій и большій кругъ людей и въ конечномъ предѣлѣ охватить все человѣчество. Развиваясь еще дальше, симпатія распространяется на все то, что вообще одарено какою бы то ни было чувствительностью, на все, въ чемъ чувствуется трепетъ и дыханіе жизни. Человѣкъ дѣлается способнымъ охватывать своею любовью все, что живетъ и имѣетъ задатки для развитія. Благодаря обмѣну чувствъ, человѣкъ можетъ неизмѣримо расширить свою личность въ эмоціоанальномъ отношеніи: его жизнь дѣлается многостороннѣе и богаче, потому что онъ становится участникомъ эмоціоанальной жизни другихъ людей все въ болѣе и болѣе широкой степени.

Наконецъ, на ряду съ обмѣномъ мыслей и чувствъ идетъ и дѣлается, благодаря имъ, возможнымъ обмѣнъ желаній, хотѣній и идеальныхъ стремленій. Можно не только передумывать мысли другихъ людей, можно не только переживать волнующія ихъ чувства, — можно также ихъ волю сдѣлать предметомъ своей воли, ихъ желанія своими желаніями,

ихъ идеалы своими идеалами. И сдѣлать это не въ смыслѣ пассивнаго подчиненія волѣ другихъ, а потому, что воля, желанія и идеалы другихъ согласуются съ лучшими нашими творческими стремленіями, являясь ихъ расширеніемъ, завершеніемъ и дополненіемъ. Наша личность при этомъ не стирается и не уничтожается, какъ при психическомъ взаимодействіи на почвѣ психологическаго автоматизма, а становится только полнѣе и шире. Благодаря той формѣ психическаго взаимодействія, о которой мы говоримъ теперь, мотивами, двигающими человѣческую волю, могутъ быть не только личныя желанія, но и справедливыя желанія другихъ: я могу сознательно и свободно хотѣть, что хотятъ другіе, и хотѣть этого для нихъ, а не только для себя.

Такимъ образомъ становится возможной общая воля, общія желанія, общіе идеалы и общественная дѣятельность, направленная на ихъ осуществленіе. И эта общая воля создается не на почвѣ подчиненія одной части людей другимъ, но ея основаніемъ служитъ признаніе цѣнности за каждою индивидуальною волею, входящею въ ея составъ. Продуктомъ обмѣна мыслей было объективное знаніе, продуктомъ обмѣна чувствованій была все шире разрастающаяся активная симпатія; подобно этому продуктомъ обмѣна въ области воли будутъ общечеловѣческія стремленія и объединенный, коллективный, урегулированный трудъ для ихъ достиженія. Благодаря психическому взаимодействию въ этой области, личность все въ большей мѣрѣ становится въ своей волевой дѣятельности свободной и сознательной представительницей всего солидарнаго человѣчества, все болѣе дѣлается носительницей общечеловѣческихъ идеаловъ, сохраняя при этомъ вполнѣ свою самостоятельность и оригинальность. Индивидуальная воля отдѣльной личности на почвѣ разсматриваемой нами формы психическаго взаимодействія дѣлается все болѣе подобной коллективной волѣ всего человѣчества, съ которой она постепенно все тѣснѣе неразрывно сливается, не утрачивая вмѣстѣ съ тѣмъ своего самобытнаго характера. Такимъ образомъ, индивидуумъ здѣсь становится все шире и шире, пока въ конечномъ предѣлѣ не объединяется въ одно цѣлое со всѣмъ человѣчествомъ, не исчезая, однако, въ немъ до

полной утраты себя, какъ свободной и сознательной личности. И когда это будетъ достигнуто, тогда человѣкъ въ дѣйствительномъ, истинномъ значеніи этого слова станетъ тѣмъ „сверхъ-человѣкомъ“, о которомъ мечтаетъ Ницше, но этотъ „сверхъ-человѣкъ“ явится не путемъ попранія нѣкоторыми избранными личностями остального „человѣческаго стада“, которое должно послужить какъ бы фундаментомъ для его выработки, а путемъ все расширяющейся и усложняющейся гармоніи и коопераціи каждой отдѣльной личности съ остальными людьми.

Но развитіе психическаго взаимодействія, насколько его основой служитъ сознательная, творческая воля, имѣетъ своимъ послѣдствіемъ не только расширеніе личности во всѣхъ указанныхъ нами отношеніяхъ; вмѣстѣ съ этимъ оно все болѣе приближаетъ то время, когда человѣчество изъ того разрозненнаго и хаотическаго состоянія, въ которомъ оно находится теперь, обращается въ гармоническій союзъ людей, становится однимъ солидарнымъ цѣлымъ, дѣйствующимъ сознательно въ направленіи все большаго подъема интенсивности и широты жизни на земномъ шарѣ и утилизирующимъ для этого всѣ способности каждаго индивидуальнаго человѣка, входящаго въ его составъ, такъ что ни одна сила не пропадаетъ напрасно, но служитъ для всеобщаго прогресса жизни. Въ результатѣ обмѣна мыслей является установленіе гармоніи между мыслями отдѣльныхъ личностей или объединенное и систематизированное знаніе всего человѣчества, въ которомъ опытъ и критическая мысль каждой личности использованы въ полномъ размѣрѣ и въ которомъ объединяющимъ звеномъ является идея о великомъ значеніи знанія, какъ орудія для увеличенія цѣнности индивидуальнаго и общечеловѣческаго существованія и для установленія гармоніи между тѣмъ и другимъ. Въ результатѣ обмѣна чувствъ является гармонія между чувствами всѣхъ отдѣльныхъ личностей, или широкая взаимная нравственная любовь, охватывающая всѣ стороны общечеловѣческой жизни и распространяющаяся на всѣхъ людей. Выражаясь фигурально, мы могли бы сказать, что изъ того бездушнаго и апатичнаго состоянія, въ которомъ человѣчество, какъ цѣлое, находится

въ настоящее время, оно понемногу доходить до того, что въ груди его, этой пока еще холодной и ничѣмъ не согрѣтой груди, начинаетъ трепетать и биться сердце, одушевленное безпредѣльною горячею любовью ко всякому проявленію жизни, на дѣятельную защиту которой оно готово встать всегда и во всякое время. Наконецъ, въ результатѣ обмѣна въ области желаній или воли создается гармонія всѣхъ стремленій отдѣльныхъ личностей между собою, создается организованная объединенная воля всего человѣчества, которая получаетъ свое необходимое выраженіе въ систематической солидарной коллективной дѣятельности, въ планомѣрномъ трудѣ, имѣющемъ своей задачей осуществленіе высшихъ общечеловѣческихъ идеаловъ. Такимъ образомъ результатомъ психическаго взаимодействія въ той мѣрѣ, въ какой оно происходитъ на почвѣ той сознательной, творческой активности, которой обладаетъ человѣкъ, въ конечномъ предѣлѣ является болѣе или менѣе полное сліяніе отдѣльной личности со всѣмъ человѣчествомъ въ мысли, въ чувствѣ и волевой дѣятельности.

Не трудно видѣть, что все, отмѣченное нами здѣсь въ общихъ чертахъ, представляетъ не что иное, какъ прогрессивный ростъ и расширеніе системы тѣхъ цѣлей, которыя ставитъ себѣ отдѣльная личность, какъ возрастающее въ своей степени установленіе гармоніи между цѣлями, какъ подъемъ личности на все болѣе и болѣе высокія ступени нравственнаго развитія. Система цѣлей безпредѣльно расширяется и необходимо должна расширяться, потому что ей данъ неизсякающій источникъ въ тѣхъ цѣляхъ, которыя себѣ ставитъ человѣчество и къ которымъ личность, по мѣрѣ установленія солидарности среди послѣдняго, все болѣе и болѣе приобщается. Указать предѣлы для расширенія системы цѣлей здѣсь почти невозможно, такъ какъ само человѣчество по сравненію съ личностью представляетъ нѣчто неисчерпаемое и безпредѣльное и такъ какъ процессъ развитія въ данномъ случаѣ не можетъ остановиться до тѣхъ поръ, пока не будетъ достигнуто полное сліяніе каждой личности со всѣмъ человѣчествомъ. А дальше? Кто скажетъ, что будетъ дальше? Объединенное, солидарное человѣчество по-

ставить себѣ новыя цѣли, новыя задачи, о которыхъ мы теперь не имѣемъ никакого представленія.

Все выше сказанное представляетъ, такъ сказать, тотъ естественный путь, въ направленіи котораго работаетъ психическое взаимодействіе между отдѣльными личностями, разъ только оно устанавливается между ними на почвѣ сознательной, творческой активности нашего духа. Но установленіе этой послѣдней формы психическаго взаимодействія и расширеніе ея сферы наталкивается на своемъ пути на много препятствій. Въ общественной жизни, такъ, какъ она протекаетъ въ дѣйствительности, встрѣчается не мало моментовъ, которые изолируютъ отдѣльную личность изъ круга другихъ людей или противоплагаютъ ея интересы интересамъ этихъ послѣднихъ. Личность при этомъ, такъ сказать, выхватывается изъ сферы сознательнаго, творческаго психическаго взаимодействія или послѣднее не можетъ идти своимъ нормальнымъ путемъ и приводитъ къ тѣмъ результатамъ, которые составляютъ его естественное послѣдствіе. Съ этими моментами необходимо нужно считаться, и вліяніе ихъ на личность неизбѣжно должно быть принимаемо въ расчетъ. Поскольку существуетъ обмѣнъ мыслей, обмѣнъ чувствованій и обмѣнъ желаній, въ которомъ приводится въ дѣйствіе сознательная, творческая воля въ человѣкѣ, съ необходимостью должны получиться отмѣченные нами выше въ краткихъ чертахъ результаты. И однако, хотя общество существуетъ уже давно, они до сихъ поръ еще не получились въ сколько-нибудь широкой степени. Что-то мѣшаетъ и тормозитъ развитіе человѣчества въ этомъ направленіи. Что же это такое?

Прежде всего мы не должны упускать изъ виду, что человѣкъ представляетъ животный организмъ, подчиненный всѣмъ законамъ животнаго существованія, которые намъ открываетъ біологія. Какъ животное существо, человѣкъ стремится прежде всего къ самосохраненію и продолженію рода и смотритъ съ этой точки зрѣнія на все остальное, какъ на средство или орудіе этого самосохраненія или продолженія рода. Все, что мѣшаетъ ему на пути къ этой цѣли, со всѣмъ этимъ онъ вступаетъ въ самую жестокую борьбу. Кромѣ

того, являясь животнымъ организмъ, имѣющимъ плоть и кровь, человѣкъ представляетъ существо чувственное, ищущее физическихъ наслажденій и личнаго счастья и борющееся изъ-за нихъ со всякимъ, кто только станетъ ему на этомъ пути. Борьба за самосохраненіе и борьба за физическія наслажденія, за личное счастье—вотъ что главнымъ образомъ разъединяетъ людей, что мѣшаетъ установиться между ними широкому творческому психическому взаимодействию.

Конечно, и стремленіе къ самосохраненію, и стремленіе къ счастью—все это вполне законныя стремленія, которыя всегда были и всегда будутъ существовать и которыя сами по себѣ еще не заключаютъ въ себѣ необходимости той борьбы, о которой мы говорили выше. Эта борьба, однако, дѣлается неизбежной при извѣстныхъ естественныхъ и общественныхъ условіяхъ, съ устраненіемъ которыхъ она можетъ быть или значительно смягчена или даже и вовсе устранена.

Первоначально, въ первые періоды жизни человѣчества, которые мы могли бы назвать его дѣтствомъ, когда разумъ человѣка еще слабъ и мало развитъ, когда въ отношеніи интеллекта онъ немногимъ чѣмъ разнится отъ человекоподобныхъ обезьянъ, недостатокъ въ окружающей его обстановкѣ питательныхъ матеріаловъ и вообще предметовъ, служащихъ для удовлетворенія его потребностей, дѣлаетъ неизбежной самую жестокую борьбу за существованіе между членами человѣческаго рода и такимъ образомъ обуславливаетъ возникновеніе привычекъ и инстинктовъ, безусловно враждебныхъ нравственности и тому творческому психическому взаимодействию между людьми, о которомъ мы говорили выше. Чтобы нравственное развитіе и этотъ родъ психическаго взаимодействия стали возможными, необходимо смягченіе борьбы за существованіе, необходимо, чтобы эта борьба потеряла свой острый характеръ. Въ матеріальной средѣ должны происходить такія измѣненія, которыя дѣлали бы борьбу за существованіе все менѣе неизбежной и открывали бы такимъ образомъ все болѣе простора для дѣятельностей иного рода, направленныхъ не на уничтоженіе другихъ живыхъ существъ, а, напротивъ того, на ихъ поддержку въ жизни, на содѣйствіе имъ въ ихъ самосохраненіи и раз-

вити, — ведущихъ не къ борьбѣ и разъединенію людей, а къ ихъ коопераціи и общенію другъ съ другомъ.

Самый процессъ борьбы за существованіе приводитъ въ концѣ концовъ къ выработкѣ тѣхъ силъ, которыя дѣлаютъ эту борьбу менѣе интенсивной, которыя все въ болѣе значительной степени ее ограничиваютъ. Наиболѣе могущественными орудіями въ борьбѣ за существованіе являются интеллектъ и ассоціація съ другими себѣ подобными существами. Первоначально развивается только та сторона интеллекта, которая называется хитростью, проницательностью, умѣньемъ быстро сообразить обстоятельства и обмануть врага, а ассоціація съ другими людьми имѣетъ кратковременный характеръ и ограниченные размѣры: борьба между отдѣльными личностями замѣняется здѣсь только борьбой между маленькими общественными группами. Изъ грубой формы интеллекта, изъ чисто животной хитрости, построенной на принципѣ обмана, развивается мало-по-малу, какъ прекрасно это показываетъ Лестеръ Уордъ въ своей книгѣ „Психическіе факторы цивилизаціи“, тотъ геній изобрѣтательности, который даетъ возможность человѣку въ самыхъ широкихъ размѣрахъ пользоваться силами природы для улучшенія своей жизни, а первичныя несовершенныя формы ассоціаціи, въ которыхъ взаимодействіе между людьми всецѣло почти построено на основѣ психологическаго автоматизма, даютъ мало-по-малу начало тѣмъ совершеннымъ формамъ общественной жизни, въ которыхъ творческимъ силамъ человѣка принадлежитъ выдающаяся роль.

Но даже и послѣ того какъ изобрѣтательный геній человѣка настолько измѣнилъ матеріальную среду, что борьба за существованіе между людьми, повидимому, стала вполнѣ излишней, даже и послѣ того, когда уже возникли эти болѣе совершенныя и болѣе широкія формы ассоціаціи людей другъ съ другомъ, продолжаютъ еще свое вредное дѣйствіе инстинкты и склонности, унаслѣдованные отъ прошлыхъ періодовъ жестокой борьбы за существованіе, когда матеріальныя условія требовали беспощаднаго уничтоженія соперниковъ и устраненія ихъ въ возможно болѣе значительномъ размѣрѣ съ арены жизни. Только мало-по-малу эти инстинкты и

склонности могут сгладиться и уничтожиться и природа человека придти въ соотвѣтствіе съ измѣнившимися матеріальными, духовными и общественными условіями жизни. Если человечество и вышло изъ періода своего дѣтства, то оно далеко еще не вышло изъ періода своего отрочества, а періодъ зрѣлаго возраста гдѣ-то очень далеко мерцаетъ въ туманной дали будущаго.

Современная жизнь намъ еще до сихъ поръ въ значительной степени представляетъ борьбу за средства существованія и погоню за богатствомъ и матеріальными удовольствіями. Только въ той мѣрѣ, въ какой эта борьба, благодаря тѣмъ или другимъ причинамъ, утихаетъ или замираетъ, сознательное, творческое психическое взаимодействіе вступаетъ въ свои права и развертываетъ передъ нами всѣ тѣ послѣдствія, о которыхъ мы говорили выше. Когда антагонизмъ и конкуренція между людьми во всѣхъ ихъ видахъ, какъ прямого, такъ и косвеннаго характера, будутъ устранены, когда каждая личность будетъ въ достаточной мѣрѣ обезпечена средствами существованія и физическаго счастья и ей не будетъ необходимости бороться изъ-за этого съ другими, когда въ ней окончательно исчезнутъ всѣ разрушительные и антисоціальныя инстинкты, — только тогда психическое взаимодействіе между людьми на почвѣ творческой активности ихъ духа получитъ полный просторъ для своего обнаруженія, только тогда разовьется тотъ широкій и интенсивный обмѣнъ мыслей, чувствъ и стремленій, о которомъ мы себѣ можемъ составить теперь только смутное представленіе. Развитіе производительныхъ силъ, все возрастающее по своимъ размѣрамъ примѣненіе пара и электричества, дѣлающее съ каждымъ днемъ гигантскіе шаги впередъ и влекущее за собою тотъ громадный матеріальный прогрессъ, который намъ приходится наблюдать за послѣднее время, все болѣе способствуетъ приближенію того момента, когда для психическаго взаимодействія и для его прогрессивнаго расширенія будутъ даны наиболѣе благопріятныя условія, когда оно будетъ имѣть возможность проявляться не временами только и не въ узкихъ кругахъ общества, но постоянно и въ широкихъ общественныхъ слояхъ.

Въ заключеніе этой главы, мы должны еще нѣсколько остановиться на томъ значеніи, которое имѣютъ для развитія сознательной, творческой воли въ человѣкѣ продукты дѣятельности какъ его личной, индивидуальной, такъ и коллективной, общественной. Продукты этой дѣятельности, съ одной стороны, могутъ быть сведены къ опредѣленнымъ матеріальнымъ вещамъ, съ другой—къ опредѣленнымъ формамъ и орудіямъ психическаго взаимодействія. Въ той мѣрѣ, въ какой эти продукты находятъ свое воплощеніе въ формѣ тѣхъ или другихъ матеріальныхъ благъ, все, что было сказано нами о значеніи природы, какъ фактора, опредѣляющаго развитіе воли, примѣнимо вполне и къ нимъ. Насколько эти продукты имѣютъ идеальное и социальное значеніе, къ нимъ можетъ быть приложено все то, что было нами сказано относительно психическаго взаимодействія между людьми. Чтобы сдѣлать вполне ясной нашу мысль, предположимъ, что такого рода искусственнымъ продуктомъ человѣческой дѣятельности является какая-нибудь статуя, изваянная великимъ скульпторомъ, напр., хотя бы Венера Милосская. Съ одной стороны, это просто матеріальный предметъ, кусокъ мрамора, который на человѣка, лишеннаго всякаго эстетическаго вкуса, можетъ оказать не большее впечатлѣніе, чѣмъ какой-нибудь булыжникъ или гранитъ, съ другой—это—воплощеніе идеальной красоты, физической и душевной, которое можетъ наполнить самымъ неподдѣльнымъ восторгомъ наше сердце и произвести даже цѣлый переворотъ въ нашей жизни, какъ объ этомъ неподражаемо рассказываетъ Глѣбъ Успенскій въ одномъ изъ своихъ очерковъ ¹⁾. Созерцая это произведеніе искусства, мы вступаемъ въ духовное общеніе съ художникомъ, его создавшимъ, и дѣлаемся участниками тѣхъ свѣтлыхъ идей, тѣхъ благородныхъ чувствъ и возвышенныхъ порывовъ, которые его волновали, и, перерабатывая въ своемъ собственномъ сознаніи всѣ эти сложные душевные процессы, мы становимся чище, свѣтлѣе и благороднѣе. Но кусокъ мрамора, ставъ произведеніемъ искусства, не пересталъ оставаться и частицей той естественной обстановки,

1) Сочиненія Г. И. Успенскаго, Т. I, стр. 1122.

той природы, которая насъ окружаетъ. Получивъ символическое значеніе, ставъ воплощеніемъ красоты и средствомъ духовнаго общенія людей между собою, онъ остался все тѣмъ же кускомъ мрамора, которымъ былъ прежде. Скульпторъ не уничтожилъ мрамора, только придалъ ему другую форму, другой смыслъ и значеніе кромѣ того, которое онъ имѣлъ, какъ простая каменная глыба.

Подобнымъ образомъ можно сказать, что человѣчество вообще, не уничтожая той естественной обстановки, среди которой оно живетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе и болѣе ее преобразуетъ, придавая этой естественной обстановкѣ все болѣе и болѣе искусственный видъ. Количество продуктовъ, составляющихъ плодъ труда человѣка, его искусства, его творческой дѣятельности, все болѣе и болѣе растетъ. И каждое умноженіе числа такихъ продуктовъ есть не болѣе и не меньше, какъ расширеніе той среды, которая окружаетъ человѣка и которая является поприщемъ для его болѣе одухотворенной и идеализированной жизни и для развитія его сознательной, разумной и творческой воли. Сравните среду первобытнаго человѣка, дикаря, бродящаго въ непроходимыхъ лѣсахъ, которому была доступна только одна природа съ ея деревьями, съ ея птицами, звѣрями, съ ея голубымъ небомъ,—со средой современнаго цивилизованнаго человѣка, который, имѣя возможность наслаждаться и пользоваться природой, если онъ хочетъ, сверхъ того находитъ передъ собой неисчерпаемыя богатства въ книгахъ, картинахъ, музыкальныхъ произведеніяхъ и т. д., воплощающихъ въ себѣ результаты неутомимаго исканія истины, красоты и справедливости многихъ поколѣній людей, изъ которыхъ иные уже очень давно сошли со сцены жизни. Эти лучшіе люди прошлыхъ временъ продолжаютъ жить для насъ въ своихъ твореніяхъ. Духовное богатство, скопленное въ памятникахъ мысли и художественнаго творчества, безгранично и оно все болѣе и болѣе растетъ. Та искусственная среда, которая получаетъ все большее и большее значеніе въ дѣлѣ нравственнаго развитія человѣка, неизмѣримо расширяется и нѣтъ возможности указать предѣлы для этого роста. Она растетъ въ связи съ расширеніемъ, а также возрастаніемъ

интенсивности сознательнаго, творческаго психическаго взаимодействія между людьми и является орудіемъ, показателемъ и видимымъ выраженіемъ этого послѣдняго процесса.

VII.

Характеристическія черты среды, наиболѣе благопріятной для нравственнаго развитія ребенка.

Въ двухъ предыдущихъ главахъ мы сдѣлали краткій очеркъ того взаимодействія, которое существуетъ между средой съ одной стороны и индивидуальной личностью — съ другой. Теперь намъ предстоитъ остановиться болѣе подробно на вопросѣ о томъ, какая среда или какія ея стороны дѣйствуютъ благотворнымъ образомъ на развитіе въ личности тѣхъ нравственныхъ идей, чувствъ и стремленій, которыя имѣютъ своимъ предметомъ воплощеніе въ жизни высшаго нравственнаго идеала.

Отвѣтить на этотъ вопросъ теперь уже не трудно. Только главнымъ образомъ на почвѣ психическаго взаимодействія могутъ создаться тѣ могучія свѣтлыя активныя идеи и чувства, которыя обусловливаютъ развитіе въ ребенкѣ нравственной воли. Взаимодействіе между ребенкомъ и природой или матеріальной обстановкой только косвенно и только при посредствѣ психическаго взаимодействія можетъ получить нравственное значеніе. Оно можетъ послужить школой для развитія воли въ ребенкѣ, для расширенія его сознательной творческой активности, но направить эту волю на тѣ цѣли, которыя составляютъ содержаніе нравственности, направить эту активность на преобразование реальной жизни сообразно съ высшимъ нравственнымъ идеаломъ можетъ только одно психическое взаимодействіе. Все, что затрудняетъ возникновеніе широкаго психическаго взаимодействія между ребенкомъ и окружающимъ его міромъ людей — все это тормозитъ въ немъ выработку нравственной воли и всѣ подобныя явленія въ окружающей средѣ должны быть признаны безусловно вредными для ребенка въ нравственномъ отношеніи. Помѣшать дѣйствию подобныхъ явленій — измѣнить такъ среду, въ которой приходится жить ребенку,

чтобы эта среда пробуждала въ немъ мысли, чувства и желанія, которыми питается и на которыхъ основывается въ человѣкѣ нравственность, составляетъ великую задачу, лежащую на воспитателѣ.

Итакъ, первое и самое главное, что среда должна допускать и допускать въ возможно болѣе широкихъ размѣрахъ, это—установленіе всесторонняго психическаго взаимодѣйствія. Но главный вопросъ въ томъ, на какой почвѣ происходитъ само это психическое взаимодѣйствіе—на почвѣ ли психологическаго автоматизма или сознательной творческой активности.

Мы видѣли выше, что только послѣдняя форма психическаго взаимодѣйствія ведетъ къ созданію того истинно-нравственнаго характера, который долженъ составить точку опоры въ нравственной дѣятельности человѣка. На почвѣ же психологическаго автоматизма въ лучшемъ случаѣ можетъ создаться только внѣшняя нетвердая и неустойчивая нравственность и то при условіяхъ благопріятной, здоровой среды.

Чѣмъ болѣе въ человѣкѣ господствуетъ психологическій автоматизмъ, тѣмъ болѣе онъ находится во власти и подъ вліяніемъ внѣшнихъ условій, тѣмъ большую роль играетъ среда въ качествѣ опредѣлителя и направителя его будущей дѣятельности. Наоборотъ, чѣмъ болѣе въ душѣ человѣка господствуетъ сознательная, творческая активность, тѣмъ болѣе онъ въ состояніи сопротивляться всѣмъ враждебнымъ вліяніямъ среды, идущимъ въ разрѣзъ съ развитіемъ и совершенствованіемъ воли, т. - е. съ ея стремленіемъ стать нравственной, любящей, безкорыстной волей. Тѣмъ болѣе также онъ въ состояніи пользоваться въ окружающей средѣ каждымъ благопріятнымъ случаемъ, отъ котораго можетъ выиграть въ немъ ростъ и развитіе этой нравственной воли.

Первоначально, въ первые годы дѣтства, сознательная творческая активность въ ребенкѣ еще очень слаба, психологическій автоматизмъ играетъ въ его жизни сравнительно еще слишкомъ широкую, можно сказать, поглощающую роль. Имѣетъ особенно важное значеніе заботливый уходъ за этой творческой активностью. Она составитъ самую лучшую точку

опоры для дальнѣйшаго твердаго и прочнаго развитія въ ребенкѣ нравственности, когда онъ станетъ впоследствии взрослымъ человекомъ. Надо дать ей полный просторъ для дѣйствія, полную свободу обнаруженія, чтобы она такимъ образомъ упражнялась, развивалась, окрѣпла и получила, какъ можно скорѣе, въ личности господство надъ автоматическими процессами.

Въ этомъ отношеніи, важнымъ представляется вопросъ, насколько окружающая среда стѣсняетъ или, наоборотъ, поддерживаетъ развитіе въ человекѣ творческихъ силъ. Среда, подавляющая въ человекѣ съ самыхъ малыхъ лѣтъ всякое творчество, не можетъ быть благопріятна для развитія нравственности. Въ такой средѣ, какъ бы высоко она ни стояла въ культурномъ отношеніи, могутъ возникнуть акробаты нравственности, но не истинно-нравственные люди. Надо остерегаться слишкомъ развивать въ дѣтяхъ психологическій автоматизмъ,—онъ и такъ заполонилъ нашу жизнь и душитъ въ самомъ зародышѣ всякое проявленіе истинно-творческихъ силъ, которымъ принадлежитъ будущее. Окружающая ребенка среда въ большинствѣ случаевъ стремится съ самыхъ малыхъ лѣтъ выработать изъ него автомата, а не свободную и сознательную личность человека — творца.

Какъ мы тщательно холимъ и лелѣемъ всѣ тѣ стороны душевной жизни, которыя служатъ въ насъ выраженіемъ психологическаго автоматизма! Мы заботимся о развитіи хорошихъ привычекъ, навыковъ, памяти, тогда какъ прежде всего и больше всего слѣдовало бы заботиться о развитіи творчества, какъ въ области мысли, такъ и въ области практической жизни, о культивированіи той психической силы въ насъ, которая, оперируя надъ совершающимися въ нашей душѣ психическими процессами, связываетъ и соединяетъ ихъ въ одно цѣлое и постоянно творитъ и созидаетъ новое. Привычки, навыки, память — все это можетъ быть важно только какъ опорная точка для дѣятельности этой высшей психической силы, все это должно служить только для облегченія и расширенія творческой дѣятельности въ человекѣ. Вотъ почему развитіе привычекъ, навыковъ и

культура памяти въ ребенкѣ не должны переходить за тѣ границы, за которыми они начинаютъ пагубно отражаться на развитіи сознательной творческой воли.

А между тѣмъ вся система нашего домашняго воспитанія, а также и того образованія, которое даетъ ребенку школа, сильно грѣшитъ въ этомъ отношеніи. Въ домашнемъ кругу мы даемъ ребенку уже готовые цѣли и сами же указываемъ ему средства ихъ достиженія, не предоставляя ему самому добиваться ихъ открытія, мы развиваемъ въ немъ всевозможнаго рода привычки — къ порядку, къ аккуратности и т. д., исключая привычки дѣйствовать самостоятельно. А вся система школьнаго преподаванія развѣ не сводится къ тому, чтобы въ готовомъ, пережеванномъ видѣ давать ребенку начатки знанія, рассчитывая исключительно на его память, вмѣсто того, чтобы творческимъ путемъ вести его отъ одной истины къ другой, такъ чтобы весь процессъ приобрѣтенія знанія былъ для него рядомъ постоянныхъ открытій, которыя хотя онъ и дѣлаетъ при помощи учителя и наставника, но дѣлаетъ все же самъ, и знаніе такимъ образомъ является для него какъ нѣчто активно добытое, а не пассивно воспринятое. Короче говоря, и дома и въ школѣ мы дрессируемъ ребенка, какъ дрессируютъ животныхъ, но не воспитываемъ его въ истинномъ, человѣчномъ значеніи этого слова, мы стараемся развить въ немъ всевозможныя хорошія качества, кромѣ самаго главнаго, а именно сознательной, разумной, творческой воли.

Что касается среды вообще, то въ этомъ отношеніи на ребенка дѣйствуетъ благотворно все то, что вызываетъ съ его стороны сознательную психическую или двигательную реакцію, что такъ или иначе побуждаетъ его дѣйствовать согласно опредѣленной намѣченной цѣли, побуждаетъ производить рядъ тѣхъ или другихъ цѣлесообразныхъ движеній или возбуждаетъ самостоятельную работу его мысли. Все это воспитываетъ его волю. И, наоборотъ, всѣ впечатлѣнія внѣшняго міра, подавляющія активность въ человѣкѣ, надо признать крайне вредными въ воспитательномъ отношеніи. Этихъ впечатлѣній безусловно надо избѣгать. Для ребенка надо создать такую среду, которая постоянно пробуждала

бы въ немъ активныя чувства, вызывала бы его самодѣятельность, заставляла бы его сознательно и обдуманно дѣйствовать. Только при такомъ условіи воля въ ребенкѣ достигнетъ той широты развитія, безъ которой невозможно совершенствованіе человѣка въ нравственномъ отношеніи.

Но внѣшнія впечатлѣнія, воспитывая въ ребенкѣ активныя чувства, вмѣстѣ съ тѣмъ должны пробуждать въ немъ и активныя идеи. Это необходимо, если только внѣшнія впечатлѣнія должны благотворно вліять на наше нравственное развитіе. Активной идеей мы называемъ всякую идею возможнаго конкретнаго дѣйствія. Чѣмъ больше такихъ идей въ человѣкѣ, тѣмъ лучше. Онѣ должны составить центръ, основное ядро, вокругъ котораго затѣмъ сгруппируется все остальное наше умственное богатство. Вся бѣда наша въ томъ, что у насъ слишкомъ мало активныхъ идей; если бы ихъ было больше, то наша жизнь давно бы измѣнилась къ лучшему. Развѣ мы кругомъ себя не встрѣчаемся очень часто съ людьми, которые обладаютъ, повидимому, громадными знаніями, тщательно разсортированными въ ихъ головѣ по различнымъ рубрикамъ и подрубрикамъ, но эти знанія не имѣютъ никакого активнаго значенія, представляютъ мертвый капиталъ какъ для ихъ владѣльца, такъ и для окружающихъ людей. Эти лица имѣютъ изобильный запасъ идей, но страдаютъ отсутствіемъ идей активныхъ, которыя однѣ только могли бы сдѣлать ихъ знаніе жизненнымъ и плодотворнымъ. Активная идея, пустившая глубокіе корни въ душѣ, т.-е. поддерживаемая и питаемая соответствующимъ ей активнымъ чувствомъ, есть великая и могучая сила, которая властно двигаетъ человѣческою волею.

Чтобы добиться выработки подобнаго рода активныхъ идей въ ребенкѣ, воспитатель долженъ особенное стараніе прикладывать къ тому, чтобы всякая мысль, которая рождается въ ребенкѣ, была доведена имъ до степени активной идеи или, по крайней мѣрѣ, связана съ какими нибудь другими активными идеями. Эта мысль должна стать въ немъ настолько ясной, опредѣленной и конкретной, чтобы сдѣлалось возможнымъ дѣйствіе сообразное съ ней. Вопросъ „что дѣлать?“ надо ставить себѣ, не уставая, это самый суще-

ственный вопросъ, и пока мы не получили на него отвѣта, мы не должны знать покоя. Мысли, которыя бродятъ въ нашей головѣ, или должны быть преданы забвенію, или, если мы находимъ ихъ цѣнными, должны быть переработаны до степени активныхъ идей. Мы должны стремиться выработать въ самихъ себѣ такое міросозерцаніе, которое могло бы быть названо активнымъ; мы должны также стараться создать условія, благопріятныя для выработки активнаго міросозерцанія и въ нашихъ дѣтяхъ. Наши представленія, наши понятія, наши идеи мы должны стремиться объединить въ одну систему, въ которой руководящей идеей является идея о дѣйствіи. Надо дѣйствовать постоянно и непрерывно, чтобы измѣнить жизнь въ лучшую сторону, надо одному и въ союзѣ съ другими своею дѣятельностью создавать и творить новыя формы жизни, которыя превзошли бы своимъ совершенствомъ существующія. Улучшать окружающую насъ матеріальную обстановку, улучшать самого себя, улучшать другихъ людей и соціальныя отношенія, существующія между ними, — вотъ что должно облегчать намъ наше міросозерцаніе, что оно должно дѣлать яснымъ для насъ до степени возможнаго осуществленія. Только активное міросозерцаніе и имѣетъ какую-нибудь цѣну. Задача воспитанія выработать человека съ неутолимой жаждой дѣятельности, и дѣятельности сознательной, разумной, творческой, а не пассивнаго зрителя или созерцателя того, что происходитъ на аренѣ жизни или въ его собственной душѣ.

Не трудно понять, почему наша школа, при современной ея постановкѣ, оказываетъ на дѣтей такое пагубное вліяніе. Она дѣлаетъ ихъ душу складочнымъ амбаромъ всевозможныхъ книжныхъ понятій, которыя ничѣмъ рѣшительно не связаны съ ихъ представленіями, не имѣютъ никакого пракческаго жизненнаго значенія, и научаетъ ихъ считать это мнимое знаніе за настоящее. Она пріучаетъ ихъ удовлетворяться поддѣльными, фальшивыми монетами, не справляясь о томъ, изъ какого металла онѣ сдѣланы. вмѣсто того, чтобы воспитать въ насъ привычку наблюдать, способность активно вопрошать природу и собственными усиліями добиваться отъ нея отвѣтовъ, способность систематизировать свои

жизненные опыты, расширять ихъ, насколько возможно, и стараться о томъ, чтобы они нашли плодотворное примѣненіе къ практической жизни,—она воспитываетъ въ насъ поверхностное, пассивное, недѣятельное отношеніе къ ней. Выходя изъ школы, мы еще болѣе бѣдны, чѣмъ когда вступали въ нее. Нашу природную способность къ наблюденію жизни, наше природное стремленіе къ переводу символовъ на живой конкретный языкъ реальныхъ образовъ, нашу потребность находить для теоретическаго знанія практическое примѣненіе она убила въ насъ совершенно: мы находимъ теперь особенное удовольствіе вращаться въ мірѣ мертвыхъ идей и удовлетворяться призраками дѣйствительной жизни. Человѣкъ настолько сживается съ затхлымъ воздухомъ той гробницы, въ которую замуrowали его душу, что его перестаетъ даже тянуть на свѣжій воздухъ къ безбрежному простору безпредѣльной природы или широкаго, кипучаго, плодотворнаго общественнаго труда, подѣ вліяніемъ которыхъ только и можетъ развернуться живое существо.

Да, юноша выходитъ изъ школы нищимъ, котораго нарядили въ великолѣпные костюмы, котораго снабдили роскошнымъ багажомъ всякаго рода тяжеловѣсныхъ знаній, но взгляните ближе въ эти костюмы, разберитесь въ этомъ багажѣ и вы увидите, что они похожи на одѣяніе паяца и арлекина, что они состоятъ только изъ одной мишуры и блесстокъ, что подѣ ними скрыта бѣдная „голодная человѣческая душа“, у которой похитили всѣ ея сокровища и, нарядивъ въ шутовское одѣяніе, пустили по міру. Нечего послѣ этого и требовать, чтобы обобранный подобнымъ образомъ въ душевномъ отношеніи юноша могъ дать что-нибудь для людей. Окружающіе его люди могутъ любоваться, какъ блеститъ мишура и позолота на его шутовскомъ одѣяніи, какъ прекрасно онъ знаетъ всевозможные неправильные латинскіе и греческіе глаголы, годы сраженій и тому подобныя никому не нужныя вещи и не знаетъ совсѣмъ того, что касается его жизни и жизни другихъ окружающихъ его живыхъ людей, не знаетъ того, что могло бы содѣйствовать улучшенію и облагораживанію этой жизни. И между тѣмъ тотъ же самый юноша, если бы внимательно и заботливо къ

нему относились, если бы не растрачивали безумно и бессмысленно его душевных богатствъ, если бы съ самыхъ малыхъ лѣтъ въ немъ старались воспитать дѣятельное, творческое отношеніе къ жизни, какъ много тепла и свѣта могъ бы онъ дать, какое плодотворное значеніе могъ бы онъ имѣть для близкихъ ему людей, для своей родины, для человѣчества, несмотря на отсутствіе шутовскихъ и нарядныхъ костюмовъ,

Но прежде, чѣмъ научить ребенка дѣйствовать на людей или общество, воспитатель долженъ научить его дѣйствовать на матеріальную среду, на природу, которая представляетъ болѣе легкое и болѣе доступное для него поприще дѣятельности.

Принципъ дѣятельнаго отношенія къ природѣ не сразу, а только медленно и постепенно завоевалъ себѣ мѣсто въ общемъ ходѣ жизни человѣчества, нельзя поэтому предполагать, чтобы онъ получилъ свое признаніе и съ самыхъ первыхъ дней жизни индивидуальной личности. Дѣятельное творческое отношеніе къ природѣ надо воспитывать въ ребенкѣ, его надо тщательно поддерживать и развивать, стараясь о томъ, чтобы ребенокъ не являлся въ отношеніи природы пассивнымъ и чтобы онъ научился подавлять тотъ страхъ, который природа порою въ немъ возбуждаетъ. Надо прилагать особенную заботу къ тому, чтобы матеріальная среда, окружающая ребенка, какъ только представится къ этому возможность, служила ему поприщемъ для свободной творческой дѣятельности и для производительнаго труда, направленаго на созданіе тѣхъ или другихъ матеріальныхъ благъ, съ которыми связано счастье человѣка или которыя служатъ источникомъ его гармоническаго развитія.

Не въ душныхъ и тѣсныхъ комнатахъ большого города, съ его блескомъ, пестротой и шумомъ, оглушающими и усыпляющими сознаніе не только у ребенка, а даже и у взрослого человѣка, но въ деревнѣ, среди луговъ, лѣсовъ, полей, у подножія поднимающихся къ небу горъ или на берегу безпредѣльно раскинувшася моря, волны котораго то тихо, то громко постоянно о чемъ-то неумолчно ропщутъ, найдетъ ребенокъ наиболѣе благопріятныя условія для развитія въ немъ творче-

скаго отношенія къ природѣ. Наблюдая тамъ жизнь природы во всемъ разнообразіи ея формъ, онъ каждый день будетъ совершать новое открытіе, узнавать новыхъ животныхъ и растеній, видѣть тѣ постепенныя перемѣны, которыя происходятъ въ нихъ въ теченіе ихъ роста, онъ будетъ знакомиться лицомъ къ лицу съ различными физическими, химическими, метеорологическими, геологическими и иными измѣненіями въ природѣ и такимъ образомъ путемъ собственнаго опыта и наблюденія, требующихъ участія творческой мысли, онъ будетъ приобрѣтать то знаніе, которое городскому ребенку приходится приобрѣтать изъ книгъ въ готовомъ видѣ и усваивать главнымъ образомъ памятью. А на ряду съ этимъ маленькій огородъ, небольшой садикъ, къ которымъ приложенъ собственный посильный трудъ ребенка, а также различныя ремесла въ доступной для дѣтскихъ силъ формѣ дадутъ ему возможность для развитія своей творческой воли на какомъ-нибудь практическомъ дѣлѣ. Все это мы беремъ только въ качествѣ иллюстраціи нашей мысли, а нѣтъ сомнѣнія, что возможно найти и многіе другіе способы для развитія въ ребенкѣ творческаго отношенія къ природѣ не только въ деревнѣ, но даже и въ городѣ, гдѣ человекъ такъ тщательно, повидимому, искореняетъ всякіе слѣды своей естественной обстановки.

Во всякомъ случаѣ, какъ бы тамъ ни было, матеріальная среда, окружающая ребенка, имѣетъ-ли она естественный или искусственный характеръ, должна доставлять достаточный матеріаль для творческой, созидательной дѣятельности, и не должна затруднять свободное обнаруженіе накопленной въ немъ активности. Тамъ, гдѣ среда такого рода, что свободное, сознательное, творческое дѣйствіе почему-либо стѣсняется и задерживается, тамъ она не можетъ быть благопріятна для развитія воли. Но какимъ образомъ среда можетъ стѣснять или задерживать сознательное творческое дѣйствіе въ ребенкѣ? Это можетъ происходить двоякимъ образомъ: или среда можетъ возбуждать въ немъ страхъ того или другого рода, или впечатлѣнія, оказываемыя средой на ребенка, могутъ быть до того избыточны, что будутъ поглощать все его время, всѣ его психическія силы, такъ что

не будет оставаться ни времени, ни душевных сил на ту сознательную, самостоятельную работу мысли, которая составляет необходимое предварительное условие всякаго волевого акта, въ противоположность дѣйствіямъ автоматическимъ.

Что касается страха, то въ этомъ отношеніи мы должны помнить, что страхъ подавляетъ активность, парализуетъ силы. Человѣкъ, боящійся чего бы то ни было, не можетъ быть дѣятельнымъ. Чтобы дѣйствовать нужна извѣстная рѣшимость, нужно не страшиться усилія, не бояться тѣхъ страданій, которыя могутъ встрѣтиться на нашемъ пути, не бояться пораженія, смѣло глядѣть въ лицо опасности и тѣмъ препятствіямъ, которыя намъ предстоитъ преодолѣть. Тамъ, гдѣ дѣйствительность такова, что все пугаетъ и страшитъ человѣка, она не можетъ быть благопріятна для развитія въ немъ активности. И часто мы пугаемся не только дѣйствительныхъ опасностей, но мнимыхъ, представляющихъ плодъ недостаточной ориентировки человѣка въ окружающихъ его условіяхъ жизни. Эти призраки, созданные нами же самими, иногда въ сильной степени затрудняютъ и тормозятъ нашу дѣятельность.

Страхъ передъ природою имѣлъ огромное значеніе въ ервобытныя времена существованія человѣка, когда природа являлась ему въ такомъ грозномъ и величественномъ видѣ, но врядъ ли онъ можетъ имѣть большое значеніе для современнаго ребенка среди той видоизмѣненной человѣческимъ трудомъ природы, которую онъ находитъ въ настоящее время. Современному ребенку приходится больше бояться не столько природы, сколько близкихъ людей или руководителей, которые могутъ стѣснять всякое проявленіе его воли подъ угрозой того или другого наказанія, которые, видя въ послушаніи первую добродѣтель ребенка, могутъ недоброжелательно относиться ко всякому обнаруженію его самостоятельности, его свободнаго, творческаго отношенія къ окружающему. Вѣдь приказывать и принуждать угрозами и разными дисциплинарными взысканіями куда легче, чѣмъ мудро и незамѣтно для самого ребенка руководить имъ, направляя его къ добру и вмѣстѣ съ тѣмъ предоставляя ему дѣйствовать вполнѣ

самостоятельно, такъ чтобы весь путь нравственнаго совершенствованія служилъ ему школою для выработки нравственной воли, а не только тѣхъ или другихъ привычекъ, именуемыхъ нами нравственными.

Точно также, что касается чрезмѣрнаго изобилія внѣшнихъ впечатлѣній, подавляющаго нашу активность и убивающаго наши творческія силы, то и въ этомъ отношеніи для современнаго ребенка опасность угрожаетъ не столько со стороны природы, сколько со стороны той искусственной социальной обстановки, которую мы находимъ въ большихъ городахъ. Всякій навѣрное испыталъ то чувство успокоенія, возвращенія къ самому себѣ, которое приноситъ съ собою весною переѣздъ изъ города въ деревню. Душа отдыхаетъ отъ той чрезмѣрной пестроты, того раздражающаго многообразія внѣшнихъ впечатлѣній, съ которыми связана всякая городская жизнь, голова становится свѣжѣе, мысль начинаетъ работать самостоятельно, во всемъ организмѣ чувствуется какая-то бодрость и энергія. Городская жизнь, приводя умъ въ состояніе оцѣпенѣнія и въ то же время крайняго перевозбужденія, оказываетъ на человѣка, по мнѣнію Тарда, дѣйствіе, подобное гипнотизаціи: онъ впадаетъ какъ бы въ сомнамбулистическое состояніе. „Движеніе и уличный шумъ“, говоритъ онъ, „выставка товаровъ въ магазинахъ, непомѣрное и принудительное безпокойство о своемъ существованіи дѣйствуетъ“ на многихъ горожанъ, „какъ магнетическіе пассы“¹⁾. Если пагубно дѣйствуетъ на душу взрослога городская жизнь обиліемъ, многообразіемъ и пестротою внѣшнихъ впечатлѣній, такъ чрезмѣрно раздражающихъ и щекочущихъ нервы и такъ мало дающихъ возможности человѣку жить внутреннею жизнью, составляющею необходимое условіе для сколько-нибудь плодотворной внѣшней дѣятельности, то насколько пагубно должно быть ея вліяніе на душу ребенка. Если мы хотимъ, чтобы въ нашихъ дѣтяхъ созрѣли творческія силы, то мы должны стараться держать ихъ подальше отъ сутолоки большого города, отъ этого подавляющаго обилія внѣшнихъ раздраженій. Мы должны стараться окружить ихъ спо-

1) Ж. Тардъ. Законы подражанія, стр. 85.

койною, простою обстановкою, которая давала бы для ихъ души работу по силамъ, которая доставляла бы имъ такое количество впечатлѣній, какое они въ состояніи переварить, которая не превращала бы ихъ въ простые воспринимательные аппараты, не повергала бы ихъ какъ бы въ состояніе гипноза,—но допуская при своей простотѣ достаточное разнообразіе и перемѣну, непрестанно служила бы школою для упражненія въ нихъ сознательной, творческой воли. Материальная обстановка, окружающая ребенка, должна служить, постепенно вмѣстѣ съ ростомъ силъ въ немъ все въ болѣе возрастающихъ размѣрахъ, поприщемъ для приложенія сознательнаго, творческаго труда. Способность къ такого рода творческому труду неизмѣримо важнѣе всего того богатства впечатлѣній, которое можетъ доставить, цѣною подавленія самостоятельной духовной жизни, чрезмѣрно сложная и разнообразная среда, и вотъ почему родители и воспитатели должны съ самыхъ малыхъ лѣтъ культивировать эту способность въ своихъ дѣтяхъ.

Они должны развивать въ дѣтяхъ любовь и уваженіе къ труду, что возможно, конечно, только въ томъ случаѣ, если трудъ и наслажденіе въ сознаніи ребенка будутъ тѣсно и неразрывно связаны другъ съ другомъ. Наслажденіе или счастье должно поднимать въ человѣкѣ энергію и дѣлать его способнымъ для бодрого и неутомимаго труда, а трудъ, будучи свободнымъ, непринужденнымъ обнаруженіемъ активности человѣка, долженъ имѣть въ своемъ результатѣ созданіе продуктовъ, ведущихъ къ подъему жизни и счастья какъ личнаго, такъ и общечеловѣческаго.

Въ этомъ отношеніи строй современной общественной жизни врядъ-ли можетъ быть признанъ благопріятнымъ въ смыслѣ развитія воли въ томъ направленіи, о которомъ мы только что говорили. Въ современной жизни мы видимъ, съ одной стороны, пресыщеніе всевозможнаго рода наслажденіями почти безъ всякаго прилагаемаго для этого труда, съ другой стороны—трудъ безъ всякихъ сопровождающихъ его наслажденій, которыми онъ долженъ былъ бы сопровождаться или которыя должны были бы быть его послѣдствіемъ при нормальныхъ условіяхъ. Удѣлъ однихъ въ современномъ

обществѣ есть главнымъ образомъ трудъ, удѣлъ другихъ наслажденіе. Подобное положеніе дѣль едва ли можетъ воспитывать любовь и уваженіе къ труду и врядъ ли можетъ быть признано нормальнымъ, а не патологическимъ явленіемъ. Трудъ и притомъ творческій, сознательный трудъ и наслажденіе должны быть въ полной мѣрѣ удѣломъ cadaго челоѣка

Жизнь, полная избыткомъ наслажденій, но лишенная труда, какъ и жизнь, полная труда, но лишенная наслажденій,—одинаково уклоняются отъ условій нормальной, здоровой жизни. Но въ то время какъ первая, будучи зависимою въ своемъ существованіи отъ другихъ и будучи лишена всякой активности, таитъ въ себѣ признаки разложенія,—последняя есть основаніе будущаго прогресса и преобразованія общечеловѣческой жизни къ лучшему. Надо только, чтобы трудъ былъ освѣщенъ мыслью и сталъ творчествомъ, а не механическимъ дѣломъ, превращающимъ челоѣка въ автомата. Даже представители труда и тѣ не всегда ясно сознаютъ великое нравственное его значеніе, потому что они часто трудятся только вслѣдствіе необходимости, при первой возможности готовы были бы избавиться отъ гнета послѣдней, что бы безъ всякой затраты энергіи получать отъ жизни свою долю наслажденій. Это обстоятельство имѣетъ свое объясненіе въ томъ, что трудъ въ современномъ обществѣ въ рѣдкихъ случаяхъ выполняется добровольно, а болъшею частью въ силу явнаго или скрытаго принужденія. Только свободный трудъ можетъ стать предметомъ идеальныхъ стремленій. Девятнадцатый вѣкъ характеризуется громаднымъ развитіемъ производительныхъ силъ, сдѣлавшими возможнымъ могучій матеріальный прогрессъ и созданіе безконечнаго разнообразія матеріальныхъ благъ. Но самый источникъ этихъ благъ, трудовой элементъ, остается въ тѣни и на заднемъ планѣ. Двадцатому вѣку предстоитъ великая задача: выдвинуть трудъ на первый планъ, что бы продукты труда не заслоняли собою ихъ великаго творца-челоѣка, чтобы скрытыя въ трудѣ идеальныя блага получили возможность своего полного расцвѣта и развитія. Эволюція идеальныхъ благъ и идеальной культуры—вотъ что должно будетъ осуществить настоящее столѣтіе.

Здѣсь мы должны сказать хотя бы нѣсколько словъ о томъ значеніи, которое среда имѣетъ въ дѣлѣ нравственнаго развитія человѣка въ качествѣ источника наслажденія или страданія, удовольствія или неудовольствія.

„Въ противоположности между удовольствіемъ и неудовольствомъ, въ этой первоначальной противоположности въ мірѣ чувствъ, говоритъ Гефдингъ, не трудно видѣть выраженіе противоположности между подъемомъ и упадкомъ жизненнаго процесса“ ¹⁾. И, дѣйствительно, удовольствіе всегда бываетъ связано съ повышеніемъ въ личности жизнедѣятельности, активности, съ избыткомъ силъ, ищущимъ себѣ разряженія въ той или другой формѣ; страданіе же и въ особенности интенсивное, сильное страданіе съ подавленіемъ жизнедѣятельности и активности. Вотъ почему пріобрѣтаетъ большое значеніе вопросъ о томъ, является ли среда, окружающая ребенка, для него главнымъ образомъ источникомъ пріятныхъ или непріятныхъ чувствованій. „Если непріятныя ощущенія, говоритъ Сикорскій, испытываются ребенкомъ часто, то это безусловно вредно отражается на общемъ ходѣ его психическаго развитія, воспитывая въ немъ чрезмѣрную впечатлительность, чувствительность, нетерпѣливость. Чѣмъ чаще присоединяются къ этому крикъ и слезы, тѣмъ серьезнѣе будутъ вредныя послѣдствія ²⁾.“ Изъ людей, которымъ въ дѣтствѣ пришлось перенести много страданій, выходятъ часто озлобленные, ожесточенныя натуры, ищущія выместить на другихъ то, что выпало имъ на долю. И, наоборотъ, если получаемыя ребенкомъ отъ окружающей его среды удовольствія изобильны, то у ребенка вырастаетъ и крѣпнеть зачатокъ прочныхъ энергическихъ чувствъ ³⁾ и создается любвеобильное отношеніе къ людямъ и жизни.

Но отсюда еще отнюдь не слѣдуетъ, что ребенокъ долженъ быть оберегаемъ отъ всякихъ страданій какого бы то ни было рода, что надо безусловно избѣгать во внѣшней матеріальной обстановкѣ всего того, что можетъ

¹⁾ Г. Гефдингъ. Очерки психологіи, основанной на опытѣ, стр. 314.

²⁾ Д-ръ И. А. Сикорскій. Воспитаніе въ возрастѣ перваго дѣтства, стр. 31.

³⁾ Тамъ же, стр. 30.

вызвать хоть тѣнь неудовольствія на его лицѣ. Ребенокъ, если бы только таковой оказался возможнымъ, который никогда бы въ дѣтствѣ не испыталъ и не перенесъ никакого неудовольствія и страданія, врядъ ли былъ бы способенъ понимать страданія другихъ людей, врядъ ли могло бы въ немъ развиться то могучее чувство состраданія, въ которомъ особенно нуждается наша эпоха, эпоха широкихъ общественныхъ контрастовъ, когда на ряду съ чрезмѣрнымъ скопленіемъ богатства, избыткомъ роскоши и всякаго рода земныхъ благъ у однихъ, наблюдается самая ужасная нищета и почти полное отсутствіе всякихъ средствъ для удовлетворенія даже насущныхъ потребностей у другихъ, когда такъ много лицъ, для которыхъ не приготовлено прибора на пиру жизни и которые должны довольствоваться только тѣмъ, что имъ заблагоразсудятъ бросить тѣ избранные, которые распоряжаются пиршествомъ. Извѣстная доля страданія въ жизни ребенка, которая дала бы ему возможность понять „несчастливыхъ міра сего“, необходима для развитія въ немъ впоследствии широкаго чувства гуманности, но это страданіе, конечно, не должно переходить за тѣ предѣлы, когда оно подавляетъ жизнедѣятельность и активность въ человѣкѣ. И вовсе нѣтъ надобности придумывать искусственныя формы для такого рода страданія, надо только не слишкомъ оберегать ребенка отъ тѣхъ страданій, источникомъ которыхъ можетъ для него явиться окружающая среда, и надо только, какъ говоритъ Кейра, „пользоваться тѣмъ моментомъ, когда онъ страдаетъ самъ, чтобы возбудить въ немъ сожалѣніе о тѣхъ, кто также страдаетъ“¹⁾.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію характера социальной среды, насколько съ нимъ связана выработка изъ ребенка нравственнаго существа.

Спрашивается, какимъ образомъ могутъ развиваться въ ребенкѣ тѣ нравственныя идеи, которыя были очерчены нами выше? Какая среда является самой благопріятной въ этомъ отношеніи? Отвѣтъ на это подсказывается самъ собою. Вы-

¹⁾ F. Queyrat. Les caractères et l'éducation morale. Etude de psychologie appliquée, page 136.

работка нравственнаго идеала для отдѣльной личности тѣмъ болѣе является облегченной и возможной, чѣмъ болѣе окружающіе ее люди, съ которыми ей приходится сталкиваться и вступать въ психическое взаимодействіе, направляютъ дѣятельность своей собственной мысли на выработку нравственныхъ идей. Тогда между отдѣльной личностью и окружающими ее людьми устанавливается обмѣнъ мыслей на почвѣ нравственныхъ идей, который ведетъ къ укрѣпленію и къ болѣе ясной, точной и опредѣленной формулировкѣ этихъ идей, облегчающей благодаря этому и возможность практическаго ихъ осуществленія для каждой отдѣльной личности. Если подобная работа мысли надъ творчествомъ нравственнаго идеала не имѣетъ возможности развиться въ окружающей средѣ, встрѣчая какія-либо трудно или легко преодолимыя препятствія, то такая среда является безусловно неблагопріятной для развитія въ ребенкѣ нравственныхъ идей.

Образцомъ такой среды можетъ намъ служить хотя бы современное общество. Какъ мало въ немъ людей, которые глубоко и серьезно задумывались бы надъ нравственными вопросами. Огромное большинство довольствуется ходячими формулами нравственности, не провѣряя ихъ критически и переходя отъ однѣхъ формулъ къ другимъ, смотря по тому, въ какую сторону повернулся флюгеръ моды. Развѣ можетъ быть рѣчь о работѣ мысли надъ творчествомъ нравственныхъ идеаловъ, когда этика только въ сравнительно еще недавнее время, да и то въ ограниченныхъ размѣрахъ и исключительныхъ случаяхъ, начинаетъ проникать въ школу, какъ предметъ преподаванія, когда даже среди образованныхъ и интеллигентныхъ лицъ нашей эпохи она не пользуется должной данью уваженія и вниманія. Какъ удивляться послѣ этого, если въ такой атмосферѣ, не освѣщенной свѣтомъ творческой мысли, направленной на нравственный идеаль, и въ которой отсутствуетъ плодотворный обмѣнъ идей на почвѣ такой творческой работы, вырастаютъ только чахлые и бездушные люди, равнодушно относящіеся къ общественнымъ интересамъ, самодовольные эгоисты и карьеристы всѣхъ родовъ, которые весь смыслъ жизни видятъ въ туго набитомъ карманѣ и въ тѣхъ преимуществахъ, съ которыми это связано.

Мы видѣли, что содѣйствіе развитію жизни, увеличеніе ея суммы и поднятіе ея цѣнности въ мірѣ и прежде всего и главнымъ образомъ среди человѣчества составляетъ высшій этической идеаль. Для того, чтобы эта идея была выработана и усвоена ребенкомъ, необходимо, чтобы она была признаваема и въ окружающей средѣ, чтобы она высказывалась, обсуждалась въ своихъ частностяхъ и подробностяхъ и находила свое выраженіе въ поступкахъ окружающихъ ребенка людей. Если идея развивающейся жизни не только не признается въ средѣ, окружающей ребенка, а напротивъ и теоретически и практически, и въ сужденіяхъ и поступкахъ, всячески отрицается, то такая среда является крайне неблагоприятной въ смыслѣ выработки въ ребенкѣ этой высшей этической идеи. А можемъ ли мы сказать, чтобы эта идея въ полной мірѣ господствовала въ современномъ обществѣ, гдѣ цѣнность человѣческой жизни, этого высшаго извѣстнаго намъ выраженія жизни въ мірѣ, очень часто равняется нулю, а порою спускается даже и ниже нуля. Это и понятно: тамъ, гдѣ общественныя отношенія носятъ преимущественно характеръ принудительной коопераціи человѣка съ человѣкомъ, и не можетъ быть благоприятной почвы для широкаго признанія цѣнности за каждою индивидуальною человѣческою жизнью. Только въ той мѣрѣ, въ какой принципъ сознательной, свободной коопераціи прокладываетъ себѣ путь въ современномъ обществѣ, возвышается вмѣстѣ съ тѣмъ и уваженіе къ каждой индивидуальной жизни и растетъ убѣжденіе въ томъ, что эта жизнь имѣетъ безпредѣльную цѣну и что мѣшать или задерживать хотя бы въ слабой степени развитіе ея преступно. Идея эволюціи, которая, будучи послѣдовательно приложена ко всѣмъ отраслямъ преподаванія, могла бы дать молодому поколѣнію твердое убѣжденіе въ томъ всеобщемъ прогрессѣ жизни, который совершается въ мірѣ и въ предѣлахъ человѣчества, эта идея до сихъ поръ не нашла себѣ еще того главнаго, руководящаго мѣста, которое ей должно было бы принадлежать въ области школы. Если бы мы содѣйствовали возникновенію этой идеи въ нашихъ дѣтяхъ съ возможно болѣе ранняго возраста то нѣтъ сомнѣнія, что у нихъ выработалось бы болѣе дѣятельное стремленіе вло-

жить свою лепту въ этотъ всеобщій процессъ мірового и общечеловѣческаго развитія, выработалось бы ясное пониманіе своей роли, какъ одного изъ работниковъ въ этомъ процессѣ развитія, работа котораго будетъ тѣмъ успѣшнѣе, чѣмъ болѣе она будетъ озарена свѣтомъ научнаго знанія и чѣмъ сознательнѣе и разумнѣе въ силу этого она будетъ совершаться.

Идея о развитіи жизни вообще насъ привела, какъ вѣроятно помнитъ читатель, къ идеямъ о совершенной личности и совершенномъ обществѣ и гармоніи, которая должна быть установлена между тѣмъ и другимъ. Совершенная личность это—личность, обладающая самой полной нравственной свободой, находящей свое необходимое выраженіе въ дѣятельности, направленной на благо всего человѣчества; совершенное общество это—общество, воплощающее въ себѣ самую широкую нравственную солидарность и солидарное дѣйствіе котораго имѣетъ своимъ предметомъ возможно болѣе полное и всестороннее развитіе каждой индивидуальной личности, входящей въ его составъ. Только въ той мѣрѣ, въ какой эти идеи господствуютъ въ окружающей ребенка средѣ, въ какой онѣ исповѣдуются, открыто выражаются и примѣняются на дѣлѣ людьми, среди которыхъ живетъ ребенокъ,—онѣ могутъ прочно укорениться и въ его собственномъ мышленіи. Но кто изъ насъ заботится въ сколько-нибудь значительной степени о томъ, чтобы стать совершеннымъ въ нравственномъ отношеніи человѣкомъ и чтобы содѣйствовать распространенію и укрѣпленію нравственной солидарности среди людей? Всецѣло уходя въ сферу мелкихъ житейскихъ будничныхъ заботъ, мы рѣдко даже когда и задумываемся надъ подобными мыслями. Если онѣ, подобно молніи, и блеснутъ въ нашей душѣ, то мракъ сознанія озарится только на мгновенье и душевный небосклонъ попрежнему остается затянутымъ непроницаемымъ пологомъ пошлыхъ мелкихъ мыслишекъ полупреступнаго или даже совсѣмъ преступнаго характера. Такъ вмѣсто нравственнаго совершенства развѣ мы не проповѣдуемъ очень часто совершенство въ смыслѣ наибольшей способности отстоять себя въ борьбѣ за существованіе, другими словами нравственную испорченность, ложь и лицемеріе, а

вмѣсто солидарности самую ожесточенную борьбу во всѣхъ ея видахъ. Если воспитатель хочетъ, чтобы социальная среда, окружающая ребенка, являлась благопріятной почвой для развитія въ немъ высшихъ нравственныхъ идеаловъ, то онъ долженъ прилагать всѣ свои усилія къ тому, чтобы эти идеалы получили возможно большее распространеніе въ самой этой средѣ, чтобы идеи о всеобщемъ и систематическомъ развитіи жизни, о подъемѣ ея въ своей цѣнности, о свободной и сознательной личности, неутомимо работающей надъ установленіемъ среди челоуѣчества гармоніи, о солидарномъ обществѣ, являющемся гармоническимъ союзомъ свободныхъ личностей,—чтобы всѣ эти идеи получили возможно болѣе широкое признаніе и практическое осуществленіе и чтобы у идей противоположнаго рода была отнята всякая точка опоры въ сознаніи личностей, составляющихъ данную социальную среду.

Подобнымъ же образомъ, переходя къ вопросу о средѣ, наиболѣе благопріятной для развитія въ ребенкѣ нравственныхъ чувствованій, мы найдемъ, что эти чувствованія тѣмъ легче и тѣмъ скорѣе разовьются въ немъ и тѣмъ глубже залягутъ въ его сердцѣ, чѣмъ болѣе люди, окружающіе ребенка, составляющіе его социальную среду, одушевлены любовью къ развивающейся жизни вообще и въ частности чувствомъ нравственнаго достоинства, чувствомъ справедливости и тѣмъ активнымъ альтруизмомъ, о которомъ мы говорили выше и который можетъ быть названъ еще иначе чувствомъ нравственной любви. Если эти чувства переживаются въ окружающей средѣ, то они, въ силу устанавливающагося на почвѣ психическаго взаимодѣйствія обмѣна чувствованій, будутъ переживаться и ребенкомъ и пустятъ глубокіе корни въ его душѣ. Но если, вмѣсто любви къ развивающейся жизни, въ окружающей средѣ господствуетъ равнодушіе, презрѣніе или даже ненависть ко всякому развитію жизни, которая безжалостно губится и подсакается въ своемъ прогрессивномъ движеніи; если чувство нравственнаго достоинства, чувство справедливости и активный альтруизмъ совсѣмъ не развиты въ личностяхъ, составляющихъ среду ребенка, то такая среда является крайне неблагопріятной для развитія въ немъ нравственныхъ чувствованій.

Строй современной общественной жизни, основой которого является классовая борьба, сильно грѣшитъ въ этомъ отношеніи. Общество, въ которомъ между людьми воздвигнута тысяча разныхъ заставъ и перегородокъ, въ которомъ основной пружиной является конкуренція на всѣхъ поприщахъ общественной жизни, не можетъ быть благоприятно для широкаго развитія той дѣятельной симпатіи, которая чутко прислушивается и отзывается на всякое страданіе человѣческое, которая, не ожидая того, чтобы оно бросилось въ глаза, сама идетъ ему на встрѣчу. Не можетъ въ подобномъ обществѣ получить должнаго развитія и чувство нравственнаго достоинства и чувство справедливости. Гдѣ конкуренція и борьба одного человѣка съ другимъ является закономъ, тамъ высшее человѣческое достоинство полагается въ силѣ и въ обладаніи средствами, которыя давали бы возможность пользоваться другими для своихъ личныхъ цѣлей. Тамъ только сильный считается имѣющимъ право жить, а слабый—обреченнымъ на гибель. Тамъ общество аплодируетъ всякому успѣху, какими бы средствами этотъ успѣхъ ни былъ купленъ. Развитіе чувства справедливости тамъ не идетъ дальше чувства легальности, т.-е. подчиненія установленнымъ законамъ и обычаямъ, каково бы ни было ихъ происхожденіе и какъ бы они ни оцѣнивались съ этической точки зрѣнія. Всякое угнетеніе и всякое насиліе одного человѣка надъ другимъ считается дозволеннымъ, если только оно не нарушаетъ обычнаго установленнаго порядка вещей, хотя бы этотъ порядокъ и представлялъ организованное насиліе одной части человѣчества надъ другою. Чувству справедливости въ той его формѣ, какая была нами очерчена выше, нѣтъ мѣста при такомъ строѣ общественной жизни.

Наконецъ, для того, чтобы на почвѣ нравственныхъ идей и нравственныхъ чувствованій могла развиваться нравственная воля, среда должна быть такъ организована, чтобы подобная воля могла свободно и безпрепятственно въ ней обнаруживаться, чтобы она встрѣчала поддержку и содѣйствіе въ нравственной волѣ окружающихъ данную личность людей. Чѣмъ болѣе лица, составляющія среду ребенка, обладаютъ нравственнымъ характеромъ, тѣмъ болѣе шансовъ, что нравствен-

ный характер сформируется и въ ребенкѣ. Чѣмъ менѣе, напротивъ, въ окружающей средѣ цѣнится нравственный характеръ, чѣмъ болѣе ребенокъ окруженъ людьми равнодушными, себялюбивыми, жестокими, корыстными, характеръ которыхъ въ нравственномъ отношеніи имѣетъ отрицательную цѣну, тѣмъ менѣе шансовъ для выработки и изъ него самого нравственной личности. Если тѣ, кто всю свою жизнь и дѣятельность посвящаютъ „великому дѣлу любви“, принуждены безвременно погибать, а полный просторъ и свобода дѣйствія предоставлена только для „ликующихъ, праздно болтающихъ, обагряющихъ руки въ крови“, то какъ въ такой средѣ можетъ развиваться и выработаться нравственный характеръ! И если онъ тѣмъ не менѣе вырабатывается, то не есть ли это только счастливая случайность, которая могла бы при иныхъ условіяхъ стать всеобщимъ закономъ?!...

VIII.

Задачи, стоящія передъ воспитателемъ въ виду факта вліянія среды на нравственное развитіе ребенка. Связь педагогики съ соціологіей.

Вопросъ о вліяніи среды и вліяніи воспитателя имѣетъ много общаго съ вопросомъ о роли личности въ исторіи. Что можетъ сдѣлать личность для содѣйствія человечеству въ скорѣйшемъ осуществленіи идеала всеобщаго братства свободныхъ людей и народовъ, при наличности несовершенныхъ общественныхъ формъ—вотъ одинъ изъ тревожныхъ вопросовъ, которыми задается философія исторіи. Подобнымъ образомъ можно было бы спросить себя: „что можетъ сдѣлать воспитатель для выработки сознательной и свободной личности, неутомимо борющейся за свои нравственные идеалы и сознательно проводящей эти идеалы въ жизнь свою и окружающихъ людей? Что можетъ онъ сдѣлать при наличности существованія грубой, непросвѣщенной и развратной среды, толкающей ребенка въ противоположную сторону?“

Онъ долженъ противопоставить свое вліяніе вліянію среды, онъ долженъ стремиться облагородить и поднять са-

мую эту среду въ нравственномъ отношеніи. Но какъ велико будетъ это вліяніе? И если бы даже оно представлялось незначительнымъ, то можно ли было бы все-таки согласиться съ тѣмъ положеніемъ, что въ предѣлахъ грубаго общества, въ которомъ царить необузданная погоня за матеріальными наслажденіями, не слѣдуетъ воспитывать чело-вѣка съ душой, чуткой ко всякой неправдѣ, съ неутолимой жаждой воплощенія въ жизни нравственнаго идеала, такъ какъ подобный чело-вѣкъ былъ бы очень несчастливъ въ подобномъ обществѣ. Такъ что же?! Но вѣдь высшая задача воспитанія не въ томъ, чтобы создать счастливыхъ и самодовольныхъ людей, а въ томъ, чтобы создать людей хорошихъ, никогда не перестающихъ сознавать несовершенства жизни и неуставая работающихъ надъ улучшеніемъ ея во всѣхъ отношеніяхъ.

Нравственные идеалы, которые мы стараемся развить въ душѣ ребенка, ни въ чемъ не должны терпѣть умаленія. Мы не должны беспокоиться о томъ, что мы сдѣлаемъ нашего ребенка черезчуръ нравственнымъ; если это ужъ такъ опасно, то сама среда позаботится умѣрить его нравственныя стремленія. А воспитатель долженъ заботиться о томъ, чтобы средѣ не приходилось умѣрять наши идеальныя порывы, чтобы сама среда, напротивъ, была такъ устроена, что толкала бы насъ къ добру, къ правдѣ, къ свѣту. Не опускать ребенка на низшую ступень въ нравственномъ отношеніи въ виду дурной, испорченной среды, а поднять самую среду на одну хотя бы ступень выше въ этомъ отношеніи — вотъ что должно составлять одну изъ существеннѣйшихъ задачъ искусства воспитанія. Воспитатель долженъ заботиться о томъ, чтобы устроить свою жизнь на началахъ нравственности, жизнь своей семьи, своего народа, всего чело-вѣчества и только тогда, когда онъ будетъ прилагать къ этому всѣ свои усилія, можно будетъ сказать, что онъ дѣлаетъ все возможное для того, что бы эти нравственныя начала пустили глубокіе корни и въ его дѣтяхъ.

Такимъ образомъ, если мы хотимъ воспитать въ своемъ ребенкѣ тѣ активныя нравственныя чувства и идеи, которыми питается нравственность, то надо прежде всего, чтобы

мы сами были нравственными людьми и представляли бы ему образец дѣятельной и плодотворной въ нравственномъ отношеніи жизни. Образъ жизни и дѣятельности окружающихъ людей невольно вызываетъ со стороны ребенка подражаніе. Кто хочетъ, чтобы его дѣти были дѣятельными, тотъ долженъ прежде всего самъ трудиться, не покладая рукъ. Ничто не дѣйствуетъ такъ благотворно на ребенка, какъ примѣръ трудовой жизни тѣхъ людей, которыхъ онъ любитъ, т.-е. отца и матери.

Самая благопріятная среда для воспитанія въ нравственномъ смыслѣ это та, гдѣ всѣ члены семьи трудятся по мѣрѣ своихъ силъ и способностей, гдѣ слово праздность совершенно незнакомо. Видѣть кругомъ себя понятный и полезный трудъ съ осязательными и благотворными его результатами,— что можетъ лучше этого на всю жизнь вселить безграничную любовь и уваженіе къ труду, жажду трудового и дѣятельнаго существованія? что можетъ лучше всякихъ нравоучительныхъ сентенцій и прописей возбудить въ ребенкѣ отвращеніе къ праздности?!

Подобнымъ образомъ, если мы хотимъ, чтобы въ ребенкѣ воспиталось уваженіе къ человѣческой личности, сознание нравственнаго долга, то опять таки мы должны въ своей особѣ представлять ему образцы всѣхъ этихъ добродѣтелей. Это подѣйствуетъ на него больше, чѣмъ какая бы то ни было риторика.

Если же ребенокъ кругомъ себя и въ лицѣ своихъ ближайшихъ воспитателей — отца и матери — вмѣсто уваженія къ человѣческой личности видитъ самое возмутительное пренебреженіе послѣдней, вмѣсто равноправности, при которой уважается свобода каждаго, онъ видитъ деспотическій произволь однихъ и униженную покорность другихъ, если вмѣсто взаимной помощи и поддержки другъ друга, вмѣсто сотрудничества во всѣхъ его формахъ, онъ видитъ скрытую или явную борьбу съ сопровождающими ее чувствами затаенной злобы и ненависти, — то что можетъ возбудить въ немъ подобное зрѣлище?..

Если мы имѣемъ дѣло съ исключительной натурою, то оно можетъ въ ней вызвать протестъ противъ такого порядка вещей.

Если же мы имѣемъ дѣло съ заурядной личностью, то оно вызоветъ въ ней примиреніе съ этимъ порядкомъ, оно создастъ или будущаго деспота въ той или другой формѣ, или будущаго холопа.

Самая ближайшая среда, въ которой, въ особенности въ первое время, вырастаетъ ребенокъ—это семья. Внутренній строй семьи, начала, на которыхъ она построена—все это играетъ большую роль въ нравственномъ воспитаніи ребенка. Въ самомъ дѣлѣ, семья можетъ смотрѣть на себя, какъ на нѣчто замкнутое, изолированное отъ всего окружающаго, какъ на нѣчто, имѣющее въ самомъ себѣ свою цѣль, живущее своими особыми интересами, не имѣющими ничего общаго съ интересами окружающихъ насъ людей. Тогда передъ нами будетъ то, что съ большимъ удобствомъ укладывается въ формулу „семейнаго эгоизма“. Но семья можетъ смотрѣть на себя также, какъ на часть великаго цѣлаго, называемаго человѣчествомъ, и видѣть высшую свою задачу въ служеніи человѣчеству тѣмъ или другимъ путемъ, или въ подготовленіи къ этому служенію. Въ этомъ случаѣ мы будемъ имѣть то, что могло бы быть названо „семейнымъ альтруизмомъ“. Общечеловѣческіе интересы необходимо должны въ той или другой формѣ проникать въ жизнь семьи, если только мы хотимъ, чтобы семья имѣла воспитательное значеніе въ нравственномъ отношеніи. Только та семья и можетъ благотворно вліять на нравственное развитіе ребенка, въ основу жизни которой положенъ принципъ „семейнаго альтруизма“. Принципъ же „семейнаго эгоизма“ создаетъ людей, которые видятъ центръ тяжести существованія въ своей собственной личности. Если семья отрѣзана отъ остальнаго человѣчества, если общечеловѣческіе интересы ни въ какой формѣ не проникаютъ въ нее, то это можетъ имѣть на ребенка въ нравственномъ отношеніи только крайне пагубное вліяніе.

Общечеловѣческіе интересы должны проникать въ кругъ семейной жизни черезъ посредство родителей и воспитателей. Надо чтобы родители и воспитатели жили въ возможно болѣе широкой степени этими интересами, чтобы послѣдніе глубоко ихъ захватывали, и тогда безъ всякихъ особенныхъ усилій, безъ всякихъ искусственныхъ мѣръ создастся та чи-

стая и свѣтлая атмосфера, въ которой станетъ возможнымъ нравственное развитіе ребенка.

При устройствѣ личной своей семейной жизни можно поставить себѣ задачею сплотить всю семью въ одно гармоническое цѣлое, но отнюдь не замкнутое и не самоудовлетворяющееся, а напротивъ того, стремящееся внести и въ окружающій ее міръ возможно болѣе гармоніи и стать однимъ изъ элементовъ болѣе широкаго гармоническаго союза людей. Можно видѣть высшую цѣль семьи въ томъ, что бы развивать въ дѣтяхъ общественные инстинкты въ широкомъ смыслѣ этого слова, а не только ограниченные узкою сферою чисто семейной жизни. Можно сдѣлать свою семью школою для развитія общественныхъ чувствъ, которыя впоследствии получаютъ свое примѣненіе на болѣе широкой аренѣ.

Для самихъ дѣтей было бы очень пагубно и вредно, если бы кругъ интересовъ ихъ родителей не переходилъ за предѣлы дѣтской комнаты или тѣснаго семейнаго круга. Способность родителей широко и всесторонне интересоваться вопросами общечеловѣческой жизни можетъ имѣть на дѣтей только одно благотворное дѣйствіе, такъ какъ она невольно должна пробудить и въ нихъ такой же широкой интересъ къ жизни. Безъ этого условія всѣ слова родителей о нравственномъ воспитаніи своихъ дѣтей будутъ звучать одною только насмѣшкою и злою ироніей. Семья, не проникнутая великими общечеловѣческими идеалами, не можетъ нравственно воспитывать дѣтей, она можетъ только дрессировать ихъ до степени усвоенія навыковъ внѣшней нравственности, которая легко испарится подъ давленіемъ соблазновъ жизни, но она безсильна создать ту истинную внутреннюю нравственность, которая заставитъ человѣка всегда и во всѣхъ положеніяхъ сознательно отдавать свои силы на служеніе человечеству.

Да, если мы хотимъ, чтобы молодое поколѣніе было лучше насъ, чтобы оно прониклось святыми общечеловѣческими идеалами, первый шагъ, который мы должны для этого сдѣлать, это сами проникнуться ими, всегда, вездѣ, и во всемъ стараться имѣть ихъ въ виду и даже проводить въ то, что называется „мелочами жизни“. Даже эти „мелочи жизни“,

какъ бы онѣ не казались незначительными, мы должны регулировать нашими нравственными идеалами.

Эти идеалы должны завладѣть всѣмъ нашимъ существомъ, проникнуть весь нашъ домашній обиходъ, руководить насъ какъ въ великомъ, такъ и въ маломъ. И только направивъ наши усилія въ эту сторону, мы подготовимъ почву для созданія новаго поколѣнія, которое, научившись съ самыхъ юныхъ лѣтъ жить великими общечеловѣческими идеалами, будетъ неумимо, не покладая рукъ, работать надъ ихъ осуществленіемъ въ окружающей жизни, для котораго нравственная дѣятельность станетъ такой же необходимой, какъ необходимо птицѣ летать по воздуху или рыбѣ плавать въ водѣ.

Такимъ образомъ, самое важное—создать кругомъ ребенка здоровую нравственную атмосферу, дыша которой, онъ непроизвольно впитывалъ бы въ себя свѣтлыя идеи, говорящія о безкорыстномъ служеніи человѣчеству, и то могучее чистое чувство нравственной любви, которое дастъ крылья самымъ отвлеченнымъ идеямъ и поможетъ имъ перейти изъ словъ въ дѣло. Самое важное создать то широкое, ничѣмъ не стѣсняемое психическое взаимодействіе на почвѣ творческой активности нашего духа, которое все болѣе будетъ сливать его личность съ безпредѣльнымъ, все расширяющимся рядомъ окружающихъ людей.

Но, чтобы вокругъ ребенка была здоровая нравственная атмосфера, необходимо не только, чтобы нравственные идеалы были положены въ основу жизни семьи, они должны быть положены также въ основу жизни школы, въ которой ребенку придется получать свое образованіе, и въ основу жизни того общества, среди котораго приходится жить ребенку и его родителямъ. Поэтому всякій, кто болѣетъ сердцемъ о будущности своихъ дѣтей и кого беспокоитъ судьба молодого поколѣнія, долженъ прилагать не только всѣ усилія къ тому, чтобы перевоспитать себя нравственно и чтобы сдѣлать свою семью носительницей высокихъ нравственныхъ идеаловъ. Нѣтъ онъ долженъ вмѣстѣ съ тѣмъ употреблять всѣ усилія къ тому, чтобы и школа стала могучимъ средствомъ подготовки сознательнаго и умѣлаго борца за нравственные идеалы, чтобы высшая ея задача заключалась въ

томъ, чтобы научить человѣка любить человѣчество и съ наибольшимъ успѣхомъ работать надъ улучшеніемъ и облагороженіемъ общечеловѣческой жизни во всѣхъ отношеніяхъ.

Но и этого еще не достаточно... Каждый родитель и каждый педагогъ, дѣйствительно озабоченный судьбами молодого поколѣнія, долженъ прилагать всѣ усилія къ тому, чтобы нравственные идеалы господствовали и въ жизни окружающаго ихъ общества: чтобы общество было проникнуто этими идеалами, жило ими. Отъ общаго тона общественной жизни, отъ характера общественныхъ формъ и учрежденій въ значительной степени зависитъ и общій тонъ школы и семьи и даже жизненнаго обихода отдѣльных личностей. Истинный педагогъ, дѣйствительно имѣющій въ виду истинныя задачи нравственнаго воспитанія, а не акробатическіе фокусы, не дрессировку милыхъ, умныхъ животныхъ, умѣющихъ выкидывать разныя удивительныя штуки, но въ глубинѣ души остающихся все тѣми же животными, и не мало не принимающими человѣческаго образа—такой педагогъ никогда не упуститъ изъ виду истины о тѣсной солидарности между собою семьи, школы и общества, и онъ пойметъ, что нельзя быть педагогомъ, не будучи въ то же время въ той или другой степени, въ сильной или слабой, и общественнымъ реформаторомъ.

Педагогика, въ широкомъ смыслѣ этого слова, должна охватывать не только всѣ способы прямого воздѣйствія на ребенка, но также и всѣ способы косвеннаго воздѣйствія на него. Раціональная педагогика должна считаться не только съ непосредственнымъ дѣйствіемъ воспитателя, но также и съ непосредственнымъ дѣйствіемъ всей той среды, которая окружаетъ ребенка. Да и самъ воспитатель развѣ не есть только представитель среды, только часть ея?! Этого послѣдняго фактора нельзя игнорировать; вліяніе его могуче, и часто оно идетъ въ разрѣзъ съ тѣмъ вліяніемъ, которое хотѣлъ бы оказать на ребенка воспитатель.

„Есть незамѣтные моменты“,—говоритъ Гефдингъ, „которые дѣйствуютъ на дѣтей не менѣе тѣхъ, когда родители стараются вліять на дѣтей съ яснымъ педагогическимъ сознаніемъ; въ незамѣчаемые моменты говорятъ и дѣйствуютъ

даже съ наибольшей энергіей, къ какой только способны. Поэтому не приноситъ никакой пользы, если въ основу воспитанія кладутъ превосходную педагогическую систему, а въ то же время безчисленными незамѣчаемыми моментами разрушаютъ создаваемое этой системой¹⁾. Эти слова въ такой же мѣрѣ примѣнимы и къ каждому изъ тѣхъ лицъ окружающей дѣтей среды, съ которыми имъ приходится сталкиваться. Надо сдѣлать такъ, чтобы окружающая насъ среда содѣйствовала намъ въ нашихъ воспитательныхъ задачахъ,—но для этого мы должны изучить ее, должны опредѣлить тѣ законы, согласно которымъ она вліяетъ на отдѣльную личность, степень измѣняемости ея самой и средства, при помощи которыхъ нездоровая среда можетъ быть сдѣлана здоровой и способной вліять благотворно въ нравственномъ отношеніи на молодую душу.

Истинный педагогъ, видящій и понимающій какъ велико нравственно воспитывающее вліяніе среды, пойметъ также вмѣстѣ съ тѣмъ и сознаетъ, что, наряду съ непосредственнымъ вліяніемъ на ребенка, онъ долженъ употреблять одновременно всѣ усилія на оздоровленіе окружающей его среды, на улучшеніе ея въ нравственномъ смыслѣ. Эта его дѣятельность, не имѣя прямого воспитательнаго значенія, приобретаетъ громадную косвенную воспитательную роль. Она необходима, безусловно необходима: безъ нея и вся непосредственная наша воспитательная дѣятельность можетъ оказаться лишенной всякаго смысла; безъ нея въ одинъ прекрасный день воспитатель можетъ увидѣть къ собственному своему ужасу, что воспитаніе его принесло совсѣмъ не тѣ плоды, которыхъ онъ ожидалъ, и что всѣ его неутомимые труды увѣнчались однимъ пустоцвѣтомъ.

Вотъ почему истинный педагогъ будетъ неутомимо стараться пробудить въ окружающемъ его обществѣ сознаніе той громадной отвѣтственности, которая лежитъ на каждомъ членѣ этого общества относительно судьбы будущихъ поколѣній, подъема нашихъ дѣтей на высшія ступени нравствен-

1) Г. Г е ф д и н гъ. Этика или наука о нравственности, стр. 190.

наго развитія или ихъ деморализаціи и окончательнаго нравственнаго паденія. Онъ не устанеть повторять ту важную истину, что каждый человѣкъ, если даже воспитательная дѣятельность не является его профессіей, тѣмъ не менѣе такъ или иначе, хочетъ онъ этого или не хочетъ, участвуетъ въ нравственномъ воспитаніи молодого поколѣнія. Его разговоры, обнаруживаемыя имъ чувства, его поступки помимо его воли вліяютъ на тѣхъ взрослыхъ или маленькихъ дѣтей, съ которыми ему приходится сталкиваться или даже хотя бы въ присутствіи которыхъ ему приходится высказываться и обнаруживаться. Какая-нибудь пошлая мысль, какая-нибудь безобразная, отвратительная вспышка страсти, какой-нибудь циничный поступокъ, быть можетъ, оставятъ неизгладимую борозду въ душѣ того ребенка, которому пришлось быть невольнымъ слушателемъ или зрителемъ ихъ; они будутъ, быть можетъ, тѣмъ терніемъ, которое заглушитъ въ немъ ростки здоровыхъ хорошихъ побужденій. Да, каждый изъ насъ несетъ великую отвѣтственность не только передъ своими, но и передъ чужими дѣтьми, каждый изъ насъ есть частичка той широкой общественной среды, которая окружаетъ молодое поколѣніе и вліяетъ на него, и отъ дѣятельности cadaго изъ насъ въ той или другой степени зависитъ нравственное здоровье этого поколѣнія и та форма, въ какой оно себя проявитъ, когда выступитъ активно на арену жизни. И вотъ почему для педагога такъ важно знаніе этой среды, такъ важно знаніе той науки, предметомъ изученія которой является общество, т. - е. соціологія.

Педагогика, пока она будетъ чуждаться соціологіи, пока она сознательно и систематически не будетъ изъ нея черпать все, что возможно, будетъ лишена всякой почвы, и будетъ строить свое зданіе на воздухѣ. Педагогика, пока она будетъ чуждаться вопроса о нравственно-воспитывающемъ вліяніи среды и о томъ, что долженъ дѣлать въ виду этого вліянія воспитатель, будетъ одною бессмысленною забавой, а не серьезнымъ дѣломъ. Нельзя быть воспитателемъ и оставаться чуждымъ широкихъ общественныхъ вопросовъ; нельзя быть педагогомъ, не по названію только, а дѣйствительно, не будучи въ то же время соціологомъ.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что педагогика и соціологія находятся въ болѣе тѣсной связи между собою, чѣмъ это обыкновенно предполагаютъ. Нельзя установить болѣе или менѣе правильной теоріи воспитанія, будучи совершеннымъ невѣждой въ области науки объ обществѣ; нельзя построить эту теорію, руководствуясь только одними тѣми давными, которыя даетъ въ наше распоряженіе индивидуальная психологія; нельзя потому, что педагогъ, говоря о воспитаніи, долженъ такъ или иначе считаться съ вліяніемъ на ребенка окружающей его общественной среды, начиная съ семьи и кончая народомъ и человѣчествомъ. Между ребенкомъ и окружающей его средой существуетъ непрерывное взаимодействіе. Узнать законы этого взаимодействія и направить ихъ при помощи подобнаго знанія въ сторону созданія совершеннаго во всѣхъ отношеніяхъ типа человѣческаго существа, вотъ великая задача, которая стоитъ передъ воспитателемъ, — вотъ предметъ, составляющій основное содержаніе науки воспитанія.

Соціологія въ своей послѣдней части кончается теоріей справедливаго, совершеннаго общества и путей, ведущихъ къ его достиженію. Къ этому должна примыкать также теорія справедливаго, совершеннаго человѣка и тѣхъ приемовъ воспитанія, при помощи которыхъ подобный человѣкъ могъ бы быть созданъ.

Къ вопросу о нравственномъ самовоспитаніи ¹⁾).

Въ настоящей статьѣ я предполагаю высказать нѣсколько мыслей по вопросу о нравственномъ самовоспитаніи, т.-е. другими словами, по вопросу о томъ, что можетъ и что должна сдѣлать отдѣльная индивидуальная личность для того, чтобы достигнуть высшихъ, возможныхъ для человѣка, ступеней нравственнаго совершенства. Я хочу попытаться освѣтить хотя бы въ слабой степени тѣ пути, которые намъ открываетъ наука, и слѣдуя по которымъ человѣкъ можетъ сдѣлаться совершеннымъ въ нравственномъ отношеніи, если только онъ хочетъ сдѣлаться таковымъ.

Вопросъ о нравственномъ самовоспитаніи—одинъ изъ наиболѣе жизненныхъ вопросовъ: онъ имѣетъ значеніе для всѣхъ людей безъ исключенія—и для молодого подрастающаго поколѣнія и для тѣхъ родителей и воспитателей, которые заботятся о надлежащемъ воспитаніи этого молодого поколѣнія, и даже для тѣхъ лицъ, которыя не принадлежатъ ни къ той, ни къ другой изъ упомянутыхъ категорій.

Молодое поколѣніе, которое должно выступить въ скоромъ времени на арену жизни, должно приложить особенное стараніе къ тому, чтобы выступить на эту арену здоровымъ въ нравственномъ отношеніи, съ ясно сознанными высокими нравственными идеалами и способнымъ воплотить эти идеалы въ жизнь, способнымъ стойко и отважно бороться за нихъ, несмотря ни на какія препятствія. Но это возможно только при послѣдовательной и систематической работѣ надъ самими собою, при непрерывномъ рядѣ усилій,

¹⁾ Статья эта была напечатана въ литературномъ сборникѣ „Къ Правдѣ“, изданномъ въ 1904 г.

направленныхъ на выработку изъ себя нравственной личности. Юноша не долженъ никогда упускать изъ виду этой цѣли, если онъ хочетъ, чтобы его нравственная жизнь въ будущемъ, когда онъ станетъ впослѣдствіи взрослымъ человекомъ, была построена на прочномъ фундаментѣ, подъ который безсильны были бы подкопаться всевозможныя непредвидѣнныя случайности жизни. Кто не работалъ надъ собою въ молодости въ этомъ отношеніи, у того нѣтъ гарантіи, что грозныя испытанія жизни не сломятъ его энергіи и не увлекутъ его въ сторону, противоположную завѣтнымъ мечтаніямъ тѣхъ дней, когда сердце было открыто для любви и правды, когда душа переживала свѣтлую весну.

Вопросъ о нравственномъ самовоспитаніи не менѣе важенъ и для тѣхъ, на чьихъ рукахъ лежитъ воспитаніе подрастающаго поколѣнія. Чтобы воспитывать нравственно другихъ людей, необходимо прежде всего самому быть совершеннымъ въ нравственномъ отношеніи. Если воспитатель не заботится о своемъ собственномъ нравственномъ самосовершенствованіи, то всѣ его заботы о нравственномъ воспитаніи будущихъ поколѣній не принесутъ плодотворнаго результата, такъ какъ въ самомъ корнѣ онѣ будутъ поставлены неправильнымъ образомъ. Нравственное воспитаніе другихъ предполагаетъ, такимъ образомъ, нравственное самовоспитаніе со стороны самого воспитателя. Только тотъ, кто старается самъ быть справедливымъ, нравственнымъ человекомъ, можетъ быть учителемъ и воспитателемъ другихъ. Нельзя воспитывать нравственно другихъ, самому на каждомъ шагѣ, всею своею жизнью нарушая самыя основныя требованія нравственности. Нельзя воспитать въ молодомъ поколѣніи любви къ правдѣ, если всю свою жизнь строишь на лжи и лицемеріи, на обманѣ другихъ и самого себя.

Но, собственно говоря, даже и тѣ люди, которые, не будучи родителями и воспитателями, и не задаются прямо цѣлью вліять на воспитаніе молодого подрастающаго поколѣнія, тѣмъ не менѣе вліяютъ на это воспитаніе косвеннымъ образомъ. Они являются составными элементами той среды, которая окружаетъ это поколѣніе, они являются

частью той духовной общественной атмосферы, которой это последнее дышитъ. Если среда нездорова и нравственно испорчена, если атмосфера заражена и наполнена микробами нравственнаго разложенья, то свѣжія, молодая, неиспорченныя силы могутъ въ ней легко задохнуться, опуститься нравственно и навсегда погибнуть для дѣла нравственнаго возрожденія человѣчества. Вотъ почему каждый человѣкъ, кто бы онъ ни былъ, какое бы онъ общественное положеніе ни занималъ, долженъ стремиться къ тому, чтобы быть здоровымъ въ нравственномъ отношеніи элементомъ общественной среды, чтобы быть тѣмъ озономъ и кислородомъ, который оздоравливаетъ атмосферу и даетъ возможность легко и свободно дышать въ ней молодой груди. И чѣмъ болѣе прилагаетъ каждый человѣкъ стараній къ тому, чтобы стать совершеннымъ въ нравственномъ отношеніи, тѣмъ болѣе благотворное вліяніе онъ окажетъ и на всѣхъ окружающихъ его людей. Если, при этомъ, его дѣятельность будетъ направлена на созданіе справедливыхъ общественныхъ формъ, она будетъ тѣмъ болѣе успѣшна, чѣмъ болѣе высокій типъ въ нравственномъ смыслѣ онъ самъ представляетъ. Всѣ эти соображенія и побуждаютъ насъ считать затрагиваемый вопросъ очень важнымъ и заставляютъ насъ остановиться на немъ свое вниманіе.

Прежде всего необходимо будетъ выяснитъ тѣ основныя предположенія, которыя сами собой подразумѣваются уже въ самой постановкѣ изслѣдуемаго нами вопроса. Мы собираемся говорить о нравственномъ самовоспитаніи, этимъ самымъ мы уже предполагаемъ возможность такого самовоспитанія. Если бы оно не было возможно, то и всякій трактатъ о нравственномъ самовоспитаніи былъ бы лишенъ всякаго смысла. Нравственное самовоспитаніе можетъ быть только результатомъ сознательной, свободной воли человѣка. Кто отрицаетъ существованіе подобной сознательной и свободной воли, кто считаетъ ее за иллюзію, за плодъ фантазіи, для того и вопросъ о нравственномъ самовоспитаніи представляется лишеннымъ значенія. Если сознательная, свободная воля есть обманъ воображенія, то нравственно воспитывать себя это все равно, какъ если бы человѣкъ, завязнувшій въ

болотѣ, хотѣлъ самого себя вытащить за волосы. Только человекъ, у котораго есть свободная воля, можетъ себя нравственно воспитывать, и предѣлами свободы человеческой воли опредѣляются и тѣ предѣлы, до которыхъ можетъ простираться нравственное самовоспитаніе.

Такъ какъ обсужденіе вопроса о свободѣ человеческой воли не входитъ въ наши непосредственныя задачи, то мы отмѣтимъ только въ короткихъ словахъ, въ какомъ смыслѣ признаемъ существованіе свободной воли въ человекѣ. Воля свободная и воля сознательная,—это два равнозначительныя понятія, потому что сознаніе освобождаетъ человека, сознаніе дѣлаетъ волю способной вмѣшиваться въ ходъ событій, измѣнять его и направлять въ ту или другую сторону. Чѣмъ яснѣе, полнѣе и шире сознаніе, тѣмъ значительнѣе и свобода. Сознаніе вноситъ свѣтъ въ темноту жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ постепенно зажигается и разгорается этотъ свѣтъ, съ человека спадаютъ и ослабляются тѣ оковы, въ которыхъ онъ находился. Ясное и широкое сознаніе—вотъ сила, освобождающая человека. Человекъ, подобно всему остальному, составляетъ одно изъ звеньевъ всеобщаго механизма жизни, понимая это слово въ самомъ широкомъ значеніи. Этотъ слѣпой механизмъ жизни развертывается независимо отъ воли человека и послѣдній всецѣло подчиняется ему до той поры, пока сознаніе не освѣтитъ и не озаритъ его. Но по мѣрѣ того, какъ механизмъ жизни становится прозрачнымъ и яснымъ для сознанія, сознательная воля человека овладѣваетъ постепенно имъ и шагъ за шагомъ сбрасываетъ тѣ оковы, въ которыхъ она находилась. Она не отмѣняетъ и не уничтожаетъ механизма жизни, не устраняетъ законовъ природы, въ безусловномъ подчиненіи у которыхъ раньше находилась несовершенная человеческая воля, но она подчиняетъ этотъ механизмъ жизни себѣ, надъ законами природы она ставитъ высшій законъ, законъ сознательной и разумной воли, надъ механическимъ міромъ причинъ и слѣдствій—психическій міръ бесконечно расширяющихся и приходящихъ все въ большую и большую гармонію между собою цѣлей человеческой жизни. Царство природы такимъ образомъ все болѣе и болѣе становится царствомъ

человѣка или, вѣрнѣе, солидарнаго, объединеннаго свободнаго человѣчества, а реальная дѣйствительность—выраженіемъ и воплощеніемъ идеальнаго въ наивысшемъ размѣрѣ, какой только можетъ быть представленъ.

Итакъ, мы признаемъ существованіе свободной воли въ человѣкѣ, мы признаемъ, что человѣкъ путемъ сознанія законовъ естественной, психической и соціальной жизни, которыми опредѣляется его существованіе и развитіе, можетъ возвыситься надъ данной ему отъ рожденія и въ силу внѣшнихъ обстоятельствъ природой, чтобы стать совершеннымъ въ нравственномъ отношеніи, чтобы то, что было въ немъ только произведеніемъ природы, стало вмѣстѣ съ тѣмъ и произведеніемъ искусства, чтобы то, что было только естественнымъ, стало вмѣстѣ съ тѣмъ и нравственнымъ. Если жизнь отдѣльной личности съ этой точки зрѣнія представляетъ намъ исторію ея нравственнаго самовоспитанія, то жизнь всего человѣческаго рода можетъ быть охарактеризована съ этой стороны какъ нравственное самовоспитаніе человѣчества. Попробуемъ, насколько возможно, освѣтить этотъ процессъ, при чемъ мы свое главное вниманіе сосредоточимъ на явленіяхъ психическаго порядка, какъ тѣхъ, надъ которыми власть индивидуальной человѣческой личности является наиболѣе значительной.

Въ области нравственности, если разсматривать этотъ фактъ съ чисто психологической точки зрѣнія, мы можемъ различать три существенно различныя стороны. Параллельно дѣленію психическихъ явленій на умъ, чувство и волю, мы можемъ и явленія нравственной жизни раздѣлить на явленія интеллектуальнаго, эмоціональнаго и волевого характера. Задача нравственнаго самовоспитанія обнимаетъ, съ одной стороны, выработку въ себѣ того, что можетъ быть названо нравственнымъ интеллектомъ, т. е. извѣстнаго запаса нравственныхъ идей и понятій, объединенныхъ въ одно цѣлое, которое мы называемъ нравственнымъ идеаломъ. Съ другой — сюда включается забота о выработкѣ въ себѣ тѣхъ или другихъ нравственныхъ чувствованій и, наконецъ, и самое главное, развитіе въ себѣ нравственной воли. Всѣ эти три стороны могутъ быть охвачены въ понятіи личности. Задача

нравственнаго самовоспитанія есть задача выработки изъ себя нравственной личности. Въ понятіи личности всѣ три упомянутыя выше стороны психической и нравственной жизни объединяются въ одно цѣлое. Нельзя быть развитой въ нравственномъ отношеніи личностью, не обладая сильной нравственной волей, не будучи одушевленнымъ самыми возвышенными нравственными чувствованіями и не имѣя яснаго и отчетливаго сознанія нравственнаго идеала въ его отношеніи къ реальной дѣйствительности. Вотъ почему, пожалуй, умѣстнѣе всего будетъ начать съ вопроса о выработкѣ въ себѣ нравственной личности, а затѣмъ уже перейти къ обсужденію того, какъ въ отдѣльности мы можемъ развить въ себѣ нравственный интеллектъ, нравственныя чувствованія и нравственную волю. Этимъ путемъ скорѣе всего избѣгнуть повтореній. Дѣло въ томъ, что ни одну изъ сторонъ нравственной жизни нельзя развивать, не развивая вмѣстѣ съ тѣмъ и двухъ другихъ, и средства, пригодныя для развитія каждой изъ нихъ, въ большинствѣ случаевъ оказываются пригодными и для остальныхъ. Такимъ образомъ удобнѣе всего разсмотрѣть первоначально выработку въ себѣ нравственной личности, т. е. нравственное саморазвитіе въ его цѣломъ, удѣливъ затѣмъ каждой изъ сторонъ этого саморазвитія вниманіе въ той мѣрѣ, въ какой оно представляетъ своеобразныя черты, отдѣляющія его отъ другихъ сторонъ.

Итакъ, первый вопросъ, который требуетъ отъ насъ своего разрѣшенія, это—какимъ образомъ можно выработать въ себѣ нравственную личность. Личность вырабатывается всѣмъ складомъ и всѣмъ образомъ жизни. Слѣдовательно, надо вести такой образъ жизни, который содѣйствовалъ бы выработкѣ въ насъ нравственной личности. Чтобы стать нравственною личностью, надо такъ дѣйствовать, какъ должна бы дѣйствовать нравственная личность, надо такъ думать и чувствовать, какъ думала бы и чувствовала она. Здѣсь могутъ отмѣтить противорѣчіе. Могутъ сказать, что мы въ качествѣ средства для достиженія цѣли предлагаемъ самую цѣль, т. е. предполагаемъ достигнутымъ то, что еще должно быть достигнуто. Этимъ самымъ мы какъ бы закрываемъ и

упраздняемъ вопросъ. Чтобы стать нравственною личностью надо стать ею—вѣдь это, въ сущности, ничего не говорить и не указываетъ, какъ же именно стать ею. А между тѣмъ на вопросъ о томъ, какъ стать нравственною личностью, нельзя дать другого отвѣта и отвѣтъ этотъ, если глубже въ него вникнуть, вовсе не такъ страненъ, какъ кажется. Если человѣкъ хочетъ развить въ себѣ способность мышленія, что для этого онъ долженъ дѣлать? Онъ долженъ мыслить, мыслить и мыслить. Подобно этому, если человѣкъ хочетъ выработать въ себѣ нравственную личность, онъ долженъ жить и дѣйствовать, какъ нравственная личность. Противорѣчія тутъ никакого нѣтъ. Въ самомъ дѣлѣ, если отдѣльный человекъ задается цѣлью выработать въ себѣ способность мышленія, то это показываетъ, что онъ уже началъ мыслить если человѣкъ задается цѣлью выработать изъ себя нравственную личность, то это показываетъ, что онъ уже до нѣкоторой степени сталъ нравственною личностью, что онъ уже началъ жить, думать и чувствовать, какъ живетъ, думаетъ и чувствуетъ нравственная личность. Чтобы могла быть рѣчь о самовоспитаніи, о воспитаніи въ самомъ себѣ чего бы то ни было, надо, чтобы то, что мы будемъ воспитывать, находилось въ насъ хотя бы въ зародышѣ. Только при этомъ условіи можетъ начаться самовоспитаніе. Чтобы выработать самому изъ себя нравственную личность, надо, чтобы хотя въ слабой, ничтожной степени я представлялъ изъ себя подобную личность. Этотъ зародышъ нравственной личности, дремлющій во мнѣ, послужитъ точкою опоры для выработки нравственной личности во всемъ ея блескѣ и совершенствѣ. Самовоспитаніе не можетъ изъ ничего создать что-либо, оно не можетъ оперировать безъ всякихъ точекъ опоры, и если въ отдѣльномъ человекѣ такихъ точекъ опоры не оказывается, то онъ и не можетъ приняться за воспитаніе себя въ какомъ бы то ни было отношеніи.

Итакъ, личность до нѣкоторой степени уже должна быть нравственною личностью, для того чтобы она имѣла возможность выработать изъ себя вполне совершенную нравственную личность. И уже тотъ самый фактъ, что возникло желаніе стать нравственною личностью,—а безъ такого же-

ланія не можетъ начаться и работа самовоспитанія, — показываетъ, что данный человѣкъ уже отчасти, хотя бы и въ начальной степени, и сталъ нравственной личностью. Весь вопросъ о воспитаніи въ себѣ нравственной личности, такимъ образомъ, сведется къ вопросу о томъ, какимъ образомъ то, что въ насъ находится въ начальной стадіи, довести до конца, какимъ образомъ зародышу дать возможность стать зрѣлымъ плодомъ.

Въ каждомъ нормально-развитомъ человѣкѣ заключенъ зародышъ нравственной личности, поскольку дѣятельность человека носить характеръ сознательной, преднамѣренной дѣятельности, поскольку человѣкъ ставитъ себѣ тѣ или другія цѣли и стремится къ ихъ достиженію. Тамъ, гдѣ дѣйствуетъ сознательная воля, тамъ дана вмѣстѣ съ тѣмъ возможность и для возникновенія нравственной воли, потому что нравственная дѣятельность и есть не что иное, какъ дѣятельность наиболѣе согласная съ природою нашей воли. Между „я хочу“ и „я долженъ“ не существуетъ того противоположенія, которое обыкновенно предполагаютъ, такъ какъ „я хочу“, когда оно вытекаетъ изъ яснаго сознанія природы нашей воли, нашего „я“, необходимымъ образомъ превращается въ „я долженъ“. Тамъ, гдѣ мы имѣемъ сознательное стремленіе къ какой бы то ни было цѣли, мы имѣемъ уже зародышъ, изъ котораго можетъ развиваться стремленіе къ осуществленію нравственнаго идеала, такъ какъ каждая даже самая простая цѣль, которую только человѣкъ себѣ ставитъ, есть идеаль въ его самой элементарной формѣ. Идеаль разнится отъ просто цѣли только тѣмъ, что это — совокупность многихъ цѣлей, соединенная въ одну стройную систему. Чѣмъ болѣе усложняются цѣли и чѣмъ болѣе онѣ вступаютъ въ соотношеніе другъ съ другомъ, тѣмъ болѣе мы поднимаемся на пути къ творчеству идеаловъ.

Идеаль жизни — это система цѣлей, охватывающихъ всю жизнь, тогда какъ каждая цѣль въ отдѣльности охватываетъ только или опредѣленную сторону или опредѣленный моментъ жизни. Человѣкъ постепенно поднимается отъ такихъ цѣлей, которыя обнимаютъ небольшой промежутокъ времени, до такихъ, которыя распространяются на всю жизнь и ко-

торья въ этомъ смыслѣ служатъ ему путеводною звѣздою въ теченіе всего его существованія.

Для возможности возникновенія идеала въ этомъ смыслѣ надо, чтобы человѣкъ имѣлъ возможность думать о своей жизни какъ о цѣломъ. До тѣхъ поръ, пока онъ мыслью можетъ охватывать только ограниченные, небольшіе промежутки времени, идеала въ указанномъ мною значеніи возникнуть не можетъ. Огромное множество людей не въ состояніи думать о своей жизни какъ о цѣломъ, они задумываются большею частью только надъ опредѣленнымъ моментомъ жизни внѣ его связи съ другими. Дѣятельность такихъ людей носитъ узко-практическій характеръ и не можетъ подняться до высоты идеала; она, если можно такъ выразиться, ползаетъ по землѣ и не можетъ возвыситься надъ землею настолько, чтобы схватить всѣ свои послѣдовательные шаги въ одномъ взорѣ. Только поднявшись хотя бы немного къ небу, человѣкъ можетъ понять свою жизнь, какъ одно цѣлое, и дать ей надлежащее направленіе и полетъ. Чтобы разумно и осмысленно ходить по долинамъ жизни, надо умѣть взлетать вверхъ въ свѣтлое, лазурное царство идеала, чтобы видѣть оттуда ясно въ цѣломъ тотъ путь, который намъ предстоитъ пройти.

Творчество идеаловъ есть продолженіе, только въ широкомъ масштабѣ, той же самой работы, которую узкіе практики жизни дѣлаютъ въ маломъ масштабѣ. Такъ называемые практики и идеалисты—это не два противоположные и враждебные лагеря, представляющіе два разнородные вида дѣятельности человѣка. Мы имѣемъ здѣсь дѣятельность одного и того же рода, вся разница только въ широтѣ и степени. Каждый практикъ есть идеалистъ только въ уменьшенномъ размѣрѣ, да и не можетъ не быть идеалистомъ по существу дѣла, такъ какъ всякая цѣль, какой бы узкій и практическій характеръ она ни носила, всегда есть ни болѣе ни менѣе, какъ идеальное представленіе будущаго, всякая сознательная, преднамѣренная дѣятельность всегда покоится на тѣхъ или другихъ идеяхъ. Весь вопросъ только въ качествѣ и широтѣ этихъ идей. Если это такъ, если нѣтъ той пропасти, которую обыкновенно предполагаютъ между узкими практиками и

идеалистами, то здѣсь намъ вмѣстѣ съ тѣмъ дана возможность постепенной выработки изъ узкаго практика широкаго идеалиста, дана возможность убѣжденія людей въ высотѣ нравственнаго идеала и педагогическаго воздѣйствія на нихъ въ этомъ смыслѣ, дана, наконецъ, возможность воспитанія изъ самихъ себя, какой бы узкой практической дѣятельностью намъ ни приходилось заниматься, нравственной личности. При приведеніи ли другихъ людей на путь творческой работы надъ выработкой нравственныхъ идеаловъ и надъ осуществленіемъ ихъ въ жизни, при выработкѣ ли въ самомъ себѣ нравственной личности приходится, такимъ образомъ, опираться ни на какія-либо чуждыя отдѣльнымъ индивидуумамъ силы, а на тѣ силы, которыя дѣйствуютъ внутри ихъ самихъ, которыя никогда не прекращаютъ свою работу,— надо только этой работѣ дать надлежащее направленіе и въ достаточной степени ее расширить, чтобы въ результатѣ получилось то, что мы называемъ нравственностью.

Первоначально отдѣльная личность ставитъ себѣ только частныя, конкретныя задачи. Если взять, на примѣръ, ту элементарную форму личности, которую мы находимъ у ребенка, то увидимъ, что дѣти, по крайней мѣрѣ въ періодѣ перваго дѣтства, не идутъ дальше задачъ, ограничивающихся даннымъ, единичнымъ мгновеніемъ жизни и имѣющихъ вполне конкретный характеръ. Сейчасъ у ребенка цѣль—поиграть съ братомъ или сестренкой въ лошадки, затѣмъ—посмотрѣть картинки въ какой-нибудь книжкѣ, выпить стаканъ молока, что-нибудь напроказить и т. д. Есть и взрослые, у которыхъ цѣли хотя и имѣютъ болѣе сложный характеръ, но въ общемъ носятъ печать перваго дѣтства. Ихъ цѣли такъ же нейдутъ дальше сегодняшняго дня: сегодня надо будетъ сходить на службу и переписать разныя дѣловыя бумаги, затѣмъ вкусно пообѣдать, прочесть интересный пикантный романъ, вечеромъ пойти послушать только что пріѣхавшаго знаменитаго артиста и т. д. Въ такомъ видѣ рисуются въ ихъ воображеніи цѣли всей жизни.

Въ зависимости отъ степени духовнаго развитія людей эти задачи будутъ принимать все болѣе и болѣе общій характеръ, при чемъ степень общности, которой онѣ

достигаютъ у разныхъ людей, бываетъ различна. Нѣкоторые люди уже не ограничиваются тѣмъ, что сегодня они переписутъ такія-то служебныя бумаги, завтра подсчитаютъ такіе-то столбцы цифръ,—они попробуютъ отдать себѣ отчетъ въ своей профессіи, какъ въ цѣломъ, и общія задачи своей профессіи сдѣлаютъ сознательною цѣлью своей жизни, а иные изъ нихъ пойдутъ еще и дальше и попробуютъ взглянуть на самую свою профессію съ точки зрѣнія интересовъ всего общества или ея значенія для общечеловѣческаго прогресса. Подобнымъ же образомъ нѣкоторые люди уже не ограничиваются тѣмъ, что читаютъ случайно попавшія имъ подъ руку, возбуждшія ихъ мимолетный интересъ, книги, они придаютъ своему чтенію болѣе систематическій, связанный характеръ и подчиняютъ его какой-либо болѣе общей задачѣ, изученію, напр., той или другой отрасли знанія, или еще болѣе общей, цѣли всесторонняго духовнаго саморазвитія. Точно такъ же одни просто ищутъ всякаго рода эстетическихъ удовольствій, какія бы они ни были, другіе же это исканіе удовольствій подчиняютъ болѣе общей цѣли, напр., облагороженію своего характера, пробужденію въ себѣ тѣхъ или другихъ желательныхъ эмоцій. Но можно подняться и еще выше, и всѣ эти частныя задачи, хотя и принявшія болѣе общій характеръ, которыя охватываются, напр., понятіями „исполненіе своихъ профессиональныхъ обязанностей“, „выполненіе своего долга по отношенію къ семьѣ“, „удовлетвореніе своихъ запросовъ въ чтеніи, въ развлеченіяхъ“ и т. д. и т. д.,—все это подчинить одной общей задачѣ, объединить въ одно цѣлое.

Но есть люди, которые такъ и не поднимаются никогда до такой ступени, чтобы охватить всю свою жизнь какъ одно цѣлое и поставить себѣ такую широкую задачу, которая имѣла бы въ виду всю ихъ жизнь. Ихъ жизнь остается раздробленной и составленной изъ кусочковъ, связанныхъ между собою только чисто внѣшнимъ образомъ, они преслѣдуютъ иногда и много цѣлей, но среди этихъ цѣлей мало такихъ которыя носили бы общій характеръ.

Каждая общая цѣль служитъ какъ бы для объединенія цѣлей болѣе частныхъ и конкретныхъ, цѣлей менѣе общаго характера, при чемъ степень общности можетъ значительно

колебаться по своимъ размѣрамъ. Чѣмъ выше нравственность, тѣмъ шире объединеніе цѣлей, тѣмъ болѣе цѣли жизни отдѣльной личности соединяются въ одну систему, въ одно цѣлое. Это объединеніе цѣлей въ одну систему, въ одно цѣлое предполагаетъ существованіе одной цѣли самаго общаго характера, по отношенію къ которой всѣ остальные цѣли являлись бы какъ частныя и частичныя выраженія ея. Эта цѣль должна быть общей формулой задачи всей жизни личности, остальные цѣли — только выраженіями, болѣе или менѣе широкими, тѣхъ частныхъ задачъ, разрѣшеніе которыхъ требуется для разрѣшенія и осуществленія общей задачи, поставленной себѣ человѣкомъ.

Самая общая цѣль, которая можетъ служить для объединенія всей системы цѣлей въ одно цѣлое, это — само объединеніе всей этой системы, гармонія всѣхъ цѣлей. Эта цѣль включаетъ въ себя всѣ частичныя цѣли, она болѣе полно, чѣмъ какая-либо другая, выражаетъ общую задачу всей жизни человѣка, поскольку эта жизнь принимаетъ нравственный характеръ. Она выражаетъ требованіе, чтобы человѣкъ свою жизнь, поскольку она является сознательнымъ обнаруженіемъ его воли, рассматривалъ какъ одно цѣлое и стремился бы къ тому, чтобы и фактически жизнь его была подобнымъ цѣлымъ. И насколько онъ это дѣлаетъ, въ той мѣрѣ онъ все больше и больше становится тѣмъ, что можетъ быть названо нравственною личностью. Нравственная личность — это личность, старающаяся расширить, насколько допускаютъ ея силы, область преслѣдуемыхъ ею цѣлей и старающаяся внести въ эту область возможно больше гармоніи. У различныхъ людей область ставимыхъ и достигаемыхъ цѣлей и полнота гармоніи между ними будутъ значительно различаться между собою, но нравственную личность всегда будетъ характеризовать стремленіе расширить эту область и сдѣлать гармонію въ ней болѣе полной.

Отсюда само собою становится понятнымъ, что первое, съ чего должна начаться работа нравственнаго самовоспитанія, это — съ попытки отдать себѣ ясный отчетъ въ тѣхъ цѣляхъ, которыя фактически преслѣдуются данною личностью. Обзоръ фактическихъ цѣлей жизни, который данная

личность совершаетъ, имѣя въ виду задачу нравственнаго самовоспитанія, производится ею для того, чтобы получить отвѣты на слѣдующіе вопросы: 1) соотвѣтствуетъ ли общая сумма фактически ставимыхъ мною цѣлей тому запасу волевой энергіи, который находится въ моемъ распоряженіи? 2) Гармонируютъ ли цѣли жизни между собою? Составляютъ ли онѣ одно цѣлое? 3) Какимъ образомъ можно было бы между ними установить гармонію и не придется ли ради этого отказаться отъ преслѣдованія нѣкоторыхъ цѣлей жизни, какъ находящихся въ явномъ или скрытомъ противорѣчьи со всѣми остальными цѣлями? 4) Не слѣдуетъ ли къ такимъ образомъ очищенной системѣ прежнихъ цѣлей жизни присоединить цѣлый рядъ другихъ цѣлей, такъ чтобы новая система цѣлей стояла на высотѣ моей волевой энергіи? — Постоянное періодическое разрѣшеніе этихъ вопросовъ составляетъ необходимое предположеніе при работѣ личности надъ своимъ нравственнымъ самовоспитаніемъ.

Попытка разрѣшить эти вопросы есть попытка осмыслить свою жизнь, отдать себѣ ясный отчетъ въ томъ, зачѣмъ и для чего живешь на бѣломъ свѣтѣ. Безъ этой попытки и безъ постояннаго ея возобновленія личность не можетъ стать въ истинномъ смыслѣ этого слова нравственною личностью. Существуетъ великое множество людей, которые живутъ, даже и не задаваясь вопросомъ, зачѣмъ они живутъ. Они живутъ простою, непосредственною жизнью, и если вы спросите этихъ людей, какой смыслъ, какое значеніе имѣетъ ваша жизнь, то даже самый этотъ вопросъ имъ покажется страннымъ и непонятнымъ. „Зачѣмъ еще искать какого-то особеннаго смысла въ жизни“, скажутъ они вамъ, „каждый день, каждое мгновеніе имѣютъ свою злѣбу и дальше этихъ ежедневныхъ злѣбъ жизни человѣку некуда да и незачѣмъ итти. Зачѣмъ мудрствовать лукаво, это только мѣшаетъ нормальному, правильному теченію разъ заведеннаго порядка жизни. Это только будетъ мѣшать намъ въ надлежащей степени и должнымъ образомъ выполнять тѣ дѣла, которыя каждый день приносятъ намъ“. Вотъ что отвѣтятъ вамъ эти люди, и имя этихъ людей легионъ. Они интересуются всѣми вопросами, всевозможными мелочами жизни, за исключеніе-

емъ самаго главнаго вопроса о томъ, какой же смыслъ имѣеть вся ихъ жизнь и какъ всѣ ихъ мелкія, раздробленныя, маленькія цѣли жизни могли бы быть соединены въ одно стройное, гармоническое цѣлое, что сдѣлало бы всѣ эти ничтожныя цѣли осмысленнымъ выраженіемъ одного великаго, важнаго дѣла всей жизни. У многихъ это равнодушіе переходитъ даже въ какое-то боязливое отношеніе къ самымъ жизненнымъ вопросамъ человѣчества. Намъ невольно при этомъ вспоминаются глубоко продуманныя слова изъ сочиненія одного замѣчательнаго русскаго писателя, написанныя много лѣтъ тому назадъ: „Наша жизнь—постоянное бѣгство отъ себя, точно угрызенія совѣсти преслѣдуютъ, пугаютъ насъ. Какъ только человѣкъ становится на свои ноги, онъ начинаетъ кричать, чтобы не слышать рѣчей, раздающихся внутри; ему грустно — онъ бѣжитъ разсѣяться, ему нечего дѣлать—онъ выдумываетъ занятіе; отъ ненависти къ одиночеству—онъ дружится со всѣми, все читаетъ, интересуется чужими дѣлами, наконецъ женится на скорую руку. Тутъ гавань, семейный миръ и семейная война не дадутъ много мѣста мысли; семейному человѣку какъ-то неприлично много думать; онъ не долженъ быть настолько празденъ. Кому и эта жизнь не удалась, тотъ напивается допьяна всѣмъ на свѣтѣ — виномъ, нумизматикой, картами, скачками, женщинами, скупостью, благодѣяніями; ударяется въ мистицизмъ, идетъ въ іезуиты, налагаетъ на себя чудовищные труды, и они ему все-таки легче кажутся, нежели какая-то угрожающая истина, дремлющая внутри его. Въ этой боязни изслѣдовать, чтобы не увидать вздоръ изслѣдуемаго, въ этомъ искусственномъ недосугѣ, въ этихъ поддѣльныхъ несчастіяхъ, усложняя каждый шагъ вымышленными путями, мы проходимъ по жизни спросонья и умираемъ въ чаду нелѣпости и пустяковъ, не пришедши путемъ въ себя“. (А. Герценъ).

Какъ глубоко справедливы эти слова и какъ въ тоже время грустно становится именно потому, что они справедливы. Современное человѣчество боится правды изслѣдованія въ области нравственной жизни, оно боится того фонаря, который освѣтилъ бы ему его дѣйствительную жизнь и который показалъ бы, какъ эта жизнь пуста, мелка, пошла, не-

лѣпа и полна самыхъ страшныхъ противорѣчій. Современный человѣкъ предпочитаетъ лучше ходить въ потемкахъ, чѣмъ при свѣтѣ безпристрастнаго этического изслѣдованія увидѣть въ зеркалѣ свое собственное изображеніе. Даже тѣ слабыя очертанія, которыя мелькаютъ передъ нимъ при разсѣянномъ кругомъ тускломъ свѣтѣ, приводятъ его въ ужасъ, и у него не хватаетъ поэтому мужества взглянуть въ нихъ при болѣе яркомъ освѣщеніи. Но тотъ, кто дѣйствительно хочетъ стать нравственнымъ человѣкомъ, долженъ какъ можно ярче озарить міръ своей душевной жизни и безъ страха и боязни произвести это изслѣдованіе о дѣйствительныхъ цѣляхъ своей жизни, о которомъ мы выше говорили. Къ какимъ бы результатамъ ни привело это изслѣдованіе, личность должна искать только правды и одной правды, такъ какъ только безпристрастная правда дастъ ей возможность подняться вверхъ и изъ безсмысленной и противорѣчивой сдѣлать свою жизнь гармоничной и полной высокаго смысла.

Взглянемъ на задачи жизни, стоящія передъ личностью, еще съ нѣскольکو иной стороны, дополняющей наши предшествующія разсужденія и дающей имъ болѣе опредѣленный смыслъ. Выше мы опредѣлили нравственную личность какъ такую, которая старается расширить, насколько допускаютъ ея силы, область преслѣдуемыхъ ею цѣлей и вмѣстѣ съ тѣмъ внести въ эту область возможно больше гармоніи. Это общее опредѣленіе принимаетъ болѣе ясныя очертанія, если имѣть въ виду, что всѣ цѣли, преслѣдуемыя личностью, могутъ быть разбиты на два большіе класса, на цѣли индивидуальнаго и на цѣли соціальнаго характера, на цѣли, центромъ тяжести которыхъ является сама дѣйствующая личность, и на цѣли, центръ тяжести которыхъ лежитъ внѣ послѣдней, въ большей или меньшей совокупности другихъ индивидуумовъ. Общая задача установленія гармоніи между цѣлями жизни сведется такимъ образомъ къ установленію гармоніи между цѣлями индивидуальнаго и цѣлями соціальнаго характера или, выражаясь иначе, къ установленію гармоніи между даннымъ индивидуумомъ и окружающимъ его обществомъ большаго или меньшаго размѣра. Расширеніе системы цѣлей

при этомъ становится возможнымъ, главнымъ образомъ, благодаря расширенію сферы цѣлей соціального характера, такъ какъ въ самой природѣ этихъ цѣлей лежитъ возможность безпредѣльнаго расширенія. Если первоначально предметомъ такихъ цѣлей являются отдѣльныя личности, окружающія насъ, то потомъ эти цѣли могутъ распространиться на постепенно все болѣе и болѣе расширяющіяся группы такихъ личностей, напр., на семью, опредѣленное сословіе или общественный классъ, народъ и, въ конечномъ предѣлѣ, на все человѣчество. Наша же индивидуальность сама по себѣ никогда не можетъ явиться такимъ неисчерпаемымъ источникомъ въ смыслѣ расширенія системы цѣлей, какимъ является окружающее насъ человѣчество. Расширеніе нашей личности совершается главнымъ образомъ не путемъ дѣятельности, направленной на самихъ себя, но путемъ дѣятельности, направленной на человѣчество. И чѣмъ болѣе широкой, соціальной, общечеловѣческой характеръ принимаетъ въ этомъ смыслѣ дѣятельность даннаго индивидуума, тѣмъ болѣе онъ становится нравственною личностью въ истинномъ смыслѣ этого слова. Нравственная личность въ ея наивысшемъ развитіи—это личность, сознавшая свое кровное родство со всѣмъ человѣчествомъ и отдающая на работу для человѣчества всѣ свои силы и способности. Здѣсь не существуетъ противопоставленія между моимъ „я“ и тѣмъ цѣлымъ, въ составъ котораго я вхожу, но въ каждой своей мысли, въ каждомъ своемъ чувствованіи, въ каждомъ своемъ дѣйствіи я все крѣпче и неразрывнѣе утверждаю свою связь съ цѣлымъ, и все болѣе полной и совершенной становится моя гармонія съ нимъ.

Какую же форму приметъ съ точки зрѣнія того опредѣленія нравственной личности, которое мы только что дали, та первая ступень въ работѣ нравственнаго самовоспитанія, о которой мы только что говорили. Она представится тогда въ слѣдующемъ видѣ. Личность прежде всего должна отдать себѣ ясный отчетъ въ томъ фактическомъ отношеніи, которое существуетъ между нею и окружающими ее людьми, и въ тѣхъ возможныхъ преобразованіяхъ, какимъ эти фактическія отношенія должны подвергнуться. Она должна поста-

раться отвѣтить себѣ на рядъ слѣдующихъ вопросовъ: 1) Каковы фактическія отношенія между мною и другими людьми? 2) Служать ли эти фактическія отношенія выраженіемъ моей гармоніи или моего разлада и антагонизма съ другими людьми? 3) Какія изъ этихъ отношеній слѣдуетъ исключить для того, чтобы система моихъ отношеній къ другимъ людямъ являлась только выраженіемъ гармоніи между мной и другими людьми и чтобы она составляла одно гармоническое цѣлое? И, наконецъ, 4) какъ долженъ я расширить кругъ другихъ людей и свою систему отношеній къ нимъ, чтобы создать болѣе широкую и полную гармонію между собой и человечествомъ въ полномъ соответствіи съ тѣмъ запасомъ волевой энергіи, который во мнѣ имѣется? Постоянное періодическое разрѣшеніе этихъ вопросовъ и измѣненіе, сообразно съ получающимися отвѣтами, всего строя своей жизни составляютъ необходимое предварительное условіе для выработки изъ себя нравственной личности и для поднятія ея на все болѣе и болѣе высокія ступени развитія.

Повторяемъ, для того, чтобы стать нравственною личностью, надо вести, хотя бы и въ слабой степени, тотъ образъ жизни, какой должна бы вести нравственная личность; только тогда зародышъ личности, дремлющій въ насъ, приметъ вполне зрѣлыя и ясныя очертанія, только тогда онъ подниметъ голову, а не поникнетъ, развернется во всей красотѣ, а не заглохнетъ. Только нравственная жизнь, только неуклонное стремленіе къ расширенію цѣлей жизни и къ установленію между ними все болѣе полной и совершенной гармоніи, только безкорыстная дѣятельность для человечества, только неутомимый трудъ надъ сохраненіемъ жизни, надъ доставленіемъ счастья и возможности развитія возможно большому количеству людей и надъ объединеніемъ ихъ въ солидарное цѣлое, все болѣе расширяющееся по своимъ размѣрамъ, — могутъ выработать изъ насъ нравственную личность, могутъ содѣйствовать нашему нравственному самовоспитанію. Если поэтому спрашиваютъ, какъ воспитать въ себѣ нравственную личность, то на это можетъ быть только одинъ отвѣтъ: живи нравственною жизнью, отдай все свои силы, весь свой трудъ на дѣло поднятія жизненности и счастья среди человечества,

на содѣйствіе гармоническому развитію его во всѣхъ отношеніяхъ, и расширяй постоянно свою нравственную задачу въ этомъ смыслѣ до предѣловъ возможнаго. Другого средства не существуетъ, всякое другое средство не дѣйствительно или если и дѣйствительно, то только въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ оно въ концѣ-концовъ приводитъ къ этому послѣднему средству.

Мы разсматривали до сихъ поръ задачу нравственнаго самовоспитанія въ его цѣломъ, посмотримъ же теперь, хотя въ общихъ чертахъ, какъ ставится эта задача, если въ частности имѣть въ виду выработку въ себѣ нравственнаго интеллекта, нравственныхъ чувствованій и нравственной воли.

Развитіе въ самомъ себѣ нравственнаго интеллекта означаетъ выработку нравственныхъ представленій, понятій и идей, однимъ словомъ, того, что можетъ быть названо въ общей совокупности нравственнымъ идеаломъ. Чтобы выработать себѣ нравственный идеаль, надо на созданіе его направить работу своей мысли. Безъ постоянной, непрерывной, систематической работы въ этомъ направленіи ничего не можетъ быть достигнуто. Надо, чтобы были поиски, исканіе, чтобы теченіе нашихъ мыслей направлялось силою сознательной воли по опредѣленному руслу, и только тогда нравственные идеи кристаллизуются въ насъ въ опредѣленную, законченную форму. Къ сожалѣнію, это исканіе идеала и сознательное направленіе мыслей въ эту сторону почти отсутствуютъ у большинства людей, и даже у меньшинства оно обнаруживается не въ достаточно интенсивной степени и не достаточно систематично. Шумъ внѣшней жизни съ ея пестрыми впечатлѣніями часто слишкомъ порабощаетъ наше сознаніе и увлекаетъ его въ сторону отъ того пути, на которомъ ткутся свѣтлыя радужныя одежды идеала. Только въ святомъ уединеніи, только въ сосредоточенной работѣ мысли нравственный идеаль можетъ получить въ нашемъ сознаніи плоть и кровь, ясныя и отчетливыя очертанія. Но если выработка нравственнаго идеала до нѣкоторой степени и требуетъ уединенія и сосредоточенности, то осуществленіе его, конечно, связано съ самою интенсивною

общественною жизнью. Мы говоримъ до нѣкоторой степени потому что въ абсолютномъ, полномъ уединеніи человѣкъ, никогда не въ состояніи будемъ создать себѣ нравственнаго идеала въ истинномъ смыслѣ этого слова. Для созданія нравственнаго идеала дѣйствительно надо уединиться отъ хаоса внѣшнихъ впечатлѣній и отрѣшиться на время отъ тѣхъ общественныхъ отношеній съ другими людьми, въ которыхъ являешься частью стадной толпы, автоматомъ, маленькой пружиной большого механизма. Но только отъ этой стороны общественныхъ отношеній и надо отрѣшиться. Зато съ тѣмъ большей силой требуется та высшая форма общенія съ другими людьми, которая можетъ помочь намъ довести личное сознаніе нравственнаго идеала до полной степени ясности и совершенства. Уединенная, сосредоточенная работа мысли должна быть восполнена сознательнымъ обмѣномъ мыслей многихъ людей, работающихъ въ томъ же направленіи. Творческая работа отдѣльныхъ личностей должна получить свое завершеніе въ сознательной коллективной работѣ многихъ, благодаря которой исправятся несовершенства и односторонности, связанные съ работой изолированнаго человѣка и эта послѣдняя получить надлежащую широту и законченность. Святое уединеніе только тогда можетъ быть плодотворнымъ, когда оно восполняется святымъ общеніемъ, тѣмъ свободнымъ, искреннимъ, творческимъ обмѣномъ мыслей, который направленъ на уясненіе нравственнаго идеала какъ въ его цѣломъ, такъ и въ различныхъ его частностяхъ и подробностяхъ.

Спрашивается теперь, какимъ образомъ личность можетъ выработать въ себѣ нравственныя чувствованія? Чувствованія не зависятъ прямо отъ нашей воли, мы ихъ переживаемъ въ себѣ, но непосредственно вложить въ себя не можемъ. Нельзя прямо заставить себя чувствовать радость, когда чувствуешь огорченіе, нельзя заставить себя испытывать чувство любви, когда въ груди шевелится ненависть. Прямо надъ чувствованіями мы не имѣемъ никакой власти, скорѣе они имѣютъ власть надъ нами. Но если прямо наша власть надъ чувствованіями ничтожна, то зато мы можемъ приобрести надъ ними громадное вліяніе косвеннымъ обра-

зомъ. Если мы не можемъ прямо заставить испытывать себя извѣстныя нравственныя чувствованія, разъ ихъ нѣтъ въ насъ на-лицо, то мы можемъ достигнуть своей цѣли непрямымъ путемъ.

Всякое чувство можно возбудить въ себѣ, если сначала входишь въ положеніе, соотвѣтствующее чувствованію, если вызываешь тѣ жесты и движенія, въ которыхъ выражается это чувство. „Дикари воспаляютъ себя къ борьбѣ быстрой пляской. Если принимать участіе во внѣшнихъ церемоніяхъ, то это, по мнѣнію Паскаля, можетъ послужить къ дѣйствительному обращенію въ вѣру. Несомнѣнно, что получается совершенно другое настроеніе, когда сжимаешь руки въ кулакъ, чѣмъ когда ихъ складываешь вмѣстѣ,—когда простираешь руки, чѣмъ когда ихъ прижимаешь къ груди 1)“⁴. Вотъ путь, которымъ мы можемъ возбудить въ себѣ тѣ или другія нравственныя чувствованія, если ихъ не имѣется въ насъ въ дѣйствительности. Совершайте тѣ дѣйствія, въ которыхъ выражаются обыкновенно эти чувствованія, и вы въ концѣ-концовъ станете ихъ переживать. Такъ, напр., возьмемъ хотя бы чувство справедливости. Будьте справедливы сначала хотя бы чисто внѣшнимъ образомъ, и вы станете, наконецъ, справедливымъ изъ внутренняго побужденія, изъ чувства справедливости, которое неизбѣжно должно будетъ въ васъ развиться. Дѣйствуйте нравственно, хотя бы вы не чувствовали къ этому сильнаго влеченія, и вы выработаете въ себѣ такимъ путемъ и сильное нравственное чувство.

Другимъ условіемъ, несомнѣнно содѣйствующимъ къ выработкѣ нравственныхъ чувствованій, является общеніе съ людьми, стоящими выше насъ въ нравственномъ отношеніи. Испытываемыя ими чувствованія будутъ тогда переживаться по симпатіи и нами и въ концѣ-концовъ станутъ для насъ второю натурою, т.-е. будутъ въ насъ возникать и самостоятельно.

Но, кромѣ всего этого, могучимъ толчкомъ въ развитіи

1) Г. Г е ф д и н гъ. Очерки психологіи, основанной на опытѣ. Пер. съ нѣм. подъ ред. Я. Колубовскаго, 3-е изд., 1898 г., стр. 279.

чувствованій служить частое возвращеніе мыслью къ тѣмъ образамъ, съ которыми связаны эти чувствованія. Заставляя себя думать объ извѣстныхъ предметахъ или ставя себя мысленно въ опредѣленные положенія, мы тѣмъ самымъ создаемъ новыя направленія и для нашихъ чувствованій. И если они въ насъ первоначально и не возникаютъ въ сколько-нибудь сильной степени, то отъ этого еще не слѣдуетъ приходить въ отчаяніе и падать духомъ. Надо только продолжать постоянно искать поводовъ хотя бы мысленно возвращаться къ великимъ нравственнымъ идеямъ. И нѣтъ сомнѣнія, что если мы будемъ пользоваться всякимъ случаемъ, чтобы думать о нихъ, то онѣ перестанутъ быть мертвыми идеями, безжизненными и холодными, но будутъ согрѣты всею теплотою чувства, доступнаго намъ, и будутъ вызывать въ насъ весь тотъ энтузіазмъ, на который мы только способны. И тогда у отвлеченныхъ идей вырастутъ крылья, которыя дадутъ намъ возможность „наши благіе порывы“ претворить въ подвигъ братской любви. Мы должны и можемъ искать себѣ въ этомъ смыслѣ союзниковъ въ области литературы и искусства. Старайтесь по преимуществу читать тѣ литературныя произведенія, смотрѣть тѣ картины, слушать ту музыку, которыя пробуждаютъ въ васъ мысли о нравственно-прекрасномъ, вызываютъ восторгъ и восхищеніе передъ красотой нравственности, и избѣгайте въ этой области всего того, что будитъ низменные инстинкты и пошлыя мысли, и вы этимъ самымъ будете прокладывать для своей душевной жизни свѣтлую дорогу, ведущую ее на безпредѣльную высоту истинно-человѣческаго существованія, а не спускающую, наоборотъ, въ темныя пропасти, гдѣ все великое, свѣтлое и прекрасное гаснетъ и разлетается какъ дымъ.

„Въ моральномъ воспитаніи,—говоритъ Лекки,—важно пріобрѣсти способность отгонять деморализующіе мысли и образы, столь неотвязчиво преслѣдующіе многихъ, а также бороться съ соблазнами посредствомъ обращенія къ болѣе чистымъ, высокимъ и сдерживающимъ мыслямъ. Способность измѣнять и усиливать свои побужденія выдвиганіемъ на первый планъ однихъ мыслей, образовъ и предметовъ и отстраненіемъ отъ себя другихъ является однимъ изъ главныхъ

средствъ нравственнаго усовершенствованія ¹⁾“ . И эту способность мы должны развивать въ себѣ, если желаемъ дать нашимъ чувствованіямъ и вообще всей нашей душевной жизни болѣе высокій полетъ, пользуясь для этого вмѣстѣ съ тѣмъ всѣмъ тѣмъ хорошимъ, что даютъ въ наше распоряженіе литература и такъ называемыя искусства, какъ-то: живопись, скульптура, музыка и т. д.

Воспитывая, такимъ образомъ, въ себѣ нравственный интеллектъ и нравственныя чувствованія, мы тѣмъ самымъ косвеннымъ образомъ воспитываемъ въ себѣ и нравственную волю, такъ какъ представленія и чувствованія являются опредѣляющими факторами въ развитіи воли. Но воля вмѣстѣ съ тѣмъ развивается и прямо, именно путемъ дѣйствія. Нравственное дѣйствіе приводитъ и къ выработкѣ все болѣе и болѣе совершенной нравственной воли. Съ каждымъ нравственнымъ дѣйствіемъ воля человѣка все болѣе рѣшительнымъ образомъ направляется на тотъ путь, который ведетъ въ царство идеала. И ничто такъ не способствуетъ воспитанію нравственной воли, какъ соединенная сознательная дѣятельность многихъ, направленная на самыя высокія нравственныя цѣли. Какъ составной элементъ общественной нравственной воли и индивидуальная воля отдѣльной личности получаетъ твердую точку опоры, растетъ, мужаетъ и крѣпнетъ и дѣлается способной выдержать самыя страшныя удары, устоять противъ самыхъ сильныхъ искушеній и не дрогнуть передъ самыми неожиданными опасностями. Въ священномъ союзѣ нравственности, въ святой общей работѣ, направленной на установленіе царства справедливости, любви и правды среди человѣчества, личность даетъ себѣ самое дѣйствительное, самое полное, самое совершенное нравственное самовоспитаніе, которое ее подымаетъ до безпредѣльной высоты нравственной личности и окружаетъ свѣтлымъ ореоломъ истиннаго величія, героизма и благородства. Только здѣсь, только на этомъ пути личность все болѣе и болѣе обновляется, расширяя и углубляя содержаніе своей жизни до предѣ-

¹⁾ В. Лекки. Планъ жизни. Характеръ и поведеніе. Пер. Л. Локіера. Стр. 256.

ловъ возможнаго и дѣлая это содержаніе все болѣе и болѣе цѣннымъ.

Все это такъ, скажутъ намъ, но все это доступно только немногимъ личностямъ, сильнымъ душой, вѣрящимъ въ жизнь, не отчаявшимся въ своихъ силахъ. А что дѣлать тѣмъ многимъ молодымъ, которые, подобно Татьянѣ въ „Мѣщанахъ“ Горькаго, устали жить, которые говорятъ, что имъ „негдѣ, нечѣмъ, незачѣмъ жить“, которые чувствуютъ себя слабыми и ничтожными, у которыхъ въ груди незамѣтно для нихъ „выросла пустота“, которыхъ пошлость, мелочи, тѣснота, мѣщанская атмосфера жизни незамѣтно, потихоньку раздавили. Эти люди и хотѣли бы смотрѣть на жизнь весело и бодро, но не могутъ, у нихъ нѣтъ вѣры въ сердце, они не способны жить мечтами. Всякія мысли о будущей идеальной жизни они, подобно Татьянѣ, назовутъ „сказками“. По ихъ мнѣнію, жизнь „течетъ тихо, однообразно, какъ большая мутная рѣка“ (стр. 5), она „всегда была такая, какъ и теперь... мутная, тѣсная... и всегда будетъ такая“ (стр. 130)... Что дѣлать этимъ бѣднымъ, слабымъ, раздавленнымъ торжествующимъ „мѣщанствомъ?“ Они сами спасти себя не могутъ и предоставленные самимъ себѣ они окончательно задохнутся въ атмосферѣ мѣщанской пошлости или кончатъ жизнь свою самоубійствомъ... Здѣсь бесполезно говорить о нравственномъ самовоспитаніи, потому что изсякли всякія силы для подобнаго самовоспитанія. Здѣсь нужно нравственное воспитаніе, и прежде всего необходимо этихъ людей исторгнуть изъ той среды, которая задушила всѣ ихъ лучшія силы, которая подорвала въ нихъ всякую вѣру въ будущее...

Татьяну и ей подобныхъ могутъ спасти люди, такіе, напр., какъ Нилъ, выведенный въ тѣхъ же „Мѣщанахъ“. Этотъ не принадлежитъ къ категоріи тѣхъ людей, которые, „стоя на порогѣ жизни, уже полумертвы“, которые „не живутъ, а такъ какъ-то слоняются около жизни и по неизвѣстной причинѣ стонутъ, да жалуются и не дѣлаютъ никакихъ усилій, чтобы выйти изъ того положенія, въ которомъ находятся“. Нилу нравится жить, онъ находитъ, „что жить на землѣ“— это большое удовольствіе. „Ѣздитъ на скверныхъ паровозахъ осенними ночами,—говоритъ онъ,—подъ дождемъ и вѣтромъ...

или зимою... въ метель, когда вокругъ тебя нѣтъ пространства, все на землѣ закрыто тьмой, завалено снѣгомъ,—утомительно ѣздить въ такую пору, трудно... опасно, если хочешь, — и все же въ этомъ есть своя прелесть! Все-таки есть! Въ одномъ не вижу ничего пріятнаго, — въ томъ, что мною и другими честными людьми командуютъ свиньи, дураки, воры... Но, жизнь не вся за ними! Они пройдутъ, исчезнутъ, какъ исчезаютъ нарывы на здоровомъ тѣлѣ. Нѣтъ такого распisanія движенія, которое бы не измѣнялось“. На брошенные ему въ видѣ возраженія слова „посмотримъ, какъ тебѣ отвѣтитъ жизнь“, онъ восклицаетъ: „я заставлю ее отвѣтить такъ, какъ захочу. Ты не стращай меня. Я ближе и лучше тебя знаю, что жизнь тяжела, что порою она омерзительно жестока, что разнузданная, грубая сила жметъ и давить человѣка, я знаю это—и это мнѣ не нравится; возмущаетъ меня. Я этого порядка не хочу. Я знаю, что жизнь—дѣло серьезное, но не устроенное... что она потребуетъ для своего устройства всѣ силы и способности мои. Я знаю и то, что я — не богатырь, а просто честный, здоровый человѣкъ, и все-таки говорю: ничего! Наша возьметъ! И на всѣ средства души моей удовлетворю мое желаніе вмѣшаться въ самую гущу жизни... мѣсить ее и такъ, и этакъ, тому—помѣшать, этому — помочь... вотъ въ чемъ радость жизни!“ (стр. 144). Только среди людей, подобныхъ Нилу, и при болѣе внимательномъ и вдумчивомъ отношеніи къ себѣ съ ихъ стороны и личности, подобныя Татьянѣ, могли бы возродиться къ свѣтлой, новой жизни, полной кипучаго и бодрого труда надъ несовершенствами общественнаго быта и неутомимой работы надъ своимъ собственнымъ нравственнымъ самовоспитаніемъ. Но ихъ надо спасти, а не оттолкнуть, ихъ надо вытащить изъ болота, изъ котораго сами себя они вытащить не въ состояніи, имъ надо протянуть руку помощи и незамѣтно для нихъ втянуть въ общую широкую работу нравственнаго обновленія человѣчества, которая кипитъ въ разныхъ уголкахъ и закоулкахъ жизни, которая происходитъ въ различныхъ поприщахъ и областяхъ ея и которая требуетъ такого большого количества силъ и такъ много работниковъ. И тогда они сдѣлаютъ еще болѣе могучею.

великую рать связанныхъ въ одно солидарное цѣлое мужественныхъ, стойкихъ борцовъ за свѣтлое будущее человечества. И только тогда соединенными усиліями всего этого множества людей удастся, наконецъ, создать тотъ колоколь, о которомъ мечталъ колокольный литейщикъ Гейнрихъ въ „Потонувшемъ колоколѣ“ Г. Гауптмана, колоколь, въ звукъ громовыхъ трубъ котораго потонуть звоны всѣхъ колоколовъ

„И въ ликованьи гулкою возрастая,
Онъ міру возвѣститъ рожденье дня“.

И только тогда, когда отдѣльная личность будетъ стоять на твердомъ фундаментѣ солидарнаго союза съ другими людьми, все расширяющагося, становящагося все тѣснѣе и глубже и одушевленнаго самыми высокими нравственными задачами, только тогда она въ состояніи будетъ сказать и оправдать на дѣлѣ слова, сказанныя, но, къ сожалѣнію, не доказанныя Гейнрихомъ, и именно потому, что онъ былъ одинокъ въ своей борьбѣ, въ своей работѣ и жизни:

„И если тина, яростно вскипѣвши,
Всей силой тьмы, накинется свирѣпо,
Чтобъ загасить огонь моей души,—
Я знаю, что хочу и что могу я.
Я много колокольныхъ формъ разбилъ,
Еще однажды я взметну свой молотъ,
И колоколь, который будетъ сдѣланъ
Искусствомъ низкой черни—изъ тщеславья,
Изъ желчи, злобы, изъ всего дурного,
Быть можетъ, чтобы глупость пѣла въ немъ,—
Тотъ колоколь я мастерскимъ ударомъ
Разрушу, и исчезнетъ онъ, какъ пыль“¹⁾.

Прежде, чѣмъ окончить настоящую статью, мы считали бы полезнымъ остановиться еще хотя бы въ общихъ чертахъ на одномъ очень характерномъ явленіи современной жизни. Если семидесятые и восьмидесятые годы характеризовались тѣмъ, что было названо „болѣзнью совѣсти“, то какъ отличительную черту нашего времени можно отмѣтить то, что

¹⁾ Г. Гауптманъ. Драматическія сочиненія. „Потонувшій колоколь“, стр. 402.

лучше всего назвать „болѣзнью чести“ (см. по этому поводу соч. Глѣба Успенскаго, изд. Павленкова, 1889 г., вступительную статью о немъ Н. Михайловскаго, стр. XXXIII и т. д.). Героями тогдашняго времени являлись „кающіеся дворяне“, люди съ сознаниемъ своего долга и своей великой отвѣтственности передъ народомъ, на переднемъ планѣ стояло пробужденіе чувства своей грѣховности, своей виновности передъ народомъ и обществомъ, сознание того „свиного элемента“, въ который большинство глубоко погрязло, и желаніе во что бы то ни стало освободиться отъ него, очиститься, отречься отъ всякихъ удобствъ жизни, наложить на себя жертвы, подвергнуть себя всевозможнымъ лишеніямъ. Теперь декораціи совершенно перемѣнились, на сцену жизни выступилъ новый типъ, представитель „оскорбленной чести“, который смотритъ на самого себя, какъ на „вещественное доказательство совершеннаго обществомъ преступленія“, котораго тоже тяготитъ и давитъ „свиной элементъ“ и который требуетъ для себя во что бы то ни стало условій „истиннаго человѣческаго существованія“. Униженное человѣческое достоинство, личность, оскорбленная въ своихъ лучшихъ стремленіяхъ, — вотъ главная тема современныхъ беллетристическихъ произведеній. Эта тема, напримѣръ, красною нитью проходитъ въ произведеніяхъ М. Горькаго, всѣ герои котораго являются, главнымъ образомъ, представителями оскорбленной чести. Она сквозитъ и въ другихъ лучшихъ беллетристическихъ и иныхъ литературныхъ произведеніяхъ переживаемаго нами времени. Контрастъ особенно разительный, если сравнить героевъ Горькаго съ главными дѣйствующими лицами произведеній, напр., Глѣба Успенскаго, гдѣ „болѣзнь совѣсти“ играетъ первенствующую роль. Но это обостреніе „чувства чести“ съ тѣмъ большею настойчивостью выдвигаетъ на первый планъ вопросъ о нравственномъ самовоспитаніи. Если честь современнаго человѣка такъ поругана внѣшнимъ порядкомъ вещей, если строй общественной жизни на каждомъ шагу надъ нею издѣвается и ее попираетъ и унижаетъ, то прежде чѣмъ и пока будетъ достигнуто измѣненіе этого внѣшняго уклада жизни, въ рукахъ личности находится одно великое средство, при помощи котораго она можетъ возста-

новить эту попоранную честь. Это—нравственное самовоспитаніе, это—работа надъ своимъ духовнымъ облагороженіемъ. Какъ бы внѣшній порядокъ вещей ни унижалъ насъ,—стремясь измѣнить его, предъявляя къ нему, или, вѣрнѣе, къ его защитникамъ, тѣ или другія требованія и добиваясь ихъ удовлетворенія,—мы должны вмѣстѣ съ тѣмъ путемъ неутомимой работы надъ самими собою, не переставая, продолжать возвышаться духовно и нравственно, не покладая рукъ, воспитывать въ себѣ новую нравственную личность и мы должны содѣйствовать всѣми силами воспитанію подобной личности въ тѣхъ, кому условія жизни не позволяютъ принятыя за самовоспитаніе.

Нравственное воспитаніе и свобода ¹⁾).

Что вопросъ о нравственномъ воспитаніи является безспорно самымъ важнымъ во всей области воспитанія—противъ этого едва ли кто будетъ спорить. Тѣмъ болѣе настоятельной является надобность разобраться въ этомъ вопросѣ, такъ какъ ни въ одной области не существуетъ въ этомъ отношеніи такой путаницы, какъ именно въ вопросѣ о нравственномъ воспитаніи. Въ настоящей статьѣ я хочу высказать только нѣсколько мыслей о томъ направленіи, въ какомъ слѣдуетъ искать его рѣшенія, если становится на точку зрѣнія идей, охватываемыхъ понятіемъ „свободное воспитаніе“ и послѣдовательно развивать эти идеи до ихъ послѣдняго логическаго конца.

Передъ нами стоитъ такая проблема въ области нравственнаго воспитанія, которую мы должны рѣшить или, по крайней мѣрѣ, приблизиться къ ея рѣшенію: какими цѣлями слѣдуетъ задаваться въ дѣлѣ нравственнаго воспитанія, если и нравственное воспитаніе, подобно всѣмъ другимъ сторонамъ воспитанія, должно быть запечатлѣно характеромъ свободы и должно отбросить всѣ формы принужденія и насилія, какъ бы скрыты и замаскированы онѣ ни были. Ни въ какой другой области, какъ въ области нравственнаго воспитанія, не возникаетъ, быть можетъ, въ такой сильной степени опасность опутать ребенка „цѣлями невидимаго рабства“. И ни въ какой другой области тѣ приемы воспитанія, которые обычно практикуются, не являются столь очевидно бросающимся въ глаза насиліемъ надъ душою ребенка и ведутъ не къ „освобожденію ребенка“ отъ тяготя-

¹⁾ Статья эта была напечатана въ журналѣ „Свободное воспитаніе“ за 1908/09 г., № 4.

шихъ на немъ цѣпей всякаго рода, а къ его закрѣпощенію подь новыя цѣпи.

Это тѣмъ болѣе знаменательно, что въ этомъ отношеніи даже тѣ педагоги, которые смѣло и рѣшительно идутъ по пути умственного раскрѣпощенія ребенка, провозглашая здѣсь лозунгъ свободнаго непринужденнаго развитія, какъ только дѣло заходитъ о нравственномъ развитіи, начинаютъ бояться этой свободы и сворачиваютъ на старый путь болѣе или менѣе грубаго или болѣе или менѣе тонкаго насилія. Но вѣдь надо же быть послѣдовательнымъ: если процессъ умственного развитія ребенка долженъ быть свободнымъ, если мы должны здѣсь развивать въ немъ критическую мысль, если все дѣло его умственного развитія мы должны стремиться поставить такъ, чтобы онъ самъ творческимъ путемъ доходилъ до обладанія истиной, если мы должны остерегаться сковывать его свободную мысль какими-либо догмами, а наоборотъ, поощрять къ смѣлому исканію, къ самостоятельнымъ поискамъ, къ творческой работѣ, то не должны ли мы дѣлать то же самое и, быть-можетъ, еще во много разъ больше въ области нравственного развитія его? Не долженъ ли ребенокъ и въ нравственной области явиться также великимъ искателемъ, не долженъ ли онъ самостоятельно и творческимъ путемъ дойти до обладанія нравственностью, не слѣдуетъ ли намъ и здѣсь опираться на творческія силы ребенка, а не на различные процессы автоматическаго характера, какъ то: подражаніе, внушеніе и т. д.?

„Да,—скажутъ намъ—но вѣдь это сопряжено съ большимъ рискомъ. Легко можетъ случиться, что ребенокъ, идя творческимъ путемъ, дойдетъ до обладанія не нравственностью, а Богъ знаетъ чего, что граничить, быть можетъ, даже съ преступленіемъ... Поэтому гораздо надежнѣе будетъ, если мы будемъ рассчитывать на такіе факторы, какъ подражаніе и внушеніе; тогда гораздо скорѣе можно быть увѣреннымъ въ томъ, что изъ него выйдетъ хорошій чловѣкъ, который проникнется истинными понятіями о добрѣ и злѣ“.

Т.-е., другими словами, отвѣтимъ мы на это, въ области нравственнаго воспитанія вы боитесь свободнаго естествен-

наго развитія, послѣдовательно и систематически проведеннаго и обезпеченнаго, вы боитесь, что творческая мысль ребенка приведет его къ новой нравственности, нравственности, которую вы понять не можете, и которая, быть можетъ, разойдется рѣзко съ той нравственностью, которую вы привыкли считать послѣдней абсолютной истиной. Считаая себя въ отношеніи нравственнаго идеала обладателемъ абсолютной истины и не вѣря въ возможность прогресса человѣчества въ дѣлѣ познанія высшихъ началъ нравственности, вы считаете себя въ правѣ стараться какъ можно раньше внушить ребенку вашъ идеалъ, чтобы тѣмъ спасти его отъ возможной нравственной гибели. Такимъ образомъ, вѣра въ возможность обладанія абсолютной истиной и въ свое призваніе быть спасителемъ ребенка отъ угрожающей ему якобы, а на самомъ дѣлѣ, быть можетъ, мнимой опасности нравственно погибнуть — служить тѣмъ достаточнымъ основаніемъ, которое оправдываетъ въ вашихъ глазахъ такіе приемы воспитанія, какъ внушеніе, когда дѣло идетъ о нравственномъ воспитаніи. Но кто далъ вамъ право считать себя въ обладаніи абсолютной истиной въ сферѣ познанія добра и зла, т.-е. въ области нравственности, и кто далъ вамъ право взять на себя роль спасителя, не зная, захочетъ ли то лицо, которое вы спасаете, подобнаго спасенія и не проклянетъ ли оно васъ впослѣдствіи, усмотрѣвъ въ вашемъ спасеніи не спасеніе, а нравственную гибель, а тормозъ и задержку для достиженія болѣе высокихъ степеней нравственнаго развитія?

Пока вы не можете доказать, что вы дѣйствительно обладатель абсолютной нравственной истины, пока вы не можете оправдать необходимости спасенія,—до тѣхъ поръ вы лишены права принимать на себя роль спасителя и дѣйствовать такъ, какъ если бы вы обладали абсолютной истиной. „Докажите это право. Вы—отвѣтчики, а дѣти—истцы“, и они въ правѣ требовать, чтобы вы дѣйствовали съ особенною осторожностью тамъ, гдѣ не можетъ быть полной увѣренности, и чтобы вы въ своихъ дѣйствіяхъ больше опирались на ихъ свободныя творческія силы, чѣмъ на тѣ автоматическіе и чисто механическіе процессы, которые характе-

ризуются, напр., словами: „подражаніе“, „внушеніе“ и т. д., чтобы вы старались развивать въ нихъ свободную нравственную волю, а не тѣ или другіе привычныя взгляды, привычныя дѣйствія и навыки.

Истинно человѣческая нравственность не можетъ быть создана на подражаніи, внушеніи, образованіи привычныхъ взглядовъ, навыковъ и т. д., для этого требуется пустить въ ходъ другія силы, и ребенокъ имѣетъ полное право требовать отъ своихъ воспитателей, чтобы они сдѣлали все возможное для развитія въ немъ этой высшей нравственности, хотя бы она и явилась отрицаніемъ того, что сами педагоги привыкли считать нравственностью.

Вы говорите, что „дѣти находятся всегда и тѣмъ болѣе, чѣмъ моложе—въ томъ состояніи, которое врачи называютъ первую степень гипноза“ и что „учатся и воспитываются люди всегда только черезъ внушеніе“. И если это фактически такъ, если „дѣтскій возрастъ“ *de facto* „есть возрастъ внушенія“, то почему же и всему нравственному воспитанію не состоятъ „во внушеніи добра“.

Но задаете ли вы себѣ вопросъ, нормально ли то, что дѣти и взрослые находятся часто въ состояніи гипноза и что тѣ и другіе такъ воспріимчивы къ внушеніямъ всякаго рода? Но задаете ли вы себѣ вопросъ, не потому ли взрослое поколѣніе впослѣдствіи и всю свою жизнь остается столь сильно воспріимчивымъ ко всякаго рода внушеніямъ, что эту способность обыкновенно поддерживаютъ и усиливаютъ въ немъ тѣ воспитатели, которые пользуются ею, какъ однимъ изъ средствъ, и даже самымъ главнымъ, нравственнаго воспитанія? Вѣдь и это тоже неоспоримый фактъ—чѣмъ болѣе приводишь въ дѣйствіе какую-либо способность, тѣмъ болѣе она и развивается. Чѣмъ болѣе приводишь человека въ состояніе гипноза, тѣмъ болѣе онъ дѣлается способнымъ впадать въ это состояніе и подвергаться разнымъ внѣшнимъ вліяніямъ.

И притомъ какая цѣна этой гипнотической нравственности, этому „внушенному добру“? Гипнотическая нравственность есть нравственность механическая, нравственность человека-машины, человека-автомата, а „внушенное добро“

не есть добро въ истинномъ смыслѣ этого слова,—таковымъ можетъ быть только то добро, которое самостоятельно и творчески рождается въ душѣ ребенка, а не навязывается ему извнѣ путемъ внушенія. Если вы истинный воспитатель, то вы остережетесь пользоваться внушеніемъ, какъ средствомъ воспитанія, вы постараетесь оперировать на другихъ факторахъ, вы будете строить нравственное воспитаніе на творческой волѣ, которая, хотя бы и въ зародышѣ, имѣется и въ маленькомъ ребенкѣ. Вы будете любовно беречь этотъ зародышъ и всячески содѣйствовать тому, чтобы его развитіе не было заглушено чрезмѣрнымъ развитіемъ всего того, что есть въ человѣкѣ механическаго, автоматическаго.

Правда, ребенокъ воспріимчивъ къ гипнозу и легко поддается внушеніямъ и такъ или иначе, хотя бы даже невольно, вы будете для него являться источникомъ внушеній всякаго рода. Допустимъ, что все это такъ, но что же изъ этого?! Тѣмъ болѣе это налагаетъ на насъ, какъ на воспитателей, обязанность воспользоваться этою способностью къ внушенію, чтобы создать въ ребенкѣ силу, могущую въ немъ ослабить эту способность и взять ее въ свои руки. Такую силу мы можемъ создать, если будемъ внушать ребенку не столько тѣ или другія абсолютныя истины, не столько тотъ или другой безусловно истинный образъ поведенія, сколько мысль, что всякая истина только тогда истина, если она является самостоятельнымъ, свободнымъ, творческимъ построеніемъ ума человѣка, и что всякое поведеніе только тогда нравственно, когда оно представляетъ продуктъ самостоятельной свободной творческой воли, а не результатъ подражанія и внушенія.

Эту мысль мы должны внушать ему какъ путемъ слова, такъ и путемъ всей своей жизни. Если мы въ своей жизни, и въ особенности въ области нравственности, будемъ вѣчными искателями, если мы будемъ всегда здѣсь искать высшаго и лучшаго, если мы не будемъ вѣрить въ то, что мы обладаемъ послѣдней, вѣчной абсолютной истиной, то ничего не можетъ быть лучше и благотворнѣе вліянія примѣра подобной жизни на ребенка. Примѣръ подобной жизни дѣйствительно поведетъ къ нравственному развитію ребенка,

къ выработкѣ въ немъ самостоятельной свободной творческой нравственной воли.

Но если мы въ своей жизни будемъ исповѣдывать нравственный догматизмъ, если мы будемъ считать нравственные вопросы разъ и навсегда рѣшенными, если мы будемъ бояться ихъ постояннаго пересмотра и изслѣдованія, если мы вмѣсто увѣренности, получающейся на основаніи критическаго разбора, будемъ опираться на слѣпую вѣру, то и примѣръ нашей личной жизни не будемъ содѣйствовать къ выработкѣ въ ребенкѣ самостоятельной свободной творческой воли, а другихъ противоположныхъ качествъ. Примѣръ нашей жизни будетъ тогда только содѣйствовать къ выработкѣ добродѣтельнаго въ нашемъ смыслѣ человѣка. Если мы, напр., исповѣдуемъ христіанскую мораль, то примѣръ такой жизни поведетъ къ выработкѣ человѣка, проникнутаго принципами христіанской морали. Но добродѣтельнымъ каждый человѣкъ можетъ и долженъ быть только въ своемъ смыслѣ. Только моя собственная добродѣтель, мною самимъ свободно и творчески созданная, и есть истинная и настоящая добродѣтель. Всякая иная добродѣтель это—только суррогатъ добродѣтели; всякая иная добродѣтель есть внѣшняя добродѣтель и въ нравственномъ отношеніи не имѣетъ никакой цѣны.

Что задерживаетъ прогрессъ человѣчества въ области нравственности? Этотъ прогрессъ задерживается и тормозится именно тѣмъ, что въ нравственномъ воспитаніи мы не заботимся о развитіи свободной творческой воли, что мы гасимъ съ самыхъ малыхъ лѣтъ въ ребенкѣ въ этомъ отношеніи безпокойный духъ исканія и творчества и стараемся во что бы то ни стало зажечь ровный и спокойный огонекъ вѣры. И поколѣнія за поколѣніями путемъ внушенія, подражанія и слѣпой вѣры воспитываются въ рамкахъ все одной и той же морали, и нравственный идеаль остается поэтому неизмѣннымъ въ теченіе долгихъ вѣковъ. Мы все еще топчемся по протореннымъ дорогамъ одной и той же традиціонной морали. Но если эта традиціонная мораль была сама нѣкогда преодолѣніемъ болѣе низшей морали, то не должна ли и она въ свою очередь когда-нибудь быть

преодоле́на друго́й болѣе высоко́й формо́й морали. И если мы хотимъ, чтобы это какъ можно скорѣе случилось, мы должны въ возможно́й болѣе́й степени облегчать путь для моральнаго творчества, мы должны въ каждомъ ребенкѣ видѣть возможнаго творца будущей новой болѣе высоко́й нравственности и путемъ соотвѣтствующаго нравственнаго воспитанія мы должны облегчать ему возможность стать такимъ творцомъ.

Такимъ образомъ, заканчивая настоящій краткій очеркъ и резюмируя вкратцѣ отвѣтъ на вопросъ: какими цѣлями слѣдуетъ задаваться въ области нравственнаго воспитанія, мы скажемъ: цѣль нравственнаго воспитанія не „внушение добра“, какъ его понимаемъ мы, воспитатели, не внуше́реніе въ дѣтяхъ путемъ подражанія и другихъ психическихъ процессовъ чисто автоматическаго характера нашего нравственнаго идеала, а пробужденіе въ ребенкѣ самостоятельной свободной нравственной воли, самобытнаго нравственнаго творчества, для котораго нашъ нравственный идеаль является только матеріаломъ, свободно и творчески перерабатываемымъ въ болѣе высокія формы.

Только такое нравственное воспитаніе, задающее такими задачами, будетъ вести человѣчество непрерывно къ все большему и большему нравственному совершенству и будетъ все выше и выше поднимать нравственный идеаль человѣчества. Для своего нравственнаго прогресса человѣчество нуждается въ возможно́мъ болѣе́мъ числѣ индивидуальныхъ свободныхъ творцовъ новой независимой самобытной нравственности и въ возможно́мъ меньшемъ числѣ представителей „стадной морали“; „вѣчной и неизмѣнной вѣвки вѣковъ“. Только люди, „свободные духомъ“, только „вѣчные искатели“ могутъ быть двигателями нравственнаго прогресса въ человѣчествѣ. И только въ атмосферѣ чистой и полной духовной свободы можетъ вырасти цвѣтокъ истинной настоящей нравственности.

24 августа 1908 г.

Принципъ авторитета и его значеніе въ жизни и воспитаніи ¹⁾).

(Посвящается С. А. В—ль.)

Главная, основная цѣль педагогической дѣятельности „заключается въ содѣйствіи освобожденію ребенка и вообще личности, являющейся объектомъ воспитанія, для свободной творческой работы надъ своимъ собственнымъ воспитаніемъ, для самовоспитанія, которое будетъ имѣть своею цѣлью сдѣлать изъ данной личности совершеннаго человѣка, способнаго стать въ наибольшей возможной степени свободнымъ творцомъ и плодотворнымъ работникомъ въ дѣлѣ выполненія выпадающей на его долю этической задачи“ ²⁾. Отсюда и основная проблема, надъ разрѣшеніемъ которой должна работать педагогика: это—проблема освобожденія ребенка для подобной творческой работы. Все предшествующее развитіе педагогической мысли, начиная съ Монтеня и Аммоса Коменскаго и продолжая Руссо, Дистервегомъ, Фребелемъ, Толстымъ, Элленъ Кей и т. д. (я не называю здѣсь всѣхъ именъ: ихъ очень много), подготовило насъ къ постановкѣ и возможному—если не полному, то хотя приблизительному—разрѣшенію этой великой проблемы.

Но, къ сожалѣнію, современные воспитатели въ подавляющемъ большинствѣ, или будучи совершенно незнакомы съ тѣмъ богатымъ наслѣдствомъ, которое намъ оставило историческое развитіе педагогической мысли, или попросту игнорируя его, ничего не хотятъ знать объ этой проблемѣ. Для

¹⁾ Статья эта была напечатана въ журналѣ „Вѣстникъ Воспитанія“ за 1909 г., № 3.

²⁾ См. дальше статью „Этика, педагогика и политика“, гдѣ эта мысль развивается болѣе подробно.

нихъ ребенокъ все еще продолжаетъ являться орудіемъ и средствомъ для осуществленія какихъ-либо внѣшнихъ и постороннихъ цѣлей, не имѣющихъ ничего общаго ни съ его настоящею жизнью, непосредственно переживаемою имъ въ данный моментъ, ни съ свободнымъ и ничѣмъ нестѣсненнымъ гармоническимъ развитіемъ его индивидуальности. Для нихъ ребенокъ попрежнему не имѣетъ значенія самодовлѣющей цѣли. Ребенокъ, какъ ребенокъ, для нихъ почти не существуетъ: они заботятся о чемъ угодно, но только не о живой личности маленькаго будущаго человѣка. И этотъ маленькій человѣкъ безжалостно гнется и коверкается въ рукахъ современныхъ педагоговъ, надъ нимъ практикуются всевозможныя формы насилія, мудрые педагоги разрабатываютъ для его мнимаго усовершенствованія всевозможныя хитроумныя методы принудительнаго воспитанія и обученія и одного только ему не даютъ, это — свободы.

Только — пока еще очень небольшая — группа воспитателей, слѣдующая завѣтамъ великихъ педагоговъ прошлаго, стремится въ этомъ отношеніи рѣшительно повернуть свой фронтъ. Для нихъ ребенокъ, живой ребенокъ, стоитъ на первомъ планѣ, и въ томъ, чтобы освободить ребенка [отъ всѣхъ формъ насилія и гнета, которые могли бы надъ нимъ — частью сознательно, а частью безсознательно — практиковаться, они видятъ свою высшую задачу. „Новая педагогика“, „педагогика будущаго“, „педагогика освобожденія ребенка“ является идеальной выразительницею стремленій и дѣятельности, во многихъ отношеніяхъ еще, конечно, не вполне совершенной и не всегда послѣдовательной, этой, пока еще малочисленной, но все болѣе и болѣе растущей въ своемъ числѣ группы воспитателей.

Но этой новой педагогикѣ, прежде чѣмъ ей удастся получить широкое распространеніе и окончательно восторжествовать въ жизни и сознаніи людей, придется преодолѣть на своемъ пути неисчислимыя препятствія, придется сломить бездну предразсудковъ, укоренившихся и пустившихъ довольно глубокіе корни въ душѣ современныхъ людей. Одинъ изъ такихъ предразсудковъ — это — тотъ, что люди не могутъ будто бы жить безъ подчиненія тѣмъ или другимъ

авторитетамъ, что авторитеты составляютъ необходимое условие существованія всякой общественной жизни, что группа людей, обладающихъ большими знаніями, наиболѣе умныхъ, имѣеть естественное право владычествовать и повелѣвать надъ остальною частью человѣчества, стоящею ниже ея въ умственномъ отношеніи, а эта остальная часть человѣчества должна ей повиноваться. Отсюда выводится законность власти въ человѣческомъ обществѣ съ одной стороны и законность власти родителей и воспитателей надъ дѣтьми и молодымъ поколѣніемъ—съ другой.

Этотъ предразсудокъ представляетъ одинъ изъ тѣхъ фундаментальныхъ предразсудковъ, который новая педагогика должна преодолѣть на своемъ пути. Я потому называю его фундаментальнымъ, что существенный пунктъ, въ которомъ система „новаго воспитанія“ отличается отъ господствующей, и заключается именно въ томъ значеніи, которое и та и другая придаютъ принципу авторитета. Господствующая система воспитанія основывается на принципѣ авторитета, новая— на принципѣ свободы. Вотъ почему для обоснованія новой системы воспитанія и является существенно необходимымъ всесторонне изслѣдовать принципъ авторитета и показать его полную несостоятельность и въ области воспитанія, и въ сферѣ жизни вообще. Критической оцѣнкѣ принципа авторитета, конечно, далеко не полной и не исчерпывающей, посвящена настоящая статья, причемъ попутно въ той степени, въ какой показывается несостоятельность принципа авторитета, одновременно же обосновывается и принципъ свободы. Эти двѣ задачи по существу своему нераздѣльны, потому что, колебля принципъ авторитета, мы тѣмъ самымъ утверждаемъ принципъ свободы.

I.

Оцѣнка принципа авторитета съ этической точки зрѣнія.

На чемъ можно было бы обосновать необходимость существованія авторитета, или, другими словами, необходимость подчиненія индивидуальной воли и индивидуальнаго мышленія той или другой внѣшней посторонней волѣ, бу-

детъ ли это воля единичнаго существа или это будетъ предполагаемая нами воля большого коллективнаго цѣлаго, называемаго обществомъ? Откуда, другими словами, можно было бы вывести нравственную необходимость подчиненія тѣмъ или другимъ авторитетамъ? Что авторитетъ во многихъ случаяхъ существуетъ какъ естественная необходимость, этого мы не можемъ отрицать, но можетъ ли онъ быть оправданъ нравственно? Единичный человѣкъ иногда бываетъ принужденъ подчиниться силѣ, но просто потому, что она — сила, что онъ, какъ слабѣйшій, не можетъ противостоятъ сильнѣйшему. Но когда заходить рѣчь объ авторитетахъ, то, очевидно, здѣсь вопросъ стоитъ иначе. Здѣсь рѣчь идетъ не о простомъ насильственномъ подчиненіи грубой физической силѣ, но о добровольномъ подчиненіи, которое налагается на насъ какъ нравственная необходимость, которая оправдывается и санкціонируется нашимъ сознаниемъ. Итакъ, существуетъ ли такая форма подчиненія одной воли другой, которая могла бы быть оправдана и санкціонирована нашимъ сознаниемъ, или, быть можетъ, всякое подчиненіе одной воли другой, какъ бы эта послѣдняя воля ни называлась, хотя бы это была воля всего общества и цѣлаго человечества, должно быть безусловно нами осуждено съ нравственной точки зрѣнія? Постараемся изслѣдовать объективно и безпристрастно этотъ вопросъ.

Обыкновенно, въ качествѣ высшаго аргумента, обуславливающаго необходимость подчиненія тѣмъ или другимъ авторитетамъ, приводятъ общее благо. Если бы личность не подчинялась въ томъ или другомъ случаѣ авторитетамъ, то это нанесло бы ущербъ, какъ говорятъ, общему благу. Но можетъ ли общее благо быть въ данномъ случаѣ высшею инстанціей, если только оно не является свободною сознательною цѣлью отдѣльной личности? Если общее благо есть свободная и сознательная цѣль моихъ дѣйствій, то, дѣлая то, чего требуетъ общее благо, я дѣлаю то, что я хочу самъ, я повинуюсь своей волѣ, и, такимъ образомъ, тѣ требованія, которыя выставляются во имя общаго блага, утрачиваютъ свое авторитетное значеніе, какъ таковыя. Если же общее благо не есть сознательная и свободная цѣль моихъ дѣй-

ствій, то, дѣлая то или другое ради общаго блага, я дѣлаю это, просто повинуюсь силѣ, которая больше меня и которая можетъ сломить меня, если бы я отказалъ ей въ повиновеніи. Но въ такомъ подчиненіи силѣ просто потому, что она— сила, нѣтъ ничего нравственнаго. Подчиненіе силѣ, какъ таковой, съ нравственной точки зрѣнія, не можетъ быть оправдано. И потому подчиненіе единичнаго лица цѣлому обществу просто потому, что цѣлое общество сильнѣе единичной личности, не заключаетъ въ себѣ ничего нравственнаго. Всегда и вездѣ нравственность заключалась, заключается и будетъ заключаться въ исполненіи своей высшей воли, но отнюдь не въ подчиненіи ея какой бы то ни было другой чужой волѣ, хотя бы это была воля всего человѣчества. Это не значитъ, что личность должна противопоставлять себя всему человѣчеству; это значитъ только, что исполненіе ея воли всего человѣчества только въ томъ случаѣ будетъ нравственно, если воля человѣчества будетъ и ея высшей волей, если она сольется съ человѣчествомъ настолько, что будетъ свободно и сознательно хотѣть того, чего требуетъ благо всего человѣчества.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что ссылка на общее благо не можетъ служить, съ нравственной точки зрѣнія, аргументомъ, говорящимъ въ защиту того или другого авторитета. Можетъ однако казаться, что изъ всей необъятной области авторитетовъ существуетъ одинъ, который все же, тѣмъ не менѣе, можетъ быть оправданъ съ нравственной точки зрѣнія, а именно авторитетъ знанія, какъ таковой. Мы должны поэтому отвѣтить на слѣдующій вопросъ: долженъ ли менѣе знающій подчиняться болѣе знающему и не должны ли вслѣдствіе этого мы признавать законной ту форму общественной жизни, когда болѣе умные люди явятся властителями остальнаго человѣчества? Если мы признаемъ авторитетъ знанія, то мы вмѣстѣ съ тѣмъ признаемъ и законность власти взрослога поколѣнія надъ молодымъ поколѣніемъ, и такимъ образомъ, всѣ идеи объ „освобожденіи ребенка“ явятся не болѣе какъ эфемерною иллюзіей. Разберемъ этотъ вопросъ пообстоятельнѣе, какъ того требуетъ его важность.

Если я ставлю себѣ какую-нибудь цѣль, но не знаю

средствъ къ ея достиженію, то, конечно, я обращаюсь къ тому, относительно кого я предполагаю, что онъ знаетъ эти средства, т.-е. обращаюсь къ человѣку, обладающему большими, сравнительно со мною, знаніями въ отношеніи способовъ достиженія цѣли. И если время не терпитъ, то, очевидно, я принимаю на вѣру то, что говоритъ мнѣ этотъ человѣкъ, и примѣняю это сейчасъ же непосредственно къ дѣлу. Этотъ примѣръ вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ намъ возможность ясно оцѣнить, къ чему собственно сводится авторитетъ знанія, какъ таковой. Тотъ, кто обладает большими знаніями, далъ мнѣ, не знающему, указаніе на болѣе цѣлесообразныя средства для достиженія поставленной цѣли, но цѣль-то поставлена мною, а не имъ, и никакое знаніе, какъ бы обширно оно ни было, не даетъ ему право предписывать мнѣ тѣ цѣли, которыя я долженъ себѣ ставить. Такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ, пользуясь знаніями другого человѣка, въ концѣ концовъ, я все-таки повинуюсь себѣ, а не ему. Болѣе знающій человѣкъ имѣетъ для меня значеніе энциклопедическаго словаря или хранителя самыхъ разнообразныхъ свѣдѣній. Я свободно беру тѣ свѣдѣнія, которыя мнѣ необходимы, и утилизирую ихъ для осуществленія поставленной мною цѣли. Я подчиняюсь самому себѣ и пользуюсь знаніями другого свободно, какъ средствомъ, для достиженія своей цѣли. Такимъ образомъ, не существуетъ права для болѣе знающихъ ставить человѣчеству цѣли, не существуетъ права для болѣе знающихъ властвовать и распоряжаться надъ остальнымъ человѣчествомъ. Человѣчество или, вѣрнѣе, каждый отдѣльный членъ его, какого бы возраста онъ ни былъ, имѣетъ полное и неоспоримое право свободно ставить цѣли, если только эта свободная постановка цѣлей не является отрицаніемъ возможности для другихъ также свободно и независимо ставить цѣли.

Для большаго уясненія разбираемаго нами вопроса намъ могутъ помочь еще слѣдующія соображенія. Знаніе есть средство и оно является орудіемъ въ рукахъ воли. Подобно тому какъ люди пользуются усовершенствованными орудіями труда и различными сложными машинами для производства тѣхъ или другихъ матеріальныхъ предметовъ, подобно этому

они для достиженія своихъ цѣлей пользуются и знаніями, гдѣ бы они ни хранились, въ книгѣ ли на полкахъ какой-нибудь библіотеки или въ головѣ какого-нибудь человѣка, называемаго нами спеціалистомъ. И какъ никто не говоритъ объ авторитетѣ машинъ и о правѣ машинъ властвовать надъ человѣкомъ, такъ точно нелѣпо говорить и объ авторитетѣ знанія и о правѣ спеціалистовъ господствовать надъ человѣчествомъ. Какъ машины и орудія труда должны занимать служебное положеніе по отношенію къ человѣку, ихъ истинному властителю, такъ и спеціалисты въ жизни человѣчества, какъ таковые, должны играть подчиненную роль: они должны быть не властителями человѣчества, но равноправными членами его, наравнѣ съ другими. По сравненію съ другими имъ не принадлежитъ никакихъ особенныхъ полномочій на власть или владычество надъ остальными людьми. Изъ понятія знанія, какъ такового, нельзя вывести необходимости подчиненія волѣ знающаго человѣка. О подчиненіи волѣ знающаго человѣка можно говорить только въ томъ же смыслѣ, въ какомъ говорятъ о подчиненіи машинѣ, когда человѣкъ пользуется ею для достиженія тѣхъ или другихъ цѣлей. Механизмъ машины налагаетъ необходимость извѣстныхъ дѣйствій для тѣхъ, кто пользуется ею, но это есть необходимость, добровольно принятая тѣми, кто употребляетъ эту машину для достиженія своихъ цѣлей. Подобно этому человѣчество пользуется и тѣми знаніями, которыми располагаютъ спеціалисты, но отсюда еще далеко до того, чтобы изъ этого создавать для спеціалистовъ какія-либо особенныя права и преимущества по сравненію съ другими, чтобы на этомъ основывать авторитетъ знанія, какъ таковой вообще, и авторитетъ спеціалистовъ въ частности, ихъ право распоряжаться и командовать въ общественной жизни.

II.

Оцѣнка принципа авторитета съ философской точки зрѣнія.

Въ вопросѣ объ авторитетѣ надо различать два вида авторитетовъ — авторитетъ личный и авторитетъ безличный. Авторитетъ вождя партіи, авторитетъ отца, учителя и т. д. —

все это различные виды личного авторитета. Что всякій личный авторитетъ, какъ таковой, самъ по себѣ есть нѣчто незаконное, явствуетъ изъ того, что всякое притязаніе на личный авторитетъ, если только оно не опирается на грубую физическую силу, пробуетъ подкрѣпить себя какими-нибудь доводами, т.-е. другими словами, личный авторитетъ пробуетъ опереться на авторитетъ безличный, онъ пытается найти себѣ точку опоры въ мірѣ идей, онъ ссылается на тѣ или другія идеи, на абсолютную непреложность, обязательность и истинность тѣхъ идей, изъ которыхъ онъ выводитъ необходимость своего существованія. Мы не будемъ говорить объ авторитетѣ, покоящемся на грубой физической силѣ, дѣйствующемъ на души людей страхомъ и угрозой наказанія, — что этотъ авторитетъ грубой физической силы незаконенъ, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Мы можемъ колебаться относительно только тѣхъ формъ личного авторитета, которыя пытаются оправдать себя какими-либо формами авторитета безличного. Возможно ли такое оправданіе и существуютъ ли такія незыблемыя формы авторитета безличного, на которыя, какъ на твердый фундаментъ, могъ бы опереться въ томъ или другомъ случаѣ авторитетъ личный?

Оправданіе это было бы мыслимо только въ томъ случаѣ, если бы на ту или другую идею, на которой мы основываемъ авторитетъ, — конечно, предполагая при этомъ, что мы выводимъ его изъ этой идеи логически правильно, — мы могли смотрѣть какъ на абсолютную истину, какъ на истину обязательную для всѣхъ, которую каждый, хочетъ онъ или не хочетъ, долженъ принять, какъ таковую. Мы не будемъ пока разсматривать, существуютъ ли такія абсолютныя истины, изъ которыхъ можно было бы вывести необходимость той или другой формы личного авторитета въ томъ или другомъ случаѣ, но мы должны задать себѣ прежде всего болѣе общій вопросъ — существуютъ ли вообще абсолютныя истины. Если абсолютныхъ истинъ вообще не существуетъ, если всякая истина относительна, то тѣмъ самымъ, очевидно, должна быть признана безнадежной и несостоятельной всякая попытка свести личный авторитетъ на безличный. Эта попытка будетъ представлять только болѣе или

менѣ ловкій обманъ (быть можетъ, не умышленный и безсознательный), такъ какъ нельзя обосновать то, что не можетъ быть обосновано, и нельзя обосновать на такомъ фундаментѣ, который самъ зыблетъ и колеблетъ. Но можетъ ли быть сомнѣніе въ томъ, что абсолютной истины вообще не существуетъ, что всякая истина относительна?

Истиной для каждаго индивидуальнаго человѣка является только то, что онъ признаетъ за истину. Истина для меня то, что гармонируетъ со всею совокупностью имѣющихся у меня представленій и понятій, что не противорѣчитъ этой совокупности. Гармонія той или другой идеи, того или другого понятія, той или другой мысли со всѣмъ тѣмъ наличнымъ запасомъ идей, понятій, мыслей, которыми я располагаю, опредѣляютъ для меня ихъ истинность. Слѣдовательно, не кто иной, какъ я, я самъ, дѣлаю то или другое истиной, и ничто внѣшнее не можетъ сообщить истинности тѣмъ идеямъ, которыя я считаю истинными. Въ этомъ смыслѣ не можетъ существовать общеобязательной истины, которую я, хочу или не хочу, долженъ принять, хотя это нисколько не исключаетъ того обстоятельства, что то, что я признаю истиной, можетъ совпадать съ тѣмъ, что признаетъ истиной великое множество другихъ людей. Это совпаденіе, вытекающее изъ общности и нѣкоторой одинаковости духовнаго богатства моего и другихъ людей, не должно затушевывать передъ нами того факта, что всякая истина индивидуально обусловлена, что всякая истина становится истиной только въ силу свободнаго согласія индивидуальной личности на признаніе ея таковой. А если всякая истина, будетъ ли это истина научная, этическая или религіозная, индивидуально обусловлена, то отсюда уже самымъ очевиднымъ образомъ слѣдуетъ, что всякая истина имѣетъ относительный характеръ и не можетъ претендовать на абсолютное значеніе, и это въ особенности примѣнимо къ истинамъ, имѣющимъ отношеніе къ нашей жизни и дѣятельности, къ истинамъ этическаго и религіознаго характера, къ истинамъ, касающимся смысла человѣческой и міровой жизни. Эти истины въ еще большей степени, чѣмъ истины научныя, индивидуально обусловлены.

Въ области этической и религіозной абсолютная истина являлась тою цѣпью, которую хотѣли наложить на человѣческое мышленіе. Человѣческой мысли какъ бы говорили: „стой, остановись, здѣсь дальше итти некуда, здѣсь—святыня, созерцай ее, упивайся ею, но не осмѣливайся къ ней прикасаться, берегись ее изслѣдовать, это было бы съ твоей стороны святотатствомъ!“ Но смѣлая и дерзкая мысль чело-вѣка не соглашалась остановиться передъ тѣми рогатками, которыя передъ ней воздвигали,—она прикасалась къ святынѣ, она ощупывала ее со всѣхъ сторонъ, она ее изслѣдовала и многократно убѣждалась, что то, что считалось людьми святыней, было не болѣе какъ блески и мишура. Ссылаться на абсолютныя истины и признавать абсолютныя истины это значить, въ сущности, ставить преграды для человѣческой мысли, это значить запрещать ей двигаться впередъ. Развитіе мысли безпредѣльно, и не будемъ тормозить это развитіе вѣрой въ абсолютное!

Но если и въ безличной области идей нѣтъ ничего невыблемаго, если и идеи текутъ, движутся, измѣняются, если однѣ „абсолютныя идеи“ уступаютъ свое мѣсто другимъ, однѣ святыни смѣняются другими, если истина относительна, то еще болѣе зыбкимъ, колеблющимся и относительнымъ мы должны признать всякій личный авторитетъ. Онъ еще менѣе можетъ претендовать на долговѣчность, на абсолютное значеніе, онъ имѣетъ еще менѣе священный характеръ. И если человѣчество должно стремиться къ тому, чтобы въ области мысли, въ сферѣ идей освобождаться отъ всякаго ига авторитетовъ, отъ всякаго владычества абсолютныхъ истинъ, должно стремиться къ утвержденію царства—въ настоящемъ смыслѣ этого слова—свободной мысли, т.-е. мысли, освободившейся отъ гнета „абсолютнаго“, то вмѣстѣ съ тѣмъ оно должно стремиться и къ тому, чтобы какъ можно скорѣе покончить со всѣми формами и видами личнаго авторитета: они еще менѣе законны, еще менѣе дозволены, чѣмъ авторитетъ безличной абсолютной истины, на которую они, ища своего оправданія, въ концѣ концовъ принуждены бывають опереться. И когда мысль чело-вѣка дѣйствительно станетъ свободной, то всѣ формы

авторитета, какія бы славныя имена онѣ ни носили, исчезнуть, какъ исчезаютъ призраки ночи передъ сіяніемъ озареннаго солнцемъ дня.

Мы все еще всецѣло находимся подъ властью „абсолютнаго“. Оно сковало, стѣснило насъ со всѣхъ сторонъ. Оно не даетъ намъ свободно дышать, свободно думать. Оно, какъ твердый, тяжелый камень, стало на дорогѣ человѣчества, на пути его къ высшимъ формамъ существованія и жизни. Оно, какъ желѣзная стопудовая гиря, повисло на нашихъ ногахъ, и мы еле передвигаемъ ихъ, и въ то время какъ мы могли бы пройти сотни верстъ, мы проходимъ только одну милліонную этого. Мы едва ли въ состояніи и представить себѣ, какими быстрыми шагами станетъ двигаться человѣчество на пути прогресса, когда его перестанетъ давить этотъ тяжелый гнетъ „абсолютнаго“, когда кончится царство такъ называемой абсолютной истины и наступитъ время свободного исканія и свободной мысли!

Мы думаемъ, что если мы свергнемъ тѣхъ владыкъ, которые проявляютъ свою власть и силу въ сферѣ политической и экономической жизни, то мы этимъ самымъ освободимъ человѣчество. А между тѣмъ мы не замѣчаемъ другихъ владыкъ, которые тоже господствуютъ надъ нами, и мы терпимъ это господство и намъ не приходитъ даже и мысли возмутиться противъ него. Мы думаемъ, что достаточно только уничтожить политическое и экономическое рабство, и наступитъ царство свободного человѣка. И мы глубоко заблуждаемся. Если даже исчезнуть политическіе и денежныя властители, то останутся еще все же властители въ области духа, и человѣчество, если оно дѣйствительно жаждетъ свободы, должно будетъ покончить и съ этою самою глубокою и самою ужасною формою рабства, которая является, по всей вѣроятности, въ конечномъ счетѣ, источникомъ всѣхъ другихъ формъ его. Вотъ почему дѣло духовнаго освобожденія не слѣдуетъ откладывать въ долгій ящикъ, оно должно начаться уже теперь.

Мы ужасаемся тому, что въ политическомъ мірѣ все еще существуетъ абсолютизмъ. А что же такое представляетъ намъ міръ духовный? Развѣ мы не видимъ, какъ люди са-

жають на тронъ мысли какого-нибудь Маркса, Ницше, Толстого?! Я уважаю каждого изъ этихъ писателей, я глубоко цѣню ихъ заслуги передъ человѣчествомъ, но не будемъ же дѣлать изъ нихъ царей и властителей! Царь-Марксъ, царь-Ницше, царь-Толстой—вѣдь это что-то ужасное, вѣдь это говорить о косности человѣческой мысли, вѣдь это говорить объ оковахъ, надѣтыхъ на свободную человѣческую мысль, вѣдь это говорить объ упадкѣ духа исканія, вѣдь это знаменуетъ рабское состояніе приниженной человѣческой личности! Я въ глубинѣ души увѣренъ, что ни Марксъ, ни Ницше, ни Толстой не желали трона и не являлись претендентами на него, и только, окруженные рабами, они невольно оказались въ положеніи владыкъ. Во имя уваженія къ свободной человѣческой личности будемъ бороться противъ этой ужасной формы рабства. Кто ты? спрашиваютъ обыкновенно отдѣльнаго человѣка. Ты марксистъ? ты ницшеанецъ? ты толстовецъ?.. И каждого спѣшать и каждый самъ себя спѣшить зачислить въ подданство къ тому или другому царю мысли. Но къ чему это подданство? зачѣмъ быть марксистомъ, ницшеанцемъ, толстовцемъ, будьте сами собой, будьте свободною личностью, которая не укладывается ни въ рамки марксизма, ни въ рамки ницшеанства, ни въ рамки толстовства, будьте шире и глубже этихъ рамокъ; будьте такъ же широки и глубоки, какъ широки и глубоки Марксъ, Ницше и Толстой, какъ отдѣльныя свободныя личности, неутомимо ищущія правды и истины! Въ области мысли нѣтъ царей и нѣтъ подданныхъ: каждый долженъ быть свободною самодержавною личностью въ духовномъ отношеніи.

Когда провозглашается абсолютная истина, чувствуете ли вы, какія цѣпи надѣваются на свободную мысль человѣка? Подъ видомъ абсолютной истины обыкновенно кто-нибудь хочетъ утвердить или свое господство или господство тѣхъ владыкъ, въ подданствѣ у которыхъ онъ состоитъ, т.-е., другими словами, хочетъ достигнуть или подчиненія другихъ людей своей волѣ или подчиненія ихъ волѣ тѣхъ, подъ властью которыхъ находится его собственная воля. Всѣ эти обладатели абсолютной истины—страшные властолюбцы!

Ихъ надо бояться, какъ огня! Они употребятъ все усилія, чтобы согнуть васъ подъ свое ярмо. И нѣтъ тяжелѣе ярма, какъ ярмо абсолютной истины. Кто сгибается подъ ярмомъ абсолютной истины, тотъ утратилъ самого себя, тотъ не принадлежитъ самому себѣ, тотъ — жалкій рабъ, мысль его не паритъ, а пресмыкается, она робко ползетъ по проложеннымъ дорогамъ, а не прокладываетъ новые пути, она смиренно свернула свои крылья, а не мощно расправила ихъ, чтобы свободно, стремительно и безстрашно подняться въ высь, въ бездонное голубое поле неисчерпаемой истины. Кто сгибается подъ ярмомъ абсолютной истины, тотъ зашелъ въ тупикъ и не знаетъ, какъ изъ него выбраться. Одно есть средство — это свергнуть ярмо и отринуть абсолютную истину, и тогда слѣпой разумъ сдѣлается зрячимъ и увидитъ многое такое, что раньше ускользало отъ его взора.

Я сказалъ выше, что абсолютная истина есть замаскированная форма, въ какой выражается жажда власти, или „воля къ власти“, употребляя выраженіе Ницше. Въ самомъ дѣлѣ, обладатель абсолютной истины, требующій ея всеобщаго признанія во имя ея абсолютности, тѣмъ самымъ какъ бы требуетъ, чтобы мысль всѣхъ подчинилась его мысли и, поскольку мысль связана съ практическимъ дѣломъ, чтобы воля всѣхъ подчинилась его волѣ. Онъ ищетъ утвердить царство власти. Но намъ не нужно царство власти, намъ нужно царство свободы. Называется ли это царство власти „христіанствомъ“ или „сверхъ-человѣчествомъ“, не все ли равно!.. Не къ царству власти должны мы звать людей, а къ царству свободы, и, чтобы скорѣе это царство свободы было достигнуто, мы должны употребить все свои усилія, чтобы подорвать въ человѣчествѣ вѣру въ абсолютную истину, чтобы снять съ нея маску и явно для всѣхъ обнаружить ту скрытую жажду власти или жажду подчиненія, которая лежитъ въ ея основѣ.

Если понятіе абсолютнаго и можетъ быть сохранено, то только въ одномъ своемъ значеніи. Абсолютная истина обыкновенно понимается какъ нѣчто достигнутое, и въ этомъ смыслѣ это есть понятіе безусловно вредное. Такому понятію

абсолютной истины мы противопоставляемъ понятіе абсолютнаго, какъ вѣчнаго исканія, какъ безпредѣльнаго расширенія и углубленія добытой нами истины. Всякая достигнутая истина въ этомъ смыслѣ есть истина относительная, ибо она есть истина, способная къ прогрессу, способная къ все большему и большему расширенію и углубленію. Только благодаря этому истина бываетъ живой истиной. Если бы же была мыслима абсолютная истина, какъ нѣчто достигнутое, то эта истина была бы мертвая истина, такъ какъ она обозначала бы прекращеніе дальнѣйшаго движенія впередъ въ области мысли. Абсолютно только вѣчное исканіе, только вѣчное движеніе впередъ, а все достигнутое относительно, все это только ступени къ чему-либо высшему, все это въ водоворотѣ жизни должно быть преодолено, если только жизнь должна оставаться жизнью, а не обратиться въ свою противоположность.

III.

Оцѣнка принципа авторитета съ соціологической точки зрѣнія.

Мы рассматривали до сихъ поръ вопросъ о роли и значеніи авторитета съ этической и общефилософской точки зрѣнія. Попробуемъ теперь взглянуть на дѣло съ соціологической точки зрѣнія.

Всякій авторитетъ, какъ таковой, есть ограниченіе индивидуальной воли и индивидуальной мысли. Откуда вытекаетъ необходимость такого ограниченія? Что побуждаетъ на немъ настаивать? Человѣкъ, и въ особенности человѣкъ въ первобытномъ состояніи, говорятъ намъ государственники въ родѣ Людвигъ Штейна, есть существо дикое, и если бы онъ слѣдовалъ всѣмъ своимъ инстинктамъ и импульсамъ, если бы не было никакой сдерживающей силы, то не могла бы существовать, не могла бы возникнуть никакая общественная жизнь. Безъ подчиненія единичнаго человѣка авторитетамъ нельзя достигнуть никакого порядка въ общественной жизни. „Мѣняется только предметъ авторитета, но принципъ авторитета остается“. „Подчиняется ли въ настоящее время единичный человѣкъ цѣлому обществу потому ли, что этого требуетъ

отъ него національный интересъ или государство, потому ли, что это предписываетъ ему монархъ или церковь,— это безразлично. Главная сущность дѣла остается неизмѣнной: это — то, что онъ вообще подчиняется. Принципъ остается ненарушимымъ; мѣнялись только личности или учрежденія. Авторитеты подвержены колебаніямъ, но не авторитетъ“¹⁾.

Такъ пишетъ Людвигъ Штейнъ въ своей статьѣ „Авторитетъ, его обоснованіе и его границы“, гдѣ вопросъ объ авторитетѣ поставленъ очень остро и выпукло, гдѣ мы находимъ такой панегирикъ авторитету и гдѣ, кажется, собраны всѣ доводы, чтобы доказать его неизбѣжность и необходимость. „Авторитетъ,—говоритъ Штейнъ,—есть все то, что повелѣваетъ или совѣтуетъ единичному человѣку тѣ или другія формы обнаруженія для его мышленія, для его чувствованія, для его дѣятельности; все то, что имѣетъ за себя долговѣчность, планъ, связь, систему и постоянство въ противоположность мимолетному, случайному, внезапному, произвольному и измѣнчивому въ расположеніи и настроеніи единичнаго человѣка; все то, наконецъ, что, благодаря подчиненію своего сужденія сужденію другого, создаетъ сдерживающіе мотивы для подавленія себялюбивыхъ аффектовъ“. Авторитетъ, слѣдовательно, есть, по мнѣнію Штейна, упорядочивающій принципъ въ общественномъ организмѣ, явленіе, параллельное законамъ въ механизмѣ природы. Авторитетъ есть родовое, постоянное во взаимодействіи людей, анархія—единичное, преходящее и случайное. Тираны и деспоты прошлаго времени были, по мнѣнію Штейна, необходимы и имѣютъ сравнительно высокое культурно-историческое значеніе. Они являются великими обуздателями человѣческаго рода. Они основывали свой авторитетъ принужденіемъ и силой, огнемъ и кровью, но для того, чтобы человѣкъ научился, что онъ въ совмѣстной жизни не можетъ слѣдовать каждому своему мгновенному желанію, ему должно было быть планомѣрно привито уваженіе передъ высшею волей, которой его воля должна подчиняться при всѣхъ обстоятельствахъ, и привито прежде всего путемъ ужаса и страха. Только авторитеты

1) L. Stein. Der Sinn des Daseins, стр. 255.

сдѣлали человѣка впервые человѣкомъ, только они доставили дикой человѣческой природѣ смыслъ къ порядку, ритму и гармоніи. Какъ высшую формулу для обоснованія всякаго авторитета, Штейнъ выставляетъ слѣдующее положеніе: „безъ авторитета не мыслима никакая культура“. „Анархія анти-соціально, — говоритъ онъ, — авторитетъ соціаленъ; тамъ звѣрь, здѣсь человѣкъ; тамъ варварство, здѣсь цивилизація; тамъ война, здѣсь миръ; тамъ хаосъ, здѣсь космосъ; тамъ общественная смерть, здѣсь соціальная жизнь“¹⁾.

Остановимся, — итти дальше въ хвалебномъ гимнѣ авторитетамъ некуда. Конечно, трудно рѣшить вопросъ, могла ли исторія человѣчества итти инымъ путемъ, чѣмъ какимъ она шла въ дѣйствительности. Человѣчество прошло черезъ суровую школу авторитета, который вначалѣ даже, прежде чѣмъ принять ту утонченную форму, которую онъ имѣетъ во многихъ случаяхъ въ настоящее время, былъ напоенъ и обогрѣнъ кровью, и благодаря этому оно якобы наслаждается современными благодѣянiями культуры и цивилизаціи. Но, быть можетъ, можно было бы представить себѣ и иной путь и, быть можетъ, мы наслаждаемся тѣмъ, что является наиболѣе цѣннымъ въ современной культурѣ, не благодаря авторитетамъ, а вопреки имъ; быть можетъ, они даже задерживали движеніе человѣчества къ такому состоянію, при которомъ бы оно могло въ наибольшей возможной степени наслаждаться и пользоваться благами истинной, настоящей культуры. Если это такъ, если дѣйствительно хотя бы въ мысли можно себѣ представить и иной путь, какимъ человѣчество могло бы переходить отъ дикаго состоянія къ культурѣ, то тѣмъ самымъ всѣ блестящіе доводы Штейна въ защиту авторитетовъ лишаются вполнѣ своей убѣдительности. Они и дѣйствительно лишаются своей убѣдительности, если мы отдадимъ себѣ отчетъ, какой культуры, благодаря авторитетамъ, достигло человѣчество и какова цѣна этой культуры, если мы отдадимъ себѣ отчетъ, насколько эта современная культура далека отъ истинной, настоящей культуры.

¹⁾ L. Stein. Der Sinn des Daseins, стр. 262.

Человѣчество еще не знаетъ истинной, настоящей культуры; оно знаетъ только культуру внѣшне дрессированнаго человѣка; его культура касается больше матеріальныхъ формъ существованія и имѣетъ внѣшній, показной характеръ, но оно не знаетъ еще совершенно культуры духовно освобожденнаго отъ цѣпей невидимаго рабства человѣка, свободно и творчески созидающаго все новыя и все высшія формы существованія и жизни. И на пути къ расцвѣту этой истинно-человѣческой культуры стоятъ всякаго рода авторитеты. Пока это авторитетовъ не будетъ сломлено, пока не наступитъ царство великаго освобожденія индивидуальнаго человѣка отъ подчиненія всякому внѣшнему закону, царство человѣка, избавившагося отъ всѣхъ цѣпей видимыхъ и невидимыхъ,—до тѣхъ поръ не придетъ и время этой истинно-человѣческой культуры. Пока мы не освободимся отъ того тяжелаго груза, которымъ насъ давитъ и подавляетъ авторитетъ съ самаго начала человѣческой исторіи, до тѣхъ поръ мы не выйдемъ изъ формъ культуры дрессированнаго, механизированнаго человѣка, обращеннаго въ автомата, въ маріонетку, до тѣхъ поръ культурная жизнь людей будетъ во многомъ напоминать кукольный театръ, которымъ управляетъ таинственная невидимая рука, какія бы утонченныя и изысканныя формы эта жизнь ни принимала.

Какъ мы видимъ, для Штейна авторитетъ представляетъ положительный принципъ, которому какъ нѣчто отрицательное, противопоставляется организація общественной жизни съ отсутствіемъ всякаго авторитета. Но въ дѣйствительности имѣетъ мѣсто какъ разъ обратное отношеніе: отрицательнымъ принципомъ является гораздо скорѣе авторитетъ. Организація общественной жизни, въ которой устраненъ надъ индивидуальной личностью всякій гнетъ авторитета, обозначаетъ полноту проявленія воли каждой человѣческой личности, живущей въ обществѣ: каждая индивидуальная воля терпитъ здѣсь наименьшія ограниченія и достигаетъ своего максимальнаго обнаруженія въ творческой работѣ, служащей ея естественнымъ, реальнымъ, объективнымъ выраженіемъ. Между тѣмъ какъ авторитетъ обозначаетъ ограниченіе полноты

проявленія воли однихъ людей ради того, чтобы могла наиболѣе полнымъ образомъ проявиться воля другихъ. Авторитетъ если и можетъ быть оправданъ, то только какъ путь къ достиженію указанной нами идеальной организаціи общественной жизни. Полнота проявленія воли нѣкоторыхъ можетъ быть только этапомъ на пути къ достиженію такого состоянія, когда будетъ возможна полнота проявленія воли каждаго, какого бы возраста онъ ни былъ, какое бы положеніе ни занималъ, какими бы способностями ни отличался, или, другими словами, полнота проявленія воли всѣхъ. Эта организація общественной жизни, какъ высшій общественный идеаль, какъ полнота и наибольшій подъемъ этой послѣдней, есть нѣчто само по себѣ желательное, тогда какъ каждый авторитетъ можетъ быть оправданъ только въ той мѣрѣ, въ какой онъ способенъ вести насъ къ этому состоянію. Всякій же авторитетъ, который отдаляетъ насъ отъ возможности достиженія такого состоянія, долженъ быть признанъ незаконнымъ.

Обыкновенно авторитетъ считается тѣмъ, при помощи чего устанавливается порядокъ, тогда какъ общественная организація, въ которой отсутствуетъ авторитетъ, служитъ синонимомъ беспорядка. Какое жалкое смѣшеніе понятій! Понятіе порядка вовсе не покрывается понятіемъ авторитета. Есть два вида порядка: одинъ порядокъ основывается на силѣ и авторитетѣ, другой — на свободѣ. До сихъ поръ порядокъ въ большинствѣ случаевъ устанавливался при посредствѣ авторитета, но изъ этого не слѣдуетъ, что такъ будетъ и впредь, въ будущемъ. Напротивъ, чѣмъ дальше, тѣмъ человѣчество все больше и больше будетъ переходить отъ порядка, основаннаго на силѣ и авторитетѣ, къ порядку, основанному на свободѣ. И этотъ порядокъ, основанный на свободѣ, таящій въ себѣ величайшую гармонію человѣчества, является наивысшимъ общественнымъ идеаломъ, до котораго только можетъ подняться человѣкъ.

Такимъ образомъ, разсмотрѣніе вопроса о роли и значеніи авторитета съ соціологической точки зрѣнія невольно насъ приводитъ къ вопросу о тѣхъ формахъ, которыя можетъ принять взаимодействіе одного человѣка съ другимъ.

Мы должны спросить себя и постараться отвѣтить на слѣдующіе вопросы: неужели всякое взаимодействіе чловѣка съ чловѣкомъ, всякая форма общественной жизни основывается на насиліи и принужденіи, на подчиненіи одной воли другой? Неужели безъ власти и подчиненія власти нельзя себѣ представить никакого общества? И если мы будемъ объективны и безпристрастны, если мы будемъ имѣть въ виду одну только истину, если мы не будемъ заинтересованы въ оправданіи во что бы то ни стало существующаго порядка вещей, то на поставленные вопросы мы вынуждены будемъ отвѣтить слѣдующее. Нѣтъ, скажемъ мы, насиліе, принужденіе и власть вовсе не составляютъ существеннаго элемента общественной жизни. Общественная жизнь мыслима безъ этого элемента, и даже именно только при отсутствіи этого элемента могутъ развиваться высшія формы общественности, тѣ формы, въ которыхъ общественность является въ истинномъ смыслѣ этого слова. Всякое же насиліе, принужденіе и власть являются ограниченіемъ общественности, являются тормозомъ на пути къ достиженію общественной жизнью высшихъ своимъ формъ.

Общественная жизнь возникаетъ изъ отношенія и взаимодействия людей другъ съ другомъ. Какія формы можетъ принять это взаимодействие? Оно можетъ принять форму подчиненія одной индивидуальной личности другой (представимъ себѣ для простоты, что общество состоитъ изъ двухъ лицъ): одна личность какъ бы отказывается отъ своей воли и является исполнителемъ воли другой личности. Но оно можетъ принять также и форму свободнаго соединенія одной личности съ другой, при чемъ ни одна изъ личностей не отказывается отъ своей воли, ни одна изъ личностей не подчиняется другой, но онѣ обѣ взаимно помогаютъ другъ другу въ достиженіи каждымъ своей воли.

Гдѣ полнѣе и содержательнѣе общественная жизнь — въ первомъ или во второмъ случаѣ? Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что она полнѣе и содержательнѣе во второмъ, такъ какъ въ первомъ случаѣ достигаются только тѣ цѣли, которыя себѣ ставитъ одна изъ личностей, другая личность сводится къ нулю, къ роли простого орудія; во вто-

ромъ же случаѣ достигаются цѣли, которыя ставятся и той и другой личностью, ни одна изъ личностей, какъ таковая, не отрицается, но, напротивъ того, каждая личность признается во всей полнотѣ ея опредѣленій.

Какая форма общественныхъ отношеній прочнѣе? Очевидно, вторая, такъ какъ личность подчиняется только по необходимости, по своей слабости, и если она сдѣлается сильной, то она неизбежно откажется отъ подчиненія, и общественная связь разрушится, тогда какъ во второй формѣ этого не можетъ быть: и собственный интересъ личности и полнота ея жизни будутъ требовать продолженія ея связи съ другою личностью, будутъ побуждать ее заботиться объ укрѣпленіи этой связи.

Для простоты мы говорили здѣсь объ отношеніяхъ между двумя личностями, но суть дѣла нисколько не мѣняется, если вмѣсто двухъ мы представимъ себѣ три, четыре личности и т. д. до бесконечности. Общественныя отношенія пріобрѣтаютъ при этомъ только болѣе сложный и разнообразный характеръ, но основной, установленный нами выводъ не колеблется ни въ малѣйшей степени.

Итакъ, свободное соединеніе на равныхъ началахъ, при которомъ воля каждой изъ соединяющихся личностей признается въ наибольшемъ возможномъ размѣрѣ, въ которомъ личность, помогая другимъ личностямъ въ достиженіи ихъ цѣлей, получаетъ съ ихъ стороны помощь и поддержку въ достиженіи своихъ цѣлей, является болѣе высокой формой общественной жизни, чѣмъ подчиненіе одной личности другой или другимъ личностямъ. Только при условіи соединенія на равныхъ началахъ общественная жизнь и общественная связь могутъ достигнуть наибольшей широты и глубины и наибольшаго возможнаго совершенства. Тамъ, гдѣ это зависитъ отъ насъ, мы должны стремиться преодолѣть всѣ тѣ формы общественной жизни, которыя основаны на подчиненіи, и должны стремиться замѣнить ихъ формами соединенія людей на равныхъ началахъ. Передъ общественной наукой, передъ учеными, мыслителями и общественными дѣятелями стоитъ поэтому великая задача и теоретическаго и практическаго разрѣшенія слѣдующей проблемы: какъ сдѣ-

латъ такъ, чтобы всѣ формы общественныхъ отношеній людей другъ къ другу, которыя носятъ характеръ господства и подчиненія, преобразовались возможно скорѣе въ такія формы, которыя складываются по типу ихъ соединенія на равныхъ началахъ. Эта проблема можетъ быть названа проблемой поднятiя общественной жизни до ея наибольшей возможной высоты и напряженности. Эта проблема принимаетъ различныя частныя и спеціальныя формы, смотря по характеру и типу тѣхъ отношеній, о которыхъ идетъ дѣло. Проблема освобожденiя ребенка есть одна изъ частныхъ формъ упомянутой нами проблемы.

IV.

Нормальныя отношенія дѣтей и воспитателей.

Проблема освобожденiя ребенка есть проблема о поднятiи той формы общественныхъ отношеній, которыя существуютъ между ребенкомъ и воспитателями (родители, учителя и т. д.), отъ типа подчиненiя до типа соединенiя на равныхъ началахъ. Если общественная жизнь развиваетъ максимумъ общестственности только при условiи соединенiя на равныхъ началахъ, только при условiи сведенiя подчиненiя одного лица другому къ минимуму или даже полнаго устраненiя этого подчиненiя, то подобно этому и воспитательное общенiе между воспитателемъ и ребенкомъ развиваетъ максимумъ своего воспитательнаго значенiя только при условiи устраненiя изъ этого общенiя элемента принужденiя до предѣловъ возможнаго.

Ребенокъ и воспитатель образуютъ маленькое интимное общество, которое тѣмъ совершеннѣе, тѣмъ выше, чѣмъ болѣе по своей формѣ оно приближается къ типу соединенiя на равныхъ началахъ. Никто изъ этихъ двухъ элементовъ не долженъ подчиняться другому: ни ребенокъ воспитателю, ни воспитатель ребенку; только при этихъ условiяхъ воля cadaго достигнетъ полноты своего проявленiя и будетъ терпѣть наименьшее возможное ограниченiе какъ въ сферѣ постановки цѣлей, такъ и въ области ихъ осуществленiя.

Ребенокъ и воспитатель—это двѣ равноправныя единицы. Если между ними устанавливается то общественное отноше- ние, которое можетъ быть названо воспитывающимъ обще- ниемъ, то это воспитывающее общеніе отнюдь не должно имѣть своей задачей подчиненіе ребенка волѣ воспитателя. Это подчиненіе ребенка волѣ воспитателя должно компен- сироваться равноцѣннымъ подчиненіемъ воспитателя волѣ ребенка. Но такое уравниженіе или компенсація означаютъ не что иное, какъ то, что элементъ подчиненія долженъ быть совершенно устраненъ изъ того, что мы назвали воспитыва- ющимъ общеніемъ. Подчиненіе одного, уравниваясь рав- нымъ подчиненіемъ другого, означаетъ только то, что связь между ними приняла форму соединенія на равныхъ началахъ. И такую форму соединенія на равныхъ началахъ должно стремиться принять всякое воспитывающее общеніе для того, чтобы развить максимумъ своего значенія.

Обыкновенно такого равенства въ воспитывающемъ обще- нии, какъ его приходится наблюдать въ настоящее время, нѣтъ. Обыкновенно только ребенокъ подчиняется волѣ вос- питателя, но воспитатель не подчиняется волѣ ребенка. Обы- кновенно воспитываетъ только воспитатель, считающій это воспитаніе своей прерогативой. Но воспитывать дол- женъ не только воспитатель ребенка, а и ре- бенокъ воспитателя. И хотя это положеніе и звучитъ парадоксомъ, однако только при послѣдовательномъ и не- уклонномъ проведеніи его мы будемъ имѣть истинныхъ вос- питателей и воспитаніе будетъ достигать наибольшихъ воз- можныхъ положительныхъ результатовъ. Теперь же воспитаніе достигаетъ жалкихъ и часто даже вполнѣ отрицательныхъ результатовъ и именно потому, что въ процессѣ воспитанія признается только воля воспитателя и совершенно игнори- руется воля ребенка, что воспитываетъ только воспитатель, а ребенокъ лишенъ полной возможности проявить свое вос- питательное дѣйствіе на послѣдняго.

Воспитатель, если это истинный воспитатель, если только онъ проникнуть идеей истиннаго воспитанія, которое скла- дывается не по типу подчиненія ребенка волѣ воспитателя, а по типу соединенія ребенка съ воспитателемъ на равныхъ

началахъ, долженъ взять на себя инициативу осуществленія такихъ истинныхъ педагогическихъ отношеній, такъ какъ ребенокъ фактически этого сдѣлать не можетъ, или, по крайней мѣрѣ, тѣмъ менѣе это можетъ сдѣлать, чѣмъ болѣе онъ малъ. И воспитатель долженъ употребить всѣ усилія, чтобы ребенокъ какъ можно скорѣе созналъ или почувствовалъ сущность тѣхъ новыхъ нормальныхъ отношеній, которыя установились между нимъ и воспитателемъ. Чѣмъ скорѣе онъ увидитъ и почувствуетъ, что не только его воспитываютъ, но что онъ самъ воспитываетъ своего воспитателя, что послѣдній подъ его вліяніемъ непрерывно перевоспитывается и улучшается, тѣмъ полнѣе и плодотворнѣе будетъ вліяніе воспитателя на ребенка. Чѣмъ скорѣе онъ увидитъ, что воспитатель не стремится его во что бы то ни стало подчинить своей волѣ, что онъ не только не старается противодействовать волѣ ребенка, но что онъ, напротивъ того, признаетъ ее и уважаетъ и оказываетъ ей всяческое содѣйствіе и поддержку, тѣмъ болѣе онъ будетъ склоненъ слѣдовать тѣмъ разумнымъ и справедливымъ требованіямъ, которыя ему ставитъ воспитатель и которыя имѣютъ въ виду благо ребенка.

Исполнять волю ребенка, скажете вы, оказывать ей содѣйствіе и поддержку, вѣдь это значитъ поощрять въ немъ развитіе своеволія, вѣдь это значитъ вырабатывать будущаго деспота. Нисколько. Какъ ребенокъ не обязанъ исполнять всякую волю воспитателя, такъ и воспитатель не обязанъ исполнять или помогать исполненію всякой воли ребенка. Если это исполненіе воли ребенка связано съ нарушеніемъ правъ другихъ людей, окружающихъ его, или если это можетъ повести къ какимъ-либо послѣдствіямъ, могущимъ вредно отозваться на жизни, здоровьѣ и развитіи самого ребенка, то каждый разумный воспитатель долженъ отказать ребенку въ своемъ содѣйствіи и даже, если понадобится, оказать ему и противодѣйствіе. И это нисколько не роняетъ принципа свободы ребенка, какъ нисколько не роняетъ принципа свободы взрослого человѣка тотъ фактъ, когда мы, видя, какъ кто-нибудь въ припадкѣ раздраженія хочетъ побить кого-нибудь другого, удерживаемъ перваго и не даемъ ему это сдѣлать, или если мы больного, лежащаго въ жару въ

постели, не допускаемъ слѣзть на холодный полъ, чтобы не подвергнуть опасности его жизнь.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ каждый истинный воспитатель не только не стремится противодѣйствовать всѣмъ тѣмъ свободнымъ проявленіямъ воли ребенка, которыя не связаны съ нарушеніемъ правъ другихъ людей (взрослыхъ или дѣтей — все равно) и которыя не имѣютъ никакихъ вредныхъ для ребенка, для его здоровья физическаго и душевнаго и для его развитія послѣдствій, но онъ стремится даже, напротивъ того, вызывать такія самостоятельныя свободныя проявленія воли ребенка. Во многихъ случаяхъ приходится бороться съ недостаткомъ проявленія инициативы у ребенка, съ отсутствіемъ у него своихъ желаній, съ его готовностью подчиняться желаніямъ тѣхъ взрослыхъ, которые являются его руководителями. Воспитателей всего болѣе должно бы озабочивать не чрезмѣрная самостоятельность ребенка, не такъ называемое своевоеліе его, сколько чрезмѣрное его послушаніе. Ребенокъ, у котораго нѣтъ своихъ желаній или который боится ихъ проявить, это — бѣдный и несчастный ребенокъ и онъ заслуживаетъ особенныхъ заботъ со стороны воспитателей. Каждую, даже слабую, попытку со стороны такого ребенка проявить самостоятельность, свое „я“, воспитатель долженъ привѣтствовать и поддерживать всѣми силами. Вообще, чѣмъ болѣе ребенокъ склоненъ къ послушанію, тѣмъ болѣе надо будить въ немъ духъ самостоятельности, чтобы изъ него не сформировался окончательно рабъ, чтобы рабство не наложило на него свою неизгладимую печать.

Обыкновенно исключительные случаи, въ которыхъ воспитатель бываетъ вынужденъ оказать противодѣйствіе волѣ ребенка, приводятъ съ торжествомъ, какъ аргументъ, доказывающій будто бы полную несостоятельность принципа свободы въ дѣлѣ воспитанія. А что этихъ исключительныхъ случаевъ, въ которыхъ возникаетъ необходимость такого противодѣйствія, бываетъ значительное количество при воспитаніи почти cadaго ребенка, этого, конечно, отрицать нельзя. Но что же это доказываетъ? И являются ли эти исключительные случаи какимъ-либо аргументомъ, говорящимъ противъ того, что воспитательныя отношенія должны

складываться по типу соединенія воспитателя и воспитанника на равныхъ началахъ и что принципъ свободы долженъ быть руководящимъ принципомъ въ воспитательной дѣятельности? Тѣ, кто пользуется этими случаями, какъ аргументомъ въ защиту насилія, принужденія и необходимости подчиненія воли ребенка волѣ воспитателя, поступаютъ крайне нелогично, такъ какъ эти исключительные случаи не только ничего не говорятъ противъ принципа свободы, но даже, напротивъ того, подтверждаютъ его. Что вообще жизнь часто отклоняется отъ своего нормальнаго типа и что воспитатель нерѣдко бываетъ вынужденъ оказать противо-дѣйствіе волѣ ребенка и даже вступить съ нею въ борьбу, кто же это будетъ отрицать. Но эти случаи нисколько не служатъ оправданіемъ насилія надъ ребенкомъ и подчиненія его воли волѣ воспитателя. Они только говорятъ о томъ, что между воспитателемъ и ребенкомъ нарушены нормальныя отношенія, что вмѣсто свободнаго соединенія на равныхъ началахъ эти отношенія приняли форму подчиненія слабой воли одного сильной волѣ другого, что вмѣсто свободнаго сотрудничества наступилъ моментъ борьбы. Но они нисколько не санкціонируютъ тѣхъ ненормальныхъ отношеній, которыя наступили. Какъ всегда, такъ и въ данномъ случаѣ остается непреложной истиной, что если бы въ тѣ исключительные моменты, о которыхъ мы говоримъ, удалось все-таки ослабить элементъ борьбы и слѣпое или вынужденное подчиненіе ребенка волѣ воспитателя замѣнить сознательнымъ и свободнымъ проявленіемъ воли воспитанника, то былъ бы достигнутъ въ воспитательномъ смыслѣ гораздо большій результатъ. И это, конечно, въ значительной степени зависитъ отъ педагогическаго такта и чутья самого воспитателя.

Но, само собою разумѣется, могутъ быть и такіе ненормальные случаи, гдѣ и самый развитой педагогическій тактъ и самое тонкое чутье окажутся бессильными что-либо сдѣлать. Но какъ бы ни были многочисленны эти ненормальные случаи, они нисколько не отрицаютъ всего великаго значенія принципа свободы въ дѣлѣ воспитанія, они нисколько не отрицаютъ того, что вся дѣятельность воспитателя должна

регулироваться и направляться этимъ принципомъ. Они ставятъ только передъ воспитателемъ новую задачу, они требуютъ отъ него, чтобы онъ еще глубже проникся принципомъ свободы и еще послѣдовательнѣе и систематичнѣе проводилъ его. Въ наступленіи такихъ исключительныхъ и ненормальныхъ случаевъ настоящій воспитатель увидитъ только результатъ недостаточно планомѣрнаго и упорнаго проведенія принципа свободы какъ имъ, такъ и другими лицами, окружающими ребенка, въ дѣлѣ воспитанія послѣдняго. Чѣмъ планомѣрнѣе, послѣдовательнѣе и систематичнѣе будетъ проводиться принципъ свободы, чѣмъ болѣе будетъ приложено усилій къ тому, чтобы отношенія между воспитателемъ и воспитанникомъ приняли форму свободнаго соединенія на равныхъ началахъ, чѣмъ полнѣе при этомъ произошло свободное сліяніе между ребенкомъ и воспитателемъ, тѣмъ рѣже будутъ наступать тѣ исключительные случаи, которые, повидимому, требуютъ иногда отъ воспитателя, чтобы онъ становился въ противорѣчіе съ принципомъ свободы. Однимъ словомъ, истинный воспитатель будетъ всегда имѣть въ виду возможность наступленія такихъ случаевъ и направить всѣ свои усилія къ тому, чтобы предупредить ихъ дѣйствительное наступленіе. И если нельзя тѣмъ не менѣе избѣжать ихъ совершенно, то онъ сдѣлаетъ все возможное, чтобы свести ихъ къ минимуму, поскольку это будетъ зависеть отъ его власти.

Въ этомъ отношеніи, чтобы избѣжать необходимости оказывать противодѣйствіе волѣ ребенка, надо какъ можно раньше пробуждать въ немъ сознаніе правъ окружающихъ его людей (дѣтей и взрослыхъ) и сознаніе тѣхъ вредныхъ послѣдствій, которыя тѣ или другіе его поступки могутъ имѣть для его жизни, здоровья и развитія. Надо добиваться того, чтобы у ребенка не являлось и желанія совершать такіе поступки, которые необходимо требуютъ противодѣйствія. Надо предупреждать коллизіи между его волею и законною волею другихъ и возникновеніе въ немъ такихъ желаній, осуществленіе которыхъ связано съ гибельными для него послѣдствіями. Только предупреждая возникновеніе такихъ ненормальныхъ проявленій воли у ребенка, мы избѣ-

жимъ необходимости противодѣйствія его воли, избѣжимъ необходимости оказывать на него какое-либо давленіе и насиліе, и наша связь съ ребенкомъ сохранить характеръ свободной связи по типу соединенія на равныхъ правахъ съ изгнаніемъ изъ нея всякаго элемента принужденія, всякаго насильственнаго односторонняго подчиненія одной воли другой. Чѣмъ болѣе мы стараемся о предупрежденіи, тѣмъ полнѣе и послѣдовательнѣе намъ удастся осуществить принципъ свободы въ дѣлѣ воспитанія. Если намъ приходится употреблять насиліе и становиться въ противорѣчіе съ принципомъ свободы, то виною этому въ большинствѣ случаевъ является наша недостаточная предусмотрительность и проницательность. И вотъ, когда мы, благодаря нашей непредусмотрительности, оказываемся въ положеніи, ставящемъ насъ въ необходимость поступать противъ принципа свободы, мы начинаемъ кричать и возставать противъ этого принципа и объявляемъ его полную несостоятельность въ дѣлѣ воспитанія. Нужно ли говорить о томъ, насколько это логично и послѣдовательно и нужно ли доказывать, что все это больше свидѣтельствуешь о нашей собственной несостоятельности, чѣмъ о несостоятельности принципа свободы. Къ сожалѣнію, такова уже логика у людей, что они привыкли все сваливать съ больной головы на здоровую и что менѣе всего они способны замѣчать свою собственную вину. Если бы въ этомъ отношеніи среди воспитателей было болѣе распространено и имѣло бы болѣе глубокіе корни сознаніе своей отвѣтственности, то, быть можетъ, такіе случаи, въ которыхъ приходится употреблять надъ дѣтьми насиліе и оказывать противодѣйствіе ихъ воли, были бы крайне рѣдкимъ и совершенно исключительнымъ явленіемъ.

Но тутъ возникаетъ другой вопросъ. Мы можемъ сдѣлать такое возраженіе. Мы можемъ сказать, что въ концѣ концовъ и вся эта предупредительная дѣятельность является не чѣмъ инымъ, какъ только хитро задуманною и тонко проведенною формою насилія надъ душою ребенка, что такимъ образомъ насиліе не только не устраняется, но лишь отодвигается къ періоду болѣе ранняго дѣтства и принимаетъ болѣе утонченныя формы. Въ этомъ возраженіи есть

доля истины. Дѣйствительно, предупредительная дѣятельность можетъ оказаться не чѣмъ инымъ, какъ только формою тонкаго насилія, произведеннаго на дѣтей въ болѣе раннемъ дѣтствѣ. И противъ такой предупредительной дѣятельности мы должны возставать всѣми силами души. Но мыслима и иная предупредительная дѣятельность, которая не только не является формою насилія надъ ребенкомъ, но которая, напротивъ того, представляетъ проложеніе для него пути къ освобожденію, облегченіе ему возможности скорѣе стать на этотъ путь, содѣйствіе ему въ преодолѣніи тѣхъ препятствій къ освобожденію его воли, которыя таятся въ его природѣ и преодолѣть которыя, безъ своевременной помощи взрослому ему было бы трудно и теперь и впослѣдствіи. О такого рода предупредительной дѣятельности мы именно и говоримъ и къ ней-то мы зовемъ воспитателей, какъ бы они ни назывались — родителями или какими-либо иными именами.

Но въ чемъ же будетъ заключаться эта предупредительная дѣятельность? Какой она будетъ носить характеръ и какое будетъ имѣть направленіе? Она будетъ заключаться въ дѣятельномъ содѣйствіи ребенку къ скорѣйшему освобожденію своей воли отъ подчиненія аффектамъ, страстямъ, случайнымъ мимолетнымъ влеченіямъ, капризнымъ желаніямъ, преходящему настроенію. Научить ребенка, какъ можно раньше, сдерживать свои страсти и аффекты, научить его обуздывать свои случайныя и мимолетныя влеченія ради болѣе постоянныхъ, служащихъ выраженіемъ его существеннаго интереса, научить его не поддаваться тому или другому преходящему настроенію, — развѣ это не значитъ помочь его молодой развивающейся волѣ стать свободной отъ тѣхъ цѣпей, которыя существуютъ въ нѣдрахъ его души?! Развѣ это не значитъ помогать его волѣ скорѣе стать на твердыя ноги, чтобы быть въ состояніи господствовать надъ всѣмъ тѣмъ въ области душевной жизни, что имѣетъ импульсивный, принудительный характеръ, надъ всѣмъ автоматическимъ и произвольнымъ, надъ всѣмъ, что очень удобно укладывается въ понятіе психическаго механизма.

Помогать ребенку какъ можно раньше научиться господ-

ствовать надъ механизмомъ психической жизни—значить въ сущности помогать ему въ освобожденіи его воли изъ-подъ власти этого механизма. И это содѣйствіе освобожденію ребенка будетъ лучшимъ предупредительнымъ средствомъ противъ такихъ поступковъ со стороны послѣдняго, которые вынуждали бы насъ прибѣгать по отношенію къ нему къ какимъ-либо насильственнымъ мѣрамъ, такъ какъ все дурное, все ненормальное въ проявленіяхъ воли проистекаетъ не оттого, что воля дѣйствуетъ свободно, но оттого, что она дѣйствуетъ недостаточно свободно, что она находится или въ подчиненіи и порабощеніи у какой-либо сильной страсти, или подъ властью привычки, или подъ вліяніемъ какого-либо настроенія. Освободите волю изъ-подъ того ярма, въ какомъ она находится, и она неизбежно направится къ добру. Только скованная воля, только воля, влачащая на себѣ цѣпи всякаго рода, тяготѣетъ къ злу и пороку. И чтобы предупредить зло—нѣтъ другого средства, какъ содѣйствовать освобожденію воли отъ всякихъ давящихъ ее цѣпей, изъ которыхъ самыя тяжелыя, быть можетъ, именно тѣ, которыя находятся въ самой нашей душѣ. И чѣмъ раньше мы это дѣлаемъ, тѣмъ лучше. Чѣмъ съ болѣе ранняго дѣтства мы прилагаемъ усилія къ тому, чтобы освободить волю ребенка отъ всякаго рода внутреннихъ цѣпей, опутывающихъ его волю, тѣмъ болѣе рѣшительнымъ и прочнымъ образомъ мы ставимъ ребенка на путь добра и тѣмъ болѣе мы облегчаемъ самимъ себѣ послѣдовательное и широкое примѣненіе въ дѣлѣ воспитанія нашихъ дѣтей принципа свободы, примѣненіе, въ которомъ всякія исключенія сведены къ минимуму. И только идя по этому пути свободы, мы содѣйствуемъ выработкѣ изъ нашихъ дѣтей не безвольныхъ тряпокъ, не игрушекъ судьбы, но сильныхъ и мужественныхъ личностей, могучая творческая воля которыхъ ведетъ къ улучшенію и облагороженію всѣхъ сторонъ человѣческой жизни и человѣческаго существованія.

Какъ можно раньше знакомить дѣтей съ тѣми послѣдствіями, которыя ихъ дѣйствія могутъ имѣть для окружающихъ людей и для нихъ самихъ, для того, чтобы предупредить съ ихъ стороны посягательство на законныя права

другихъ, а также такіе поступки, которые могутъ вредно отразиться на ихъ жизни, здоровьѣ и развитіи, также не значить оказывать надъ ними насиліе и вступать въ противорѣчіе съ принципомъ свободы. Мы даемъ ребенку здѣсь только свѣдѣнія о фактахъ, такихъ фактахъ, которыхъ ему не достааетъ и которые, если бы они были въ его распоряженіи, удержали его отъ тѣхъ или другихъ дѣйствій, съ которыми окружающимъ его приходится вступать въ борьбу. Эти факты, съ которыми мы знакомимъ ребенка, оказываютъ давленіе на поведеніе его; они, т. - е. ясное сознаніе ихъ, удерживаютъ его отъ соотвѣтствующихъ поступковъ, но не наша воля. И эти факты не сочинены, не выдуманы нами съ заднею мыслью овладѣть волею ребенка и подчинить его себѣ. Они есть, они существуютъ, мы открываемъ только ребенку глаза на нихъ, мы даемъ только ему возможность учесть ихъ значеніе въ своей дѣятельности. И если, учитывая это значеніе, ребенокъ воздерживается отъ тѣхъ или другихъ дѣйствій, то это не значить, что онъ воздерживается отъ этихъ дѣйствій, повинувшись намъ. Онъ воздерживается отъ нихъ, повинувшись самому себѣ, повинувшись той болѣе объективной истинѣ, добиться которой мы ему помогли доставленіемъ необходимыхъ для этого фактовъ. И здѣсь, такимъ образомъ, нѣтъ никакой хитро задуманной системы, чтобы овладѣть сознаніемъ ребенка и въ частности его волей и незамѣтнымъ образомъ подчинить послѣднюю нашей волѣ. Наоборотъ, мы дѣлаемъ только волю ребенка болѣе свободной, расширяя его умственный горизонтъ, давая ему возможность окинуть своимъ взоромъ болѣе широкое поле жизни и принять въ расчетъ то, что до сихъ поръ ускользало отъ его расчета. Изъ слѣпого мы дѣлаемъ его зрячимъ, мы снимаемъ повязку съ его глазъ и открываемъ ему новыя перспективы. Такимъ образомъ, какъ мы видимъ, и съ этой стороны предупредительная дѣятельность, въ той ея формѣ, какая мною описана выше, отнюдь не является какою-либо формою насилія надъ душою и волею ребенка. Она является только средствомъ избѣжать подобнаго насилія въ будущемъ.

Конечно, послѣдовательное проведеніе принципа свободы въ воспитаніи дѣтей связано съ большими затрудненіями

и не такое легкое дѣло, какъ это могло бы показаться съ перваго взгляда. Провести систему свободнаго воспитанія несравненно труднѣе, чѣмъ провести систему воспитанія, основаннаго на насиліи, принужденіи и авторитетѣ. Мнѣ приходилось встрѣчаться съ такими лицами, которыя понимаютъ „освобожденіе ребенка“ въ такомъ смыслѣ, что ребенку говорятъ: „дѣлай что хочешь, всякое желаніе твое для насъ законъ, и мы будемъ стоять въ сторонѣ на стражѣ, чтобы быть готовыми во всякую минуту ринуться для его исполненія. Ты—нашъ владыка, ты—нашъ повелитель, мы—твои слуги, мы въ полномъ твоёмъ распоряженіи, и ты можешь пользоваться нами такъ, какъ ты хочешь, какъ это придетъ тебѣ въ голову!“ Но подобное пониманіе „освобожденія ребенка“ болѣе чѣмъ смѣшно, оно знаменуетъ собою недомысліе. Если я говорю родителямъ и воспитателямъ: „освободите ребенка, откажитесь отъ своей власти надъ нимъ, признайте его себѣ равноцѣннымъ“, то только нежеланіе или неспособность поглубже разобраться въ тѣхъ идеяхъ, которыя связаны съ этими словами, можетъ приравнять ихъ слѣдующимъ: „посадите ребенка на тронъ, признайте его своимъ неограниченнымъ господиномъ, пляшите по его дудкѣ“. Дѣйствительно, провести такую систему воспитанія, въ которой воспитатели пляшутъ по дудкѣ ребенка, не составляетъ большого труда, но провести такую систему воспитанія, которая являлась бы въ полномъ смыслѣ этого слова „освобожденіемъ ребенка“, въ которой принципъ свободы былъ бы проведенъ систематически, послѣдовательно и широко,—очень сложное и трудное дѣло. При проведеніи этой послѣдней системы, мы всегда остережемся отъ того, чтобы считать ребенка, съ которымъ намъ приходится имѣть дѣло, за фактически свободнаго ребенка отъ одного того только, что мы отказались отъ своей власти надъ нимъ. Это одно обстоятельство еще не дѣлаетъ ребенка свободнымъ, потому что надъ нимъ продолжаютъ тяготѣть еще всякаго рода цѣпи, и внѣшнія и внутреннія, благодаря которымъ онъ продолжаетъ оставаться несвободнымъ ребенкомъ. Наша задача не въ томъ, чтобы объявить

его свободнымъ ребенкомъ, хотя бы онъ былъ только мнимо свободенъ, а въ томъ, чтобы помочь ему фактически и дѣйствительно стать свободнымъ ребенкомъ, а для этого требуется съ нашей стороны громадная работа. И надо всегда помнить, что безъ этой работы вся система свободного воспитанія окажется неполной, непоследовательно проведенной и не будетъ въ состояніи принести тѣ плоды, которыхъ отъ нея ожидали.

Дѣло „освобожденія ребенка“ надо начинать съ момента его рожденія, потому что чѣмъ съ болѣе поздняго возраста мы начинаемъ это дѣло, тѣмъ болѣе труднымъ оно является, а въ иныхъ случаяхъ, быть можетъ, даже и безнадежнымъ. Если дѣло „освобожденія ребенка“ начинается со школьнаго возраста, то оно не такъ просто, какъ это думаютъ нѣкоторые. На это обстоятельство слѣдовало бы обратить особенное вниманіе лицамъ, берущимъ на себя инициативу созданія для дѣтей такъ называемаго школьнаго возраста новыхъ воспитательно-образовательныхъ учрежденій подъ названіемъ „домъ свободного ребенка“, подробно охарактеризованныхъ мною въ книгѣ „Какъ создать свободную школу?“¹⁾ Почти всѣ дѣти, которыя попадаютъ или могутъ попасть, въ эти учрежденія, это—несвободныя дѣти, потому что всѣмъ имъ пришлось испытать въ своей семьѣ режимъ несвободнаго воспитанія, и даже, поступая въ „домъ свободного ребенка“, они продолжаютъ быть членами семьи, являющейся „семьею несвободнаго ребенка“. „Домъ свободного ребенка“ только тогда можетъ имѣть полный успѣхъ, когда и семья признаетъ принципъ „освобожденія ребенка“ и напишетъ его на своемъ знамени. До тѣхъ же поръ значительная часть работы въ немъ неизбежно должна будетъ затрачиваться на борьбу съ уничтоженіемъ тѣхъ рабскихъ цѣпей, которыми опутали ребенка въ семьѣ и отягченный уже которыми онъ вступаетъ въ „домъ свободного ребенка“.

¹⁾ Еще болѣе подробно этотъ типъ воспитательно-образовательныхъ учрежденій характеризуется мною въ статьѣ „Идеальная школа будущаго и способы ея осуществленія“ (см. мою книгу „Новые пути воспитанія и образованія дѣтей“).

Вотъ почему тѣ воспитатели, которымъ придется работать въ „домѣ свободнаго ребенка“, должны остерегаться отъ того, чтобы считать дѣтей, посѣщающихъ этотъ домъ, за свободныхъ дѣтей. Надо еще много и долго поработать надъ тѣмъ, чтобы эти дѣти стали дѣйствительно свободными. И если руководители „дома свободнаго ребенка“ будутъ закрывать глаза на этотъ фактъ, они совершаютъ тогда цѣлый рядъ ложныхъ шаговъ и промаховъ въ своей работѣ надъ осуществленіемъ „дома свободнаго ребенка“. Особенно трудно устроителямъ „дома свободнаго ребенка“ будетъ разобратъ въ дѣйствительныхъ интересахъ и потребностяхъ дѣтей. Какъ легко то или другое желаніе, высказываемое ребенкомъ, принять за его подлинное желаніе, а между тѣмъ часто это бываетъ вовсе не его желаніе, а желаніе его родителей, внушенное ему, или желаніе, возникшее въ силу чисто искусственныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, а не въ силу глубокой потребности ребенка, естественно въ немъ родившейся. И однако же они, если хотятъ быть послѣдовательными, должны въ этомъ разбираться и разбираться очень тщательно, иначе цѣль, которую стремится достигнуть „домъ свободнаго ребенка“, не будетъ достигнута, иначе „домъ свободнаго ребенка“ будетъ дѣйствовать не въ смыслѣ освобожденія дѣтей отъ всякой крѣпостной зависимости въ виду ихъ цѣльнаго естественнаго свободнаго всесторонняго и гармоническаго развитія, а будетъ только содѣйствовать укрѣпленію крѣпостной зависимости дѣтей отъ своихъ родителей и отъ окружающей ихъ дома ненормальной и извращенной среды.

Для созданія такого „дома свободнаго ребенка“, который имѣлъ бы дѣйствительный успѣхъ и принесъ бы всѣ тѣ благотворныя послѣдствія, которыя онъ только можетъ принести, необходимы родители, искренно готовые разорвать связь съ своимъ прошлымъ и перестать быть въ своей семейной жизни крѣпостниками. Но такихъ родителей, къ сожалѣнію, очень мало: родители хотятъ освободить своихъ дѣтей изъ-подъ власти учителей, но очень немногіе среди нихъ хотѣли бы освободить ихъ отъ своей власти и сдѣлать своихъ дѣтей въ истинномъ смыслѣ этого слова свободными. Конечно, съ те-

ченіемъ времени такихъ родителей будетъ становиться все больше и больше, и такимъ образомъ все болѣе и болѣе будетъ расчищаться почва для созданія такого „дома свободного ребенка“, который могъ бы во всей полнотѣ проявить все свое значеніе, а въ настоящее время приходится довольствоваться только частичными и относительными результатами, такъ какъ значительная часть благодѣтельныхъ послѣдствій „дома свободного ребенка“ съ самаго начала будетъ парализоваться тѣмъ обстоятельствомъ, что сами родители недостаточно проникнуты принципомъ свободы и въ очень слабой степени осуществляютъ его въ своей семейной жизни, что они прилагаютъ очень ничтожныя усилія или даже совсѣмъ не прилагаютъ ихъ, чтобы ихъ семья стала „семьею свободного ребенка“. Но если мало такихъ родителей, которые, отдавая дѣтей въ „домъ свободного ребенка“, перестали бы быть крѣпостниками, то еще меньше такихъ, которые послѣдовательно и систематично вели бы своихъ дѣтей въ духѣ свободы съ момента ихъ рожденія.

Никто, конечно, не станетъ отрицать, что, за исключеніемъ только, по всей вѣроятности, крайне рѣдкихъ патологическихъ случаевъ, родители любятъ своихъ дѣтей, и эта любовь, на которую дѣти съ своей стороны отвѣчаютъ любовью, является тѣмъ связующимъ цементомъ, который дѣлаетъ столь прочнымъ и столь глубокимъ интимное общеніе, устанавливающееся между дѣтьми и родителями. Всѣ признаютъ, что родительская любовь это—великая сила въ дѣлѣ воспитанія ребенка, но очень немногіе задуются вопросомъ, такъ ли родители любятъ своихъ дѣтей, какъ ихъ надо любить, и не является ли въ громадномъ большинствѣ случаевъ родительская любовь не средствомъ воспитанія изъ ребенка человѣка въ истинномъ смыслѣ этого слова, а средствомъ, благодаря которому ребенокъ уродуется и „человѣкъ“, таящійся въ немъ, погибаетъ навѣки и безвозвратно. Любовь—это—великое слово, но есть любовь и любовь. Недостаточно только просто любить, надо знать, какъ любить, и потому, когда говорятъ о любви, надо всегда задавать вопросъ: „какая любовь?“ Такъ и въ отношеніи родительской любви недоста-

точно просто сказать. родители должны культивировать въ себѣ родительскую любовь, они должны стремиться развить ее въ себѣ до наивысшей возможной степени, надо еще указать, какъ родители должны любить своихъ дѣтей, какую любовь къ дѣтямъ они должны выращивать и поддерживать въ своемъ сердцѣ.

Обыкновенно родительская любовь имѣетъ такой характеръ: родители любятъ въ дѣтяхъ самихъ себя, они видятъ въ нихъ продолженіе самихъ себя, они бываютъ безконечно рады, когда ихъ дѣти походятъ на нихъ, и они прилагаютъ всѣ усилія къ тому, чтобы дѣти были какъ можно больше похожи на нихъ, чтобы у дѣтей были тѣ же желанія, вкусы, мысли, идеалы, какіе у нихъ... Въ этомъ они видятъ высшее торжество своей любви. Это—любовь корыстная, и большая часть родителей любятъ своихъ дѣтей этой корыстной любовью. Они только въ большинствѣ случаевъ не сознаютъ корыстнаго характера своей любви и воображаютъ, что ихъ любовь въ дѣйствительности безкорыстна. Но если бы они были безпристрастны и попробовали бы отдать себѣ ясный отчетъ въ своей любви, то они увидѣли бы, какая это безкорыстная любовь, они бы увидѣли, что безкорыстіе здѣсь является не больше какъ только одною видимостью, не больше какъ маскою, къ которой они приглядѣлись и потому ее не замѣчаютъ.

Безкорыстно любить ребенка только тотъ, кто стремится къ освобожденію ребенка не только отъ власти тѣхъ постороннихъ лицъ, съ которыми ребенку приходится сталкиваться, не только отъ власти тѣхъ стихійныхъ силъ, которыя находятся внутри самого ребенка, но также и отъ той власти, которая лично ему самому выпала надъ ребенкомъ. Но гдѣ мы слышали о такой любви? Гдѣ тѣ родители, которые стремились бы къ освобожденію ребенка изъ-подъ своей власти? Почти всѣ родители—страшные властолюбцы, почти всѣ родители смотрятъ на ребенка, какъ на свою собственность, какъ на арену для проявленія своей силы и власти. И они такъ далеки отъ желанія отказываться отъ своей власти, что, напротивъ того, употребляютъ даже обыкновенно всѣ свои усилія для того, чтобы упрочить, укрѣпить эту

власть, чтобы продолжить ее на возможно долгій періодъ дѣтства. И они пользуются для этого всѣми средствами, которыя у нихъ оказываются въ распоряженіи и въ числѣ этихъ средствъ немаловажную роль играетъ сама ихъ любовь. Этою своею любовью они часто такъ покоряютъ сердце ребенка, что онъ всю свою послѣдующую жизнь остается послушнымъ рабомъ родителей, не пытаясь никогда и ни въ чемъ поступать противъ ихъ воли.

Что любовь родителей въ большинствѣ случаевъ—любовь властолюбивая и есть не что иное, какъ замаскированная жажда власти,—это врядъ ли кто сможетъ отрицать. Они спятъ и видятъ, какъ бы имъ пріобрѣсти побольше власти надъ ребенкомъ, и ихъ любовь подсказываетъ имъ необходимыя для этого средства, она снабжаетъ ихъ цѣлымъ арсеналомъ такихъ орудій, путемъ которыхъ они ухитряются проникнуть въ святая святыхъ ребенка, въ самую сокровенную глубину его душевной жизни и тамъ закрѣпить какъ можно крѣпче узлы тѣхъ нитей, на поводѣ которыхъ ребенокъ будетъ идти впослѣдствіи. Я не отрицаю интимнаго общенія между родителями и ребенкомъ, я желаю, чтобы оно было какъ можно глубже и какъ можно интимнѣе, я бы хотѣлъ, чтобы родители какъ можно тѣснѣе сливались со своимъ ребенкомъ въ одно гармоническое цѣлое, но я бы хотѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы они сливались съ нимъ не какъ властители, хитростью проникая въ его душу и имѣя въ виду покорить ее, но какъ освободители ребенка, которые живутъ и горятъ одною только мыслью освободить ребенка и какъ можно скорѣе изъ-подъ всякой власти и въ томъ числѣ изъ-подъ своей собственной, чтобы сдѣлать изъ него свободнаго, независимаго человѣка.

Въ основѣ интимнаго общенія родителей съ ребенкомъ должно лежать безкорыстное стремленіе родителей къ освобожденію ребенка и только такое общеніе и цѣнно. Только такая связь родителей съ дѣтьми, которая является путемъ свободы для дѣтей, и представляетъ ту истинную, настоящую связь, которая должна была бы соединять родителей и дѣтей. Несмотря на всю ту глубину, которой въ настоящее время достигаетъ иногда связь между дѣтьми и родителями,

она все же не может достигнуть высшей предѣльной точки своей глубины и именно потому, что дѣти инстинктивно чувствуютъ, хотя и не сознавая этого вполне ясно, таинственную подкладку этой связи и ту жажду власти, которая лежитъ въ ея основѣ, и потому до нѣкоторой степени оказываютъ сопротивленіе къ полному сліянію, до нѣкоторой степени стараются ускользнуть изъ-подъ власти родителей и сохранить хоть маленькій уголокъ, недоступный для ихъ взора. Эта связь достигла бы высшаго своего предѣла, если бы родители были и стремились быть освободителями своего ребенка. Какъ полно, какъ широко раскрывалось бы при этомъ сердце ребенка! Какъ открыто и стремительно шла бы его душа навстрѣчу нашей, если бы онъ видѣлъ въ насъ своихъ освободителей, если бы онъ чувствовалъ въ насъ точку опоры для своего освобожденія, если бы онъ видѣлъ, что наша любовь безкорыстна, что она чужда всякой жажды власти, хотя бы и въ самой отдаленной степени!.. Но такую любовь надо еще научиться любить ребенка, родители еще не воспитаны для такой любви... Ихъ любовь есть слѣпая любовь. Надо, чтобы они раскрыли глаза и ясно увидѣли, что лежитъ въ ея основѣ; надо, чтобы они воочію почувствовали, что въ ихъ любви говоритъ жажда власти, и надо, чтобы они, почувствовавъ и сознавъ все это, пожелали, страстно пожелали построить свою любовь къ дѣтямъ на другомъ фундаментѣ, на фундаментѣ живого стремленія къ освобожденію, и тогда ихъ любовь приметъ другія высшія формы, и тогда ихъ любовь будетъ служить дѣлу обновленія и перерожденія человѣчества, созданію и скорѣйшему наступленію царства свободнаго человѣка.

Какъ хорошо было бы, если бы любовь родителей могла вознестись до такой высоты! Кто же ближе ихъ стоитъ къ своимъ дѣтямъ?! Кому же, какъ не имъ быть на стражѣ ихъ свободы?! Кому же, какъ не имъ вести ихъ на пути освобожденія?! И если они полюбятъ ребенка этою высшею любовью, то этимъ самымъ они облегчатъ и для самихъ себя дѣло своего освобожденія. Свободная любовь къ ребенку освободитъ и ихъ самихъ отъ разныхъ тонкихъ, неуловимыхъ цѣпей, которыми ихъ душа опутана со всѣхъ сто-

ронъ. Ребенокъ явится великимъ средствомъ ихъ собственнаго перевоспитанія. Тогда не только родители будутъ воспитывать своего ребенка, но и ребенокъ будетъ воспитывать своихъ родителей и будетъ вести ихъ по пути созданія изъ самихъ себя все болѣе и болѣе совершенныхъ личностей, цѣльныхъ, широкихъ, гармоничныхъ, свободныхъ, независимыхъ и способныхъ къ самой глубокой безкорыстной любви къ людямъ.

Родители, дайте возможность ребенку стать вашимъ воспитателемъ, дайте возможность ему стать вашимъ освободителемъ и для этого прежде всего полюбите его по-настоящему, полюбите его какъ свободную личность, полюбите его какъ существо, призванное къ свободѣ, къ независимости и къ великому дѣлу свободного творчества, созиданія и обновленія жизни! И когда вы сумѣете такъ полюбить ребенка, то тогда порвутся и исчезнутъ тѣ цѣпи, которыя сковываютъ васъ самихъ, которыя вамъ самимъ мѣшаютъ мощно расправить свои долго свернутыя крылья и подняться свободно въ безграничное небо творчества, гдѣ открыты такіе безпредѣльные горизонты и такія волшебныя необъятныя дали... Чтобы научиться летать, вамъ надо преодолѣть въ себѣ духъ власти и зажечь святой неугасимый огонь свободы. И пускай первою искрою этого огня, отъ которой воспламенится все другое, будетъ ваша новая любовь къ дѣтямъ!

Какъ странно бываетъ видѣть, когда тотъ или другой отецъ или мать вмѣсто того, чтобы стремиться къ освобожденію ребенка, стремятся къ освобожденію отъ ребенка и въ этомъ видятъ путь и къ своему собственному освобожденію. Какое печальное недоразумѣніе или, лучше сказать, заблужденіе! Вмѣсто того, чтобы искать своего освобожденія на томъ единственномъ пути, на которомъ оно можетъ быть обрѣтено, люди ищутъ его какъ разъ въ противоположномъ направленіи. И мать и отецъ могутъ завоевать себѣ свободу не иначе, какъ черезъ ребенка. Ребенокъ—это путь къ свободѣ. Ребенокъ—это великій воспитатель взрослога чловѣчества къ свободной жизни; но, конечно, надо, чтобы взрослое чловѣчество пожелало пользоваться уроками этого вос-

читателя и научилось, какъ слѣдуетъ, пользоваться этими послѣдними. Только работая надъ освобожденіемъ ребенка, только сливаясь съ нимъ въ тѣсный интимный союзъ, одухотворенный великой идеей раскрѣпощенія ребенка отъ цѣпей духовнаго рабства, мы дѣлаемся и сами понемногу свободными и начинаемъ сами отдѣлываться отъ тѣхъ цѣпей, которыми скованъ нашъ духъ. Ища способовъ, какими можно освободить ребенка изъ-подъ своей власти, взрослый находитъ тѣ способы, какими онъ самъ можетъ быть освобожденъ отъ тѣхъ или другихъ цѣпей, подъ которыми онъ томится.

Въ чемъ основа воспитанія и образованія¹⁾.

(По поводу статьи Л. Н. Толстого „О воспитаніи“).

Что должно быть положено въ основу воспитанія и образованія? Какъ разрѣшается этотъ вопросъ съ точки зрѣнія идей, охватываемыхъ понятіемъ „свободное воспитаніе“? Попробуемъ разобраться въ немъ, попробуемъ отвѣтить на него объективно, отрѣшившись отъ всякихъ предвзятыхъ взглядовъ, попробуемъ отыскать такой отвѣтъ, который естественно и логически вытекалъ бы изъ понятія „свободнаго воспитанія“. Я попытаюсь сдѣлать это въ связи съ обсужденіемъ двухъ послѣднихъ статей Л. Н. Толстого, помѣщенныхъ въ №№ 2 и 3 „Свободнаго Воспитанія“ за 1909—10 годъ; одна изъ нихъ называется „О воспитаніи“, другая — „Въ чемъ главная задача учителя“. Я остановлюсь, главнымъ образомъ, на первой.

Статья эта является отвѣтомъ на одно изъ писемъ, написанныхъ Толстому. Начинаетъ онъ эту статью такъ: „Очень можетъ быть, что въ моихъ статьяхъ о воспитаніи и образованіи давнишнихъ и послѣднихъ окажутся и противорѣчія и неясности. Я просмотрѣлъ и рѣшилъ, что мнѣ, да и вамъ, я думаю, будетъ легче, если я, не стараясь отстаивать прежде сказанное, прямо выскажу то, что я теперь думаю объ этихъ предметахъ“. Это заявленіе Толстого облегчаетъ и нашу задачу: мы тоже не будемъ обращаться къ предыдущимъ статьямъ его, а остановимся на этой послѣдней, представляющей какъ бы квинтъ-эссенцію его послѣднихъ взглядовъ. Мы постараемся опредѣлить, насколько послѣдніе взгляды Толстого,

¹⁾ Статья эта была напечатана въ журналѣ „Русская Школа“ за 1910 г., № 7—8.

дѣйствительно, согласуются съ идеями свободнаго воспитанія, опредѣлить тотъ предѣлъ, до котораго доходитъ Толстой въ признаніи свободы въ дѣлѣ воспитанія и образованія и за которымъ онъ, хотя и не явно, и не открыто, но, въ сущности, и на самомъ дѣлѣ начинаетъ проповѣдывать насиліе и принужденіе: т. е., отрицая грубое насиліе, онъ на его мѣсто ставитъ насиліе тонкое; освобождая личность отъ внѣшняго порабощенія, онъ въ то же время опутываетъ ее „цѣпями невидимаго рабства“. Статья Толстого поможетъ намъ разобратъ въ вопросѣ о томъ, какихъ цѣлей въ области воспитанія и образованія мы не должны ставить, на какомъ основаніи мы не должны его строить, и, такимъ образомъ, поможетъ намъ также найти и то, что должно въ дѣйствительности являться основою воспитанія и образованія.

То раздѣленіе, которое въ прежнихъ своихъ педагогическихъ статьяхъ Толстой дѣлалъ между воспитаніемъ и образованіемъ, онъ признаетъ въ настоящее время искусственнымъ. „И воспитаніе, и образованіе, — говоритъ онъ, — нераздѣльны. Нельзя воспитывать, не передавая знанія; всякое же знаніе дѣйствуетъ воспитательно“. На этомъ основаніи, не касаясь упомянутаго подраздѣленія, онъ говоритъ въ дальнѣйшемъ исключительно объ образованіи, т. е., о томъ, въ чемъ заключаются недостатки существующихъ пріемовъ образованія, и какимъ оно, по его мнѣнію, должно быть.

Изъ приведенныхъ только что словъ, да и вообще изъ содержанія всей статьи мы можемъ ясно видѣть, въ чемъ заключается та первая основная ошибка, въ которую впадаетъ Толстой въ этой статьѣ. Эта основная ошибка состоитъ въ совершенно неправильномъ опредѣленіи образованія. Образованіе понимается какъ передача знаній, и затѣмъ ставится вопросъ, какими основаніями руководиться при выборѣ тѣхъ знаній, которыя мы, взрослые, хотимъ передать дѣтямъ. Но вѣдь прежде всего мы должны рѣшить вопросъ, дѣйствительно ли образованіе есть передача знаній, и достаточно ли только установить правильный выборъ тѣхъ знаній, которыя мы будемъ передавать дѣтямъ, чтобы послѣднія оказались обладателями истиннаго, а не ложнаго образованія. То опредѣленіе образованія, изъ котораго исходитъ Толстой въ сво-

ей послѣдней статьѣ, съ самаго же начала ставить вопросъ объ образованіи на совершенно неправильную почву и потому предрѣшаетъ уже то ложное освѣщеніе вопроса, которое мы въ ней находимъ.

Образованіе, въ истинномъ смыслѣ этого слова, далеко не тождественно съ передачею знаній. Передача знаній есть внѣшній процессъ, между тѣмъ какъ образованіе есть процессъ внутренній, совершающійся изнутри, путемъ органическаго роста, путемъ творческой работы личности, а не путемъ наложенія извнѣ образовательнаго матеріала. Какія бы знанія мы ни передали дѣтямъ, хотя бы это были самыя нужныя для жизни знанія, если эти знанія не будутъ творчески переработаны личностью въ одно гармоническое индивидуальное самобытное цѣлое, мы не получимъ въ результатѣ и того, что можно было бы назвать истиннымъ образованіемъ. Центръ тяжести въ вопросѣ объ образованіи, такимъ образомъ, не въ передачѣ знаній, а въ творческой переработкѣ ихъ. Между тѣмъ, объ этой творческой переработкѣ въ своей послѣдней статьѣ Толстой совсѣмъ почти не упоминаетъ или, во всякомъ случаѣ, не выдвигаетъ ее на первый планъ. Выходитъ такъ—какъ будто самое главное передать дѣтямъ надлежащія, съ точки зрѣнія религіи и нравственности, знанія, а не въ томъ, чтобы пробудить въ нихъ творческія силы въ наивозможно большей степени и поставить ихъ въ такія условія, при которыхъ эта творческая работа могла бы совершаться наиболѣе успѣшнымъ и плодотворнымъ образомъ, и для этой творческой работы имѣлся бы возможно болѣе широкій и обильный матеріалъ. Въ дѣйствительности же дѣло должно бы стоять такимъ образомъ, чтобы открыть передъ дѣтьми ворота и замки всѣхъ областей и всѣхъ отраслей знанія и дать имъ возможность брать изъ необъятной сокровищницы знанія тѣ именно матеріалы и элементы, которыхъ требуетъ самобытная, индивидуальная творческая работа ихъ души. Именно, не передавать дѣтямъ, а ставить ихъ въ такія условія, чтобы они сами брали, не выбирать для нихъ то, что имъ, по нашему мнѣнію, нужно, а дать возможность имъ самимъ, съ полнымъ сознаниемъ и пониманіемъ выбрать въ

области научнаго знанія то, что нужно каждому изъ нихъ въ отдѣльности, какъ своеобразной и самобытной индивидуальности, какъ оригинальному творцу для своей особенной, отличающейся отъ всѣхъ другихъ, творческой работы, — вотъ что является самымъ главнымъ и самымъ важнымъ въ дѣлѣ образованія.

Что „свобода есть необходимое условіе всякаго истиннаго образованія какъ для учащихся, такъ и для учащихся“, — это Толстой, какъ онъ заявляетъ объ этомъ въ началѣ своей статьи, признаетъ теперь, какъ и прежде. Но эта свобода сводится только къ отсутствію угрозъ, наказаній и обѣщанія наградъ, какъ причинъ, обусловливающихъ пріобрѣтеніе тѣхъ или иныхъ знаній. Дальше этихъ предѣловъ свобода не идетъ. Толстой тотчасъ же ставитъ такое ограничительное условіе для всего процесса образованія, что процессъ этотъ и при отсутствіи угрозъ, наказаній и обѣщанія наградъ становится если и неявно, то въ дѣйствительности, когда мы ближе приглядимся къ нему, совсѣмъ несвободнымъ процессомъ. Въ самомъ дѣлѣ, послушаемъ, что дальше говоритъ Толстой о процессѣ образованія. „Для того же“, — читаемъ мы, — „чтобы образованіе, будучи свободно какъ для учащихся, такъ и для учащихся, не было собраніемъ произвольно выбранныхъ, ненужныхъ, несвоевременно передаваемыхъ и даже вредныхъ знаній, нужно, чтобы у обучающихся такъ же, какъ и у обучаемыхъ, было общее и тѣмъ и другимъ основаніе, вслѣдствіе котораго избирались бы для изученія и для преподаванія наиболѣе нужныя для разумной жизни людей знанія и изучались бы и преподавались въ соотвѣтственныхъ ихъ важности размѣрахъ. Такимъ основаніемъ всегда было и не можетъ быть ничто другое, какъ одинаково свободно признаваемое всѣми людьми общества какъ обучающимися, такъ и обучающими, пониманіе смысла и назначенія человѣческой жизни, т.-е. религія“.

Попробуемъ реализовать только что приведенныя мысли и мы увидимъ, какое разительное противорѣчіе въ нихъ скрыто, и какъ въ дѣйствительности то условіе, которое ставитъ Толстой для образованія, въ цѣляхъ его большей плодотворности, сводитъ на нѣтъ всю свободу образованія,

сторонникомъ которой Толстой, по его заявленію, является и теперь, какъ прежде. Въ самомъ дѣлѣ, съ одной стороны, требуется, чтобы образованіе было свободно, а съ другой— чтобы у учащихся и учащихъ было одно общее основаніе для выбора тѣхъ или другихъ знаній и для опредѣленія порядка ихъ пріобрѣтенія, и въ качествѣ такого общаго основанія выставлена религія. Чья религія? Общая религія, одинаково свободно признаваемая какъ дѣтьми, такъ и взрослыми, какъ учащимися, такъ и учащими. Но позвольте, у дѣтей еще нѣтъ никакой религіи, они должны еще выработать и создать ее себѣ, и она можетъ быть только плодомъ долгой и упорной работы ихъ сознанія. Поэтому практически предложеніе Толстого сведется къ тому, что основаніемъ образованія, которымъ будутъ руководствоваться при выборѣ знаній, передаваемыхъ дѣтямъ, и порядка ихъ передачи будетъ служить не общее обучающимъ и обучающимся и одинаково свободно признаваемое ими пониманіе смысла и назначенія человѣческой жизни, а то пониманіе смысла жизни, та религія, которая исповѣдуется обучающими, т.-е., взрослымъ поколѣніемъ; и такимъ образомъ, свобода образованія будетъ поставлена съ самаго же начала на карту. Итакъ, религія въ смыслѣ того или другого опредѣленнаго пониманія смысла и назначенія человѣческой жизни, не можетъ быть такимъ общимъ основаніемъ образованія, которое одинаково свободно признавалось бы какъ дѣтьми, такъ и взрослыми, какъ дающими образованіе, такъ и получающими его, потому что, какъ мы сказали выше, у дѣтей еще нѣтъ и не можетъ быть того или иного сложившагося пониманія жизни. Дѣлать религію въ этомъ смыслѣ основаніемъ образованія, значитъ устанавливать въ этой области гегемонію взрослому поколѣнію надъ подрастающимъ, значитъ отрицать право молодого поколѣнія на то образованіе, которое ему нужно, которое оно само хочетъ и стремится получить. Но тогда не слѣдуетъ и говорить о свободѣ образованія.

Что здѣсь, дѣйствительно, идетъ рѣчь о гегемоніи взрослому поколѣнію надъ дѣтьми и объ одномъ изъ видовъ насилія надъ ними—въ этомъ насъ убѣждаетъ другая статья Толстого: „Въ чемъ главная задача учителя“. Тамъ мы чи-

таемъ, что полезнымъ и однимъ изъ самыхъ хорошихъ дѣлъ школьное дѣло будетъ тогда, „когда учитель, по мѣрѣ силъ своихъ, будетъ внушать дѣтямъ истинно-нравственныя, основанныя на религіозныхъ христіанскихъ началахъ, убѣжденія и привычки“. И далѣе Толстой рассказываетъ, какъ онъ самъ въ этомъ смыслѣ занимался съ дѣтьми въ своей школѣ. Эти занятія имѣли характеръ поученій. Заканчиваетъ онъ изложеніе ихъ такимъ образомъ: „Такія или подобныя поученія, я думаю, не только необходимы для учениковъ, но и обязательны для тѣхъ учителей, которые строго передъ Богомъ, передъ своею совѣстью смотрятъ на свое дѣло“. Въ концѣ статьи мы находимъ такое обращеніе къ сельскимъ учителямъ: „Было бы большимъ грѣхомъ и преступленіемъ, если бы вы, сельскіе учителя, не постарались, насколько это въ вашихъ силахъ, заложить въ воспримчивыя, алчущія правды сердца порученныхъ вамъ дѣтей основы вѣчныхъ религіозныхъ истинъ и настоящей христіанской нравственности, которая такъ легко воспринимается дѣтскими душами“.

Но внушать, поучать и закладывать то или другое въ душу ребенка — что это, какъ не производить надъ этою самою душою насиліе, но только насиліе—тонкое, невидимое, неосязаемое? А душа ребенка вѣдь такъ легко поддается подобному насилію, вѣдь такъ легко все, что бы ни говорилось, воспринимается дѣтскими душами. Но тогда къ чему же мы толкуемъ еще о какой-то свободѣ образованія: ни съ какими внушеніями, поученіями и закладываніями въ душу свобода образованія не мирится. Ребенокъ долженъ творческимъ путемъ доходить до обладанія религіозной истиной и нравственностью, путемъ творческой работы своей собственной мысли, а не путемъ внушенія, поученія и закладыванія въ его душу взрослыми основъ религіи и нравственности. Этими способами не пріобрѣтается ни истинной религіи, ни истинной нравственности. И не совершаютъ ли грѣхъ и преступленіе по отношенію къ дѣтямъ именно тѣ, кто стремится внушать имъ, поучать ихъ, закладывать въ ихъ душу, пользуясь тѣмъ, что ихъ души такъ легко все воспринимаютъ,—а не тѣ, кто стремится будить въ нихъ

свободную творческую работу мысли и пробуждать духъ критики, изслѣдованія и неутомимаго исканія все болѣе прекраснаго и высокаго. Истинное уваженіе къ душѣ ребенка мы проявимъ именно тогда, если остережемся, пользуясь легкою воспріимчивостью этой души, закладывать въ нее какъ можно тверже то, что намъ, современнымъ взрослымъ людямъ, кажется вѣчною и абсолютною истиною. Дадимъ ему лучше возможность самому открыть новыя религіозныя и нравственныя истины, которыя въ такой же мѣрѣ превзошли бы нынѣ признаваемые большинствомъ людей абсолютныя истины, о которыхъ говоритъ Толстой, въ какой эти истины нѣкогда превосходили то, что считалось за высшую истину язычниками и дикарями. Откроемъ передъ дѣтьми широкій и безпредѣльный путь религіознаго и моральнаго творчества, а не будемъ при помощи внушеній, поученій и закладыванія въ ихъ душу тѣхъ или другихъ, такъ называемыхъ, абсолютныхъ истинъ заглушать и подавлять въ нихъ этотъ живой духъ творчества!

Чѣмъ собственно, по существу, отличается то, что Толстой рекомендуетъ сельскимъ учителямъ, и образчикъ чего онъ даетъ въ своей статьѣ „Въ чемъ задача учителя“, отъ того, что практиковалось и теперь нерѣдко практикуется учителями Закона Божія? По существу, здѣсь никакой разницы нѣтъ. Методъ, примѣняемый и въ томъ, и въ другомъ случаѣ, одинъ и тотъ-же — догматическій методъ внушенія дѣтямъ тѣхъ или другихъ, считаемыхъ нами за абсолютныя, истинъ: мы даемъ ребенку готовые отвѣты, а не ставимъ передъ нимъ проблемъ и не побуждаемъ его къ самостоятельному разрѣшенію этихъ проблемъ. Разница вся только въ томъ, что Толстой хочетъ внушать дѣтямъ то, что во всѣхъ религіяхъ, по его мнѣнію, является общимъ, то, что онъ называетъ „общимъ для всѣхъ временъ и для всѣхъ народовъ ученіемъ о религіи и нравственности“, а въ существовавшихъ и существующихъ школахъ дѣтямъ обыкновенно внушается кругъ вѣрованій, составляющій содержаніе той или иной опредѣленной положительной религіи — католической, православной, лютеранской или какой-либо другой.

Такимъ образомъ, изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что

въ основу воспитанія и образованія отнюдь не должно быть полагаемо религіозное пониманіе жизни въ формѣ руководящаго начала всей воспитательной и образовательной дѣятельности. Ибо первый вопросъ, который при этомъ возникаетъ,—чье религіозное пониманіе? И, какъ мы видѣли, фактически таковымъ можетъ быть только религіозное пониманіе воспитателей. Но законно ли, что я буду формировать ребенка сообразно тому или другому религіозному пониманію мною смысла жизни? Законно ли, что я изъ ребенка буду дѣлать орудіе и средство для осуществленія и воплощенія своего религіознаго пониманія жизни? Признавая, что религіозное пониманіе жизни должно быть руководящимъ началомъ воспитательной и образовательной дѣятельности, мы открываемъ двери для насилія надъ духовною личностью ребенка, мы отдаемъ душу ребенка въ полную власть воспитателя. Мы думаемъ, напротивъ, что каково бы ни было религіозное пониманіе жизни воспитателемъ, онъ не долженъ допускать, чтобы это пониманіе опредѣляло практику его воспитательной и образовательной дѣятельности. Воспитаніе и образованіе должны быть независимы отъ тѣхъ или другихъ религіозныхъ взглядовъ воспитателя. Руководящимъ началомъ дѣятельности воспитателя должны быть не религіозные взгляды, не то или иное религіозное пониманіе имъ жизни, а нѣчто другое. Руководящимъ началомъ для воспитателя должно служить свободное развитіе ребенка въ томъ направленіи, какое указываетъ природой самого ребенка и правильно понимаемыми дѣйствительными его интересами. Ребенокъ и его свободное развитіе — это самодавлѣющая цѣль воспитанія и образованія, которая ни въ чемъ не должна терпѣть умаленія—ни въ силу религіозныхъ, ни въ силу иныхъ взглядовъ. Иначе все воспитаніе получитъ ложный и извращенный характеръ и вмѣсто процесса „освобожденія ребенка“ станетъ процессомъ закрѣпощенія его.

Воспитатель, который руководящимъ началомъ своей воспитательной и образовательной дѣятельности ставитъ религіозное пониманіе жизни, направляетъ естественное развитіе ребенка сообразно съ тѣмъ, какъ это ему указываетъ его религіозное пониманіе. Ну что же, — могутъ намъ возра-

зять, — вѣдь надо же дать какое-нибудь направленіе этому естественному развитію. Зачѣмъ? Предоставьте ему самому найти это направленіе, а не диктуйте и не накладывайте его извнѣ. Какое же это будетъ свободное развитіе, если пути ему будетъ указывать воспитатель. Свободное развитіе и воспитаніе на религіозныхъ началахъ — это двѣ вещи несоизмѣримыя. Религіозное воспитаніе, о которомъ говоритъ Толстой, какъ бы возвышенно оно ни было, можетъ воспитать только личностей, скованныхъ „цѣпями невидимаго рабства“. — Такимъ образомъ, — скажете вы, — воспитаніе должно быть лишено всякихъ руководящихъ началъ? Ни въ какомъ случаѣ. Но только руководящимъ его началомъ будетъ не воспитатель, не тѣ или другіе его взгляды, не то или другое пониманіе имъ смысла жизни, а ребенокъ. Ребенокъ, естественный процессъ развитія котораго зорко и внимательно наблюдаетъ воспитатель, будетъ указывать послѣднему тотъ путь, по которому надо его вести. Ребенокъ, живой ребенокъ, котораго воспитываютъ, вотъ что должно быть руководящимъ началомъ всей воспитательной и образовательной дѣятельности, вотъ что должно быть положено въ основу всякаго воспитанія и образованія.

* * *

„Съ тѣхъ поръ“, — говоритъ Толстой, — „какъ существуетъ человѣчество, всегда у всѣхъ народовъ являлись учителя, составлявшіе науку о томъ, что нужнѣе всего знать человеку. Наука эта всегда имѣла своимъ предметомъ знаніе того, въ чемъ назначеніе и потому истинное благо каждаго человека и всѣхъ людей“. Этой-то самой главной и самой важной наукѣ, которая уже затѣмъ послужитъ руководящей нитью въ опредѣленіи значенія всѣхъ другихъ знаній, и должны прежде всего обучаться молодыя поколѣнія, т.-е., должны обучаться, въ чемъ смыслъ человѣческой жизни, чѣмъ она должна быть руководима, и что думали объ этомъ вопросѣ и какъ рѣшали его мудрѣйшіе люди всѣхъ временъ и всего міра. На возраженіе, что общаго большинству людей религіознаго ученія и ученія о нравственности не существуетъ, Толстой отвѣчаетъ: „Это неправда, во-1-хъ, по-

тому, что такія общія всему человѣчеству ученія всегда были, и есть, и не могутъ не быть, потому что условія жизни всѣхъ людей, во всѣ времена и вездѣ одни и тѣ же,— во-2-хъ, потому, что во всѣ времена среди милліоновъ людей всегда мудрѣйшіе изъ нихъ отвѣчали людямъ на тѣ главные жизненные вопросы, которые стоятъ передъ человѣчествомъ. Стоитъ только людямъ серьезно отнестись къ вопросамъ жизни, и одна и та же—и религіозная, и нравственная истина во всѣхъ ученіяхъ... откроется имъ“.

Попробуемъ разобраться въ этомъ рядѣ мыслей. Хотя Толстой и утверждаетъ, что существуютъ будто-бы общія всему человѣчеству религіозныя ученія и ученія нравственности, но этого положенія въ дѣйствительности онъ нигдѣ и ничѣмъ не доказываетъ, потому что нельзя же считать доказательствомъ голословное утвержденіе, что таковыхъ общихъ ученій не можетъ не быть, такъ какъ условія жизни всѣхъ людей, во всѣ времена и вездѣ одни и тѣ же. Этому утвержденію можно противопоставить и противоположное,— что условія жизни людей безконечно разнообразны и постоянно и непрерывно мѣнялись въ теченіе жизни всего человѣчества, какъ непрерывно мѣняются и въ теченіе жизни отдѣльной личности. Вся бѣда въ томъ, что въ то время, какъ для Толстого-художника существуетъ конкретная индивидуальная человѣческая личность, и онъ такъ великолѣпно умѣетъ ее изображать,—для Толстого-мыслителя, философа и проповѣдника существуетъ только „человѣкъ вообще“, индивидуальный же человѣкъ сводится на нѣтъ передъ этимъ человѣкомъ вообще. Если мы станемъ на точку зрѣнія этого отвлеченнаго, абстрактнаго человѣка, на точку зрѣнія „человѣка вообще“, тогда, дѣйствительно, исчезнутъ всѣ индивидуальные различія, все разнообразіе жизни, но тогда исчезнетъ и сама жизнь, и все то, что является въ жизни наиболѣе цѣннымъ и заставляетъ дорожить ею. Ученіе Толстого хотя и стремится быть отвѣтомъ на вопросы жизни, но въ дѣйствительности является, на нашъ взглядъ, ученіемъ, отрицающимъ жизнь, такъ какъ во имя какого-то отвлеченнаго человѣка вообще отрицаетъ человѣка конкретнаго, индивидуальнаго. И чѣмъ глубже, чѣмъ серьезнѣе этотъ кон-

кретный индивидуальный человекъ будетъ относиться къ вопросамъ жизни, тѣмъ болѣе его религіозныя и нравственныя воззрѣнія будутъ носить своеобразный отпечатокъ его личности, тѣмъ больше въ области религіи и нравственности будетъ разнообразіа, тѣмъ больше это волеетъ въ нихъ жизни и жизненности, и, вмѣсто одной и той же религіозной и нравственной истины, каждый человекъ найдетъ свою личную религіозную и нравственную истину. И только при этихъ условіяхъ религія и нравственность среди человечества достигнутъ своего зенита.

Въ основѣ всѣхъ воззрѣній Толстого послѣдняго времени лежитъ вѣра въ вѣчную абсолютную истину и желаніе, чтобы всѣ люди научились отъ „мудрѣйшихъ“, отъ тѣхъ, кто выступаетъ по отношенію къ другимъ людямъ, какъ „учитель“—этой вѣчной и абсолютной истинѣ и подчинили ей свою жизнь, свои мысли, чувства и волю. Эта вѣчная и абсолютная истина дастъ людямъ истинное благо и спасетъ ихъ отъ безумной жизни. Въ статьѣ „Принципъ авторитета и его значеніе въ жизни и воспитаніи“ я подробно развилъ свой взглядъ на абсолютную истину, указавъ, что „абсолютная истина есть замаскированная форма, въ какой выражается жажда власти или „воля къ власти“, употребляя выраженіе Ницше“. Тамъ, гдѣ идетъ рѣчь объ абсолютной истинѣ, тамъ идетъ рѣчь о царствѣ власти, а не о царствѣ свободы, потому что подъ видомъ абсолютной истины хотятъ проникнуть въ самую глубину нашего сознанія, въ „святая святыхъ“ нашей души. Но „желать управлять умами“, какъ сказалъ Гюйо, „еще худшее зло, чѣмъ желать управлять тѣлами; надо бѣжать отъ всякаго вида „направленія сознанія“ или „направленія мысли“, какъ отъ истиннаго бича“. А что рѣчь здѣсь, дѣйствительно, идетъ о направленіи сознанія, направленіи мысли и духовномъ управленіи душами людей—это ясно изъ всей статьи Толстого, въ которой такое значеніе при дается „учителямъ“ и „мудрѣйшимъ людямъ всѣхъ временъ и всего міра“. Эти „учителя“ и мудрецы, постигшіе „вѣчную абсолютную истину“, должны вести человечество и направлять его жизнь. Они знаютъ, въ чемъ назначеніе и истинное благо „каждаго человека и всѣхъ людей“. И когда миллио-

ны людей внемлютъ, наконецъ, этимъ мудрѣйшимъ и подчинятся имъ, тогда, — думаетъ Толстой, — кончится та безумная жизнь, которая господствуетъ въ настоящее время, и человечество заживетъ истинною и настоящею жизнью. Но только какую цѣну будетъ имѣть эта истинная и настоящая жизнь, разъ эта жизнь будетъ жизнью рабовъ и притомъ рабовъ до самыхъ послѣднихъ глубинъ своего сознанія? Мы думаемъ, что если мечтать, то надо мечтать о совершенно другомъ, объ обратномъ, — не о томъ, чтобы мысли мудрецовъ и мыслителей получили власть надъ всѣмъ человечествомъ, а о томъ, чтобы все человечество, т.-е., каждый отдѣльный конкретный человѣкъ, его составляющій, научилось само мыслить и подчиняться своимъ собственнымъ мыслямъ, научилось быть учителемъ самого себя и не признавать надъ собою власти чужихъ мыслей, хотя бы эти мысли служили выраженіемъ „вѣчной и абсолютной истины“, не подчиняться никакимъ учителямъ, какъ бы велики эти учителя ни были.

* * *

„Первое и самое главное знаніе, — говоритъ Толстой, — которое свойственно прежде всего передавать дѣтямъ и учащимся взрослымъ, это отвѣтъ на вѣчные и неизбѣжные вопросы, возникающіе въ душѣ каждаго приходящаго къ сознанію человѣка. Первый: что я такое, и какое мое отношеніе къ безконечному міру? и второй, вытекающій изъ перваго: какъ мнѣ жить, что считать всегда, при всѣхъ возможныхъ условіяхъ, хорошимъ и что всегда, и при всѣхъ возможныхъ условіяхъ, дурнымъ?“

Я согласенъ, что тѣ вопросы, о которыхъ здѣсь упоминаетъ Толстой, самые главные и самые важные для каждаго человѣка, но отвѣтъ на эти вопросы каждый долженъ и можетъ находить только самъ. Никакіе мудрецы всего міра и всѣхъ временъ не отвѣтятъ мнѣ на эти вопросы, поскольку они касаются меня лично, а не относятся къ отвлеченному человѣку вообще. Дѣйствительно, самое важное и самое главное для меня, выяснить, каково мое личное отношеніе къ міру, къ людямъ, какъ я — данный опредѣленный человѣкъ — долженъ жить. Лучшіе мыслители міра, о которыхъ

говорить Толстой, отвѣчаютъ только на этотъ послѣдній вопросъ, говорятъ о томъ, каково ихъ личное отношеніе къ міру и жизни, какъ лично имъ представляется смыслъ жизни, но у нихъ я не могу получить готоваго отвѣта на вопросъ о смыслѣ своей личной жизни. Только я самъ, лично, творческою работою своей мысли могу и долженъ добиваться этого отвѣта, а отвѣтами существовавшихъ и существующихъ ученій религіи и нравственности, я буду пользоваться только какъ матеріаломъ для личнаго творчества въ этой области. Вѣдь самъ же Толстой говоритъ, что отвѣтъ на вопросъ о смыслѣ жизни всегда былъ и есть въ душѣ каждаго человѣка. А если это такъ, то поможемъ лучше каждой человѣческой душѣ самой найти отвѣтъ на этотъ вопросъ въ своихъ глубинахъ, поможемъ каждому найти это творческою работою его мысли, а не путемъ преподаванія религіи и нравственности. Потому именно, что религія и нравственность — самое главное и самое важное въ жизни человѣка, имъ не надо обучать, ихъ не надо преподавать, ихъ даже не надо класть въ основу образованія. Онѣ должны быть не основою образованія, а зрѣлымъ плодомъ его, добытымъ путемъ собственныхъ самостоятельныхъ усилій, онѣ должны быть вѣнцомъ образованія, а не его исходною точкою. Только свободно выросшая нравственность и свободно созданная религія заслуживаютъ названія религіи и нравственности. Воспитатели должны облегчить этотъ свободный ростъ и развитіе истинной, творчески созданной каждой личностью самой для себя, нравственности и религіи, и для этого прежде всего они должны позаботиться о томъ, чтобы образованіе личности было, дѣйствительно, свободно, чтобы фундаментомъ его была сама индивидуальная личность, свободная, расширенная до предѣловъ возможнаго творческая работа ея души, а не то или иное религіозно-нравственное ученіе, какой бы общій характеръ оно ни носило; не тѣ или инныя основы религіозныхъ и нравственныхъ ученій, хотя бы онѣ были, по словамъ Толстого, высказаны всѣми лучшими мыслителями міра, — отъ Моисея, Сократа, Кришны, Эпиктета, Будды, Марка Аврелія, Конфуція, Христа, Иоанна апостола, Магомета до Руссо, Канта, персидскаго Баба, ин-

дусскаго Вивеканады, Чаннинга, Эмерсона, Рёскина, Сквороды и др.“

Толстой думаетъ, что до тѣхъ поръ, пока религіозно-нравственное ученіе не будетъ положено въ основу образованія, до тѣхъ поръ „не можетъ быть никакого разумнаго образованія“. Мы же думаемъ, что и тогда, когда въ основу образованія будетъ положено религіозно-нравственное ученіе, какъ это представляетъ себѣ Толстой, оно все же останется такимъ же неразумнымъ, какимъ оно было въ большинствѣ случаевъ и до сихъ поръ. Разумнымъ и истиннымъ образованіе не станетъ до тѣхъ поръ, пока мы не перестанемъ искать для него какихъ бы то ни было внѣшнихъ основъ, пока не построимъ его всецѣло на самой индивидуальной личности, объ образованіи которой идетъ рѣчь, на самобытной творческой работѣ ея души. Внѣ свободной, въ духовномъ смыслѣ, личности, внѣ самостоятельной творческой работы ея сознанія — нѣтъ и не можетъ быть истиннаго, разумнаго образованія. Религіозно-нравственное ученіе Толстого, общее будто бы всѣмъ людямъ, служащее выраженіемъ будто бы одной и той же религіозной и нравственной истины, таящейся во всѣхъ ученіяхъ „отъ Кришны, Будды, Конфуція до Христа, Магомета и новѣйшихъ мыслителей“, является такимъ же тормозомъ въ полученіи истиннаго и разумнаго образованія, какимъ и противопоставляемое имъ этому истинному религіозно-нравственному ученію „собраніе грубыхъ суевѣрій и плохихъ софизмовъ“, преподносимое дѣтямъ во многихъ школахъ.

* * *

Въ заключеніе своей статьи Толстой пишетъ: „И потому полагаю, что главная и единственная забота людей, занятыхъ вопросами образованія, можетъ и должна состоять прежде всего въ томъ, что бы выработать соотвѣтственное нашему времени религіозное и нравственное ученіе и, выработавъ таковое, поставить его во главѣ образованія“. Мы думаемъ, что съ этимъ едва ли можно согласиться. Главная и единственная забота людей, занятыхъ вопросами образованія,

можетъ и должна состоять въ томъ, чтобы сдѣлать образованіе каждаго человѣка, въ истинномъ смыслѣ этого слова, свободнымъ образованіемъ, чтобы каждый человѣкъ (ребенокъ или взрослый, все равно) являлся самъ опредѣляющимъ моментомъ въ томъ образованіи, которое онъ получаетъ, — чтобы узнать и опредѣлить тѣ условія, которыя способствуютъ освобожденію въ каждой личности творческихъ духовныхъ силъ въ возможно большей степени и облегчаютъ эту творческую работу, и чтобы, сообразно съ этимъ приобретеннымъ знаніемъ, преобразовать существующую школу, отъ низшей ея ступени до высшей такимъ образомъ, чтобы она стала мѣстомъ наиболѣе пышнаго расцвѣта духовныхъ творческихъ силъ въ личности. И когда это будетъ достигнуто, тогда только, дѣйствительно, свободно создастся и выработается соответственное нашему времени религіозное и нравственное ученіе. Общая религія и нравственность, — которыя считаетъ необходимыми Толстой, — если онѣ возникнутъ тогда, будутъ плодомъ свободного образованія каждой личности, а не цѣпями, которыя съ самаго начала сковываютъ это образованіе и ведутъ его по напередъ предрѣшенному и установленному пути. Въ цѣляхъ созданія такой свободной общей религіи и нравственности, освободимъ образованіе каждой личности отъ всякаго религіознаго и нравственнаго давленія, поставимъ его на свои собственные ноги, не будемъ класть въ его основу никакого религіозно-нравственнаго ученія, какой бы общій и возвышенный характеръ оно ни носило. Пусть его основой будетъ свободная творческая личность, самобытная творческая работа индивидуальнаго сознанія. И тогда человѣчество, дѣйствительно, достигнетъ высшихъ формъ религіи и нравственности, достигнетъ того о чемъ и не грезили всѣ лучшіе мудрецы и мыслители міра.

Когда мы свергнемъ господствующее надъ нами иго мудрецовъ и мыслителей, когда мы перестанемъ подчиняться ихъ мыслямъ и ихъ велѣніямъ, а используемъ ихъ мысли только какъ матеріалъ для нашего творчества, когда каждый будетъ стремиться стать самъ для себя тѣмъ мудрецомъ и мыслителемъ, мысли котораго онъ кладетъ въ основу своей

жизни, тогда начнется новый свѣтлый періодъ въ жизни человѣчества, тогда религіозное и моральное творчество достигнетъ наибольшей возможной высоты и тогда нравственность и религія выйдутъ изъ того оцѣпенѣло-мертвораго состоянія, въ какомъ онѣ находятся въ настоящее время.

Ничто такъ не стоитъ на пути къ прогрессивному развитію всего человѣчества, въ религіозномъ и нравственномъ отношеніи—какъ культъ мудрецовъ и мыслителей, какъ преклоненіе передъ каждымъ высказаннымъ ими словомъ. Священные книги, называются ли онѣ кораномъ, талмудомъ или „кругомъ чтенія“ Л. Н. Толстого, всегда являются великимъ тормозомъ въ дѣлѣ нравственнаго и религіознаго развитія человѣчества и именно постольку, поскольку онѣ въ умахъ людей имѣютъ характеръ священныхъ книгъ, постольку существуетъ стремленіе разсматривать ихъ, какъ содержащія въ себѣ вѣчныя и абсолютныя истины. Откажемся отъ подчиненія этимъ книгамъ, будемъ жить своимъ умомъ, мыслить собственными мыслями, хотѣть своею волею, составимъ сами для себя свою собственную священную книгу, свой собственный „кругъ чтенія“ и перестанемъ отдавать свои души во власть другихъ, кто бы они ни были и какъ бы они ни назывались, Сократомъ, Магометомъ, Кантомъ, Руссо, Ницше или Толстымъ. Будемъ любить этихъ величайшихъ мудрецовъ міра, будемъ признательны имъ за ихъ труды, но не будемъ преклоняться передъ ними, не будемъ склонять передъ ними наши головы и особенно наши души. Будемъ держать свои души въ своихъ собственныхъ рукахъ... Будемъ итти своимъ путемъ, который мы сами находимъ и сами себѣ указываемъ. И постараемся поставить дѣло образованія подрастающихъ поколѣній такъ, чтобы это молодое поколѣніе было свободно отъ „цѣпей невидимаго рабства“, которыми его стремятся опутать со всѣхъ сторонъ, чтобы, не связанное никакими мудрецами и никакими священными книгами, оно шло неуклонно и прямо къ своей высшей цѣли, осуществляло свою высшую волю и камень за камень создало бы зданіе будущаго свободнаго человѣчества, величественный храмъ свободной религіи и свободной нравственности.

* *
* *

Можетъ показаться, что то, что проповѣдуетъ Толстой, является кореннымъ преобразованиемъ и всего строя общечеловѣческой жизни и всей системы нашего воспитанія и образованія. Но это только кажется. По существу же, Толстой остается все на той же плоскости, на какой стоитъ и та ненормальная, безумная жизнь, какъ ее называетъ Толстой, которую ведутъ современные люди, и та ложная система воспитанія и образованія, которая примѣняется по отношенію къ молодому поколѣнію, и которую онъ отрицаетъ. То, что предлагаетъ Толстой, измѣняетъ только формы жизни, формы воспитанія и образованія, но сущность ихъ, ихъ методы остаются неизмѣнными. На чемъ основана современная жизнь? На принципѣ авторитета, на іерархіи, на подчиненіи однихъ и господствѣ другихъ. Уничтожается ли это съ принятіемъ того, что проповѣдуетъ Толстой? Ни въ малѣйшей степени: остается все то же господство однихъ и подчиненіе другихъ, та же іерархія, то же владычество авторитета, измѣняется только форма всего этого. На мѣсто существующихъ формъ авторитета ставится авторитетъ вѣчной и абсолютной истины, на мѣсто существующей іерархіи—іерархія по степени познанія этой вѣчной и абсолютной истины и проникновенія ею; на мѣсто существующихъ формъ господства и подчиненія — господство мудрѣйшихъ, великихъ „учителей“ жизни и подчиненіе всѣхъ остальныхъ милліоновъ человѣчества этимъ мудрецамъ, на мѣсто прежняго грубаго насилія—„цѣпи невидимаго рабства“, мягко накладываемыя на человѣческую душу путемъ внушенія, проповѣди и пр.

Такимъ образомъ, по существу, между современною системою жизни и воспитанія, которую осуждаетъ Толстой, и тою, которую онъ проектируетъ, нѣтъ коренной, существенной разницы. Основы остаются тѣ же. Новую основу жизни мы дѣйствительно имѣли бы только въ томъ случаѣ, если бы смѣло и рѣшительно апеллировали къ свободной индивидуальной человѣческой личности, какъ фундаменту новыхъ формъ жизни и воспитанія, къ освобожденію творческихъ силъ души въ каждой личности, какъ новому методу, кото-

раго надо держаться и въ области жизни, и въ сферѣ воспитанія и образованія. На этой новой основѣ и при примѣненіи этого новаго метода только и могутъ вырасти новыя формы жизни, воспитанія и образованія, которыя будутъ кореннымъ и существеннымъ образомъ отличаться отъ существовавшихъ и существующихъ въ настоящее время. Но надо для этого исходить не отъ отвлеченнаго человѣка вообще и даже не изъ понятія „человѣчества“, потому что человѣчества, какъ одного, единого цѣлаго, въ дѣйствительности еще не существуетъ, а отъ конкретнаго индивидуальнаго человѣка, отъ признанія за нимъ права на свободное строительство жизни и свободное творчество всего того, что онъ считаетъ своими высшими сокровищами, на свободное исканіе истины безъ обязательства признавать что-либо за абсолютную истину, сколько бы мудрецовъ ни свидѣтельствовали намъ, что это—абсолютная и вѣчная истина. Надо конкретнаго индивидуальнаго человѣка освободить отъ всякаго навязаннаго ему руководительства. И когда каждая человѣческая личность будетъ сама руководить собою, и вся система воспитанія и образованія будетъ ее вести къ этому, тогда мы, на самомъ дѣлѣ, обрѣтемъ новую основу жизни, а что вырастетъ на этой основѣ, какъ обновится вся жизнь и личная, и общественная, какія возвышенныя, благородныя формы она пріобрѣтетъ, какія новыя цѣнности создастъ, это намъ трудно даже и предугадать. Конкретная индивидуальная человѣческая личность—это нервъ жизни человѣчества. И если мы, вмѣсто того, чтобы умерщвлять этотъ нервъ, дадимъ ему возможность дѣйствительно стать нервомъ жизни человѣчества, тогда и жизнь широкой волной разольется среди человѣчества, и оно предстанетъ, какъ нѣчто живое, солидарное въ истинномъ смыслѣ этого слова, какъ одно гармоническое цѣлое, состоящее изъ самобытныхъ индивидуальностей, свободно соединенныхъ другъ съ другомъ узами братства. Человѣчество въ настоящее время есть только задача, которая должна быть осуществлена, которая явится вѣнцомъ и результатомъ долгаго процесса развитія, но не можетъ быть исходною и отправною точкою. Исходною и отправною точкою можетъ быть только конкретный индивидуальный человѣкъ.

Только путемъ освобожденія индивидуальнаго человѣка какъ взрослога, такъ и ребенка, путемъ построенія всей системы жизни и всей системы воспитанія и образованія такимъ образомъ, чтобы они вели къ наибольшему подъему и наибольшему расцвѣту творческихъ силъ въ каждой человѣческой личности, мы придемъ къ созданію „новаго человечества“, къ тому, что можно будетъ назвать человечествомъ въ истинномъ смыслѣ этого слова. Человѣчество — имя, отъ котораго бьются усиленно наши сердца, перестанетъ быть только словомъ, а станетъ громаднымъ реальнымъ фактомъ, всю глубину и все значеніе котораго едвали мы въ состояніи теперь даже и измѣрить.

* * *

Заканчивая свою статью, я сознаю, что далеко не исчерпалъ всего того, что можно было бы сказать по поводу затронутаго мною вопроса и по поводу мыслей, высказанныхъ Л. Н. Толстымъ въ своей статьѣ-письмѣ „О воспитаніи“. Считаю необходимымъ сдѣлать еще только одно замѣчаніе.

Толстой 60-хъ годовъ оставилъ намъ богатое наслѣдство педагогическихъ идей, которыя навсегда сохранятъ свою непреходящую цѣнность. Кто краснорѣчивѣе его доказалъ, что „воспитаніе, какъ умышленное формированіе людей по извѣстнымъ образцамъ, неплодотворно, незаконно, невозможно“! (Полное собр. сочиненій, т. VIII, стр. 103). И вотъ теперь приходится съ грустью видѣть, какъ Толстой нашихъ дней своими собственными руками стремится разрушить то, что въ его педагогическихъ сочиненіяхъ шестидесятихъ годовъ имѣетъ наибольшую цѣнность. Эти-то взгляды Толстого шестидесятихъ годовъ истинные друзья Толстого и должны были бы взять подъ свою защиту противъ Толстого послѣдняго времени. Не всегда то, что является позднѣйшимъ твореніемъ писателя, бываетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и наиболѣе цѣннымъ. Это примѣнимо ко всякому писателю, а слѣдовательно и къ Толстому, и эту истину не слѣдовало бы никогда упускать изъ вида.

Подводя итоги своей статьи и резюмируя все мною сказанное, на вопросъ—въ чемъ основа воспитанія и образова-

нія—я отвѣчу: единственною истинною основою образованія можетъ быть только сама индивидуальная личность, объ образованіи которой идетъ дѣло. Не религіозно-нравственное, т.-е., не пропитанное духомъ религіи и нравственности, не общечеловѣческое или гуманное, т.-е., имѣющее въ виду отвлеченнаго человѣка вообще, не какое-либо иное, — но индивидуальное образованіе, покоящееся на самобытной, своеобразной личности ребенка, должны мы давать нашимъ дѣтямъ, если мы хотимъ имъ дать истинное и настоящее образованіе. Всякое другое образованіе есть суррогатъ образованія, есть фальшивый бриллиантъ, который обманываетъ своимъ ложнымъ блескомъ. И только реформа воспитанія и образованія какъ дѣтей, такъ и взрослыхъ въ направленіи все большаго индивидуализированія, все большаго духовнаго освобожденія какъ ребенка, такъ и взрослога отъ „цѣпей невидимаго рабства“ будетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ всеобщее коренное обновленіе существующей ненормальной личной и общественной жизни.

Этика, педагогика и политика ¹⁾).

Три сферы человеческой дѣятельности,—дѣятельность, направленная на осуществленіе нравственнаго идеала, дѣятельность, имѣющая въ виду воспитательныя задачи, и дѣятельность, ставящая своею цѣлью измѣненіе формъ общественной жизни,—являются одними изъ важнѣйшихъ формъ человеческой дѣятельности вообще, и потому и вопросъ о томъ взаимномъ отношеніи, которое существуетъ между ними, представляетъ одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, которые имѣютъ для человѣка первостепенное значеніе. Трѣмъ этимъ сферамъ дѣятельностей соотвѣтствуютъ три научныя дисциплины—этика, педагогика и политика,—и потому возникаетъ еще вопросъ о томъ отношеніи, которое существуетъ между этими тремя дисциплинами. Ниже мы и попытаемся намѣтить путь къ разрѣшенію этихъ обоихъ вопросовъ, рассматривая ихъ въ тѣснѣйшей связи другъ съ другомъ.

Итакъ, спрашивается, существуетъ ли какое-либо необходимое соотношеніе, какая-либо тѣсная связь между этими тремя родами дѣятельностей—этической, педагогической и политической—или это совершенно обособленныя другъ отъ друга и вполнѣ независимыя области дѣятельностей? Могутъ ли онѣ быть объединены въ одно гармоническое цѣлое или, наоборотъ, при всякой попыткѣ ихъ сліянія и соединенія мы натолкнемся на непреодолимыя препятствія? Вопросы эти для каждаго сознательнаго человѣка представляются въ высшей степени важными, потому что на каждомъ лежитъ этическая, педагогическая и политическая миссія, если можно такъ выразиться, и разобрать въ этихъ миссіяхъ и сумѣть ихъ со-

¹⁾ Статья эта была помѣщена въ журналѣ „Вѣстникъ Воспитанія“ за 1906 г., № 3.

гласовать между собою, чтобы придать своей дѣятельности характеръ единства, является существенно необходимымъ для всякой сознательной личности, желающей, чтобы жизнь ея въ цѣломъ и въ каждой изъ названныхъ областей имѣла наиболѣе плодотворный характеръ, была бы въ наибольшей возможной степени богата положительными результатами. Въ этой задачѣ отдѣльной личности должны помочь этика, педагогика и политика, и онѣ ей помогутъ, если только каждая изъ этихъ научныхъ дисциплинъ будетъ пытаться вступить въ тѣсную связь съ каждой изъ другихъ и опредѣлить формы того взаимнаго отношенія, при которомъ бы онѣ составили одно гармоническое цѣлое.

Для лучшаго разрѣшенія поставленной нами себѣ такимъ образомъ задачи мы рассмотримъ сначала въ отдѣльности каждый изъ названныхъ видовъ дѣятельности, попытаемся опредѣлить ея цѣль, а въ связи съ этимъ и тѣ основныя проблемы, разрѣшеніемъ которыхъ должны заниматься практическія научныя дисциплины—этика, педагогика и политика, назначеніе которыхъ состоитъ въ томъ, чтобы облегчить человѣку достиженіе цѣлей въ соотвѣтствующихъ имъ областяхъ дѣятельности. Только, послѣ такого разсмотрѣнія каждаго изъ названныхъ видовъ дѣятельности въ отдѣльности намъ станетъ ясною и та взаимная связь, которая существуетъ между ними, и то гармоническое согласіе, какое здѣсь можетъ быть установлено.

I.

Общая характеристика нравственной дѣятельности. Основная проблема этики.

Что такое этическая, или нравственная дѣятельность? какова ея природа и какова ея естественная цѣль, вытекающая изъ самой природы этой дѣятельности, а не навязанная ей извнѣ и потому самому чуждая ея природѣ или даже идущая съ ней въ разрѣзъ? Чтобы ясно понимать природу этой дѣятельности, надо помнить, что этической дѣятельностью человѣка можетъ являться только въ той мѣрѣ, въ какой она носитъ сознательный волевой характеръ, въ какой мы здѣсь имѣемъ сознательную постановку со стороны человѣка тѣхъ

или другихъ цѣлей и сознательное стремленіе къ ихъ достиженію. Поскольку же дѣятельность человѣка носить автоматическій, произвольный характеръ, постольку нелѣпо было бы прилагать къ ней и эпитетъ „этической“. Она является тогда не болѣе этической по своимъ качествамъ, чѣмъ паденіе какого-нибудь камня на землю или движеніе крови въ артеріяхъ и венахъ.

Но всякая ли сознательная волевая дѣятельность тѣмъ самымъ, что здѣсь имѣетъ мѣсто сознательная постановка цѣли и сознательное стремленіе къ ея достиженію, становится дѣятельностью этической? Нѣтъ, этого одного условія еще недостаточно. Этическая дѣятельность это есть высшая форма сознательной волевой дѣятельности, это есть та ея форма, при которой воля человѣка поднимается на высшую возможную ступень развитія и совершенства, это есть непрерывное движеніе человѣческой воли въ направленіи къ этому все большому и большому совершенству, путь къ которому опредѣляется и намѣчается самою природою ея. вмѣстѣ съ тѣмъ не трудно и опредѣлить, въ чемъ заключается естественное совершенство воли. Чѣмъ больше цѣлей она можетъ достигать и на ряду съ этимъ, чѣмъ больше гармоніи между этими цѣлями, чѣмъ въ большей степени онѣ составляютъ одну систему, чуждую всякихъ противорѣчій внутри, тѣмъ большей высоты достигаетъ развитіе и совершенство человѣческой воли. Это послѣднее условіе, т.-е. наибольшая гармонія, является одновременно и факторомъ, обуславливающимъ наибольшее количество цѣлей, наиболѣе возможную широту той системы цѣлей, которая преслѣдуетъ человѣкъ, такъ какъ, чѣмъ больше гармоніи между цѣлями жизни, чѣмъ меньше между ними противорѣчій, тѣмъ меньше пропадаетъ волевой энергіи безплодно, тѣмъ больше ее сберегается для новыхъ цѣлей болѣе сложныхъ и болѣе высокаго порядка. Безпредѣльное возможное расширеніе системы цѣлей человѣческой жизни и постоянное стремленіе внести гармонію, единство, цѣльность въ эту непрерывно расширяющуюся систему цѣлей и составляетъ то, что придаетъ человѣческой дѣятельности этическій характеръ.

Человѣческая дѣятельность становится этической въ той мѣрѣ, въ какой она руководится идеей внесенія гармоніи въ

безпредѣльно расширяющуюся систему цѣлей человѣческой жизни. Выше этой идеальной цѣли нельзя себѣ представить никакой другой. Всякая другая цѣль, которая предлагалась или могла бы быть предложена въ качествѣ высшаго критерія нравственности, включается въ эту самую высшую возможную цѣль человѣческой жизни и занимает по отношенію къ ней подчиненное и служебное положеніе: она является только частью или составнымъ элементомъ этой высшей цѣли.

Если имѣть въ виду не тѣ субъективныя цѣли, которыя ставить себѣ человѣкъ въ своей дѣятельности, а тѣ, соответствующіе этимъ послѣднимъ, объективные результаты, которыхъ онъ достигаетъ при посредствѣ этой дѣятельности, то можно сказать, что человѣческая дѣятельность тѣмъ въ большихъ размѣрахъ принимаетъ этическій характеръ, чѣмъ болѣе она стремится стать плодотворной по своимъ результатамъ. Наиболѣе же плодотворной она дѣлается въ той мѣрѣ, въ какой она объединяется, становится цѣльной, единой, въ какой отдѣльныя ея части стремятся составить одно гармоническое цѣлое. Каждый сознательный поступокъ человѣка, каждое его дѣло въ этомъ смыслѣ можетъ пріобрѣсти этическій характеръ, поскольку при его совершеніи человѣкъ имѣетъ въ виду всю свою возможную дѣятельность, поскольку это дѣло является только составною частью громаднаго дѣла всей его жизни. Стремленіе изъ всѣхъ маленькихъ частныхъ обособленныхъ дѣлъ нашей жизни сдѣлать одно дѣло поднимаетъ эти маленькія дѣла до степени одного великаго громаднаго нравственнаго дѣла и даетъ каждому изъ нихъ нравственную окраску. Такимъ образомъ, вся наша дѣятельность можетъ и должна становиться этической, если только она двигается въ направленіи все къ большому и большому совершенству, т. е. все къ большому гармоническому объединенію и вмѣстѣ съ тѣмъ расширенію до предѣловъ возможнаго.

Здѣсь мы должны обратить вниманіе еще на одну очень важную сторону дѣла, выражающую ту же истину, только въ нѣсколько другой формѣ. Нравственная дѣятельность есть дѣятельность, заключающаяся въ сознательной постановкѣ цѣлей и въ сознательномъ стремленіи къ ихъ достиженію. Слѣдовательно, это есть дѣятельность творческая въ высшемъ

ея значеніи и вмѣстѣ съ тѣмъ это есть дѣятельность, путемъ которой реализуется свобода человѣческой воли, та реальная и фактическая свобода, которую располагаютъ люди, хотя и въ различной степени, и которая состоитъ ни въ чемъ иномъ, какъ въ способности ставить сознательно цѣли и стремиться сознательно къ ихъ достиженію. И чѣмъ болѣе человѣкъ въ постановкѣ цѣлей освобождается отъ ображеній минуты, чѣмъ болѣе онъ становится на точку зрѣнія всей своей жизненной сознательной дѣятельности, чѣмъ болѣе онъ имѣетъ въ виду всѣ возможныя цѣли своей жизни при совершеніи того или другого отдѣльнаго поступка, тѣмъ въ большей мѣрѣ и воля его становится свободной.

Такимъ образомъ, чѣмъ болѣе дѣятельность человѣка принимаетъ этическій характеръ, тѣмъ больше воля человека подвигается на пути къ свободѣ. Разсматриваемый съ этой точки зрѣнія процессъ этизированія человѣческой личности и ея дѣятельности есть процессъ ея растущаго самоосвобожденія для творческой сознательной работы, становящейся все болѣе широкой, плодотворной и гармоничной. Личность все болѣе освобождается въ своей волевой дѣятельности отъ всѣхъ формъ внутренняго и внѣшняго принужденія и все болѣе становится свободнымъ сознательнымъ творцомъ своей собственной жизни. Конечно, абсолютная нравственность и абсолютная свобода недостижимы, но каждый человѣкъ можетъ въ большей или меньшей степени подняться по направленію къ нимъ, и чѣмъ больше мы прилагаемъ усилій къ гармонизированію цѣлей жизни и нашихъ дѣятельностей, тѣмъ болѣе мы и успѣваемъ въ этомъ.

Изъ этой общей характеристики этической дѣятельности человека намъ не трудно теперь опредѣлить и ту главную проблему, надъ разрѣшеніемъ которой должна работать этика. Этика, какъ практическая научная дисциплина, должна облегчить человеку выполненіе имъ его этической задачи, его этической миссии, которая заключается въ томъ, чтобы гармонизировать всѣ цѣли жизни, чтобы слить ихъ въ одно цѣлое, чтобы всей человѣческой дѣятельности придать характеръ единства, чуждаго всякихъ внутреннихъ противорѣчій. Какъ она можетъ этого достигнуть? Для успѣшнаго выпол-

ненія этого выпадающаго на ея долю дѣла, она должна собрать и систематизировать весь тотъ богатый фактическій матеріаль, который ей доставляетъ исторически развивающееся моральное сознаніе и опытъ всего человѣчества и который только въ состояніи помочь отдѣльному человѣку или болѣе или менѣе широкой группѣ солидарно дѣйствующихъ людей въ дѣлѣ уясненія ими выпадающей на ихъ долю этической задачи.

. Но при этомъ надо всегда помнить, что этическія задачи людей неодинаковы и разнятся отъ человѣка къ человѣку и отъ группы къ группѣ. Этика не даетъ готовыхъ рѣшеній: каждый человѣкъ и каждая группа людей должны самостоятельно найти эти рѣшенія, это—дѣло ихъ свободной творческой работы, ихъ свободной творческой мысли индивидуальной или коллективной. Но этика можетъ облегчить эту свободную творческую работу мысли, собравъ все то, что въ этомъ смыслѣ уже накоплено этическимъ опытомъ и этической мыслью всего человѣчества, такъ чтобы каждому отдѣльному человѣку не приходилось начинать и сызнова съ громадною, но непроизводительною затратою энергіи продѣлывать ту работу, которая уже продѣлана человѣчествомъ въ лицѣ многихъ поколѣній, жившихъ до него. Усвоивъ при помощи этики съ наименьшею затратою духовныхъ силъ результаты этой многовѣковой этической работы всего человѣчества, отдѣльный человѣкъ можетъ начать эту работу съ того пункта, на которомъ она остановилась, достигнуть болѣе быстрымъ и легкимъ путемъ уясненія себѣ своей этической задачи и такимъ образомъ сберечь духовныя силы для ея реального выполненія.

Этика должна указать намъ всѣ возможные цѣли человеческой жизни, насколько онѣ намѣчаются уже накопленнымъ моральнымъ опытомъ человѣчества, должна подробно описать, классифицировать, систематизировать ихъ и показать то взаимное отношеніе, которое существуетъ между ними, ихъ связь и зависимость другъ отъ друга, ихъ соподчиненіе или противорѣчіе,—другими словами, то мѣсто, которое выпадаетъ на долю каждой особенной группы цѣлей въ этомъ ряду всѣхъ возможныхъ цѣлей, до сознанія кото-

рыхъ достигло этически развивающееся человечество. Но она не въ состояніи указать отдѣльному человѣку его системы цѣлей, той особенной системы цѣлей, выполненіе которой составляетъ задачу его жизни, это—дѣло его личнаго творчества, это—дѣло его свободной мысли, это—дѣло освобожденія его воли. Самое бдльшее, къ чему этика, какъ практическая научная дисциплина о цѣляхъ человеческой жизни, рассматриваемыхъ въ ихъ совокупности, въ ихъ взаимномъ отношеніи другъ къ другу, можетъ стремиться, это къ тому, чтобы эти цѣли свести къ единству, объединить ихъ въ одно цѣлое, чуждое противорѣчій, создать изъ нихъ одну гармоническую систему, которая могла бы имѣть общее значеніе, поскольку люди имѣютъ между собой общаго, предоставивъ затѣмъ каждой личности индивидуализировать эту систему путемъ творческой работы мысли, поскольку каждый человѣкъ является индивидуальностью, рѣзко отличающеюся отъ остальныхъ людей.

Изъ того опредѣленія задачи этики, которое здѣсь сдѣлано, естественно вытекаетъ и опредѣленіе того отношенія, въ какомъ стоитъ этика къ другимъ практическимъ дисциплинамъ. Этика изслѣдуетъ цѣли общечеловѣческой жизни во всей ихъ совокупности; болѣе детальное специализированное изслѣдованіе каждой однородной группы цѣлей составляетъ предметъ отдѣльныхъ научныхъ практическихъ дисциплинъ—педагогика, политики и т. д. То, чѣмъ является теоретическая философія по отношенію къ отдѣльнымъ областямъ теоретическаго знанія, тѣмъ является этика по отношенію къ различнымъ областямъ прикладнаго практическаго знанія. Этика есть практическая философія всего прикладнаго практическаго знанія или искусства, какъ называютъ его, понимая слово искусство здѣсь въ самомъ широкомъ его смыслѣ. Она всѣ отдѣльныя искусства, практикуемыя человѣкомъ, стремится свести къ единству, стремится обнять и охватить ихъ въ одномъ гармоническомъ цѣломъ, стремится каждому искусству указать его мѣсто и роль въ человеческой жизни, стремится всѣ искусства гармонизировать между собой, какъ составныя части одного великаго, громаднаго и самаго важнаго искусства,—искусства наибо-

лѣе совершенной человѣческой жизни. Отдѣльные искусства преслѣдуютъ цѣль улучшенія тѣхъ или другихъ сторонъ человѣческой жизни, этика ставитъ своею цѣлью улучшеніе всей человѣческой жизни, разсматриваемой въ ея цѣломъ. Всѣ науки и всѣ искусства несутъ свою дань этикѣ въ разрѣшеніи этой самой великой, важной задачи.

Изъ всего предыдущаго становится яснымъ, въ какомъ отношеніи педагогическая и политическая дѣятельность стоять къ дѣятельности этической и какое положеніе занимаютъ соотвѣтствующія имъ научныя дисциплины—педагогика и политика—по отношенію къ этикѣ. Мы видѣли выше, что этическій идеалъ и для отдѣльной личности и для однородной группы ихъ, составленной изъ личностей, этическіе идеалы которыхъ въ общемъ совпадаютъ, охватываетъ всѣ цѣли ихъ жизни, только сведенныя къ единству. Такимъ образомъ и цѣли педагогическаго, и цѣли политическаго характера, и цѣли, предметомъ которыхъ являются воспитательныя задачи, и цѣли, предметомъ которыхъ является реорганизація общественной жизни въ томъ или другомъ отношеніи, входятъ въ составъ этическаго идеала. Вмѣстѣ съ тѣмъ изъ этого слѣдуетъ, что педагогическая и политическая дѣятельность составляютъ только часть болѣе широкой все объемлющей этической дѣятельности.

Вся дѣятельность человѣка должна носить этическій характеръ, т.-е. должна быть гармонизирована, а слѣдовательно въ томъ числѣ и дѣятельность педагогическая и дѣятельность политическая; къ этому неизбежно ведетъ естественное развитіе какъ индивидуальной, такъ и коллективной человѣческой воли, поскольку оно совершается въ соотвѣтствіи съ ея природой. Другими словами, дѣятельность педагогическая и дѣятельность политическая, какъ имѣющія въ виду только часть цѣлей человѣческой жизни, должны быть согласованы со всею системою цѣлей человѣческой жизни. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что онѣ должны быть этицированы. И вмѣстѣ съ тѣмъ и педагогика и политика должны занять, такимъ образомъ, по отношенію къ этикѣ подчиненное положеніе, должны пріобрѣсти въ этомъ смыслѣ этическій характеръ (этическая педагогика, этическая поли-

тика). И въ этомъ ничего нѣтъ страшнаго и опаснаго для этихъ наукъ, если только этика понимается въ томъ широкомъ и научномъ смыслѣ, въ какомъ мы здѣсь употребляли это слово, если только она разрываетъ самымъ рѣшительнымъ образомъ всякую связь съ теологіей и метафизикой и становится практической дисциплиной о совершенномъ человѣческомъ поведеніи, разсматриваемомъ во всемъ его цѣломъ, поскольку это поведеніе согласуется съ природою человѣческой воли, какъ ее открываетъ намъ научная психологія.

II.

Общая характеристика педагогической дѣятельности. Основная проблема педагогики.

Перейдемъ теперь къ детальному разсмотрѣнію педагогической дѣятельности и тѣхъ основныхъ проблемъ, которыя возникаютъ въ области педагогики. Что является главною основною цѣлью педагогической дѣятельности, не той цѣлью, которую педагогическая дѣятельность во многихъ, вѣрнѣе сказать — въ большинствѣ, случаяхъ, преслѣдуетъ фактически, но той, которую она должна бы была преслѣдовать, той, которая естественно вытекаетъ изъ природы существа, являющагося объектомъ воспитанія, того маленькаго человѣка въ зародышѣ или ребенка, на котораго главнымъ образомъ устремляются всѣ усилія какъ профессиональныхъ, патентованныхъ педагоговъ, такъ и тѣхъ естественныхъ педагоговъ, педагоговъ по необходимости, каковыми являются родители? Въ настоящее время педагогическая дѣятельность сводится къ дрессировкѣ, пропитана характеромъ догматизма, авторитаризма и принужденія и имѣетъ своей задачей не столько созданіе совершеннаго человѣка, сколько приспособленіе личности къ жизни въ существующемъ несовершенномъ обществѣ, — но истинныя задачи воспитанія остаются почти въ полномъ пренебреженіи. Надъ педагогическою дѣятельностью, какъ она практикуется въ настоящее время и въ особенности у насъ въ Россіи, все еще тяжелымъ гнетомъ виситъ вліяніе той средневѣковой педагогики, которая, какъ ее характеризуетъ Летурно въ

своей книгѣ „Эволюція воспитанія“, заботилась главнымъ образомъ о томъ, чтобы „внѣдрять въ юные умы догматическія доктрины и изуродованную науку, внушать имъ уваженіе къ словамъ и презрѣніе къ фактамъ, возиться до одурѣнія съ мертвыми языками и бредить со старою схоластикой“. „Устранено ли наконецъ это зло?“ спрашиваетъ онъ. „Имѣемъ ли мы основаніе думать и говорить, что это устарѣлое воспитаніе, поставившее своей задачей не освобождать и подстрекать, а поработать и обременять умы,—что оно скончалось наконецъ и исчезло навсегда? Увы, слишкомъ рано еще торжествовать побѣду. Да! зло ослаблено, но еще далеко не исчезло“ ¹⁾).

Въ чемъ же заключаются истинныя задачи воспитанія? Прекрасно одна, по крайней мѣрѣ, сторона этихъ задачъ формулирована въ книгѣ Л. Вольтмана „Система моральнаго сознанія“, и я позволю себѣ привести это мѣсто, „Воспитывать—значить развивать“, говоритъ Вольтманъ. „И какъ цѣль исторіи заключается въ свободѣ, къ которой она приводитъ, такъ цѣлью отдѣльной жизни должно быть самоосвобожденіе. Воспитывать—значить освобождать... Воспитатель, поскольку онъ развиваетъ и освобождаетъ, долженъ вести воспитанника къ самоосвобожденію... Воспитатель не долженъ быть господиномъ и правителемъ, онъ долженъ занимать мѣсто руководителя и указателя. Онъ долженъ воспитывать къ самовоспитанію. Воспитанникъ долженъ сознавать свой ростъ и развитіе, какъ свое собственное дѣло, по отношенію къ которому воспитатель стоитъ въ сторонѣ, какъ совѣтникъ и помощникъ“ ²⁾).

Это прекрасное опредѣленіе Вольтманомъ истиннаго характера педагогической дѣятельности должно быть только восполнено указаніемъ на тѣ цѣли, на которыя естественно направится самовоспитаніе, на ту задачу, которую себѣ естественно поставитъ двигающаяся въ направленіи къ

1) Ш. Летурно. Эволюція воспитанія у различныхъ человѣческихъ расъ. Спб., 1900 г., стр. 440.

2) Л. Вольтманъ. Система моральнаго сознанія въ связи съ отношеніемъ критической философіи къ дарвинизму и социализму. Спб., 1901 г., стр. 311—312.

большей и большей свободѣ воля ребенка. Освобожденная отъ всякаго внѣшняго стѣсненія и гнета, воля ребенка устремится въ направленіи все большаго и большаго совершенства, въ направленіи расширенія сферы своей дѣятельности и внесенія въ нее больше гармоніи. Но этотъ естественный путь и есть тотъ путь, который ведетъ къ нравственному совершенству, къ подготовкѣ въ выполненіи своей этической задачи. Такимъ образомъ, педагогическая дѣятельность, ставящая своею цѣлью освободить волю ребенка, открыть широкій просторъ для его свободной творческой активности, тѣмъ самымъ ставитъ своею задачею и сдѣлать его возможно скорѣе способнымъ къ нравственному самовоспитанію, къ усовершенствованію себя въ нравственномъ отношеніи, къ выполненію выпадающей на его долю этической задачи. Содѣйствіе въ этомъ смыслѣ воспитаннику въ осуществленіи его этической задачи составляетъ одну изъ важныхъ цѣлей воспитанія. Дополняя опредѣленіе Вольмана, мы можемъ сказать, что въ педагогической дѣятельности главная основная цѣль заключается въ содѣйствіи освобожденію ребенка и вообще личности, являющейся объектомъ воспитанія, для свободной творческой работы надъ своимъ собственнымъ воспитаніемъ, для самовоспитанія, которое будетъ имѣть своею цѣлью сдѣлать изъ себя совершеннаго человѣка, способнаго стать въ наибольшей возможной степени свободнымъ творцомъ и плодотворнымъ работникомъ въ дѣлѣ выполненія выпадающей на его долю этической задачи.

Въ связи съ этимъ и основная проблема, надъ разрѣшеніемъ которой должна работать педагогика, имѣющая въ виду облегчить человѣку его истинную педагогическую дѣятельность, это — проблема освобожденія ребенка для подобной творческой работы. Педагогика должна намъ указать всѣ условія, необходимыя для этого освобожденія, всѣ условія, которыя даютъ возможность жизни ребенка свободно развѣтываться въ направленіи все большаго совершенства и все болѣе успѣшнаго выполненія своей этической миссіи; она должна намъ указать способы для избѣжанія всякаго гнета и насилія, которые могли бы стѣснить свободное раз-

витіе ребенка и направить его по пути, идущему въ разрѣзъ съ его индивидуальной природою и тѣми требованіями, которыя ему ставитъ плодотворное выполненіе этической задачи. Истинная педагогическая дѣятельность будетъ стремиться упразднить всякій гнетъ и всякое насиліе со своего пути, потому что гнетъ и насиліе, въ какихъ бы смягченныхъ формахъ они ни выступали, по существу своему антипедагогичны и антиэтичны и ведутъ не къ развитію, а къ задержкѣ развитія, не къ развертыванію духовныхъ силъ, а къ ихъ искаженію и умаленію. Эволюція воспитанія въ исторіи человѣчества должна будетъ привести въ концѣ-концовъ къ такой системѣ воспитанія и воспитательныхъ и образовательныхъ учрежденій, въ которыхъ элементъ принужденія будетъ устраненъ или совершенно, или сведенъ къ минимуму.

Но это устраненіе принудительнаго начала, это признаніе полной свободы за личностью ребенка, эта забота о томъ, чтобы его развитіе совершалось свободно, самопроизвольно, вслѣдствіе побужденій, исходящихъ изъ внутренней природы ребенка, а не вслѣдствіе давленія извнѣ, чтобы оно являлось результатомъ сознательныхъ и планомѣрныхъ усилій самого ребенка, нисколько не означаетъ отказъ воспитателя отъ активнаго вмѣшательства въ дѣло воспитанія, нисколько не ведетъ къ практикѣ „laissez faire, laissez passer“ въ этой области. Напротивъ того, для активной дѣятельности воспитателя здѣсь открывается даже болѣе широкое поприще, но только перемѣщается центръ тяжести ея. Вмѣсто того, чтобы дѣйствовать прямо на воспитанника, воспитатель дѣйствуетъ на окружающую воспитанника среду, стараясь, чтобы она была тѣмъ чистымъ воздухомъ и той здоровой почвой, благодаря которымъ его свободное самопроизвольное развитіе пошло бы нормальнымъ путемъ. Методъ прямого, непосредственнаго воздѣйствія на ребенка, которое граничило часто съ насиліемъ, съ дальнѣйшимъ ходомъ развитія человѣчества, все болѣе будетъ замѣняться методомъ косвеннаго воздѣйствія. Конечно, до какихъ предѣловъ удастся свести это прямое воздѣйствіе къ косвенному, это—вопросъ, который въ каждомъ частномъ случаѣ будетъ рѣшаться различно, но идеа-

ломъ, къ которому въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи должна стремиться педагогическая дѣятельность, является, во всякомъ случаѣ, сведеніе, если это возможно, безъ остатка, прямого вліянія къ косвенному, т.-е. устраненіе всего, что имѣетъ хоть какую-нибудь тѣнь принужденія.

И вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ педагогическая дѣятельность будетъ принимать этотъ характеръ, въ сознаніе людей все болѣе будетъ проникать та истина, что къ педагогической дѣятельности причастны всѣ люди и никто не можетъ и не долженъ уклоняться отъ исполненія своей педагогической миссіи, отъ выполненія тѣхъ воспитательныхъ задачъ, которыя имѣютъ своимъ предметомъ освобожденіе молодого поколѣнія отъ всякаго гнета и принужденія въ дѣлѣ развитія его физическихъ и духовныхъ силъ и доставленія ему здоровой нормальной среды, въ которой бы эти силы могли свободно развернуться пышнымъ образомъ во всей своей полнотѣ до предѣловъ возможнаго. Каждая личность будетъ чувствовать, что, независимо отъ своего желанія, она является элементомъ той среды, въ которой вырастаетъ молодое поколѣніе, и будетъ все глубже сознавать свою нравственную обязанность быть здоровымъ элементомъ этой среды и вообще содѣйствовать оздоровленію ея въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ только это допускаютъ ея силы.

Истинная педагогическая дѣятельность станетъ общимъ дѣломъ всѣхъ людей, всего общества въ его цѣломъ, она станетъ выполненіемъ каждымъ изъ людей известной доли, выпадающей на него этической задачи и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ общее дѣло всѣхъ людей, пріобрѣтетъ самый широкій соціальный характеръ.

Но, ставши такимъ образомъ этической и соціальной, эта педагогическая дѣятельность не будетъ преслѣдовать ту цѣль, чтобы приспособить развивающуюся личность ребенка къ существующему общественному порядку, но чтобы содѣйствовать созданію типа высшей творческой личности, глубоко проникнутой идеальными началами общественности и могущей явиться однимъ изъ творцовъ идеальнаго общества. Во имя возможности высшихъ совершенныхъ формъ общественности будутъ стремиться ограничить вліяніе на ребенка и

вообще на молодое поколѣніе существующихъ несовершенныхъ общественныхъ формъ, которыя часто имѣють тенденцію погасить въ ребенкѣ творческую мысль и творческую волю и слѣлать его единицей въ стадѣ, не только не способной вести общество впередъ на пути развитія, но и упорно сопротивляющейся всякимъ измѣненіямъ къ лучшему и пытающейся сохранить общественный строй въ неизмѣненномъ видѣ.

Ш.

Общая характеристика политической дѣятельности. Основная проблема политики.

Мы переходимъ теперь къ разсмотрѣнію дѣятельности политической и тѣхъ основныхъ проблемъ, надъ разрѣшеніемъ которыхъ должна работать политика. Что является истинною цѣлью политической дѣятельности, не той цѣлью, которая въ большинствѣ случаевъ преслѣдуется фактически членами различныхъ политическихъ партій или государственными людьми, стоящими у кормила политической власти, но той, которая должна бы была преслѣдоваться, той, которая естественно вытекаетъ изъ природы самого общества, являющагося объектомъ этой дѣятельности? Остановимся поэтому хотя бы въ общихъ чертахъ на природѣ общественной жизни.

Среди многихъ соціологовъ, начиная со Спенсера, существуетъ тенденція сравнивать общество съ организмомъ. Не оспаривая того, что многія явленія въ общественной жизни, повидимому, допускаютъ и оправдываютъ эту аналогію, мы тѣмъ не менѣе склоняемся больше къ тому взгляду, который защищается американскимъ соціологомъ Гиддингсомъ, согласно которому, „общество есть нѣчто большее, чѣмъ организмъ“, „есть нѣчто болѣе высокое и болѣе сложное, чѣмъ организмъ, подобно тому, какъ организмъ выше и сложнѣе, чѣмъ неорганическая матерія. Общество есть организація, отчасти созданіе безсознательной эволюціи, отчасти результатъ сознательнаго плана. Организація есть сложное изъ психическихъ отношеній... Функція об-

щества состоитъ въ развитіи сознательной жизни и въ созданіи человѣческой личности¹⁾.

И съ этимъ нельзя не согласиться. Общество, по крайней мѣрѣ, человѣческое общество, общество въ его высшихъ формахъ существуетъ и развивается только благодаря психическому взаимодействию, существующему между индивидуумами, составляющими данное общество. Безъ духовнаго общенія, безъ непрерывнаго воздѣйствія одного индивидуальнаго сознанія на другое мы не имѣли бы общественной жизни въ высшемъ человѣческомъ значеніи этого слова. Человѣческое общество представляетъ намъ фактъ существеннымъ образомъ психическаго порядка, хотя это нисколько не исключаетъ того обстоятельства, что въ общественной жизни могутъ имѣть мѣсто явленія, представляющія сходство съ механическими или органическими процессами, но въ конечномъ счетѣ и эти всѣ явленія имѣютъ ту или другую психическую основу. Прежде всего и основнымъ образомъ человѣческое общество есть система индивидуальныхъ сознаній, находящихся въ процессѣ непрерывнаго взаимодействия другъ съ другомъ. Психическая связь, психическое взаимодействие представляются основными условіями для существованія общественной жизни и тамъ, гдѣ они прекращаются, тамъ перестаетъ существовать и общество въ истинномъ смыслѣ этого слова. Характеръ этого психическаго взаимодействия между личностями по существу своему не можетъ быть вполнѣ инымъ, чѣмъ характеръ того взаимодействия между психическими состояніями и элементарными психическими процессами, какое имѣетъ мѣсто въ индивидуальномъ сознаніи. То, что имѣетъ значеніе для индивидуальнаго сознанія, какъ одной изъ формъ психической жизни, несомнѣнно имѣетъ значеніе и для коллективнаго сознанія, для той системы сознаній, которую мы называемъ обществомъ, только оно обнаруживается здѣсь въ болѣе сложной формѣ и въ болѣе расширенномъ масштабѣ. Попробуемъ поэтому на основаніи того, что намъ даетъ научная психологія въ дѣлѣ пониманія природы индивидуальнаго со-

1) Ф. І. Гиддингсъ. Основанія соціологіи. М., 1898, стр. 416, 417.

знанія, уяснить себѣ болѣе подробно природу общественной жизни, понимаемой какъ процессъ взаимодействія между индивидуальными сознаніями.

Подобно тому какъ самая типическая форма ассоціаціи между психическими состояніями, согласно Гефдингу ¹⁾, есть ассоціація между цѣлымъ и частью, подобно этому и самая типическая форма общественной связи есть связь между цѣлымъ, т.-е. обществомъ и отдѣльнымъ членомъ его. И общество, и личность здѣсь реальны только въ своей живой связи. Не существуетъ отдѣльной обособленной личности, но и фикція общества, имѣющаго свое бытіе будто бы независимо отъ составляющихъ его личностей, также лишена всякаго значенія. Общество есть больше, чѣмъ простая сумма составляющихъ его личностей, подобно тому какъ индивидуальное сознаніе есть больше, чѣмъ простая сумма тѣхъ элементовъ, которые мы различаемъ въ немъ. Какъ сознаніе есть живой реальный синтезъ или непрерывный процессъ объединенія психическихъ элементовъ въ одно цѣльное индивидуальное сознаніе, носителемъ котораго является отдѣльная личность, такъ и общество есть никогда не прекращающійся процессъ объединенія индивидуальныхъ сознаній или личностей все въ болѣе и болѣе широкое цѣлое. Пока продолжается этотъ процессъ объединенія, до тѣхъ поръ и существуютъ общество и общественная жизнь въ истинномъ смыслѣ этого слова.

Нельзя оспаривать того, что общество есть и механическій агрегатъ, состоящій изъ частей, находящихся въ постоянномъ движеніи другъ къ другу или другъ отъ друга, и что нѣкоторыя стороны общественной жизни допускаютъ подобную формулировку; нельзя оспаривать и того, что общество есть организмъ и что отдѣльные члены его могутъ быть до нѣкоторой степени сравнены съ органами, но главнымъ образомъ общество намъ представляетъ систему сознаній, аналогичную той системѣ элементарныхъ психическихъ процессовъ, какою является передъ нами каждое

¹⁾ Г. Гефдингъ. Очерки психологіи, основанной на опытѣ. Спб., 1896, стр. 170.

индивидуальное сознание. Какъ здѣсь мы открываемъ на ряду съ никогда не прекращающимся процессомъ организациі психическихъ состояній и элементовъ, процессы уже совершившейся организациі, процессы уже происшедшаго механизированія, т.-е. находимъ уже извѣстный образовавшийся организмъ психическихъ состояній, извѣстный механизмъ, который функционируетъ какъ бы самопроизвольно, потому что онъ повторяетъ только то, что было уже прежде, — такъ и общественная жизнь является намъ одновременно и организмомъ и механизмомъ извѣстныхъ общественныхъ дѣйствій и въ то же время процессомъ творческаго реального синтеза, въ результатѣ котораго является эта организациі общественной жизни и механизированіе ея. Но совершившаяся организациі общественныхъ элементовъ, созданный механизмъ общественныхъ отношеній являются только исходною точкою для еще болѣе широкой творческой общественной дѣятельности, для еще болѣе интенсивнаго процесса общественнаго синтеза.

И этотъ все болѣе углубляющійся и расширяющійся процессъ творческаго общественнаго синтеза связанъ вмѣстѣ съ тѣмъ все съ большимъ развитіемъ личностей въ смыслѣ все возрастающаго ихъ индивидуальнаго разнообразія, что вполне и объяснимо, если только развитіе общества, какъ системы сознаний, имѣетъ черты сходства съ развитіемъ индивидуальнаго сознания. Подобно тому какъ въ индивидуальномъ сознаниі отдѣльные элементы тѣмъ болѣе ясно и отчетливо выступаютъ на его фонѣ, тѣмъ сильнѣе и интенсивнѣе сознаются, чѣмъ болѣе, чѣмъ шире и чѣмъ сильнѣе они связаны съ остальными элементами сознания, подобно этому и личность тѣмъ болѣе является передъ нами какъ сознательный, своеобразный и самобытный индивидуумъ, чѣмъ болѣе она связана съ остальными личностями въ одно цѣлое. Какъ въ индивидуальномъ сознаниі чѣмъ шире и чѣмъ интенсивнѣе синтезъ, тѣмъ ярче и выпуклѣе выступаютъ отдѣльные элементы и составныя части сознания, такъ и въ обществѣ — чѣмъ шире развита общественность, т.-е. чѣмъ шире самая система индивидуальных сознаний и чѣмъ совершеннѣе она сливается въ одно гармоническое цѣлое, тѣмъ большаго раз-

витія вмѣстѣ съ тѣмъ достигаетъ и каждая отдѣльная личность, тѣмъ болѣе вырабатывается ея индивидуальный характеръ. Богатство социальныхъ связей есть условіе наиболѣе пышнаго расцвѣта индивидуальности.

Мы видѣли выше, что процессъ общественной жизни есть процессъ непрерывнаго объединенія индивидуальныхъ сознанийъ въ одну гармоническую систему такихъ сознанийъ, находящихся въ непрерывномъ взаимодействіи другъ съ другомъ. Попробуемъ выразить сущность этого процесса съ нѣсколько иной стороны, имѣющей для насъ очень важное значеніе и ставящей насъ болѣе прямо и непосредственно съ конкретными общественными задачами. На всѣхъ ступеняхъ неизмѣнной основной сознательной жизни является воля. Дѣятельность составляетъ главное свойство сознательной жизни. „Если разсматривать волю въ болѣе широкомъ смыслѣ, какъ всякую дѣятельность, связанную съ чувствованіемъ и познаніемъ, то можно сказать, что вся сознательная жизнь, какъ въ фокусѣ, сосредоточена въ волѣ“¹⁾. Развитіе сознанія, разсматриваемое съ этой стороны, явится развитіемъ воли все къ болѣе и болѣе высокимъ формамъ. Изъ низшихъ формъ активности вырабатывается мало-помалу та высшая активность, которая опредѣляется яснымъ сознательнымъ представленіемъ цѣли. Имѣя это въ виду, мы можемъ опредѣлить процессъ развитія общественной жизни, какъ процессъ непрерывнаго прогрессирующаго объединенія индивидуальныхъ волей въ одну гармоническую систему, какъ процессъ сформированія и осуществленія одной коллективной общей воли, при чемъ эта воля все въ большей и большей степени начинаетъ опредѣляться яснымъ представленіемъ цѣли, имѣющей быть достигнутой. И подобно тому, какъ человѣческая воля, опредѣляемая представленіемъ цѣли, становится тѣмъ болѣе совершенной, чѣмъ болѣе она начинаетъ руководиться не отдѣльною, изолированной цѣлью, чѣмъ болѣе, при ея постановкѣ, она начинаетъ принимать во вниманіе всю совокупность возможныхъ цѣлей жизни, гармонически связанныхъ между собою, объединенныхъ въ

1) Г. Г е ф д и н г ъ. Очерки психологіи, основанной на опытѣ, стр. 102.

одну цѣльную систему, чуждую всякихъ противорѣчій, подобно этому и коллективная общая воля достигаетъ тѣмъ большей высоты развитія, чѣмъ болѣе при постановкѣ той или другой общественной цѣли начинаетъ приниматься во вниманіе гармоническая совокупность всѣхъ возможныхъ цѣлей общественной жизни, объединенныхъ въ одну систему, чуждую противорѣчій. При этомъ развитіе общественной жизни связано не только съ возрастаніемъ гармоніи между цѣлями общественной жизни, но также и съ расширеніемъ самой этой системы цѣлей.

Здѣсь вмѣстѣ съ тѣмъ мы должны отмѣтить одну очень важную и существенную черту всего этого процесса общественнаго развитія. Процессъ развитія организованной коллективной воли и поднятія ея на все болѣе и болѣе высокія ступени въ этомъ развитіи отнюдь не означаетъ порабощенія индивидуальных волей или личностей, входящихъ въ ея составъ. Наоборотъ, чѣмъ большая гармонія достигается въ области коллективной воли, тѣмъ болѣе свободной и независимой дѣлается индивидуальная воля. Процессъ объединенія сознательно дѣйствующихъ личностей въ одно планомерно и сознательно дѣйствующее коллективное цѣлое, которое въ конечномъ счетѣ должно обнять все человѣчество, есть процессъ все большаго раскрытія личностей, процессъ все большаго расширенія сферы ихъ свободной сознательной дѣятельности. Соціализированіе индивидуальной воли ведетъ не къ рабству ея, а только все къ большому и большому освобожденію. Высшей формой общественной жизни, къ которой, несмотря на всѣ отклоненія, не перестанетъ стремиться развитіе этой жизни на землѣ, является организованная и объединенная воля всего человѣчества, въ которой признается въ самомъ высшемъ возможномъ размѣрѣ цѣнность за каждой индивидуальной волей, входящей въ ея составъ. Чѣмъ болѣе это будетъ достигнуто, тѣмъ болѣе жизненной и устойчивой будетъ та форма соціальной жизни, которую въ концѣ-концовъ осуществитъ гармоническій союзъ всего солидарнаго человѣчества.

Но чѣмъ болѣе организованная и объединенная коллективная воля будетъ составляться изъ соединенія свобод-

ныхъ личностей, воля которыхъ является свободной въ наибольшей возможной степени, тѣмъ болѣе свободный характеръ будетъ носить и сама эта коллективная воля, тѣмъ болѣе будетъ плодотворна ея работа. И въ этомъ смыслѣ процессъ развитія общественной жизни есть процессъ все большаго освобожденія коллективной воли, есть процессъ завоеванія ею все большаго простора, все болѣе свободы для творческаго созданія все болѣе совершенныхъ формъ самой коллективной воли, коллективной дѣятельности, для созданія такихъ формъ, при которыхъ бы эта дѣятельность могла сбросить съ себя всякій гнетъ, гдѣ бы ни былъ его источникъ—внутри ли самого общества или внѣ его, и стать наиболѣе плодотворной по своимъ результатамъ.

Здѣсь надо обратить вниманіе и еще на одно обстоятельство. Чѣмъ болѣе будетъ сознаваться, что высшая цѣль общественнаго развитія заключается въ созданіи свободной и сознательной гармонической коллективной воли, проявляющейся въ планомѣрной, чуждой всякихъ противорѣчій, коллективной дѣятельности, тѣмъ болѣе будетъ расти и убѣжденіе, что каждый человекъ долженъ принять участіе въ дѣлѣ созданія такой коллективной гармонической воли и въ дѣлѣ приданія ей возможно болѣе широкаго характера. Общественная или политическая миссія все болѣе будетъ сознаваться какъ такая, отъ которой никто изъ людей не въ правѣ устраниваться, но въ которой каждый долженъ принять участіе, сообразно его способностямъ и имѣющемуся у него запасу духовныхъ силъ.

Изъ только что сдѣланной характеристики природы общественной жизни, которая много имѣетъ общаго съ природой психической жизни, такъ какъ она покоится основнымъ образомъ на взаимодействіи индивидуальныхъ сознаний, становится ясной и та основная проблема, надъ разрѣшеніемъ которой должна работать политика: это—проблема освобожденія общества для свободной творческой работы надъ собственнымъ усовершенствованіемъ. Определить условія свободнаго самопроизвольнаго сознательнаго роста общества въ направленіи къ формамъ наиболѣе совершенной идеальной общественности и способы достиженія этихъ условій—

вотъ задача, разрѣшеніемъ которой должна заниматься политика. Мы должны констатировать тотъ фактъ, что общество, какъ оно существуетъ теперь, каковы бы ни были тѣ разнообразныя формы, которыя оно принимаетъ, не свободно. Оно поднимается къ высшимъ формамъ жизни въ значительной степени не путемъ свободной творческой дѣятельности, а путемъ насилія и принужденія. Но насиліе и принужденіе только тормозятъ и задерживаютъ нормальный ходъ развитія общества. Надо стремиться упразднить всякое насиліе и всякое принужденіе изъ общественной жизни, надо сдѣлать развитіе общества самопроизвольнымъ, свободнымъ и сознательнымъ. Теоретическое разрѣшеніе этой проблемы должна поставить себѣ главной задачей политика, а къ практическому ея разрѣшенію мы должны стремиться путемъ политической дѣятельности. Такимъ образомъ, истинная политика ставитъ своей цѣлью созданіе свободного общества, освобожденіе общества отъ всѣхъ формъ гнета и насилія. Чѣмъ свободнѣе будетъ общество, тѣмъ быстрѣе оно будетъ подниматься къ высшимъ формамъ идеальной общественности, тѣмъ солидарнѣе оно будетъ и тѣмъ высшія формы получить солидарность его членовъ между собою, тѣмъ болѣе оно будетъ переходить отъ формъ механической, принудительной, насильственной солидарности къ формамъ солидарности свободной и сознательной.

Такимъ образомъ, цѣлью политической дѣятельности является такой порядокъ вещей, при которомъ бы люди могли свободно и сознательно, безъ всякихъ помѣхъ, творить новыя формы идеальной общественной жизни. Цѣлью политической дѣятельности должно быть не стремленіе навязать людямъ какой-либо общественный строй, хотя бы этотъ общественный строй и казался намъ самою совершенною формою общественнаго устройства, а стремленіе создать такія условія при которыхъ бы новый совершенный строй общественной жизни могъ создаваться и твориться свободною сознательною волею всѣхъ людей. Какъ цѣлью воспитанія является созданіе наиболѣе благопріятныхъ условій для самовоспитанія, такъ цѣлью политической дѣятельности должно являться созданіе наиболѣе благопріятныхъ условій для свободной со-

знательной самопроизвольной эволюціи общества. Какъ въ области воспитанія всякій авторитетъ долженъ быть устраненъ, а его мѣсто должно занять свободное, широкое, пропитанное творческимъ характеромъ общеніе съ людьми и природой, такъ и въ области политической дѣятельности надо стремиться къ упраздненію начала власти и къ замѣнѣ его свободно согласованной творческой солидарной работой болѣе или менѣе широкаго коллективнаго цѣлаго. Политическая дѣятельность всѣ свои усилія должна направить на созданіе такихъ условій, при которыхъ бы эта свободная согласованность могла осуществляться наиболѣе быстрымъ и легкимъ способомъ и могла бы имѣть возможно болѣе широкой характеръ. Таковы должны быть конечныя задачи истинной политической дѣятельности, практикуется ли она государственнымъ человѣкомъ или членомъ какой-нибудь политической партіи.

IV.

Взаимное отношеніе, существующее между этической, педагогической и политической дѣятельностями.

Мы сдѣлали бѣглый обзоръ этической, педагогической и политической дѣятельности человѣка, при чемъ разсматривали каждую изъ нихъ отдѣльно и независимо другъ отъ друга, теперь постараемся опредѣлить то взаимное отношеніе, которое существуетъ между ними. Для этого намъ придется снова вернуться къ тѣмъ опредѣленіямъ этихъ дѣятельностей и ихъ задачъ, которыя были даны выше, и восполнить ихъ тѣми чертами, которыя указывали бы на связь, существующую между каждою изъ этихъ дѣятельностей и каждою изъ остальныхъ.

Выше мы опредѣлили этическую дѣятельность, какъ дѣятельность самоосвобожденія для творческой сознательной работы надъ созданіемъ гармоніи во всемъ обширномъ царствѣ цѣлей человѣческой жизни. Но можно ли остановиться на этомъ опредѣленіи? Нѣтъ, оно является совершенно недостаточнымъ. Оно оставляетъ въ тѣни одинъ очень важный существенный моментъ этической дѣятельности, а именно

ея соціальную обусловленность. Предыдущее опредѣленіе исходить, повидимому, изъ того предположенія, что сознание личности, что воля ея и что сама личность, какъ цѣлое, есть нѣчто независимое отъ соціальной жизни, нѣчто существующее само по себѣ, нѣчто самодовлѣющее. Предыдущее опредѣленіе слишкомъ пропитано, если можно такъ выразиться, индивидуалистическимъ характеромъ, слишкомъ подчеркиваетъ точку зрѣнія отдѣльной изолированной личности. Но отдѣльный изолированный индивидуумъ, какъ мы уже видѣли, это не болѣе какъ фикція. Каждая индивидуальность насквозь пропитана соціальными элементами и только благодаря имъ и можетъ стать вполне развитою индивидуальностью и можетъ подняться до высшихъ возможныхъ ступеней индивидуальнаго совершенства. Внѣ соціальныхъ связей, внѣ соціальнаго общенія личности не существуетъ и не можетъ существовать. Самосознание развивается только благодаря соціальному взаимодействію индивидуальныхъ сознаний и точно такъ же воля человѣка становится творческой и свободной и пріобрѣтаетъ этической характеръ только благодаря соціальному взаимодействію индивидуальныхъ воль.

Что же изъ этого слѣдуетъ? Изъ этого слѣдуетъ, что и этическая задача не есть только задача данной индивидуальной личности, не есть только ея личное, частное дѣло; этическая задача есть по существу своему и основнымъ образомъ соціальная и соціальна она въ двухъ отношеніяхъ. Она соціальна, по своему предмету, потому, что высшею ея цѣлью является совершенное общество; она соціальна по способу достиженія этой цѣли, потому что послѣдняя можетъ быть достигнута только путемъ коллективной дѣятельности, въ которую дѣятельность отдѣльныхъ личностей, какой бы самобытный творческой характеръ она ни носила, входитъ только какъ составная часть.

Чтобы выразить этотъ соціальный характеръ этической задачи, мы должны внести поправки въ то ея опредѣленіе, которое было дано выше. Этическая задача отдѣльной личности не ограничивается установленіемъ гармоніи между цѣлями ея жизни, въ нее входитъ, какъ важная составная часть, установленіе гармоніи между тѣми цѣлями, которыя ставятся

обществомъ, начиная съ того маленькаго общества, которое называется семьей, и кончая тѣмъ большимъ обществомъ, которое называется человечествомъ. И въ той мѣрѣ, въ какой въ нее входитъ эта послѣдняя цѣль, этическая задача перестаетъ быть индивидуальной задачей, а становится соціальной и въ конечномъ счетѣ общечеловѣческой задачей. Такимъ образомъ, этическая задача естественно и самопроизвольно расширяется до высоты политической задачи. Политическая задача это есть высшая форма этической задачи, надъ разрѣшеніемъ которой работаетъ все болѣе расширяющійся кругъ людей; это есть этическая задача, которая выпадаетъ на долю каждаго изъ людей, поскольку каждый сознаетъ и чувствуетъ себя какъ членъ болѣе или менѣе широкаго общественнаго цѣлаго. Нравственная и политическая дѣятельность въ этомъ смыслѣ по существу своему составляютъ одно и то же, только въ одной на передній планъ выдвигается индивидуальный моментъ, а въ другой—соціальный, но та и другая въ равной мѣрѣ пропитаны и индивидуальными и соціальными элементами и въ реальной жизни и та и другая являются и должны являться нераздѣльными.

Одновременно съ этимъ этическая задача вырастаетъ и до высоты педагогической задачи. Каждый индивидуумъ не только составляетъ невидѣлимый членъ болѣе или менѣе широкаго цѣлаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ находится и въ процессѣ непрерывнаго развитія. Каждый моментъ его жизни представляетъ невидѣлимый членъ въ ряду цѣлой жизни, является переходомъ и подготовительною ступенью отъ его прошлаго къ будущему. Каждый актъ нравственной дѣятельности насъ только подготавливаетъ и воспитываетъ для этой дѣятельности въ болѣе расширенномъ масштабѣ въ будущемъ. Этическая дѣятельность по существу своему имѣетъ педагогическій характеръ, является актомъ самовоспитанія. И чѣмъ болѣе отдѣльною личностью сознается это ея педагогическое значеніе, и чѣмъ болѣе планомерно и сознательно личность стремится въ силу этого, чтобы этическая дѣятельность приобрѣла для нея всю ту педагогическую цѣнность, которую она только можетъ приобрести, тѣмъ болѣе выигрываетъ отъ

этого и самая этическая дѣятельность въ своей широтѣ и въ своей плодотворности.

Но этическая дѣятельность пріобрѣтаетъ педагогическій характеръ и въ другомъ отношеніи. Мы видѣли, что этическая задача отдѣльной личности все болѣе получаетъ социальный отпечатокъ и становится политической задачей, по мѣрѣ того какъ личность все сильнѣе и интенсивнѣе начинаетъ себя сознавать какъ часть болѣе или менѣе широкаго общественнаго цѣлаго. Но на ряду съ этимъ личность вмѣстѣ съ другими личностями, живущими съ ней въ одно время, представляетъ звено въ цѣломъ послѣдовательномъ рядѣ поколѣній, которыя смѣняютъ другъ друга въ процессѣ развитія человѣчества въ направленіи все къ высшимъ и высшимъ формамъ существованія и жизни. Этическая задача каждой отдѣльной личности, входящей въ составъ современнаго поколѣнія, составляетъ только часть той общей задачи, которую рѣшаетъ рядъ слѣдующихъ другъ за другомъ поколѣній людей. Этическая дѣятельность современнаго поколѣнія должна облегчить будущимъ поколѣніямъ людей болѣе совершенное, полное и широкое разрѣшеніе этой общей этической задачи всего развивающагося человѣчества. Это пониманіе этической дѣятельности, какъ дѣятельности непрерывнаго ряда поколѣній, при чемъ каждое поколѣніе несетъ свой вкладъ въ уясненіе и разрѣшеніе безпредѣльно растущей и расширяющейся этической задачи всего человѣчества, прокладываетъ путь къ сознанію педагогическаго характера этической дѣятельности еще въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ тѣ соображенія, которыя были приведены выше. Настоящее поколѣніе въ своей этической дѣятельности вліяетъ педагогически на будущее поколѣніе въ смыслѣ облегченія ему той расширенной и углубленной этической задачи, которая выпадетъ на его долю впослѣдствіи. И чѣмъ яснѣе будетъ сознавать это настоящее поколѣніе, тѣмъ болѣе его этическая дѣятельность будетъ принимать педагогическій характеръ въ смыслѣ планомѣрнаго содѣйствія будущему поколѣнію въ болѣе лучшемъ, болѣе широкомъ и глубокомъ пониманіи своей этической миссіи и бѣльшей подготовленности къ плодотворному ея выполненію.

Здѣсь находить свое объясненіе и та „любовь къ дальнему“, которую проповѣдывалъ Ницше, и становится понятнымъ его страстный призывъ къ современному человѣчеству направить свои стремленія, свои поиски на еще неоткрытую еще неизвѣстную „страну дѣтей нашихъ“¹⁾.

Какъ существуетъ тѣсная связь между этикой и политикой и этикой и педагогикой, такъ не менѣе тѣсная связь существуетъ и между политикой и педагогикой, и сознание той связи все болѣе и болѣе прокладываетъ себѣ путь среди, современнаго человѣчества. Все болѣе и болѣе растетъ и будетъ расти то убѣжденіе, что политическія задачи должны быть координированы съ задачами воспитательными, что на политическій строй, на государство и вообще на систему общественныхъ отношеній должно смотрѣть какъ на громадную школу, въ которой воспитывается новое человѣчество. И только подобный взглядъ на задачи политики даетъ возможность поставить ее на правильную почву. „Примѣръ римскаго права“, говоритъ Людвигъ Штейнъ въ своемъ сочиненіи „Соціальныи вопросъ съ философской точки зрѣнія“, „весьма убѣдительно доказываетъ, что правовымъ системамъ присуща воспитательная сила... Въ послѣдовательно устроенномъ правовомъ государствѣ право есть педагогія для взрослыхъ“ (стр. 599). И нѣсколькими страницами далѣе этотъ проповѣдникъ „правового социализма“ пишетъ: „Римское право прямо воспитывало эгоистическую личность, а правовой социализмъ своими учрежденіями воспитаетъ высшій типъ человѣка, человѣка социальнаго. Педагогическая способность, присущая государственнымъ учрежденіямъ, оказывается иногда дѣйствительнѣе теоретической школьной педагогіи. Школа и церковь тщетно старались побѣдить въ насъ ветхаго Адама, а общественныя учрежденія могутъ побѣдить его въ теченіе немногихъ десятилѣтій. Рожденные въ социализированной средѣ люди гораздо легче побѣдятъ

1) „Что вамъ до родины! Туда стремится корабль нашъ, гдѣ земля дѣтей нашихъ! Туда болѣе стремительно, чѣмъ самое море, стремится великое желаніе наше!“ См. Ницше. Такъ говорилъ Заратустра. Пер. Ю. Антоновскаго. Изд. 2-е. Стр. 288.

свои естественные личные интересы, чѣмъ мы, современные люди“ (стр. 606).

И вмѣстѣ съ тѣмъ, чѣмъ болѣе будетъ проникать въ сознание людей эта идея о педагогическомъ значеніи правовыхъ и другихъ общественныхъ учреждений и отношеній, тѣмъ болѣе будетъ падать и разрушаться вѣра въ то, что путемъ декрета, путемъ акта законодательной власти можно создать въ одинъ мигъ новый идеальный порядокъ вещей, такъ чтобы сразу наступило идеальное совершенное состояніе человѣчества. Декреты и законодательные акты имѣютъ только воспитывающее значеніе. И надо, чтобы эта воспитательная ихъ роль была ясно признана. Они сами воспитываютъ, какъ источникъ новыхъ идей, новыхъ мотивовъ, но въ то же время и своимъ предметомъ они должны имѣть это воспитаніе. Они не должны задаваться цѣлью созданія окончательныхъ идеальныхъ учреждений, но цѣлью созданія такихъ формъ жизни, которыя воспитали бы людей для этихъ идеальныхъ учреждений. Когда подъ вліяніемъ этихъ формъ жизни общество получитъ новое воспитаніе, тогда родятся самопроизвольно и естественно, путемъ свободной творческой дѣятельности составляющихъ общество новыхъ идеальныхъ личностей, а не путемъ декрета правительственной власти, и новыя идеальныя учрежденія. Направляемая этикой и имѣя въ виду воспитательныя задачи, политическая дѣятельность получить то громадное плодотворное значеніе, которое она только можетъ пріобрѣсти. Истинная политическая наука, разорвавшая связь со всякими политическими иллюзіями, какъ бы привлекательными онѣ ни представлялись, и должна намъ указать и освѣтить пути этой новой политической дѣятельности.

Сознание тѣсной связи между политикой и педагогикой, съ другой стороны, проникаетъ и въ самую педагогику. И здѣсь все болѣе прокладываетъ себѣ мѣсто тотъ взглядъ, что исключительно только индивидуалистическая точка зрѣнія въ области воспитанія имѣетъ свою ограниченную цѣнность и должна быть въ концѣ-концовъ преодолѣна. Педагогика имѣетъ тенденцію все болѣе рѣшительнымъ образомъ стать соціальной педагогикой и все въ большей и большей

мѣрѣ проникается общественными элементами. „Понятіе соціальной педагогики“, говоритъ одинъ изъ видныхъ ея провозвѣстниковъ П. Наторпъ, „выражаетъ принципиальное признаніе того факта, что, какъ воспитаніе индивидуума во всѣхъ существенныхъ направленіяхъ обусловлено соціально, такъ, съ другой стороны, и преобразование соціальной жизни въ смыслѣ большей человѣчности основнымъ образомъ зависитъ отъ соотвѣтствующаго ему воспитанія тѣхъ индивидуумовъ, которые должны въ немъ принимать участіе“¹⁾.

Но, становясь соціальной, педагогика не перестанетъ себѣ ставить великую задачу освобожденія ребенка и вообще молодого поколѣнія для свободной творческой работы и жизни. Знамя свободы только еще пышнѣе и горделивѣе будетъ развиваться на ея фронтѣ. Верховною цѣлью педагогической дѣятельности соціальная педагогика, если только она пойдетъ по истинному, а не ложному пути, не перестанетъ ставить раскрѣпощеніе ребенка и вообще молодого поколѣнія путемъ тѣснаго сплетенія ихъ жизни и ихъ развитія съ формами раскрѣпощенной общественной жизни. Она указываетъ только на созданіе раскрѣпощенной общественной среды, какъ на то великое условіе, которое только и дастъ возможность каждой личности путемъ самовоспитанія стать личностью въ истинномъ смыслѣ этого слова—свободной, сознательной, самостоятельной, самобытной и вмѣстѣ съ этимъ наиболѣе глубоко и интенсивно чувствующей свое родство съ человѣчествомъ и въ освобожденіи всего челоуѣчества для безпрепятственнаго и плодотворнаго осуществленія той этической, педагогической и соціальной задачи, которая выпадаетъ на его долю, видящей высшую задачу своей собственной жизни. Путь общественной солидарности, путь тѣсныхъ интимныхъ общественныхъ связей, на великую роль и значеніе котораго въ дѣлѣ воспитанія указываетъ соціальная педагогика, будетъ также и великимъ путемъ къ свободѣ, къ той свободѣ, которая освободитъ личность отъ тяжелаго груза лежащихъ на ней внутреннихъ

¹⁾ Paul Natorp. Sozialpädagogik. Theorie der Willenserziehung auf der Grundlage der Gemeinschaft. Stuttgart, 1899, стр. 79.

и внѣшнихъ цѣпей и дать возможность пышно и богато развернуться индивидуальной жизни во всей ея могучей красотѣ, обезпечить ея непринужденный и ничѣмъ не стѣсняемый ростъ къ формамъ высшаго существованія. И социальная педагогика не боится этого могучаго роста великаго дерева индивидуальной жизни, потому что ясно и отчетливо сознаеть, что въ то время, какъ это дерево вырастаетъ только на почвѣ истинной солидарной общественной жизни, такъ и ростъ его ведетъ только къ развитію, укрѣпленію и расширенію истинныхъ формъ идеальной общественности, къ созданію тѣхъ высшихъ формъ соціальной связи, соціальнаго общенія, соціальной гармоніи, расширенной на все человѣчество, о которыхъ современный человѣкъ имѣеть только смутное предчувствіе.

На каждаго взрослого сознательнаго человѣка нашего времени, ставшаго твердо и крѣпко на свои собственные ноги, ложатся три великія задачи, надъ разрѣшеніемъ которыхъ онъ долженъ работать всю свою жизнь въ тѣсномъ солидарномъ союзѣ съ другими людьми. Освобожденіе ребенка или молодого поколѣнія, освобожденіе самого себя и освобожденіе общества—вотъ эти три великія задачи. И всѣ эти три задачи находятся въ тѣснѣйшей связи другъ съ другомъ и всѣ эти три задачи могутъ быть разрѣшены только одновременно, потому что разрѣшеніе каждой изъ нихъ предполагаетъ разрѣшеніе остальныхъ. Освободить ребенка можетъ только свободный взрослый человѣкъ и свободное общество. Пока взрослый человѣкъ—рабъ въ духовомъ, нравственномъ отношеніи и пока не существуетъ свободного общества, а есть общество принудительное, общество насильственное въ его разнообразныхъ видахъ, до тѣхъ поръ не можетъ быть свободенъ и ребенокъ. Ребенокъ не можетъ быть освобожденъ безъ посторонней помощи, но тѣ, кто его долженъ освободить, находятся въ цѣпяхъ. Какъ рабъ можетъ помочь другому сдѣлаться свободнымъ? Но, съ другой стороны, и взрослый человѣкъ и общество не станутъ свободными въ истинномъ смыслѣ этого слова ранѣе того времени, когда будетъ достигнуто освобожденіе ребенка. Изъ ребенка, воспитаннаго подъ игомъ принужденія и насилія,

какія бы скрытыя формы оно ни носило, можетъ выйти только рабъ, а общество, въ которомъ преобладающимъ элементомъ являются рабы, не можетъ быть свободнымъ обществомъ. Гдѣ же выходъ изъ этого заколдованнаго круга? Выходъ только одинъ, выходъ въ томъ, чтобы всѣ три поставленныя задачи разрѣшать одновременно. Взрослое поколѣніе должно работать надъ своимъ нравственнымъ самоосвобожденіемъ и одновременно съ этимъ надъ освобожденіемъ молодого поколѣнія и надъ освобожденіемъ общества. Оно должно слить всѣ эти три работы въ одной гармонической работѣ, и въ какой мѣрѣ это ему удастся, въ такой мѣрѣ ему удастся достигнуть и практическаго разрѣшенія тѣхъ проблемъ, надъ теоретическимъ разрѣшеніемъ которыхъ работаютъ этика, педагогика и политика.

Симптомы, указывающіе на то, что упомянутыя выше задачи, стоящія передъ каждою сознательною личностью, начинаютъ сливаться и въ скоромъ времени будутъ слиты тѣсно и неразрывно другъ съ другомъ, мы видимъ въ народненіи соціальной педагогики и соціально-педагогическихъ стремленій. Эти соціально-педагогическія стремленія, вдохновляемыя высшимъ этическимъ идеаломъ, эта соціальная педагогика, стоящая въ тѣсной и неразрывной связи съ истинной научной этикой, служатъ намъ ручательствомъ того, что недалеко то время когда человѣку удастся устранить конфликты между этической, педагогической и политической дѣятельностью и слить ихъ въ одну гармоническую, чуждую всякихъ противорѣчій, единую и нераздѣльную дѣятельность.

ОГЛАВЛЕНИЕ I-го тома.

	<i>Стр.</i>
Предисловіе	1
I. Мораль жизни и свободного идеала	18—102
1. Образъ жизни человѣчества, какъ опредѣляющій факторъ въ построеніи системъ нравственности.	18
2. Необходимость дать мѣсто въ области морали на ряду съ наукой свободной метафизической ги- потезѣ.	29
3. Общія основанія „морали жизни“ Гюйо	32
4. Принципъ „плодородія жизни“ у Гюйо	37
5. Эквиваленты нравственной обязанности въ теоріи морали Гюйо	41
6. Вопросъ о самоотверженіи въ теоріи морали Гюйо.	45
7. Роль свободной метафизической гипотезы въ обла- сти нравственности согласно Гюйо.	51
8. Индивидуалистическій характеръ теоріи морали Гюйо. Необходимость восполнить ее болѣе ши- рокой точкой зрѣнія	57
9. Имѣетъ ли развитіе разума тенденцію къ уничто- женію нравственныхъ стремленій?	67
10. Роль инстинкта и разума въ области нравственно- сти. Нравственность органическая и нравствен- ность свободная, сознательная	72
11. Расширеніе теоріи Гюйо о плодородіи жизни.	82
12. Дополненія, которыхъ требуютъ установленныя Гюйо эквиваленты нравственной обязанности.	88
13. Дополненія, которыхъ требуетъ теорія Гюйо по во- просу о самоотверженіи	94
II. Формула развитія жизни.	103—243
Вступленіе.	103
1. Критика теоріи эволюціи Герберта Спенсера	107
2. Формула развитія Фехнера - Петцольдта и кри- тика ея	129
3. Теорія эволюціи идей—силъ Альфреда Фулье	150

	<i>Стр.</i>
4. Значеніє внутренняго опыта въ области познанія.	160
5. Что слѣдуетъ понимать подъ точкой зрѣнія цѣль- наго чистаго опыта жизни?	173
6. Формула развитія съ точки зрѣнія внутренняго опыта.	185
7. Формула развитія съ точки зрѣнія внѣшняго опыта.	209
8. Синтезъ полученныхъ результатовъ.	219
III. О высшемъ принципѣ нравственности	244—317
1. Природа воли, понятіе цѣли, естественный про- цессъ развитія воли. Какъ отсюда выводится принципъ гармоніи цѣлей?	244
2. Психологическія условія, дѣлающія возможнымъ нравственное поведеніе. Отношеніе между исти- ной, красотой и нравственностью	263
3. Что является основаніемъ для нравственной оцѣнки?	281
4. Отношеніе „этики гармоніи цѣлей“ къ гедонизму, утилитаризму, морали благополучія, этикѣ кате- горическаго императива, эволюціонной этикѣ и „морали жизни“ Гюйо	286
5. Расширеніе системы цѣлей, какъ процессъ, необхо- димо обусловливаемый природой самой воли	312
IV. Общій очеркъ ученія о нравственности	318—369
1. Краткій обзоръ результатовъ, полученныхъ въ статьѣ „О высшемъ принципѣ нравственности“.	318
2. Ученіе о цѣляхъ жизни	322
3. Ученіе о добродѣтеляхъ	329
4. Ученіе о нравственныхъ благахъ.	343
5. О мотивахъ нравственныхъ дѣйствій	348
6. О препятствіяхъ на пути къ осуществленію прин- ципа гармоніи цѣлей	356
7. Индивидуализація, какъ одна изъ характерныхъ чертъ нравственнаго развитія. Заключение	365
V. Гармонія и нравственная свобода.	370—388
1. Основныя черты нравственнаго идеала	370
2. Принципъ гармоніи	372
3. Принципъ свободы.	375
4. Взаимная обусловленность обоихъ принциповъ	380

ОГЛАВЛЕНИЕ II-го тома.

	<i>Стр.</i>
I. Основные задачи нравственного воспитанія . . .	389—436
1. Краткое опредѣленіе понятія нравственности. Вытекающая изъ этого опредѣленія общая задача нравственного воспитанія	389
2. Развитіе творческой воли въ ребенкѣ	394
3. Классификація цѣлей человѣческой жизни	406
4. Развитіе чувства нравственной любви	422
5. Значеніе эмоциональной и волевой сторонъ нашей психической жизни въ развитіи чувства нравственной любви.	429
II. Нужно ли обучать дѣтей нравственности? . . .	437—446
III. Среда какъ факторъ нравственного воспитанія .	447—538
Вступленіе	447
1. Важное значеніе внѣшнихъ впечатлѣній въ виду вліянія, оказываемаго ими на волю	450
2. Что слѣдуетъ понимать подъ средою	452
3. Характеристика процесса нравственного развитія личности.	454
4. Характерныя особенности воли какъ психологическаго факта.	468
5. Значеніе среды въ процессѣ развитія воли. Значеніе природы въ процессѣ расширенія цѣлей, ставимыхъ человѣческою волею.	478
6. Психическое взаимодействіе и тѣ результаты, къ которымъ оно приводитъ	491
7. Характеристика среды, наиболѣе благопріятной для нравственного развитія ребенка	509
8. Задачи, стоящія передъ воспитателемъ въ виду факта вліянія среды на нравственное развитіе ребенка. Связь педагогики съ соціологіей	529
IV. Къ вопросу о нравственномъ самовоспитаніи . .	539—565
V. Нравственное воспитаніе и свобода	566—572

VI. Принципъ авторитета и его значеніе въ жизни и воспитаніи	573—611
Вступленіе	573
1. Оцѣнка принципа авторитета съ этической точки зрѣнія	575
2. Оцѣнка принципа авторитета съ философской точки зрѣнія	579
3. Оцѣнка принципа авторитета съ соціологической точки зрѣнія	586
4. Нормальныя отношенія дѣтей и воспитателей	593
VII. Въ чемъ основа воспитанія и образованія (По поводу статьи Л. Н. Толстого „О воспитаніи“).	612—631
VIII. Этика, педагогика и политика	632—662
Вступленіе	632
1. Общая характеристика нравственной дѣятельности. Основная проблема этики	633
2. Общая характеристика педагогической дѣятельности. Основная проблема педагогики	640
3. Общая характеристика политической дѣятельности. Основная проблема политики	645
4. Взаимное отношеніе, существующее между этической, педагогической и политической дѣятельностями	653

Замѣченныя опечатки.

Въ I-мъ томѣ:

<i>Страница:</i>	<i>Строка:</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Слѣдуетъ читать:</i>	
4	13	сверху	увлеченій	увлеченій
23	16	снизу	беспрестанныхъ	беспрестанныхъ
45	1	„	раза	взгляда
105	14	„	принципа, жизни	принципа жизни
114	12	сверху	олько	только
213	2	снизу	9. T. Fechner	G. T. Fechner
256	15	„	увлеченій	увлеченій
280	19	„	въ которой	которой
288	12	„	отдѣльной, личности	отдѣльной личности
311	13	„	ни менѣе какъ,	ни менѣе, какъ
321	1	сверху	нашими	низшими
323	18	снизу	но какъ	но, какъ
328	6	„	лежащихся	лежащихся
332	13	„	образомъ	образомъ
382	11	„	міромъ между	міромъ, между

Во II-мъ томѣ:

397	14	сверху	критикъ, въ	критикъ, а въ
413	17	„	психической	психологической
430	3	„	отчетъ, въ томъ	отчетъ въ томъ
452	4	„	имѣемъ	имѣеть
462	15	снизу	жизни	жизни,
478	18	сверху	наоборотъ	наоборотъ,
483	6	„	имѣютъ	имѣютъ,
504	1	снизу	въ жизни	въ жизни
509	19	сверху	обусловливаютъ	обусловливаютъ
518	16	снизу	первобытныя	первобытныя
556	13	„	почти	почти
589	13	„	которому какъ	которому, какъ
634	12	„	наиболѣе	наибольшую
636	3	„	рхаак-	харак-
649	13	сверху	основной	основой
657	4	„	неоткрытую	неоткрытую,
